

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средѣ и
Субботамъ.

№ 27.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 4 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Куда какъ чуденъ созданъ Свѣтъ:
Пофилософствуй — умъ вскружится!
Грибогдовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НѢТЪ ДРУЗЕЙ.

Другъ, другой я!.. По чести, меня бѣситъ имя *друга*, и я охотно вычеркнулъ бы его изъ словаря, если бы это опъ меня завистло. Подъ личиною дружбы плушты скрываютъ вѣроломнѣйшія предательства. Повѣрьте мнѣ спарику, не сполько надобно остерегаться враговъ, сколько друзей.

Я не говорю о застольныхъ пріятеляхъ, о каршочныхъ доброхотахъ, о шѣхъ, коихъ все искусство состоитъ въ томъ, чпобы вѣчно принимать гостей, навязываться на дружбу и просить; о сихъ людяхъ тонкихъ, любезныхъ, предупредительныхъ, копорые ходятъ на пальчикахъ; у копорыхъ спинная кость опъ природы получила необыкновенную пружинность и готова всегда гнуться; копорые всегда улыбаются и всякому подлаживаютъ; коихъ ремесло—хвалишь другихъ кшапи и некшапи, и воскурятъ еиміамъ предъ своими кумирами, пресыщающимися сладкою оправою лести, раболѣпства, подобострастія. Они друзья вамъ до шѣхъ поръ, пока вы чшонибудь значите; пока черезъ васъ можно чшонибудь выхлопашъ, чего нибудь докланяться.

Не о сихъ вырождахъ здѣсь идетъ дѣло. Но исключительно о друзьяхъ истинныхъ, въ

лучшемъ смыслѣ сего слова; о друзьяхъ, копорые имѣютъ нешапкую нравственность и попому свободно, пвердо дѣйствуютъ; о друзьяхъ, копорые безумолчно проповѣдываютъ вамъ истину съ усердіемъ, похожимъ на бѣшенство; терзаютъ васъ безпрестанно укоризнами и укалываютъ сердце суровою взыскательностью изъ нѣжной къ вамъ привязанности.

Вотъ истинно-ненавидимый, раздражительный разрядъ друзей; я боюсь ихъ объятий—они изъ дружбы въ состояніи задушить меня; боюсь поцѣлуевъ ихъ — они могутъ укусить до крови.

Въ самомъ дѣлѣ, осмѣльшесь опъ ума или опъ бездѣля зашѣпашъ чшо нибудь самое невинное, какое нибудь дурачество, какую нибудь забаву для развлечения себя!—Друзья ваши пошчасъ наморщатся, выдутъ изъ себя и начнутъ вамъ низать безконечную нить морали, копорая гораздо длиннѣе чѣпнокъ снарой богомолки, дремлющей въ своей моленной.

Не думайте, чшо другъ приправитъ брань свою остроумными шутками, смягчитъ черствый укоръ нѣжными выраженіями, какъ подслащиваютъ лѣкарство, какъ золопятъ пилюли. Его увѣщанія черствы: они возмущаютъ душу; самая правда, сказанная языкомъ прачки, вооружаетъ противъ себя; са-

мая искренность производить пошному и напоминает полкучий рынокъ. О, бесѣда друга, настоящій рвотный порошокъ!

Другъ, искренній другъ, я говорю отъ сердца и души, безкорыстный, способный къ пожертвованіямъ и истинному мужеству, даже въ минушу вашей опасности, когда онъ долженъ спѣшить вытащить васъ изъ воды, выхватить изъ пламени, поднять и поспавить на ноги, — хватаетъ васъ по драгунски суровою рукою, накидываетъ тяжелую цѣпь на шею и шанетъ васъ къ берегу, какъ капоржнаго.

Онъ ухаживаетъ около вашей персоны, какъ палачъ, готовый всякую минушу пытать васъ дружескими клѣщами, сверчивая въ веревкою голову, поднимаетъ на дыбу. Искренность его спановился—дубиною, бичемъ; доброхотство—неисповствомъ. Такихъ людей, спраждающихъ горячкою чувствительности, надобно держать на привязи; ибо излишняя заботливостъ о сохраненіи чести ихъ друга, кладетъ на всѣ ихъ поступки печать варварства, безчеловѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, этошъ родъ желѣзныхъ людей производить опвращеніе отъ самой добродѣтели, и нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ позволить шашить себя по острымъ кремнямъ, коими они усыпаютъ путь жизни и насильно влекутъ по немъ къ верховному благу людей, часно недоспойныхъ, ихъ, на ненавистъ похожаго, благоволенія.

Третій разрядъ друзей—естъ самозванцы; онъ содержитъ въ себѣ всеніжайшихъ угодниковъ, копорые хохочутъ вовсе горло, видя, что вы улыбнулись; щекопятъ щеславіе; приходяшъ въ восторгъ отъ вашей радости; плачутъ, если вы нахмурились и умираютъ отъ вашей болѣзни. Съ другомъ этого разбора я всегда уменъ, чувствительнень, правъ: я перекрестился, а онъ уже спойтъ на колѣняхъ передъ Образомъ, готовъ поспричься въ монахи. Каждому слову вашему онъ даетъ выгодный толкъ; напередъ угадываетъ ваши намѣренія; ваша воля для него законъ. Вы кушаете, онъ изъ дружбы къ вамъ обжирается; вы дремлете, онъ храпитъ.

Короче, другъ-самозванецъ окружаетъ васъ волшебною атмосферою счастья и спокой-

ствія; онъ сливается съ вами, дѣлается вашимъ двойникомъ, пѣнью. Это ваша опора, сила, геній, душа. Онъ услужливо несетъ на себѣ ярмо вашихъ прихотей, дѣйствуетъ и говоритъ за васъ, управляетъ вашими слугами, удаляетъ отъ васъ докучныхъ пріятелей, словомъ: беретъ на себя трудности матеріальнаго бытія вашего, оставляя вамъ только пріятную часть онаго: сладоспное бездѣйствіе, сонъ, мечты, лѣнь; мягкіе пуховики, на копорыхъ вьнешъ добрая слава, но цвѣтущъ удовольствія. Можно ли, не оскорбляя свѣпанаго сего имени, назвать шакого человекъ другомъ?

..... И такъ рѣшиительно повпорю вамъ: нѣтъ друзей.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА.

Отъ Нарвы панорама для глазъ путешественника совершенно перемѣняется: жилища, одежда, языкъ, даже физиономія лицъ, все другое, не Русское; словомъ, здѣсь начинается древняя Ливонія. Одежду Эстонцевъ составляетъ, бурый кафтанъ, застегнутый кругленькими оловяными пуговичками и подпоясанный ремнемъ, а обувь башмаки изъ сырой кожи, ремнемъ, на подобіе Греческихъ сандалій, къ ногъ прикрѣпленные; они безъ подошвы.—Деревень по большой дорогѣ все нѣтъ, но верстѣ 6, 7 или 8 въ сторону, и шо разбросаны, гдѣ одна, гдѣ двѣ избы; за шо прекрасныя каменные корчмы съ нѣсколькими отдѣленіями жилыхъ покоевъ и просторными сараями—встрѣчаются чрезъ каждыя двѣ версты.—Избы Эстонцевъ, похожія наружношью на Русское гумно, раздѣляются на двѣ половины; въ одной молотятъ хлѣбъ, а въ другой живутъ сами, вмѣстѣ съ домашними живошными и птицами; одно только опверстіе въ спѣвѣ слушаютъ для выпусканія дыму. Въ избахъ шакъ щемшо, что лучина не погасаетъ во весь день.—Хлѣба они очень мало употребляютъ,

но бросаютъ въ большой котелъ капусту, горохъ, картофель и муку, все это варятъ вмѣстѣ и этакъ чудный *винегретъ* служатъ имъ пищею. Вообще Эспонцы чрезвычайно закоренѣлы въ предразсудкахъ и нечислоплошны въ своемъ домашнемъ бытѣ. Если бы когонибудь изъ Петербургскихъ домо-сѣдовъ, не бывшихъ нигдѣ далѣе Парголова, по мановенію какойнибудь Волшебницы, перенесли вдругъ въ хижину Эспонца: то онъ скорѣе бы подумалъ, что находится въ Адскомъ вертепѣ, нежели въ жилищѣ человѣческомъ. Не думайте однакоже, что въ причину этого была ихъ бѣдность; напротивъ. Мнѣ говорили, что одинъ добрый Помѣщикъ, пекущійся о благѣ своихъ крестьянъ, вздумалъ было въ избахъ сдѣлать шрубы и окна; что же бы вы думали: крестьяне были этимъ довольны? Эти дикари сломали шрубы, задѣлали окна и начали поспарому копѣться въ дыму и сажѣ!—Здѣсь все не понимаютъ Русскаго языка и на всѣ вопросы Эспонецъ только вамъ отвѣчаетъ: *Эйлойста, Эйлойста* (не знаю!) и потому мы должны были составить словарь Чухонскаго языка и небольшіе разговоры: о цѣнѣ овса, сѣна, говядины, и проч. и проч.; ихъ имѣлъ при себѣ почти каждый Офицеръ.

Послѣ курныхъ, нечислныхъ Эспонскихъ жилищъ, съ какимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ вступили мы въ прекрасное село *Черную деревню*, населенное Русскими. Эта деревня, между Чухонскими разбросанными лачугами—подобно *оазису* среди песчаныхъ Аравійскихъ степей, являлась взорамъ путешественника. *Черная деревня* лежитъ на самомъ берегу *Чудскаго озера*, и такъ какъ она окружена одними песками и болопами, то мужики вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ; единственный ихъ промыселъ—рыбная ловля; часть оной отправляютъ они въ Петербургъ, а другую промѣниваютъ Чухонцамъ на хлѣбъ и водку.

До сихъ поръ погода намъ благопріятствуетъ, морозовъ почти вовсе нѣтъ и мы идемъ, такъ сказать, припѣваячи; но прешьяго дня сдѣлалась оттепель, наконецъ пошелъ сильный дождь, кошорый мо-

чить насъ, вопъ уже впорые сучки; онъ эпаго савная дорога очена попорпилась.—Болѣе писать не успѣваю; завтра въ 6 часовъ мы выступаемъ. Прощайте до Дерпта; чрезъ три дня мы увидимъ сей городъ, славный своимъ Университетомъ.

Н. Л — вь.

С. Черная деревня.

29 Января

1831 года.

ПУСТЫННИКЪ.

(Отрывокъ изъ романа *Ев. Шапоу*, подъ названіемъ: *Пригуды*). (*)

Я посѣтилъ прекрасныя Восточныя области Америки, гдѣ природа, будучи гораздо необозримѣе въ своихъ размѣрахъ, разнообразнѣе въ произведеніяхъ, казалось, сама себя превзошла въ день мірозданія. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ разсматривалъ я страны, еще дикія, куда немногимъ Европейцамъ удалось проникнуть. Увлеченный непреодолимою прелестью, часто бродилъ я, куда глаза глядятъ и, послѣ долгаго странствія, возвращался въ городъ. Въ одно ясное Сентябрьское утро, слѣдуя по направленію волшебной цѣпи холмовъ, примыкающей одною оконечностью къ Океану, а другою перляющей среди Кордельерскихъ горъ, я забылъ, что уже болѣе 4 миль отдѣляли меня отъ моего жилища. Чтобы сократить обратный путь, я избралъ дорогу по роскошнымъ долинамъ и, чрезъ sereneвыя рощи, прошелъ уже довольное разстояние, какъ гора заслонила мнѣ путь. Чрезвычайная усталость принуждала меня отказаться отъ предпріятія, взойти на вершину сей горы; но я упѣшался надеждою, что достигнувъ гребня, съ избыткомъ вознагражу себя неизмѣримымъ видомъ окрестностей. Достигнувъ вершины, я съ жадностью искалъ глазами открытаго пространства. . . . Мнѣ представился небольшой крестъ; подлѣ не-

(*) Чрезвычайно занимательныя свѣтскія сцены, характеры, вѣрною кистію обрисованные, слогъ правильный и легкій составляютъ достоинство сего новаго романа и общаются ему большой успѣхъ. С.

го сидѣлъ человѣкъ въ размышленіи; недалеко опшуда сквозь чащу деревьевъ проглядывалъ фасадъ романической хижины. Я подошелъ къ незнакомцу! . . . Онъ былъ молодъ, но на лицѣ его глубокими чертами изображалась печаль. . . . Я спросилъ у него, гдѣ могу пройпи въ ближайшій городъ; онъ указалъ мнѣ дорогу.— Чья эшо хижина? спросилъ я . . . «Моя». . . А эша могила? — «Эша могила,» возразилъ онъ . . . и лице его сдѣлалось еще блѣднѣе, на глазахъ заблнспали слезы. . . «Чужемець! Если ты хочешь знать, чей прахъ здѣсь покоится, шо не спрашивай меня, когда душа швоя спокойна; пригошовься, я удовлешворю швоему любопытшству. . . .

«Желаніе пріобрѣсть богатштво рѣшило родителей юной Эльвиры оставивъ опечештво и поселишсь въ опдаленныхъ спранахъ Новаго свѣта. Эльвира была прекрасна: просша, какъ природа, спройна, какъ Сильфида; въ черныхъ глазахъ сіяла вся душа ея, и волосы легкими кудрями падали на плеча, коимъ позавидовали бы сами Граціи. Она была предметомъ удивленія для спушниковъ. На помъ же корабль находился молодой Офицеръ, по имени Діего; онъ опсправлялся въ свой полкъ, назначенный для усмиренія мяшежниковъ. Діего былъ пораженъ красотою Эльвиры; онъ полюбилъ ее . . . и съ первой минушты чувство сіе безпрешпанно занимало его. Онъ, имѣвъ случай сблизись съ ея семейшвомъ, просилъ руки ея, кошо-рая ему обѣщана.

«Спустя мѣсяць, корабль присталъ въ Акапулько. Донъ Франциско, дядя Діего, командовавшій Гарнизономъ, одобрилъ выборъ племянника; но шребовалъ опложить брачный союзъ, пока молодой Прапорщикъ дослужишся до высшаго военнаго чина. Мысль эша взяла верхъ. . . . Эльвира и Діего рѣшились принести сію жершву. Полкъ получилъ приказъ вышнупить въ походъ.

«Наспунилъ грозный часъ разлуки и любовники должны были проснншсь. . . . Діего, сказала Эльвира, ты меня оставлешь, можешь бышь навсегда! не удаляйся, милый Діего! не оставляй меня, другъ мой.—Разсѣй свои опасенія, говорилъ молодой человѣкъ,

я хочу побѣдить, а не умереть! я скоро возвращусь къ тебѣ.

«Онъ уѣхалъ, и въ печеніи прехъ лѣшъ быспро переходилъ изъ чина въ чинъ. При каждомъ производшвѣ его Эльвира предавалась неумѣренной радости. Прибывшій въ одинъ день курьеръ подаль письмо опцу Эльвиры. . . . дочь наблюдаетъ чершты лица его. . . Онъ измѣнились, сколько онъ ни спарался удерживать внушренное волненіе. Эльвира испуштила вопль опчаянія. . . Бапюшка, ради Бога, скажите, какую вѣспъ принесло эшо письмо. — Дочь моя . . . Діего умеръ въ объятіяхъ побѣды. . . При сихъ словахъ Эльвира упала въ обморокъ; когда же опкрыла глаза, лишилась разсудка. . . . Увы! извѣстіе сіе было ложно. Дядя Діего, послѣ упорнаго сраженія, не видя его, дѣлалъ многіе поиски, копорые оставались безъ успѣха; онъ полагалъ, что молодой человѣкъ погибъ въ бою, происходившемъ на берегахъ озера и брошенъ въ волны. Но черезъ полгода, Діего освободясь изъ плѣна непріятелей, явился къ командиру; тогда-шо узналъ онъ опъ своего дяди о всемъ случившемся во время его плѣна.

«Я вспрѣшилъ Эльвиру, говорилъ Діего, въ послѣдній разъ въ Акапулько и подошелъ къ ней:—видѣли ли вы моего милаго Діего? спросила она. — Діего! онъ счастливъ, а я несчастна! Нѣшъ эшо невозможно; я такъ его много любила! — Но я знаю, что онъ умеръ. — Да, онъ уѣхалъ, навсегда уѣхалъ. . . и при сихъ словахъ слезы рѣкою полились изъ глазъ ея. — Пойдемъ, милая Эльвира!, я провожу тебя къ мапери, она ждетъ тебя.—Мапъ моя. . . . Ахъ! вы шупите надо мною, сказала она, ее нѣшъ въ живыхъ. . . . Я взялъ ее за пылающія руки; она смошрѣла на меня неподвижно; потомъ запрепешада; на лицѣ ея выступилъ холодный потъ; я спрашивалъ ее, она не опвѣчала ни слова; ноги ея подкосились и она на рукахъ моихъ прешавилась. Я приказалъ опнести ее къ несчастнымъ родителямъ; они вскорѣ потомъ оставили сей злополучный край.

«Эша хижина, прибавилъ незнакомецъ, гдѣ я живу, прежде была ея жилищемъ! Вспъ

вамъ исторія сей могилы. Эльвира была прекрасна, молода, а теперь, она здѣсь, въ сырой землѣ. . . . Подобно блѣдной *дикой* розѣ, поутру развернувшейся и опъ дуновенія вѣтерка поблѣкнувшей, она исчезла на зарѣ жизни. . . . Чужеземецъ, если ты когда нибудь любишь, если сердце твое посреди надежды и упоенія, когда нибудь шерзалось внезапною утратою: то почпи слезою бранные ошпаки, которые покрываютъ сей надгробный камень.»

— При сихъ словахъ незнакомецъ меня оставилъ; я возвратился въ Акапулько, сильно распроганный симъ приключеніемъ, о которомъ я шопчасъ рассказалъ. . . — А! подхватилъ мой слушатель, вы видѣли спрадальца Діего; съ нимъ говорили вы, онъ оплакиваетъ Эльвиру и всѣмъ жителямъ окрестныхъ мѣстъ извѣстенъ подь именемъ *пустынника*.

МОЯ ТЕТКА МАРГАРИТА.

Тетка моя, не красавица; черпты ея, взятныя порознь, хопя несовѣтъ правильны, однакожь въ цѣломъ не прошивны; ея темнорусые волосы съ довольно высокаго чела падаютъ длинными локонами въ природной простотѣ, на ея щеки, выказывая блѣдность ихъ; носъ у нее длинный, ротъ большой, но зубы прекрасные; большіе голубые глаза, задернутые шускомъ, безъ выраженія, возбуждаютъ тягостное чувство, котораго самая тонкая и умная улыбка не можетъ изгладить.

При первой встрѣчѣ съ моею теткою, вы найдете, что все существо ея облачено уныніемъ; она молода, но увядшее лице ея носитъ на себѣ печать скорби; она довольно высокаго роста, нѣсколько сухощавая; не имѣетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ небольшой слабости, наружнаго признака душевной болѣзни. Но чѣмъ болѣе въ нее всматриваетесь, тѣмъ болѣе привыкаете ее видѣть: вы невольно берете въ ней участіе; она дурна собою; и при всемъ томъ чувствуете къ ней какое-то непреодолимое влеченіе. Ея мечтательный видъ, наклоненная голова, робкія движенія, невѣрная послушность; ея

прекрасная рука, ищущая опоры, спройная нога, тихо и робко спускающаяся по паркету, все въ эпоху молодой дѣвицы прогаешъ, возбуждаетъ чувство; особенно звуки ея голоса производятъ неизгладимое впечатлѣніе, голоса чистаго, звучнаго и пріятнаго; они исходятъ опъ души и говорятъ душѣ. Слушая ее, видя, какъ лице ея оживаетъ, щеки покрываются легкимъ румянцемъ, вы съ удивленіемъ замѣчаете, что одни только зрачки большихъ голубыхъ глазъ ея неподвижны, безъ выраженія; вы сожалѣете о томъ, для чего быстрой взоръ не оживаетъ ихъ; онъ придалъ бы имъ новую прелесть; вы выпускаете внезапный вопль, вамъ опъвѣчаетъ прискорбный вздохъ моей тетки. . . . Она слѣпа! . . . Она лишилась зрѣнія на 17 году опъ рожденія; 12 лѣтъ уже находится она въ семъ состояніи. Наканунѣ свадьбы, когда она должна была услышать опѣтъ своего возлюбленнаго—вѣчно любящаго ее; посреди бала, украшеннаго вѣнкомъ, въ упоеніи счастья и радости, тетка моя вдругъ лишилась зрѣнія! . . . . Вопль, испоргнутый горестію и ужасомъ, обратилъ не нее общее вниманіе: блѣдная, препенущая, посреди окружающихъ ее родныхъ и друзей, она закрываетъ глаза опъпенѣвшею рукою, опнимаетъ ее опять, опкрываетъ глаза и снова закрываетъ ихъ, обращается во всѣ стороны. . . о горе! она не видитъ ни обнимающей ее матери, ни жениха; повергшись къ ногамъ матери, шщепно ищетъ ангельскаго ея взора; не видитъ бабки своей, проливающей надъ нею слезы; не видитъ ничего: блескъ свѣчей, цвѣшты, пышный и легкій нарядъ ея, черпты любезныхъ ей особъ, все исчезло; напрасно свѣптъ поражаетъ глаза ея: для нихъ все покрыто непроницаемымъ мракомъ. . . .

На другой день тетка моя въ обхожденіи жениха замѣтила уже менѣе желаній, счастья и любви; имѣла довольно швердости къ перенесенію сей переменны, она рѣшилась на все. Укрѣпленная истинною вѣрою и готовая къ самоопроверженію, она осушила слезы, и опомъ пошребовала чашнаго объясненія съ своимъ женихомъ. «Я не хочу быть несправедливою, сказала она своему любезному, моя слѣпота разлучаетъ насъ навсегда; я

не осуждаю васъ раздѣлять жизнь съ дурною и слѣпою женою, отдаю назадъ ваше слово; распанемся; наслаждайтесь одни счастьемъ, копорого я вамъ не могу доставить; образъ вашъ всегда будетъ милъ сердцу моему; но шеперь все кончилось между нами.»

Не знаю, что отвѣчалъ ей женихъ; но съ тѣхъ поръ онъ пересталъ ходить къ ней, и если шепка моя не плачетъ, по крайней мѣрѣ, характеръ ея изъ веселаго сдѣлался меланхолическимъ.

Слѣпая шепка моя не можетъ предаваться прежнимъ занятіямъ, копорыя сокращали ея время; часто сидитъ она въ бездѣйствіи, сложа руки на нѣжномъ и спрашномъ сердцѣ; изъ всѣхъ прежнихъ привычекъ ея сохранилась одна только, и поддерживается не пустою суешностію а единственно желаніемъ быть полезною въ обществѣ.

Еще будучи въ дѣтствѣ, шепка моя выдумывала сказки, копорыми она удивляла подругъ своихъ; послѣ того, оспавъ Фей и Духовъ, она изобрѣтала занимательныя повѣсти, а шеперь, внимательно вслушиваясь въ самые простые рассказы, собирая малѣйшія подробности, дополняя слышанное, съ помощію своего живаго и богащаго воображенія, она изъ самыхъ обыкновенныхъ приключеній, составляетъ цѣлые романы. Вечеру, когда подадутъ огонь, шепка моя сперва садится въ опдаленный уголъ залы, какою удастся ей найши; но скоро нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, предпочитая крошкое общество ея, шумной бесѣдъ, происходящей на первомъ планѣ залы, окружаютъ ее. Тронутая симъ вниманіемъ, шепка моя преудрежда желаніе и просьбы молодыхъ подругъ своихъ, начинаетъ свой длинный и занимательный рассказъ, въ продолженіе коего, слушательницы едва смѣютъ переводить духъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГЕНРИЕТТЪ ЗОНТАГЪ.

Еще я слышу сладостные звуки,
Я помню твоей пльнишельный напитокъ:
То говоръ друга въ часъ разлуки,

То хоры Олимпійскихъ дѣвъ. . . .
То пѣсня сельская простая,
То гимнъ спрадалца въ часъ борьбы,
То гласъ паннственной судьбы,
То вдругъ молитва неземная. . . .
Все голосъ твой мнѣ дивно передалъ:
И думалъ я, тебѣ внимая,
Не пѣсь-ли Ангеловъ была твой идеалъ? . . .
Карлгофъ.

ОССИАНОВА ЛИРА.

Черпнется сосна надъ темемъ скалы,
На соснѣ шой лира злапая виситъ;
Крутую скалу опѣпяютъ валы,
Пустыня безмолвна и лира молчитъ.

Когда же громовая туча нагрѣетъ,
И молнія яркой зміею блеснетъ,
И буря завоюетъ, и море возстанетъ, —
Та лира печальный аккордъ издаетъ.

И грозныя тѣни парятъ въ вышннхъ:
Въ сіяющихъ броняхъ, при блѣдной лунѣ,
Спускаются къ соснѣ, спановятся въ строй,
И лира звучитъ имъ съ полночной грозой.

О чемъ же звучитъ? — О родинѣ милой,
Гдѣ камень положенъ надъ храбрыхъ могилой,
Гдѣ все опустыло, лишь въшерь порой
Вздыхаетъ, играя съ могиальной правой.

Но бурное море сномъ мирнымъ заснетъ,
И лира замолкнетъ съ полночной грозой;
Надъ сплщцею бездной царь неба взойдетъ,
И сосну освѣтитъ надъ голой скалой.

Гдѣ-жъ грозныя тѣни? — Въ чертогахъ эмира;
Въ непльнныхъ вѣщахъ шамъ ликуютъ онъ,
Но помнятъ скалу, гдѣ знакомая лира
Звучитъ имъ грозу о родной споронѣ.

Трилуныгъ.

Ш А Р А Д А.

Несчастье спрашное для всѣхъ

При *первомъ* только оставашься,
И льбомъ мало съ нимъ утѣхъ,

Кудажъ зимой съ нимъ показашься?

Второй хопя и загудитъ,

Да все шаки не заморозитъ:

Въ другомъ же смыслѣ, удружитъ

И часто изъ бѣды вывозитъ.

Но *цѣло* мое всегда

Охотникамъ сидѣть — ошрада;

Хопь и бываетъ иногда

Большая опъ него досада.

До споровъ часно онъ ведетъ,

И пользы много доставляетъ;

Инымъ — богатства придаетъ

Другихъ — послѣдняго лишаетъ.

В. Шелиховъ.

Въ No 26 помѣщенная шарада значить: *Vol-age*.

М О Д Е С.

En satin.—Jupe ouverte, les devans doublés de satin pareil sont retroussés et arrêtés par le haut. — Ils ne doivent pas être fixés sur la jupe comme un revers, mais ils sont simplement attachés du bas. — Tout autour, et dans la longueur, une petite blonde haute d'un doigt. — Corsage décolété, plat dans le dos. — Devant il est très-ouvert, fait le châle en continuant. — Une petite blonde. — Les manches sont longues avec les hauts en deux bouffans. — Le premier comme une manche courte; le second, moindre. — Ces robes se portent avec une jupe de dessous, soit en satin, si l'on est assez habillée; soit en mousseline sur le satin, si la toilette est plus-négligée.

Les broderies d'argent et d'or au-dessus de l'ourlet peuvent être fort parées, et conviennent également à une toilette de bal. — Trois bandes de largeur graduée. — Broderies, ou chefe rapportés.

Ensemble de toilette. — Négligé. — Une redingote de toile de Smyrne, fond blanc, à dessins chinois, vert émeraude. — Corsage froncé, pélerine pareille. — Collette de mousseline à plis et tuyaux. — Cravate de gros de Naples, à carreaux lilas et noirs. — Tabliers de gros de Naples noir, bordé d'une petite blonde. — Bonnet de dentelle à deux rangs de garnitures, un nœud

de ruban lilas posé devant, un peu de côté sur la forme, derrière les garnitures. — Des mitaines de Suède.

Une robe de velours violet, jupe unie. — Corsage décolété, plat. — Fermé devant. — Manches longues. — Une ceinture de satin brochée fermée par une boucle d'or mais. — Très-large. — Petit chapeau de crêpe rose, relevé d'un côté, deux plumes blanches. — Façon de *madame Thomas*.

Parfumerie. — *Saissy, rue de Richelieu, n° 62*. A la pâte de Saissy, qui blanchit merveilleusement les mains et à l'*Huile florale*, que *la Mode* a déjà recommandée, Il faut ajouter les noms de quelques autres produits nouveaux, qui ne méritent pas une moindre attention; les plus élégans magasins de parfumeurs, n'offraient encore que des poudres tartrées, plus ou moins heureusement combinées et dont l'action nuit sensiblement à l'émail des dents. M. Saissy a trouvé dans la botanique des racines, qui, réduites en poudre, ont assez d'action pour blanchir les dents, sans les altérer d'aucune manière.

Aucune époque de la vie n'échappe aux investigations de M. Saissy. — Il vient de composer un *Savon des enfans*, dont la peau la plus délicate peut se servir, sans craindre de laisser après son usage, cette sécheresse que laissent après eux la plupart des savons connus. — Le génie actif qui distingue M. Saissy de tous les autres parfumeurs, recommande assez le dépôt de sa fabrique, établi rue de Richelieu, n° 62, pour qu'il soit inutile d'ajouter des éloges aux nombreux titres qu'il possède déjà à la prédilection du monde élégant.

М О Д Ы.

Апласныя платья. — Юбка разръзана спереди, бока подложены съ обѣихъ сторонъ такимъ же апласомъ, заворочены и прикрѣплены кверху. — Ихъ не пришиваютъ къ юбкѣ, какъ опвороты, а просто прихватываютъ снизу. — Кругомъ и во всю длину пришина узкая блонда, въ палець ширины. — Лиць открытый съ гладкою спинкою и косыми полами. — Обшитъ узкою блондою. — Рукава длинные, верхъ сдѣланъ въ двѣ буфы. — Верхня, какъ короткѣй рукавъ, а нижня меньше. — Въ нарядъ, подъ эти платья надѣваютъ апласныя юбки, а въ полу-нарядъ кисейныя на апласъ.

Вышиванье серебромъ или золопомъ все еще употребляется въ нарядъ и весьма при-

лично для бальныхъ платьевъ. — Дѣлаютъ въ три полоски одна другой пошире, вышпилья или зашканныя

Полный нарядъ. — Запросто. — Рединготъ изъ Смирнской пкани, (toile de Smyrne) бѣлой съ Кипайскимъ узоромъ изумруднаго цвѣта. — Лифъ съ сборками, пелеринка изъ шаковой же матеріи. — Кисейный борочикъ сдѣланный прубочками. — Галстукъ изъ клѣпчатаго гроденапля лиловаго съ чернымъ. — Передникъ черной гроденаплевой обшитъ узенькою блондою. — Кружевный чепчикъ съ двойною оборкою, спереди лиловой бантъ, немного на сторону, позади оборокъ. — Шведскіе перчатки безъ пальцевъ.

Платье бархатное фіолетоваго цвѣта, юбка безъ оидѣлки. — Лифъ открытый, гладкій. — Спереди неразрѣзной. — Рукава длинные. — Поясъ зашканный апласный, застѣгнутъ пряжкой изъ маповаго золота, весьма широкою. — Небольшая шляпка изъ розоваго крепа, поднятая съ одной стороны, съ двумя бѣлыми перьями. — Фасонъ Г-жи Томасть.

Духи. — Къ помадѣ Г-на Сесси, и цвѣпчому маслу (huile florale), о которыхъ мы упоминали уже въ нашихъ лиспкахъ, надо прибавить имена новыхъ произведеній, не менѣ заслуживающихъ вниманіе; въ самыхъ отличныхъ магазинахъ для духовъ, досель въ себѣ болѣе или менѣе кислоты, дѣйствіе копорой повреждаетъ глазуру. Г-нъ Сесси нашель въ ботаникѣ коренья, копорые, бывъ превращены въ порошокъ, чистятъ зубы не подвергая ихъ порчѣ.

Накакой возрастъ жизни не укрывается отъ наблюдений Г-на Сесси. — Онъ составилъ мыло для дѣпей; на самой нѣжной кожѣ не оставляетъ оно того ощущенія сухости и жесткости, которое производятъ почти всѣ извѣстныя мыла. — Изобрѣпательный геній, отличавшій Г-на Сесси отъ

всѣхъ его соповарищей, довольно уже рекомендуетъ его магазинъ, находящійся въ улицѣ Ришелье подъ No 62 — и мы не имѣемъ нужды присоединять похвалъ, къ многочисленнымъ правамъ, копорыя онъ имѣетъ на предпочпеніе моднаго свѣта.

С М Ъ С Ъ

Иудейскіе Раввины написали: «Творецъ не хотѣлъ образоватъ женщинъ ни изъ головы, ни изъ глазъ, ни изъ рукъ человека, для того, чптобы пороки сихъ часпей не приспали къ нимъ; ребро казалось самымъ невиннымъ веществомъ: однакожь и оно не могло спасти ихъ отъ всѣхъ возможныхъ слабостей.

Сократъ сказалъ: имѣя способность говорить о всѣхъ предметахъ, Софисты упреждають, чпто истина и ложь есть только условіе.

Имѣя умъ ограниченный, говорятъ, чпто безконечное есть одна мечта.

Не разумѣя таинствъ природы, дерзостно опровергають бытіе Творца ея.

Родясь въ недостаткѣ и бѣдности, проповѣдують общеспвенность имѣній.

Запвердивъ нѣкопорыя выраженія мудрецовъ *Фалеса* и *Протагора*, именують себя наспавниками рода человеческого; въ самомъ же дѣлѣ хопитъ бытіе его пиранами!

Пользуйся случаемъ и не разглашай заранѣе о томъ, чпто хочешь дѣлать. Если намѣреніе швое будетъ неудачно: ты чрезъ то подашь поводъ завистникамъ швоимъ смѣяться надъ шобою.

Кто съестъ благоспи: шопъ жнетъ благословенія!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 28.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 8 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Ты будешь обличать *Гриблина* въ злодѣйствѣ,
Имъ разоренныя показываешь семейства,
А онъ, онъ пируештва и день и ночь даешь,
На конхъ крокодилъ; онъ кровь и слѣзы пьешь.
Милгоновъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ О КАВКАЗѢ.

24 *Мая*, 1825. — *Разсвѣтъ*. — Выѣзжая изъ *Сабли*, съ вышины оплога, въ правой споронѣ ясно показывается панигоріе. Двучелый *Биштау* возношся надъ прочими горами; снѣжный хребетъ, какъ легкій дымъ, едва примѣненъ въ опдаленіи. Съ какимъ благоговѣйнымъ чувствованіемъ, изумленный, взгляну я на сихъ великановъ природы! . . . Разсказы о воинственныхъ Черкесахъ; о смѣлыхъ набѣгахъ и дикой свободѣ ихъ, копорая ужилась съ ними въ недоступныхъ ущеліяхъ; баснословныя преданія о Прометѣ, прикованномъ къ утесу Кавказа; народныя повѣрья о *живой* и *мертвой* водѣ, охраняемой драконами, — какое раздолье моей свосправной фантазіи! . . .

Я укажу тебѣ на обширную картину, которая шенерь посещенно развиваешся предъ нами. Коляска быспро несешся по звонкой и каменистой дорогѣ; и мы, безпрестанно перемѣняя почки зрѣнія, видимъ опдаленный снѣжный хребетъ въ его разнообразныхъ положеніяхъ и опливахъ. Въ ближайшемъ планѣ горы: *Лысая*, *Машука*, *Змѣиная*, *Ослиная* и посреди ихъ заоблачный

Биштау. Изъ *Александріи*, мимо Георгіевска, по лугамъ, усѣяннымъ цвѣтами, лежишь прямая дорога на Горячія воды. Благодѣтельная природа, казалось, съ пѣмъ намѣреніемъ опдѣлила панигоріе опъ главныхъ возвышенностей Кавказскихъ, чтобы обратитишь на него особенное вниманіе человека. Онъ понялъ сей краснорѣчивый намекъ, и нынѣ приходишь наслаждаешься ея дарами.

3 *Юня*. — Здѣшній климатъ также дуренъ, какъ природа очаровательна: дни жарки, ночи сыры и холодны. Часто Биштовая гора, вѣрный барометръ здѣшнихъ жителей, прорицаетъ бурю. Когда вершина оной покроется густымъ облакомъ; необозримую цѣнь снѣжнаго хребта застелитъ пары; черныя горы сдѣлаются пасмурные; когда на высокой, двуглавый Эльборусъ налепятъ сырыя тучи: тогда вдругъ порывный вѣтеръ закрутитъ пыль по дорогѣ, ведущей къ ваннамъ Машуки; дождь крупными каплями зашумитъ въ кушарникъ и ручьи хлынутъ съ утесовъ въ овраги. Я еще не видалъ здѣсь молніи, но нетерпѣливо ожидаю сего величественнаго явленія. Какъ жаль, что ты не можешь раздѣляшь моего восторга! Поспашаюсь въ письмахъ ознакомитъ тебя съ величавою, дикою красотою здѣшняго края,

передамъ себѣ мой впечатлѣнія при свиданіи; — но какъ безжизненны будутъ онѣ и въ самомъ живомъ разсказѣ!.....
 ..... Въ ясные дни навожу камеръ—обскуру на окрестныя горы и рисую виды, слишкомъ блѣдныя въ сравненіи съ настоящимъ ландшафтомъ. Какъ слабо и ничтожно одно изъ самыхъ блестящихъ изобрѣпненій челоуѣка; живопись заключаетъ въ пѣсныя рамы необозримую громаду горъ, тогда какъ дерзкая кисть художника должна бы упасть къ ихъ подножію!..... Скоро надѣюсь окончить мои рисунки; почки зрѣнія попеременно буду переносить на слѣдующія мѣста: 1) Съ терраса, приспособеннаго къ моему дому, видны Ермоловскія ванны и надъ ними Сѣрногорчія; по скапу горы, вода изъ ваннъ спекаетъ въ Подкумокъ и слѣды своего печенія означаютъ широкими полосами желтаго, зеленаго и бурога цвѣтновъ. Множество экипажей и посѣщителей, копорые въ самый полдень окутаны шубами, въ косматыхъ, нависшихъ на глаза, Черкесскихъ шапкахъ, представляютъ довольно разнообразную карпину. 2) Видъ опѣ Ермоловскихъ ваннъ внизъ на всѣ вообще Горячеводскія зданія, копорыя опѣ площади восходятъ амфишестромъ къ подошвѣ горы Бишпау. 3) Будетъ изображать Эльборусъ и необозримое протяженіе сѣжнаго хребта. 4) Видъ представитъ рѣчку Подкумокъ, казармы, успроенныя по его берегу и дорогу изъ Георгіевска къ Горячимъ водамъ. Альбомъ сестры моей будетъ богатъ карпинами; я нарисовалъ въ немъ съ натуры Довскую Козачку и двухъ Черкесовъ изъ Аджіева аула. Дорогой набросалъ я карандашемъ виды Московскоя крѣпости и двукрапной переправы чрезъ Донъ подъ Аксайскою и подъ Казанскою станицами.

4 Июля, 8 часовъ утра.—Я сей часъ только возвратился изъ ванны, хотя вспалъ въ 4 часа; множество посѣщителей замедлило мою очередь. Сегодня у меня обѣдаютъ Докторъ Конради, съ копорымъ думаю ѣхать въ Аджіевъ аулъ къ знакомымъ нашимъ Черкесамъ. Какъ смѣшонъ характеръ ихъ палски и пѣнія. Недавно одинъ изъ Узденей плясалъ у меня на кварперѣ;

въ понкихъ *вакахъ* (башмакахъ безъ подошвы) ноги ихъ совершенно гибки; они ходятъ на пальцахъ, дѣлая свободныя, но спранныя движенія руками и припѣвая пропѣжнымъ голосомъ однообразную пѣсню. Черкешанокъ до сихъ поръ я не видалъ; говорилъ, что Пушкинъ обманулъ насъ: между ними нѣтъ красавиць. Черкесы ревнивы. Знакомый кунакъ мой, Ассай, никакъ не согласился показать мнѣ своей *фызи* (жены); по закону ихъ, жены сидятъ въ занерпи и даже не живутъ въ одной саклѣ съ мужемъ. Черкесь, украдкою, ночью приходилъ къ ней на свиданіе и дѣпи ихъ большею часпню здоровы и крѣпки. У Лантше, повѣса Фаноръ, подобному обыкновенію обязанъ былъ лучшею минупою своей жизни: онъ предупредилъ счастливаго жениха прекрасной Аспазіи.

11 Июля.— *Желѣзныя воды*. — Здѣсь шакъ разнообразна природа, что 18 верстъ дѣлаютъ большую разницу.— Дорога до Желѣзныхъ водъ проложена между куспарникомъ, копорый чаще и выше становится въ гору. Не всѣ посѣщаютъ сіи воды, и потому здѣсь, кромѣ казеннаго домика и ваннъ, нѣтъ почти часпныхъ зданій. На горѣ, близъ лагеря, есть однакожь домъ, принадлежащій Г. Тихоцкому, гдѣ я приготовилъ кварперу для Н. Здѣшнему мѣстоположенію, говорилъ, нѣтъ равнаго. Изъ оконъ моей комнаты, въ трехъ верстахъ, видѣнъ Бишпау; оплогость и вся подошва сей горы покрыты непроходимымъ куспарникомъ, коего яркая зелень измѣняется, смотря по направленію, въ копоромъ падаютъ на нее лучи свѣта. Когда солнце попухаетъ за высотами Бишпау, то по всей оплогости, какъ великанъ, ложится шѣнь средняго успеха. Влѣво опѣ горы разбросаны дикіе камни, коихъ огромныя массы въ разныхъ мѣстахъ выгладываютъ изъ куспарника. Въ частѣ лѣса, въ прошивоположную сторону, вытѣся искусственная дорожка, ведущая къ источнику No 8; въ бассейнѣ его, успроенномъ въ видѣ колодца, бьетъ чистая, какъ кристаллъ, желѣзнаго свойства вода; вкусъ ея много походитъ на Пирмонпскую. — Множество мопыльковъ кружится въ аллеѣ. Часто, въ знойный полдень, на гладкой поверхности

камней грѣются змѣи; надобно видѣшь какъ онѣ обвиваются вкругъ пней, или черными лешами качаются на вѣшвахъ! . . . . .

12 Июня, 4 часа утра. Взгляни со мной на восходящее солнце! Какъ играетъ оно на граничныхъ утесахъ Бишпау и пламенѣетъ въ капль росы, висящей на листочкѣ слабого распенія! . . . . Не такъ ли великая идея Создателя отражается во всѣхъ Его твореніяхъ? Другъ мой, набожность искренняя не живетъ въ обществѣ: она является челоуку въ глухой пустынѣ и тогда только наполняетъ душу, когда онъ весь — созерцаніе. Я увѣренъ, что сравненіе, которое такъ естественнo родилось опъ одинаго воззрѣнія на Кавказское утро, не пришло бы мнѣ на мысль въ многолюдной Спoлицѣ. И это естественнo; безъ вниманія усупремляемъ мы первый младенческій взглядъ нашъ на небо; съ болѣзненнымъ ощущеніемъ опвращаемъ слабые глаза опъ яркаго солнца; въ послѣдствіи привыкаемъ и спановимся къ нимъ равнодушными. Но видѣшь предъ собою незнакомыя картины природы и бышь нечувствительнымъ — невозможно! Заоблачныя горы, угрюмыя скалы, дикій, но роскошный край, погружаютъ душу въ какое-то благоговѣнное размышленіе, и въ сіи-то минуты, другъ, мой, я спановлюсь болѣе достойнымъ себя и моего счастья! . . .

13 Июня, 9 часовъ вечера. — Нашъ милый мѣсяцъ ласково заглянулъ въ мои окна и серебряными лучами осыпалъ листокъ бумаги, на которомъ я писалъ къ нему это поэтическое воззваніе:

Когда вечернею порою,
Надъ усыпленною горою
Восходишь свѣтлая луна,
Задумчиво поднимая къ ней очи
Я говорю: царица ночи!
Скажи, что дѣлаетъ она?
Свершая дальнее шеченье,
Съ лазурной неба высоты,
Скажи, благословляла-ль ты
Моей Алины сновидѣнья?
Къ кому влекла ее мечта?

Меня ли тихо призывала,
Меня ли сладко лобызали
Ея невинныя уста?
Не волновалъ-ли вздохъ печальный
Не обо мнѣ, о комъ нибудь,
Ея пльвнипельную грудь? . . . .
Но ты, луна, свой ликъ спыдливый
Покрыла флѣромъ облаковъ. . . .
Прости мнѣ сей укоръ ревнивый:
Его исторгнула любовь.

Июня 25. — Въ 5 часовъ утра, мы отправились верхами къ углекисло-желѣзному источнику, копорый случайно былъ найденъ солдатами, промышленяющими рыбною ловлею (форелей) и химически разложенъ Докторомъ Медицины, Нелюбинымъ. Воздухъ былъ пихъ и ясенъ. Солнце еще не всходило надъ горами, хопя, судя по времени, должно было давно вспасть на горизонтѣ. Переправясь въ бродъ чрезъ быспрый ручей *Елкошу*, мы спустились въ *Березовую балку* (долину), названную такъ по распущимъ на утесахъ ея березамъ, и въ густой, высокой травѣ, пролагая себя спрудную дорогу, медленно ѣхали къ источнику. Дикіе, желшовашые камни висятъ надъ балкою и правильно расположенными слоями, по представляють развалины спѣнь, по оспашки древнихъ рыцарскихъ башень; но сіи массы образовацы рукою природы, копорая будучи всегдашнимъ великимъ предметомъ подражанія для челоука, сама иногда любитъ подражать ему. Чѣмъ болѣе подавались мы впередъ, тѣмъ глубже и тѣснѣе спановилось ущеліе. Елкошу, прыгая и дробясь по камнямъ, свергая волны свои съ усупа на усупъ, производитъ шумъ, издали подобный кипѣнію. Переправы наши чрезъ Елкошу сдѣлались весьма часпы: по ѣхали мы по правому его берегу, по переходили на лѣвый; дорога спановилась часъ опъ часу спруднѣе; лошади, спущая по кoсoгору, облипному упреннею роcою, беспрестанно скользили и обрывались; правы, какъ будто росли по мѣрѣ приближенія нашего къ источнику; широкіе листья лапушника склоненные одинъ къ другому и обвивые повилкою, заслоняли дорогу и спущали лошадямъ ноги. Двѣнадцать верствъ

казались намъ безконечными; цѣнь, сначала простертая по всему пространству долины, начала сокращаться и солнце взошло прямо надъ нами. Наконецъ, въ послѣдній разъ перѣхавъ Елкошу, мы опыскали минеральный источникъ. На правомъ берегу его, изъ разсѣлины желшовапатаго плишника, бѣжитъ студеный ключъ и въ нѣсколькихъ шагахъ сливается съ Елкошу. Вода его подобна кристаллу, кисла, легка и обильно напоена желѣзными частицами; содержитъ въ себѣ большое количество углекислаго газа и льнетъ пузырьками къ спакану, оспра и чрезвычайно пріятна. Вкусъ можетъ обманывать, но я не справляясь съ изслѣдованіями Г. Нелюбина, почти увѣренъ, что она имѣетъ болѣе желѣзистыхъ и извеспковыхъ началъ, нежели солей, и займетъ среднее мѣсто между No 8 щелочно-желѣзныхъ Кавказскихъ водъ и минеральною водою Пирмонпской (der Sauerling).

Въ надеждѣ имѣть лучшую дорогу, рѣшились мы подняться на верхъ горы, но попали изъ огня въ полымя. Лошади задыхаясь всходили вверхъ по камнямъ; чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ крутизна спановилась недоступнѣе. Мы прыгнули съ сѣдель и держась за крѣпкую шраву, спупаа по камнямъ, влекли на поводахъ измученныхъ лошадей сврихъ. Внизу, въ глубинѣ балки, какъ серебряный снурокъ, капился ручей Елкошу; надъ нами груды обнаженныхъ камней; возвращишься—невозможно; всходишь—нѣтъ силъ! Безъ чувствъ упалъ я на камни; но свѣжій нагорный вѣтеръ, ...минутный отдыхъ, ... послѣднее усиліе... и я на вершинѣ ушеса!

Весьма замѣчательна необыкновенная правильность его фигуры: камни спройно лежатъ одинъ на другомъ и образуютъ опвѣсныя стѣны. Если это укрѣпленіе, то оно здѣсь бесполезно, ибо мѣсто само по себѣ недоступно; если шупъ нѣкогда былъ наблюдательный постъ, то посты укрѣпляются иначе, располагаются по большей части не на степоль пѣсныхъ площадкахъ, и навсегда сохраняютъ неизгладимые слѣды своего существованія. Если предположишь здѣсь никешу, то онъ не имѣетъ нужды въ швердыхъ оборонительныхъ сред-

ствахъ; ибо замѣшивъ приближеніе непріятеля, быспро переносится съ одной высоты на другую. Догадки наши привели насъ къ заключенію, довольно основательному: сія гряда камней, правильно сооруженная, есть гробница какого нибудь Черкесскаго владѣльца; ибо подобныя зданія и цѣлыя оспавы человѣческіе нерѣдко встрѣчаются на здѣшнихъ вершинахъ.

По гребню горы ѣхали мы къ *Кабардинскому* посту. Г. Н., одинъ изъ нашихъ спупниковъ, опередилъ насъ, чтобы ободрѣть мѣспо и открыть ведущую къ нему дорогу. Безопасно слѣдовали мы принятому имъ направленію;—вдругъ Н. опрометью прискакалъ назадъ: *видите-ли*, кричалъ онъ, *впереди Черкесы?* Мы осадили лошадей—и въ самомъ дѣлѣ, вдалѣкѣ, изъ за камней, выѣхало шрое вооруженныхъ всадниковъ, копорые, подобно намъ, сначала оспановились, а потомъ сѣлали *мажъ направо*, ш. е. поворотъ лошади въ правую спорону, союзный знакъ между Линейными козаками, заимспвованный отъ самихъ Черкесовъ, копорые даютъ *мажъ нальво*. Мы опвѣчали имъ шаковымъ же знакомъ и смѣло успремались къ Русскому никешу. Отъ него лежитъ узкая дорожка на Кабардинскій постъ, куда мы въ полчаса доѣхали.

Низкій валъ и мѣлкій ровъ окружаютъ редушъ; внутри построены плешенныя ханы, въ коихъ помѣщается опрядъ, состоящій изъ 30 чѣловѣкъ пѣхопы и 20 легкоконныхъ Козаковъ. Начальникъ опряда также не имѣетъ роскошной кварперы, копорая защищена только отъ зноя солнечнаго; а вѣспрь и дождь безпрепятственно проникаютъ сквозь стѣны. Опсюда видна пемная зелень подошвы Эльборуса; *Верблюды-гора* съ этой почки зрѣнія дѣйствительно похожа на верблюда: два неровные холма оной подобны горбамъ сего живопнаго. Внизу, подъ упесомъ печетъ рѣчка *Кишмажка*, въ копорой Козаки ловятъ довольно большихъ форелей.

В. Вердеревскій.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О ТАЛЬМЪ (*).

Весна пришла; деревья одѣлись въ зелень; нашъ новый садъ ожилъ. Г. Тальма любилъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ раза два или три въ день прогуляться по саду. Въ одно прекрасное утро онъ искалъ меня по всему саду, и въ разныхъ мѣстахъ парка громко звалъ меня по имени, но шумъ, съ какимъ производилась моя работа, пренятствовалъ мнѣ слышать его голоса. Онъ два раза уже прошелъ очень близко мимо меня, но частый кустарникъ мѣшалъ намъ другъ друга видѣть или слышать. Наконецъ въ прешій разъ слышу, что Г. Тальма сморкается, и кричу ему: «я шупъ; если вамъ нуженъ л!» Запыхавшись опъ скорой ходьбы, онъ подошелъ ко мнѣ, и признаюсь, онъ казался довольно разсерженнымъ, когда говорилъ мнѣ: «что за чорны, гдѣ это ты преподаешь? Часа два уже ищу тебя по всему саду!» — Выраженіе лица его меня изумило, ибо я не видалъ его въ досадѣ. — «Помилуйте, сударь!» — возразилъ я: «вы изволите говорить, что вездѣ меня искали; очень жалѣю; я не сходилъ съ этого мѣста.» — Г. Тальма, немного отдохнувъ, сказалъ: «на какомъ же мѣстѣ, другъ мой, впередъ сходитесь намъ; ибо садъ нашъ начинается густѣть, а бѣгать за тобою по шри мили каждый разъ, я покорный слуга.»

— «Хорошо сударь!» — отвѣчалъ я: «повѣжайте завпра въ Парижъ и купите два свистка, по одному для каждого изъ насъ; смѣю вамъ доложить, что звукъ свистка гораздо лучше слышится, нежели звукъ голоса, и скорѣе будетъ доходить до меня сквозь кустарникъ.»

«Это хорошая выдумка,» возразилъ Тальма: «въ самомъ дѣлѣ, я прикажу Пепру завпра напомнить мнѣ объ этомъ.» — Опираясь въ Парижъ, Г. Тальма сказалъ мнѣ: «хорошо, *Луэттѣ*, послѣ завпра попробуемъ

свистки.» — Онъ дѣйствительно возвратился съ двумя свистками изъ слоновой кости; принесъ мнѣ ихъ улыбаясь, и сказалъ: «Ну, *Луэттѣ*, выбирай!» — «Мнѣ неприлично выбирать, сударь, — отвѣчалъ я: пожалуйста мнѣ, который вамъ угодно.» — Наконецъ Г. Тальма выбралъ себѣ одинъ свистокъ, вручилъ мнѣ другой, и сказалъ съ улыбкою: «какой же будетъ сигналъ, *Луэттѣ*?» — «Милоспивый Государь!» — отвѣчалъ я: «вошедши въ Паркъ, разъ только свисните, и дайте мнѣ столько времени, чтобы вынуть изъ кармана свой свистокъ, тогда вы топчасъ услышите, съ коюрой стороны раздается свистъ. Помомъ спускайте только по направлению, въ которомъ послышится вамъ звукъ свистка. Если же хопите, чтобы я пришелъ къ вамъ въ домъ, то подайте только другой знакъ свисткомъ, и я уже буду знать, что это значить.» —

«Хорошо!» отвѣчалъ Г. Тальма: «стало бытъ, мы условились.» — «Но я сказалъ еще несовѣтъ, сударь! еще позвольте мнѣ спросить, если я имѣю до васъ надобность, и желаю, чтобы вы пришли въ садъ, по въ правѣ ли и я, по условію, употребить свой свистокъ?»

Г. Тальма захохоталъ опъ души и сказалъ: «въ правѣ, разумѣется; на то куплены свистки!» — Но я возразилъ: «я къ тому это говорю, сударь, что, по моему мнѣнію, одинъ только я во Франціи и даже въ Европѣ, имѣю право неучливо употребить пропивъ васъ такое орудіе.» — Г. Тальма, посмопрѣвъ на меня, сказалъ съ улыбкою: «только въ Брюнуа дается тебѣ, *Луэттѣ*, это право.» — Тутъ онъ хопѣлъ идти къ столу, и я сказалъ ему: «я пойду въ огородъ.» — «Хорошо!» возразилъ онъ, «тамъ легко опыскашь тебѣ.» — Я угадывалъ и былъ увѣренъ, что неперпѣніе заставитъ его сдѣлать пробу свисткамъ.

(Между тѣмъ свистки уже во всемъ домѣ сдѣлались предметомъ насмѣшки). Однимъ словомъ, Г. Тальма еще не успѣлъ сѣсть за столъ, какъ уже въ дверяхъ залы подалъ мнѣ знакъ свисткомъ. Я отвѣчалъ ему. Онъ повторилъ знакъ, послѣ того я вошелъ къ нему въ столовую. Тутъ всѣ захохотали и

(*) Изъ записокъ о Тальмѣ, (*Mémoires sur Talma*) писанныхъ его садовникомъ Луэптомъ. Первая книжка оныхъ весьма занимательна, какъ въ отношеніи къ знаменитому артисту, котораго здѣсь видимъ въ его домашнемъ и семейномъ кругу, такъ и по просодушному и оригинальному разсказу.

я также. Потомъ я сказалъ Г-ну *Тальмъ*. «Неуже-ли сіи господа изволятъ смѣяться только надъ звукомъ свистка?»—А онъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ отвѣчалъ: «почто пакъ, мой другъ! Мнѣ хотѣлось испытать наше изобрѣшеніе, и я весьма доволенъ первымъ опытомъ.» —

Я поклонился ему и сказалъ: «впрочемъ надѣюсь, что свистки будутъ употребляемы только въ нужномъ случаѣ: ибо пакъ какъ они куплены для сбереженія вашихъ ногъ, то они же, по моему мнѣнію, не должны ушомлять мои ноги.»—«Эпо правда,» сказалъ Г. *Тальма*: «бѣдный *Луэттъ*! ни за что, ни про что мы заспавили его бѣжать пакъ далеко.» —

Спустя потомъ нѣсколько времени, Графу д'Аву (d'Avoux) нужно было переговорить о чемъ-то съ Г. *Тальмою*; когда не нашелъ онъ его въ кабинетѣ, по слуги ему сказали, чтобы онъ пошелъ въ огородъ, къ садовнику *Луэтту*, который опыщаетъ Г. *Тальму*. Графъ д'Аву пришелъ ко мнѣ и спросилъ: «*Луэттъ*, не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ Г. *Тальма*?»—Я отвѣчалъ ему: «пожалуйте за мною, сударь! Я найду его.»—Я пошелъ въ кустарникъ, и выпавивъ изъ кармана свой свистокъ, рѣзкимъ звукомъ подавъ условленный знакъ. Сей способъ званъ моего Господина, изумилъ Графа д'Аву. Г. *Тальма* немного медилъ отвѣтомъ, ибо не могъ поспѣшь вспомнить, въ какомъ карманѣ у него свистокъ. Вскорѣ однакожь раздался и его свистъ, послѣ чего я сказалъ Графу д'Аву: «извольте только идти по этой алѣѣ; тамъ непременно его найдете.»—Графъ, смѣясь, пошелъ и встрѣтился съ Г. *Тальмою*, который также смѣялся, говоря: «здравствуйте, д'Аву; вы смѣетесь надъ нашимъ изобрѣшеніемъ? За нѣсколько дней передъ симъ, другъ мой, я почти все ушро искалъ *Луэтта*, и нигдѣ не могъ его найти. Я разсердился, хотя въ эшомъ невиновашъ былъ бѣдный *Луэттъ*. Онъ тогда мнѣ сказалъ: «Милостивый Государь! нѣтъ другаго средства, какъ купишь свистки!»—И я очень доволенъ его выдумкою.

Съ Нѣм. В. *Тило*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕТВЕРОСТИШЕ.

О милыхъ спутникахъ, копорые сей свѣтъ
Своимъ сопустствіемъ для насъ живошворили,
Не говори съ поскою: ихъ вѣтъ!
А съ благодарностію: были!

Жуковский.

ИЗЪ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

„Тыль эпо, поздно пакъ?“—Блуждала все досель;
Льсь шѣмень и луна всё пряталась, чущь
видно. —
„О комъ ты думала въ пуги, не обо мнѣль?“ —
О чемъ же объ иномъ? и спрашивать бы слы-
дно! —

* * *

„Дай руку мнѣ пожать, поцѣловать въ уста!..
Чегожь ты пакъ дрожишь?“—Мнѣ страшень
мракъ дубровный...
Вотъ что-то боръ шумитъ и крики совѣ... бѣда!
Ахъ, если чуемъ страхъ, должны мы быть
виновны! —

* * *

„Взгляни ты мнѣ въ глаза! Нѣтъ, никогда съ че-
ломъ
Споль чистымъ, радужнымъ—не ходитъ пре-
ступленья!“ —
Ахъ, развѣ-ли не шѣмъ виновны, что вдвоёмъ
Сошлись мы въ семь лѣсу, въ глухомъ уединень?
—

* * *

„Но другъ отъ друга мы поодавъ вить сидимъ,
Такъ мало говоримъ—и въ сей пѣни древесной
Бесѣдую съ побой, земной мой Серафимъ,
Какъ будто бы уже ты Серафимъ небесной.“
Съ Польс. *Романовиъ*.

С О С Н А.

Уединенная сосна,
Товариць дикій и печальной,
Какъ грусть души моей сходна
Съ пвоею пѣнью погребальной.
Тебѣ судилъ жестокій рокъ
Не осынять пошокъ прозрачный... .

Какъ ты мрачна—такъ мысли мрачны;
Какъ ты, я въ міръ одипокъ.

* * *

Кто раздѣлишь печаль мою? . . .
Найдуль внимательныхъ, послушныхъ? . . .
Прими меня подъ сѣнь твою
И слѣзы скрой опъ равнодушныхъ.
Когдажь окончу скорбны дни,
Забышь людьми, подругой милой:
Ты пѣвню мрачной и унылой
Мою гробницу осѣни.

Оф.

С H A R A D E.

Que dirai-je de mon premier?
Qu'au bout d'un pronom singulier,
Ou bien pluriel il figure.
Mais c'est trop clair, tout me l'assure;
N'importe. Passons au dernier;
Malheur et tragique aventure
A qui ne l'entend point crier
Dans Paris! Change sa nature,
C'est un abri particulier,
Dont peut varier la structure.
Qui ne connoît pas mon entier,
Objet de très—mince stature?
L'enfant même ose en essayer,
L'adolescent sait l'employer;
Mais vraiment un tel acte jure
Avec leur imberbe figure;
Aux hommes il est familier,
Et plus d'une belle en murmure.

Въ No 27 помѣщенная шарада значить: *Бос-тонъ*.

M O D E S.

Malgré le peu de réunions, les toilettes habillées sont encore les seules qui, dans ce moment, offrent quelque intérêt.—Celles du matin sont tellement toujours les mêmes, qu'il est difficile de s'en occuper encore.

Bientôt Long-Champs, — et avec lui les modes du printemps, les nouveautés inévitables du moment. — Jusque-là nous aurons encore quelques bals pour lesquels les détails de bijoux, de nouveautés seront les seuls à donner. — Quant aux formes de robes, elles ne changeront certainement pas avant la fin de la sai-

son.—Simples, mais quelquefois brillantes de broderie; — beaucoup de blondes aux corsages.—Beaucoup de plumes pour coiffures dans les cheveux et sur les chapeaux.

En général, il y a moins de simplicité dans les modes qu'au commencement de l'hiver.—Maintenant elles ont plus d'apparence que de richesse; mais on voit qu'elles sortent un peu du simple affecté jusqu'à ce moment.

Les coiffures en cheveux ne doivent point être chargées. — Peu de boucles; — une seule grosse fleur, ou les chaperons de fleurs ou de plumes.

Un bandeau uni au milieu, fermé par une pierre ou une plaque de plusieurs pierres; — la chaîne est très-délicate, en or ciselé ou or émaillé.—Le genre de la chaîne n'est pas du tout comme celles qui ont été faites, plates, comme un bracelet. — Ce sont de petits anneaux enlacés, de petites boules ciselées jointes par de petits anneaux—larges de trois ou quatre lignes.

On les place de côté; la plaque sur le front, relevant d'un côté entre les papillottes.

On met aussi dans les boucles de derrières des flèches de pierreries,—elles se piquent de côté, inclinées.

Quelque chose de fort joli, que plusieurs personnes ont porté sans que pour cela cette coiffure soit devenue généralement adoptée, est une blonde claire faisant papillon à la manière des Béarnaises. — Elle doit être haute, froncée et soutenue par de très-petits rouleaux de satin, ou simplement en laiton. Cette blonde, montée sur une bande très-étroite, se fixe posée derrière la coiffure, au revenant du bout sur le devant, mêlée aux coques, de l'autre, sur le côté, dans la touffe de papillottes. Cette coiffure, très-légère, est d'un effet qui ne peut se rendre. Dans des cheveux très-blonds, — elle les rend brillans, et sied parfaitement au visage.

Pl. No 8. Bonnets et chapeaux.

M O Д Ы.

Не взирая на рѣдкія собранія, одни только нарядные уборы заслуживаютъ нѣскольکو вниманія.— Утренніе такъ всегда одинаковы, что нечего о нихъ и говорить.

Скоро начнувшая гулянья въ Long-Champs.— Съ ними появившаяся весенняя мода, и необходимо, новости этого времени.— До сихъ поръ у насъ будетъ нѣсколько баловъ, на которыхъ подробно описывать можно будетъ только вещи и новости.— Что же ка-

сается до покроя плашьева, онъ вѣрно не измѣнится до истеченія зимы. — Платья просты, но иногда вышиты весьма красиво. — Лифы отдѣлываютъ множествомъ блонды. — Прически и шляпки всегда съ множествомъ перьевъ.

Вообще, менѣе простоты въ модахъ, нежели сначала зимы. — Теперь онъ имѣютъ болѣе блеска, нежели пышности; однако замѣтно, что онъ опдалающа опъшой простоты, которую до сего времени спарались выказывать.

Прически должны быть легки. — Мало локоновъ; — одинъ большой цѣпокъ, или шапочка изъ цѣповъ или перьевъ.

Повязка, соединенная въ срединѣ однимъ камнемъ, или бляшкою изъ нѣсколькихъ камешковъ; цѣпочка весьма легкой работы изъ чеканнаго золота, или изъ золота съ эмалью. — Она совсѣмъ не такая, какъ дѣлали доселѣ; плоская, какъ браслеты. — Сии дѣлаютъ изъ маленькихъ переплетенныхъ колечекъ, изъ чеканенныхъ шариковъ, схваченныхъ мѣлкими колечками — шириною не болѣе трехъ или чепырехъ линий.

Ихъ надѣваютъ немного наспорону; бляшка на лбу приподнята съ одной спороны между локонами.

Между задними буглями иногда прикалываютъ стрѣлы изъ камешковъ; немного наклоня наспорону.

Многія носили весьма красивый уборъ, не вошедшій однако въ общее употребленіе; онъ похожъ на Беарискіе, изъ широкой прозрачной блонды въ видѣ бабочки. — Блонда должна быть широка, собрана и поддержана самыми узенькими руло, или просто каркасомъ. — Она прищипана къ узкой полоскѣ, прикалывается сзади прически, концы загибаются впередъ; однимъ прищипывается между пещлами волосъ, а другой между локонами. Легкой, прозрачной уборъ сей такъ

красивъ, что этого нельзя выразить. — Очень блѣлые волосы кажутся опъ него, какъ бы блестящими, и вообще ко всѣмъ приглядъ.

Кар. No 8. Чепцы и шляпки.

С М Ъ С Б.

Древніе Новгородцы хотѣли править сами собою — и были жертвою лютыхъ созддовъ, или еще лютейшихъ внутреннихъ междоусобій. Спарецъ добродѣтельный, споя на прагъ вѣчности, заклиналъ ихъ избрать владѣтеля. Они повѣрили ему: ибо человекъ только при дверяхъ гроба можетъ говорить истину.

Вѣрность можно назвать кроткою привычкою любить всегда одинъ предметъ.

Червь пилался кровью, оставаясь прупъ и ползешъ опъ него далѣе, какъ скоро остынешъ его пища. Когда денежный сундукъ опускалъ и охолодѣла поварня, тогда не видно уже болѣе ласкателей. Они черви, прильпляютъ къ славъ, могущесиву и деньгамъ: тамъ они распущъ и тучиютъ; но какъ скоро fortuna оборопилась спиною, они ползутъ прочь и пропадаютъ.

Самолубіе виною, что каждый дѣлается самъ себѣ ласкателемъ; посему и неудивительно, что всякій льстецъ всегда и вездѣ хорошо принятъ. На него смотрятъ, какъ на поручителя за то доброе мнѣніе, которое мы сами о себѣ соспавили, и свидѣельство его служиетъ еще къ подкрѣпленію призраковъ щещеславія.

Что значить языкъ въ устахъ человека умнаго и добродѣтельнаго? Ключъ, опверзающій сокровища.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 29.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 11 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Въ породѣ и въ чинахъ высокошь хороша:

Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ
ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

Предпринимаю описать здѣсь дѣянія вну-
чатнаго брата моего *Поликарна Сидоровича*
Оглоблина, вѣчнаго Коллежскаго Секретаря,
Дворянина — скаго, помѣщика Рязанскаго,
Зарайскаго, Шатскаго, Козловскаго, Сердоб-
скаго, Новохопёрскаго и иныхъ многихъ селъ,
деревень, пустошей, огородовъ, коноплянни-
ковъ, рыбныхъ ловель, съ лѣсы и сѣнными
покосы обладателя.

Покойный братецъ мой, вѣчная ему па-
мять! былъ человекъ спешенный: онъ не за-
глядывался на небеса, какъ зѣваки *Невтонъ* и
Эйлеръ; не рыскалъ по бѣлу свѣту, какъ из-
вѣстные непосѣды — *Кукъ* и *Шелеховъ*; не ал-
калъ мірскихъ чести, какъ *Наполеонъ* и *Ку-*
тузовъ, изъ копорыхъ первый опрокинулъ
міръ вверхъ дномъ, а впорой хлопоталъ, что-
бы поставишь его опять дномъ книзу. — По-
койный мой братецъ былъ человекъ совсѣмъ
другаго разбора; онъ до того не любилъ пу-
тешествій, что въ 56 лѣтъ безмятежной
жизни своей ни разу не былъ въ Петербургъ,
да и въ Москву ѣзжалъ разъ въ три года —
для продажи на болотѣ свиныхъ тушъ, гу-
синыхъ попроховъ и талекъ, выпраденныхъ
въ оброкъ его дворовыми бабами. Онъ до

того былъ миролюбивъ, что въ 1806 году
опкупился отъ милиціи, представя своему
Предводителю лѣкарскій апштеатъ о не-
способности своей къ военной службѣ и 25
тысячъ рублей въ пособіе немущимъ дворя-
намъ, выбраннымъ въ милицію. Этого мало:
въ 1812 году, онъ какъ по заблаговременно
пронюхалъ, что въ Москвѣ получень Мани-
фестъ о вторженіи *Наполеона* въ Россію и
всеобщемъ ополченіи. Сберегая денежки и до-
рогую свою осббу, онъ на крестьянской пел-
ьгѣ и ни съ кѣмъ не простяся, урылъ въ
Тамбовскую деревню, но и тамъ счипая се-
бя не безопаснымъ отъ поисковъ, переселил-
ся въ спень на хупоръ, гдѣ прожилъ до за-
ключенія Парижскаго міра.

Простите . . . . отступивъ;

Но истинно не я, воспоргъ причиною былъ.

Даю слово начать сначала, продолжатъ
продолженіе и при концѣ кончить.

Братецъ мой . . . . да водворитъ Господь
душу его въ мѣстѣ злчномъ, въ мѣстѣ про-
хладномъ! . . . . родился отъ благородныхъ роди-
телей . . . . умѣлъ по Россійски чипать и пи-
сать . . . . и только! Незнаніе древнихъ языковъ
и математикки замѣнилъ онъ удивительнo
скорою выкладкою на счетахъ и бирками.
Въ дѣлствѣ своемъ онъ занимался съ дво-
ровыми ребляпишками игрою въ бабки, въ

городки, ѣздилъ верхомъ на палочкѣ. Въ юношесствѣ получилъ спрасишь боропыся подь ножку, бипсья на кулачки, ѣздишь на бѣшеныхъ лошадахъ, играеть съ холопями въ дураки, въ квинпичь и въ горку. Возмужавъ, началъ онъ любезничать съ дочерьми сосѣднихъ однодворцевъ. Будучи нѣсколько разъ, подобно извѣстному Кишайскому Литерашору, поколоченъ, онъ бросилъ убыточное для спины его волокипство и принялся за сельское хозяйство.

Холопы, поварищи забавъ его, всѣ плупни употребляли, чптобы сдѣлать его пьяницею, но молодой *Оглоблинъ* не имѣлъ виновой напуры — *Пьянгошкина-Невтьждина*. Онъ каждый разъ съ похмѣлья бывалъ по недѣль боленъ, и до самаго гроба пребылъ презвъ, какъ Цареградскій Муфнйй. Желая бытъ безприсрасишнымъ описателемъ жизни его, мы не можемъ не прибавить, что его деревенское книгохранилище было богатѣе, чѣмъ у богача *Пароентьева*. У моего возлюбленнаго бранца, кромѣ Московскихъ вѣдомостей, можно было найши *Брюссовъ* календарь; Любопытное, примѣчанія достойное и многихъ весьма важныхъ въ Европѣ происшествий, собыпиемъ оправданное предсказаніе, которое юб-лѣпнй славный Швейцарскій спарикъ *Мартынъ Задека* открылъ друзьямъ своимъ предъ кончиною; Куріозное и крапкое изъясненіе любоньпшенва достойныхъ наукъ Физиогноміи и Хироманиши, Сонникъ и нѣсколько безполковыхъ книгъ охозяйствѣ, безчеловѣчно изуродованныхъ въ переводѣ.

Занятіе ввучапнаго бранца моего сельскимъ хозяйствомъ случилось во время, въ пору, кешани: ибо вскорѣ переселился въ вѣчность мой дядя, котораго заплчала пономариха-лѣкарка, окуривая въ жаркой банѣ киноварью; а черезъ чепыре мѣсяца послѣ него и шепка, копоралъ расношѣвъ на сѣнокосѣ, выкушала цѣлый жбанъ яшнаго квасу со льдомъ. Ей приключилась огневица.

Ему досталось 100 душъ ревижскихъ и щысячи при долгу послѣ родителей. Онъ оставилъ дѣпшямъ своимъ 700 душъ, домъ, какъ полную чашу, и на 40 п. рублей бидецповъ Московскаго Опекунскаго Совѣпа.

При вступленіи въ полное распоряженіе опцовскимъ имѣніемъ, раскрылась гениальная способность бранца моего наживашъ деньги. Въ при года дошелъ онъ до того, что у него въ домѣ не было ничего покупнаго, кромѣ колониальныхъ товаровъ; да и шѣ, какъ пашрїонъ, замѣнялъ онъ опчасши национальными продуктами: сахаръ—медомъ, кофе—желудями и цикоріемъ. Все прочее для домашняго обихода производилось дома: водка, пиво, наливки, красное и бѣлое полушампанское; разные прохладительные и фруктовые напитки, сухіе, конфекты, варенья, сыръ, вешчина, перловая и манная крупа и все сіе производилось въ возможной степени совершенства.—Бараны, куры, гуси, порослята собирались съ мужиковъ, шакже какъ холстина, грибы и полевья ягоды. Онъ женился поздно, лѣтъ сорока—и началъ жить нѣсколько пороскопшѣе. А когда я у него въ деревнѣ гащивалъ, шо вседневный споль оставляли слѣдующія блюда:

Супъ съ бараньей головкой
И съ перловой крупой,
Соусъ съ легкимъ и печѣнкой
И подболщанный мукой,
И барашина-жь жаркая
Въ видѣ поненькихъ кошлетъ,
Нась со всѣмъ не насыщая,
Заклочала нашъ обѣдъ.

Въ праздники прибавляли пирожное: хворостъ, драчону, кольца или кудри.

Но я опять заболтался и позабылъ существонное порпиретъ моего бранца. Сей часъ беру кисть, полипшу — и сажусь писать его. Бранецъ мой былъ вышекъ, прямъ, какъ жердь, грубъ въ обращеніи, не говорилъ, а кричалъ и перекрикивалъ всякаго; въ босшонъ и вистъ игралъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ и холоднокровіемъ, и опъ эпого всегда къ концу оставался въ выигришѣ. Онъ одѣвался въ какое-шо провинциалами выдуманное платье — родъ серпука съ черною опушкою изъ мерлушекъ, съ воротничкомъ, спинкою и передомъ поноясъ выложеннымъ чернымъ шелковымъ шнуркомъ съ кшшями, на подобіе гусарскаго доломана. На

шеѣ носилъ онъ розовый плапокъ съ длинными мохровыми концами, черную шафяную манишку съ костяными пуговками бирюзоваго цвѣта и свѣшло голубые шаравары на манеръ козацкихъ съ складками, безъ пояса, на ремнѣ и съ гульфикомъ. Квакерская шляпа съ низкою пульсю и широкими полями—лѣтомъ, а зеленая бархатная съ собольимъ околышемъ шапка—зимою, освѣжала его недумную голову. Онъ имѣлъ непреодолимое отвращеніе къ бѣлымъ шейнымъ плашкамъ, манишкамъ, жилетамъ; рубашки носилъ синцовыя.

Оглоблинъ всегда вспавалъ въ 4 часа, лѣтомъ еще ранѣе, выпивалъ двѣ чашки жидкаго чаю съ молокомъ и отправлялся къ *Fuss*, или къ *Pferd* на гумно, на сѣнокосъ или жнившю; въ 7 или 8 часовъ возвращался домой, выдавалъ для снола все припасы, самъ засыпалъ лошадямъ овесъ въ яслихъ передъ окошками своего кабинета, выпивалъ рюмку наспойки, завпиралъ и, вооружась дубовымъ посохомъ, шибкою похоткою обходилъ конскій, скопскій и пшичій дворы, сполярную, шкацкую, швальню, кухню, рыбій садокъ и пчельникъ. Въ огородѣ мѣшилъ на биркѣ число дынь и арбузовъ, въ саду искалъ слѣды воровъ, въ оранжерей считалъ на каждомъ деревѣ персики и абрикосы и подбиралъ падалицу. Ровно въ полдень онъ садился за обѣдъ, попомъ имѣлъ привычку всхрапнуть часокъ другой. Въ 4 часа пополудни онъ пилъ чай, не смотря на то, еслибъ термометръ показывалъ 30 градусовъ жара. Попомъ одѣвался въ свое козацко-гусарско-уланское полукафанье—и опять отправлялся: или объѣзжать межу, или осматривать—нѣтъ-ли въ помѣщичьихъ лѣсахъ его порубки, или смотрѣть за крестьянскими работами.

Оглоблинъ былъ спиранный, но не дурной человекъ; онъ можетъ служить примѣромъ честности: онъ никогда ни съ кѣмъ не заводилъ пляжбы, своего не уступалъ и чужимъ не живилъ; не занималъ и не давалъ въ займы денегъ, ни за кого не ручался, говоря: *гдѣ рука, тутъ и голова*; слово держалъ крѣпко, не входилъ ни въ ошкупа, ни въ подряды, винныхъ заводовъ не строилъ и, что всего

рѣже, если находилъ крестьянъ своихъ виновапными передъ сосѣдними, то упималъ ихъ.

Между странностями его особенно бросалось въ глаза то, что онъ, опъявленный шрусъ, былъ спиранный охотникъ разглагольствовашъ о чудесной храбрости *Графа Михаила Федотовича Каменскаго*, о побѣдахъ *Князя Долгорукаго-Крымскаго*, о высокихъ военныхъ качествахъ *Рулянцева*, о взятіи Бендеръ *Графомъ П. И. Панинымъ*. Говорилъ о великихъ Полководцахъ такъ называемой первой Турецкой войны, онъ выходилъ изъ себя, кричалъ, размахивалъ руками, какъ въпрена лѣльница крыльями, и билъ кулаками по столу. Никто не осмѣливался прервать его; ни жена, ни дѣти не смѣли пошевелишься. Все безмолствовало и, разинувъ рты, внимали пылкому оратору. Можно было подумать что онъ самъ собирается браться шпурмомъ Пекинъ или Царь-градъ.

Другую странностью была въ немъ чрезвычайная боязнь смерти; подъ старость онъ не могъ перпѣть грозы, уходилъ въ спальню и зарывался памъ въ пуховики, чтобъ не слышать грома и не видать молніи; ѣздилъ на клячахъ, опасаясь, что жирныя лошади взбѣсятся; лѣчился у всякаго мужика—знахаря и всякой деревенской лѣкарки, пилъ наговорную воду, носилъ ладонки, палисманы, и вмѣстѣ съ эпимъ, заказалъ своимъ сполирамъ сдѣлать себѣ дубовый гробъ, выбралъ на кладбищѣ мѣсто для своей могилы, выкдалъ ее кирпичемъ, огородилъ и покрылъ онъ мокроты песовою крышкою, распорядилъ все для просныхъ своихъ похоронъ. Какъ изъяснить такое спирнное прошивурчье сердца человеческого?

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УРАЛѢ.

Исторія существеннаго заселенія Урала коронка: вспомнивъ Великаго Петра, вспомнимъ *Деллцова* и *Генина*. Первый пожелалъ; а послѣдніе исполнили. Одинъ геніемъ Монарха изъ бѣднаго Тулянина, возведенный въ Именищые Граждане; другой изъ школьни-

ка — въ Генералы опъ Армилеріи, разгромили неприступный Уралъ, — и памяшниками Великому оставили каждый почти по десяти заводоу, успроенныхъ памъ, гдѣ выпали одни соколы и орлы, и гдѣ изрѣдка скользили лыжи звѣрловнаго Вогула. Имена *Строгоновыхъ* должно сопричислить къ именамъ симъ; но они заселили только прибрежныя почки Урала; а самый Уралъ былъ имъ недоступенъ. Можетъ быть, соль и мѣна на пуцной цоварь удовлетворяли ихъ шребованіямъ. Притомъ и наука рудознанія шѣмъ временамъ была также недоступна. Дѣятельный *Демидовъ* и просвѣщенный *Генинъ* жили въ лучшія времена; они усердно исполняли волю Великаго. — Демидовъ принималъ всякаго челоука, не спрашивалъ кто онъ и откуда? принималъ, поселялъ и дѣйствовалъ. Генинъ списененъ былъ спарыми Воеводами, опдаленіемъ мѣспъ жипельспва людей, ему для работъ данныхъ; но ничто не могло оспановитъ неупомимой ихъ дѣятельности — и имъ покорился Уралъ неприступный. Едва пропекло спольпіе, какъ основанъ Екатеринбургъ, Невьянскъ, Тагиль, Кушва; сіи города спали въ рядъ съ самыми лучшими уѣздными городами Россіи. Не говорю уже объ остальныхъ заводахъ, возникшихъ и усовершенствованныхъ при нихъ же. — Вслѣдъ за Демидовымъ и Генинымъ, явились *Твердышевы* на Югѣ и *Походяшныи* на Сѣверѣ; — и такимъ образомъ въ сороколѣтіе совершилось пробужденіе Урала, бывшаго въ мертвенномъ снѣ, можетъ быть, опъ мірозданія; ибо можно ли назвать чѣмъ нибудъ блуждающаго Вогула: онъ только Классификаціи Зоологіи обязанъ наименованіемъ челоука; но его образъ жизни, способности пропитанія, все приближало къ классу живошныхъ, съ нимъ совмѣспныхъ.

Соединеніе людей изъ разныхъ мѣспъ, содѣлало, что языкъ жипелей Уральскаго хребта, чиспъ и правиленъ. Конечно, древніе обитатели сихъ мѣспъ сообщили Россіанамъ каждый по нѣсколько словъ; но такихъ очень мало. Прилагаю у сего сихъ переселенцевъ въ языкъ нашъ; болѣе шого до сихъ поръ не могъ доискашся.

Благоустройспво между людьми, благовидность въ спроеніяхъ, правильное нарѣчіе — все заснавлиетъ васъ забышся, что вы за нѣсколько тысячъ верспъ опъ средины Россіи; а образованность средняго соспоянія, которое здѣсь только и есть, ибо высшаго сословія нѣспъ, — все дѣлаетъ прилипшимъ жизнь на Уралъ. — Замѣспмъ, что нигдѣ нисшее сословіе не имѣетъ сполькихъ выгодъ, какими пользуется народъ заводскій; а опъ шого, едва ли гдѣ найдешъ сполько веселыхъ лицъ, какъ здѣсь: онъ подобно пшицѣ небесной ни орѣспъ, ни сѣспъ, а всегда бываетъ сыпъ. Не боишся ни града, ни засухи; ибо его пашня заключена въ жипнищъ казны или владѣльца. Большую часть ихъ соснавлиютъ ремесленники, даже художники; и слѣдовашельно, имѣя свободное время, они зарабатываютъ копѣйку. Такъ Тагиль снабжаетъ Россію подносами; Невьянскъ сундуками, Екашеринбургъ гранеными изъ камней вещами; Златоустъ — холоднымъ оружіемъ превосходной доброты. Богатство мешалловъ и недостапокъ рукъ заснавлиютъ однако же мѣдъ — выходитъ изъ мѣспъ ея рожденія только въ шпыкахъ и лиспахъ; а пошому-шо Тула, Павловскъ и многіе другіе мѣспы въ Россіи питаются обработкою вещей изъ произведеній Урала; а жипель зѣшпій, замѣнъ произведеній своихъ получаетъ опъ васъ сипцы, шелковыя шканы, сукна. И шакъ, мы получаемъ все шѣнное; вы же все прочное. Шпыкъ, ядро, пушка прославлиютъ опечество; соха питаетъ его. Однимъ словомъ, ни съ чѣмъ сравнитъ нельзя богатствъ Урала. Платина, золото, мѣдъ, желѣзо — вопъ мешаллы: мраморъ, яшма, порфиръ — вопъ горнокаменная породы, кошорыя, бывъ обработаны на прекрасной Екашеринбургской гранильной фабрицѣ, удивляютъ не только Россію, но даже всю Европу. Умалчиваю уже, что Минералогическіе Европейскіе кабинеты, а съ ними и Минералогы, не могутъ до сего времени, первые совмѣспитъ, а другіе вполне описатъ породы камней, въ Уралъ обрѣтаемыя. Здѣсь есть шопазы (шяжеловѣсы), Бериллы, Цирконы, Шпинель — и даже Алмазы; слѣдовашельно Уралъ — есть Бразилія, а вмѣспъ и Индія.

Здѣшняя Флора (*) чрезвычайно разнообразна; ее покоящъ въ пѣвнн своей: кедръ, сосна, ель, липовень, пихта, береза, а на Югѣ и дубъ: въ сихъ лѣсахъ обитающъ: быспролетные лоси (сохашый), олени; дикій козѣль, неворопливый медвѣдь, волкъ, лиса, розсомаха, выдра, соболь, куница, бѣлка, горноспай; а воздухъ разсѣкающъ: орлы, соколы, ястреба, гуси, лебеди. Умалчиваю о прочихъ мѣлкихъ звѣркахъ и пшичкахъ; а равно и о всѣхъ домашнихъ живописныхъ — и шѣ и другіе шѣ же, что и въ Россіи.

Здѣшнія мѣстоположенія живописны, единственны. Здѣсь вы найдете высокія горы, быспролетющія рѣки и ручьи; многолюдныя и красивыя селенія, слѣдовапельно, мѣспаси не уступающъ въ красотѣ, ни одной изъ прославленныхъ странъ Южной Европы. Дайте намъ Пейзажиспа — и онъ доставитъ вамъ наилучшіе виды — виды холмистаго Урала (**). И такъ, является-ли здѣсь Еспествоиспытатель — и сколько найдете предметовъ для сей науки? — Пусть будетъ Испорикъ — и его перу много здѣсь пици; — здѣсь встрѣшитъ онъ Зырянина, Вогула, Вотьяка, Башкирца; опыщеть древніе рубежи сихъ мрачныхъ обитапельей дебрей; встрѣшитъ древніе оспашки ихъ богопочитанія, ихъ орудія (***), будетъ вслушивапелься въ ихъ горпанное нарѣчье, и филологія много выиграеть.

А. Шмаковъ.

Екатеринбургъ.

1831.

СЛУЧАЙ ПРИ НАВАРИНѢ.

По прекращеніи палбы при Наваринѣ, Сиръ Эдуардъ *Кодрингтонъ* послалъ Лейтенанта на Корабль *Могарель Белъ*, предложивъ ему услуги своего врача. На семь ко-

(*) О семь можно читать въ многополезномъ Указателѣ открьпий по Физикъ и Химіи 1829 года Но (о Богословской Флорѣ).

(**) Одинъ изъ Чиновниковъ Горпаго вѣдомства Р. А. *Госса*, путешествующій нынѣ по Европѣ, показывалъ мнѣ срисованные имъ виды Гороблагодапскихъ (Кушвинскихъ) мѣстъ — и я не могъ ими палобованпелься! Ш.

(***) Нѣкоторые изъ ихъ идоловъ и орудій, мною собраны и собирающъ. Ш.

раблѣ находилось около пысячи человекъ команды и одинъ Медицинскій Чиновникъ, копорый, къ несчастію палъ первою жертвою сраженія. Поперя на корабль была большая, мерпвыя пѣла не были выброшены за борть, раненые не опнесены на кубрикъ и палубы были ими успланы. Посреди сего ужаснаго зрѣлища, человекъ двѣнадцать Турецкихъ Офицеровъ, богато одѣшые, сидѣли въ кающъ на пурпуровыхъ коврахъ и курили трубки съ обыкновеннымъ ихъ хладнокровіемъ, между пѣмъ, какъ невольники подавали кофе. Увидя входящаго Англійскаго Офицера, они велѣли подашь ему коверъ и принесли кофе, однакоже онъ успѣшилъ прежде исполнить свое порученіе, предложивъ имъ ошь имени Адмирала услуги своего Доктора. Турокъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ ошвѣчалъ: «нѣшь, раненымъ не нужно пособій; они скоро умирающъ.» Лейтенантъ, возвратясь на корабль *Азія* (*), разсказалъ въ подробности все, что видѣлъ. Сиръ Эдуардъ, нѣсколько подумавши спросилъ: «замѣнили ли вы шамъ необыкновенно красиваго мушину съ бороною чертѣе и гуще прочихъ?» «Да, я замѣнилъ, онъ сидѣлъ подлѣ Адмирала.» «Поѣжайте же ошпашъ и упросите его опиравиться съ вами на корабль Генца, и задержите его шамъ, пока я съ нимъ не увижусь: это Секретарь, мнѣ надо съ нимъ поговорить; такъже возмите съ собою всѣхъ пѣхъ кого онъ захочетъ.» Турокъ опсправился на Генць безъ всякаго затрудненія, сопровождаемый пѣми особами, копорыхъ онъ просилъ Офицера взять съ собою. — Сиръ Эдуардъ, послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора, приказалъ Лейтенанту, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня свесити Турецкаго Секретаря и его Чиновниковъ на берегъ шуда, куда они пожелающъ. На пути ихъ къ берегу они увидѣли плавающую мачшу, на копорой нѣсколько израненныхъ и умирающихъ Турокъ искали спасенія. «Я долженъ помочь этимъ несчастнымъ!» сказалъ Лейтенантъ. «Они только простые солданы и скоро умрущъ; оставьте ихъ;» съ хладнокровіемъ говорилъ Турокъ.

(*) Корабль Англійскаго Адмирала.

«Это моя обязанность, и если я не помогу имъ, то получу выговоръ отъ Адмирала;» сказавъ, сіе велѣлъ править къ мачтѣ, и успѣлъ спасти человекъ двѣнадцать.— После нѣкотораго молчанія, Турокъ захохоталъ весьма громко. «Что это значитъ? вскричалъ удивленный Англичанинъ, чему щупъ смѣяться? «Смѣянься!» возразилъ Турокъ съ язвительною улыбкою, «Смѣянься!— «О Алла! Вы Англичане прескверный народъ: вчера пришли вы въ бухту, тогда «какъ мы спокойно пили кофе, разбили все «наши корабли, изранили всехъ людей, а «сегодня предсказывались сполъ человекъ-«любивыми, что не можете проехать мимо «успокоющихъ солдатъ, не подавъ имъ по-«мощи.» Изумленный Лейтенантъ не зналъ, что отвѣчать—и они въ молчаніи приспали къ берегу.

Съ Ангійскаго пер. *Фонъ-Стансель.*

УЧЕНИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Я помню то время, когда я былъ мученикомъ Лашинскихъ уроковъ и Греческихъ vocabular. Помню, какъ я учился Лашинскому языку, еще не зная своего природнаго; помню какъ швердилъ имена *Кира* и *Ксеркса*, *Ромула* и *Рема*, *Мильтиада* и *Аристида*, еще не подозревая, жили ли на свѣтѣ *Фарамонда* и *Кловиъ*, *Генрихъ IV* и *Лудовикъ XII*.

Помню также, что все Греческія и Лашинскія слова, за которыми я гонялся, какъ новый журналистъ за подписчиками, мнѣ казались довольно варварскими; но мой учитель находилъ ихъ удивительными! «*Они живописуютъ слово и вещь!*» — Это было обыкновеннымъ его выраженіемъ.— Въ самомъ дѣлѣ, когда учитель говорилъ, ученику обшашенъ удивляться и молчать. Самъ *Платонъ* сказалъ это, его швердять и въ наши времена, и сила авторитета нимало не уменьшилась.

Помню, что я совсѣмъ не понималъ шѣхъ безполковыхъ опредѣленій, кои мнѣ спарались вѣнть въ голову; что память моя удерживала одни числа и порядокъ происшествій, которые нимало не занимали меня . . . . . между тѣмъ, я спрасно желалъ учиться. . . . . Съ симъ желаніемъ *провелъ я десять*

леть въ классахъ! . . . Я вышелъ изъ Академіи съ предварительными познаніями. Изъ меня хошѣли сдѣлать дипломата, но я скорѣе могъ бы сдѣлаться Академикомъ. Я говорилъ по Гречески, руководствуясь *Фургольтомъ*, и не побоялся бы Лашыни въ отечествѣ *Ломонда*. Къ несчастію, во Франціи не пишущъ дѣловыхъ бумагъ ни по Гречески, ни по Лашынъ, и я поневоля долженъ былъ учиться новымъ языкамъ. Тогда я познакомился съ образцовыми швореніями *Корнелл* и *Шекспира*, *Монтескье* и *Гиббона*, *Вольтера* и *Тасса*. Я началъ изыскивать причины величія и паденія народовъ; сравнивая событія и давая себѣ отчетъ, я увидѣлъ, что часто причина паденія одного государства, возвышала на степень могущества другое.

Для чего же даюшь намъ такое восшашаніе? Для чего Новая Ишпорія не предпочтаешся старой? полезное скучному? . . . вонть вопросы, копорые дѣлалъ я самъ себѣ тысячу разъ. . . . .

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОЛДАТЪ.

(*Баллада*).

- «Отворите, ради Бога: —
 «Въ полѣ буря повеселась!
 «Кровлю хижины убогой
 «Потерялъ совсѣмъ изъ глазъ!
 * * *
 «Тамъ попокъ неукротимый
 «Мчится преградить мнѣ путь!
 «Я свѣшилъ подъ кровь родимой
 «Ошь шревоги опдохнуть!
 * * *
 «Я солдатъ, — и въ зной и въ холодъ
 «На землѣ бывало сплю!
 «Но смотри, — ужь я не молодъ;
 «Ошвори — благословлю!
 * * *
 «Въ зимній вечеръ расскажу я
 «Чудеса далекихъ мѣстъ;

«Какъ я въ бившѣ зло пируя,
«Взялъ медаль и свѣшлый крестъ.

* * *

«Но виситъ замѣкъ огромный
«На вратахъ пвиохъ палатъ!

«А въ дому пвоемъ не шѣмно, —
«Въ немъ разгульно говоряшъ!

* * *

«Попытаю же пошока,
«Если вопль не вняшетъ мой!

«И богато и широко
«Проживай съ своей семьей. . . . .»

* * *

Не замолкнулъ пиръ богатой,
Долго озаренъ былъ домъ;

Но печальной спонъ солдата
Бурей раздается въ немъ.

* * *

День блѣшетъ; — чье же шло
На границы кинулъ валъ? —

Трупъ—въ рукъ оледенлой
И медаль и крестъ держалъ! . . . .

Ромчевъ.

И С Т И Н А.

Есть незнакомка, сестра Серафима,
Образъ смиренный святой чистоты,
Хоть соблазнительно смертными зрима;
Въ блескъ роскошномъ самой наготы.
Всѣми дщерь эта небесная чинима;
Имя ей—Истинна! сколько въковъ,
Смертпный обнять ее хочетъ. . . . но шщепно:

Чистая дѣва изъ рукъ мудрецовъ
Точно духъ нѣкій скользитъ непримѣшно;

И обожатели дѣвы святой,
Явно подобясь, увы! Иллиону
Въ басни извѣстному спранной судьбой,
Мысля, что эту впору Ююну

Къ страшному сердцу жмушъ спраспной ру-
кой —

Тоже, лишь облакъ объемлюшъ пущой!

В. Романовичъ.

Ш А Р А Д А.

Когда къ вамъ не придетъ бостона иль шестя,
Когда мизера вамъ нельзя произнести;
Тогда и не хотя *пагало* назовѣте,
А гдѣ естъ мой *полсѣцъ* памъ корабли найдѣте;
Имбляжъ *цѣлое*, пройдѣше *цѣлый* свѣшъ.
«А, эшо деньги? . . .» *Нить!*

Въ No 28 помѣщенная шарада значитъ: *Ci-gare.*

M O D E S.

On quitte les étoffes brillantes et riches,—les bijoux de luxe, pour prendre les étoffes sans apparence et sans éclat.—Des negligés le soir, peu de toilette le matin.

Les promenades vont revenir avec le beau tems. Nous aurons alors des idées à donner, si nous n'avons pas de comptes à rendre.

C'est le 21 ce mois que doivent s'ouvrir les nouveaux magasins de M. Delisle, transférés de la rue Sainte-Anne à la rue de Choiseul. Il y aura foule pour les voir. On n'imagine rien de plus merveilleux et de plus vaste.—Ils laissent arrière d'eux ceux de *Waterloo* qui sont l'orgueil de Londres.

Modes. — Les plumes commencent à être mieux placées le soir que le matin. — En général, les mode du jour sont déjà plus de printemps.

Les chapeaux de velours se portent moins.

Nous sommes maintenant dans la saison où la moire et le gros des Indes sont le mieux placés.— Ces étoffes s'emploient généralement,—en chapeaux ou capotes.

Les plus nouvelles sont celles appelées à la *modest-woman*, en poux de soie rose et vert chou,—en moire verte, doublée de moire blanche ou lilas,—et tout en moire lilas.

Elles se font aussi en moire paille, doublée de moire lilas avec un bouquet de violettes de Parme.

De fort jolies, faites avec un goût parfait, nous ont été montrées chez madame Hocquet, rue Ventadour, n° 11.

Le soir, on porte beaucoup de chapeaux de crêpe blanc, avec un bouquet de têtes de plumes blanches frisées, placées de côté sur le haut de la calotte.

Robes.—Pour les robes du soir, habillées ou demihabillées, une jolie forme est à revers tombans. — Il fait la pointe devant et sur les épaules, où il retombe très-bas comme un jockey. — Ce revers se borde d'un

petit rouleau, — aux deux pointes de l'épaule, on place un nœud de ruban de la couleur du rouleau. — Le corsage doit être plat, décolleté.

Cette façon convient parfaitement aux robes de mousseline de soie ou de gaze brochée.

Pour de très-jeunes personnes, une charmante mise de soirée peu habillée est une robe de mousseline blanche, manches longues; — et corsage plat, arrondi en haut, — les épaules plates. — Point de garniture. — En dedans, une chemisette bordée d'une petite broderie et d'une dentelle.

Lingerie. — On fait de nouveaux canezous et fichus, qui diffèrent en quelque nuance de ceux de l'année passée, par la grandeur ou la pose du jockey — garnis en haut par un ou deux petits cols. — Ou une collerette montée sur un collet qui retombe. — A ces canezous, beaucoup de rubans.

М О Д Ы.

Пышныя, блестящія шкани, — вещи означающія роскошь, оспавляютъ, и носятъ преимущественно по чпо имѣешь менѣе блеска. — Вечеромъ простыя платья и упрромъ очень мало нарядныхъ.

Прогулки начнутся съ хорошею погодою. Тогда постараемся дать по крайней мѣрѣ понятіе объ одеждѣ, естли нечего будетъ описывать.

21 числа сего мѣсяца должны открыться новые магазины Г-на Делия, переведенные въ улицу Шоазель (Choiseul) вѣрно всѣ поспѣшатъ осмапривать ихъ. Нельзя ничего вообразить чудеснѣе и просшраннѣе. — Они весьма превосходятъ магазины *Ватерлоо*, которыми гордятся Лондонъ.

Моды. — Перья начинаютъ носить болѣе вечеромъ, нежели упрромъ. — Вообще дневные наряды болѣе сближаются съ весною.

Въ шеперешнее время года всего приличнѣе море или gros des-Indes. — Шляпки и капоты изъ сѣхъ машерій во всеобщемъ употребленіи.

Новѣйшія капоты, называемые à la *modest Woman*, розовые съ свѣтло-зеленымъ (*Vert-*

shou), — изъ зеленого море, подложенные бѣлымъ или сиреневымъ, — и всѣ сиреневые.

Также дѣлаютъ ихъ изъ море соломеннаго цвѣща, подложенные сиреневымъ съ букетомъ пармскихъ фіалокъ.

Очень красивыя сдѣланы съ большимъ вкусомъ, видѣли мы у Г-жи Гоке (Nocquet) въ улицѣ Ваншадуръ.

Вечеромъ носятъ много шляпокъ изъ бѣлаго крена, съ букетомъ изъ концевъ завитыхъ бѣлыхъ перьевъ, припиленныхъ сбоку наверху шумли.

Платья. — Очень красивый покррой для вечернихъ платьевъ, нарядныхъ и полунарядныхъ, съ откидными отворотами. — Спереди и на плечахъ дѣлаются они мыскомъ, на плечахъ упадаютъ низко какъ эпюлетты. — Отвороты сн обшиваются узенькимъ руло, — на обѣихъ мыскахъ на плечахъ банты изъ лентъ одного цвѣща съ руло. — Лифъ гладкой, открытой.

Сей покррой очень приличенъ платьямъ изъ шелковой кисеи или запканнаго газѣ.

Прекрасный вечерній полу-нарядъ для очень молодыхъ особъ, естъ бѣлое кисейное платье, съ длинными рукавами; — съ гладкимъ лифомъ, округленнымъ вверху, — на плечахъ и на юбкѣ никакой опдѣлки, поднизъ надѣта шемизетка съ узенькой вышитой каемкой и опорочена кружевомъ.

Блѣе. — Дѣлаютъ новыя канзу и косыпочки съ нѣкоторою переменною опъ прошлогоднихъ, въ величинѣ и формѣ эпюлеттъ. — Вверху одинъ или два воротничка или борочикъ пришитый сверхъ опложнаго воротничка. — На такихъ канзу много лентъ.

С М Ъ С Ъ.

Наблюдай за своими дѣйствіями и разговорами. Сія предосторожность избавитъ тебѣ опъ множества хлопотъ.

Промышляй добрая предъ Богомъ и чловѣки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 30.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 15 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Тонъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ пишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучашъ другихъ, и топчешъ надежду
Спсезю добродѣтели, къ концу неизбъжну.

Князь Кантемиръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРИИ.

Лозанна.

Въ Швейцаріи и, почти можно сказать, въ цѣлой Европѣ, мало найдется такихъ видовъ, которые бы сравнились съ видами окрестностей Лозанны.

Ришаръ.

«Иерусалимъ! Иерусалимъ!» вскричалъ нашъ спутникъ, взоидя прежде всѣхъ на возвышеніе, называемое: *Signal*. Мы тоже повшорили, увидѣвъ Лозанну.

Съ перваго взгляда, сходство сего прелестнаго города съ Иерусалимомъ, кажется разительнымъ. Дома и другія строенія, то склоняясь, то возвышаясь, по направленію прехъ холмовъ и образуемыхъ ими долинь, покрываютъ собою все сіе пространство. Впрочемъ, если Лозанна не представляетъ столь величественныхъ воспоминаній, если въра не наполняетъ здѣсь душу христіанина умиленіемъ, при видѣ священныхъ мѣстъ, напоминающихъ о таинствѣ искупленія,—зрѣлищъ, достойномъ Ангеловъ, о которомъ проповѣдуетъ Евангеліе: по крайней мѣрѣ сіи цвѣтущіе берега, это пышное озеро, зданія новѣйшей архитектуръ, шпиль, куполы, блистающіе серебромъ на солнечныхъ

лучахъ, чистый и прозрачный воздухъ, составляютъ самую восхищительную перспективу, какую только можно видѣть.

Бернъ служишь убъжищемъ мира и пишинъ; Лозанна, съ близъ лежащаго возвышенія, кажется новымъ раемъ.

Мы оспановились и безмолвно любовались сею волшебною картиною. Наконецъ обратясь къ путешественнику, который вмѣстѣ съ нами объѣхалъ часть Валежской области, мы вскричали въ одинъ голосъ: «какъ, это ваше опечесство, и вы путешествуете?—Мнѣ кажется, что вы, Господа, обворожены видомъ нашего города! и при всемъ томъ еснѣ люди, которые предпочитаютъ ему Женеву — Невозможно, чибобы Женева была превосходнѣе. Какъ далеко отъ природы ваше подражаніе, Гг. живописцы! но можъ ли подражашъ сему богатству, изяществу и проспекту? можно ли оспановитъся на одномъ предметѣ? и все это подлѣ насъ, у ногъ нашихъ; а вдали эта волнообразная цѣпь горъ и ледниковъ, сіи мрачные лѣса, которые составляютъ столь рѣзкую противоположность съ нѣжною зеленью, насъ окружающею; наконецъ видъ сихъ скалъ, возвышающихся красотою домовъ, садовъ и полей, оживленныхъ симъ пышнымъ озеромъ. Можно ли изобразить на холстѣ сполько чудесъ,

окружишь ихъ сею числою атмосферою, и представишь вдали грозу, собирающуюся надъ ледниками?—Вы правы, Мм. Гг., все это красоты первоспененнаго разряда; но я видѣлъ Конспанпинополь. — Можеть бытъ онъ хорошъ и я совсѣмъ не расположенъ хулить сію столицу Турокъ. Но позвольте сдѣлать одинъ вопросъ! жители Лозанны, ваши соотечественники, не болѣе ли васъ удивляются и не живѣе ли чувствуютъ красоту сей великолѣпной картины? неужели вмѣстѣ съ обладаніемъ, мы переспаемъ цѣнишь вещи?—Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь: я удивляюсь, постигаю красоты: но *я столько разъ видалъ солнце*, такъ присмотрѣлись мнѣ сіи города, сіи великолѣпные сельскіе виды! Природа, подобно челоѣку, вездѣ одинакова. Когда въ первый разъ увидѣлъ я Венецію, я былъ въ изступленіи; въ Конспанпинополь, Нью-Йоркъ, Каиръ, Мекку, со мною было тоже; но наконецъ мое извѣненіе, мои восторги остыли, и я смошрю теперь холодно даже на ломкій корабль мой, повѣлывающій съ вершины огромнаго вала безпредѣльною стихіею! — Вы, конечно, мореходецъ?—Да, служба моя началась на семъ озерѣ, противуположный берегъ котораго видѣнъ отсюда: въ послѣдствіи я увидѣлъ многое. Я опдыхалъ подъ наметомъ Негровъ, и посѣщалъ пустыни Южной Америки; можеть бытъ и шамъ нѣкогда возникнутъ пышные города, и навѣрное найдутся прекрасные виды, когда часть лѣсовъ срублена будетъ рукою челоѣческой, осушатся нѣкоторыя болоша, продолжится пушь горнымъ потокамъ и расчищены будутъ кустарники. Эта Лозанна, ея окрестности, копорымъ вы теперь удивляетесь, не всегда были шаковы. Друиды, собиравшіе въ этой дубравѣ амету для опправленія своихъ шависствъ, конечно удивились бы, найдя здѣсь то, что вы называете волшебною картиною; они, можеть бытъ, оставили только дикихъ звѣрей, грубый народъ и змѣевъ, поперемѣнныхъ власпелиновъ спраны сей. — На сей разъ, вы сударь, говорите о шакихъ вещахъ, копорыхъ вы не видали.—Это правда, но я люблю восходить къ древнимъ временамъ; благодаря своей начитанности и пу-

пешествіямъ, я могу себѣ представить, въ какомъ на примѣръ положеніи находилась зѣмля сія, прежде нежели Римъ и гражданственность проникли за Альпы. Это прекрасное озеро было загромождено валежникомъ; огромныя спада пицъ своими рѣзкими криками придавали ему еще болѣе дикости. Въ прекрасную погоду, мушныя погда воды его, чуть чуть отражали деревья и прибрежные утесы. Сіи величественные и смѣющіеся лѣса представляли прежде мрачный видъ, и въ нихъ раздавался только ужасный крикъ, о коемъ упоминаетъ *Виргилій*, говоря о предзнаменованіяхъ смерти Цесаря. Сіи берега, нынѣ сплошь плодоносные, прежде представляли одни топкія болоша; воздухъ, сгущенный испареніями споячихъ водъ, въ самыя ясныя дни, едва ли былъ такъ чистъ, такъ благорасшворенъ, какъ теперь: думаете ли вы, что тогда удивлялись подобно вамъ, сей перспективѣ и этому ландшафту? Галль, заведенный въ спрану сію любопытствомъ, узналъ короче берега озера и его окрестности и направленіе дорогъ, дабы не сбишся съ пуши во время охоты, могъ ли почитать эшопъ край эдемомъ? Природа чудесно облегчаетъ труды челоѣка; но согласитесь, что челоѣкъ есть царь надъ нею и что все видимое вами здѣсь, есть дѣло рукъ его. При видѣ сей воздѣланной, богатой и разнообразной натуры, меня болѣе всего поражаетъ могущество, коимъ Провидѣніе одарило челоѣка. Повсюду нахожу слѣдствіе сего общесства, для котораго мы родились,—разума, возвышающаго насъ надъ всѣми созданіями. Кто-шо сказалъ, — я не упоминаю теперь его имени, — что лучшее хвалебною цѣнью Провидѣнію, есть созерцаніе чудесныхъ красотъ природы; но природы образованной, украшенной, управляемой мущою рукою мудрыхъ правителей.»

Нашъ морякъ былъ философъ: мы скоро замѣнили, что лучше всего дать ему волю разсуждать; впрочемъ все, что онъ ни говорилъ, было занимательно; мы съ удовольствіемъ слѣдовали его сравненію пѣхъмѣствъ, гдѣ мы находились; какъ въ дикомъ ихъ сошпаніи, такъ и въ насшощемъ образованномъ. Сверхъ того, мнѣніе его сплошь было

лесно вообще для рода человеческого, что мы не могли скучать его многогречемъ; между тѣмъ, онъ повидимому самъ остановился, и мы воспользовались симъ антрактомъ.

«Какъ вы, сударь, Лозанскій уроженецъ, то безъ сомнѣнія можете различить въ нѣкоторомъ разстояніи, и даже отсюда, знаменитѣйшіе памятники. Это конечно соборная церковь, которая съ сего возвышенія повелѣваетъ всемъ городомъ и коей мрачная, грозная колокольня кажется напоминаеть о Епископахъ, властвовавшихъ въ сихъ мѣстахъ?» — Вы не ошиблись; это въ самомъ дѣлѣ Соборная церковь, превосходный памятникъ Готической архитектурѣ. Она заложена въ 1000 году Епископомъ Генрихомъ. Храмъ сей спроился около 2-хъ столѣтій, но случившійся въ 1216 году пожаръ разрушилъ ее почти совершенно. Посредствомъ добродѣтельныхъ пожертвованій, храмъ сей возобновленъ, и въ 1275 освященъ Папою Григоріемъ X въ присутствіи Рудольфа Габсбурга. Въ послѣдствіи памятникъ сей испытывалъ многія превратности и еще недавно, въ Маѣ 1825 года, обрушилась одна изъ главъ его, какъ вы видите. Я совищу вамъ подробно разсмотрѣть нашъ Соборъ; это одна изъ лучшихъ Готическихъ церквей въ Европѣ, и вы увидите въ немъ любопытныя и занимательныя рѣдкости.»

Мы обѣщали послѣдовать сему совищу и нашъ спутникъ, предупреждая наши желанія, продолжалъ:

«Далье, почти въ той же линіи, обширное зданіе, которое вы видите, есть другая церковь св. Франциска. Сколько въ ней было преній, крику, сколько издержано словъ! Вамъ извѣстно, что во время реформаціи, здѣсь производились съ обѣихъ сторонъ Богословскіе споры. Отсюда зданіе сіе не имѣетъ ничего занимательнаго; вблизи видъ его довольно скученъ и нескладенъ; впрочемъ, это старъй памятникъ, почти полуразрушившійся отъ времени. На правой сторонѣ вы видите еще церковь св. Лавренція. Она принадлежитъ къ новѣйшимъ зданіямъ, будучи построена уже въ 18 столѣтіи. Это прекрасное зданіе, коего памятникъ соединяетъ въ себѣ два Ордена архитектуръ, Ионичес-

кій и Дорическій. У насъ есть еще одинъ храмъ, но едва ли вы отсюда его увидите... Замѣтите, въ этой части города, называемой *Нижнимъ городомъ* находится храмъ Философовъ. Это низкое зданіе, но Богъ вездѣ присутствуетъ; какъ бы то ни было, но для него должно быть пріятнѣе зрѣлище, когда люди трехъ исповѣданій въ одномъ храмѣ прославляютъ имя Его. Если нѣкоторые изъ нихъ заблуждаются, то для него пріятно просить ихъ, видя ихъ вмѣстѣ соединенныхъ Христіанскою любовію. Эта церковь называется *la Chapelle du culte*; въ ней Римско-Католики, Англичане, Реформаты, попеременно собираются молиться и слушать Слово Божіе.»

«Позвольте, сударь; но не упопробимъ ли мы во зло вашего благорасположенія, если осмѣлимся сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ? Четвертое угловое зданіе, видимое нами на краю ~~этого~~ изъ предмѣстьевъ, есть, конечно, замокъ?» — Такъ точно; это жилище прежнихъ нашихъ властителей — Епископовъ. Видите въ концѣ этой улицы (*Mercerie*) оспанки спаринныхъ воротъ, въ которые всупали они, облакаясь верховною властію. Тамъ они должны были оспановиться, и попирали ногами подвластную имъ землю не прежде, какъ поклявшись защищать права и преимущества Лозанскихъ гражданъ. Но обратимся къ сей громадѣ камней, коей площадь можетъ быть сдѣлана ихъ глухими къ просьбамъ нашихъ предковъ. Построеніе вала относится къ срединѣ 13 столѣтія и они, конечно, простоятъ еще долгое время.

Давнымъ давно уже невидно оружія на сихъ бойницахъ, ни караула Епископскихъ солдатъ вокругъ сей галлерей. Внутри уцѣлѣли однѣ только Епископскія комнаты. И теперь показываютъ позади кафедры, закладенный входъ въ подземелье, ведущее въ разныя Монастыри города. Симъ-то выходомъ въ 1586 году спасся отъ Бернцевъ послѣдній Епископъ *Монфоконъ*. Онъ бѣжалъ изъ своего владѣнія, почитая себя счастливымъ, что не обагривъ его своею кровію. Прочія части зданія передѣланы въ послѣдствіи для другаго употребленія. Часть двора обращена въ терась, гдѣ вы проходите подъ швъю

акацій, чтобы насладиться великолѣпнымъ видомъ. Въ приспройки вокругъ спараго замка сдѣланы въ 1802 году. Здѣсь по помѣщенны Апелляціонная камера, собраніе Большаго Совѣта, и Экзерцицъ-гаузъ для воспитанниковъ военной школы. Окружная госпитальница теперь составляетъ почти единственный предметъ, который опшюда можно видѣть. Это большое, красивое зданіе находится недалеко отъ насъ, на дорогѣ, ведущей въ Бернъ. Она отличается какъ прочностью, такъ и внутреннимъ убранствомъ. Я могу еще показать вамъ Академію или Коллегію, если вамъ угодно. Вотъ оно, зданіе еіе построено въ 1587 году. Оно весьма обширно; вы видите только одну его часть; въ немъ помѣщаются классныя комнаты, самая Академія, общая бібліотека, назначенная для употребленія воспитанниковъ и проч. Я хотя мореходецъ, но часто посѣщаль въ молодости моей это заведеніе, и теперь еще помню расположеніе бібліотечныхъ шкафовъ и Профессорскихъ кафедръ. Но вы скоро сами лучше о семъ узнаете, ибо я уже позабылъ многое... Теперь же, Мм. Гг., когда я кончаль предъ вами роль Елены, объявившей Пріаму о числѣ Греческой арміи, или почти такую же роль Эрмивніи предъ Царемъ Иерусалимскимъ, неугодноли вамъ вмѣшѣ со мною опшравиться въ городъ, и запросто опобѣдать у меня?» Мы не могли опказатьсь опъ столь радушнаго и искреннаго приглашенія, и направили шаги съ возвышенія въ Лозанну, съ кошорою мы уже нѣсколько ознакомились.

(Отмчаніе въ слѣдующемъ листкѣ.)

ВОСКРЕСШІЙ МЕРТВЕЦЪ.

Нѣсколько времени спрадаль я медленною лихорадкою. Силы мои съ каждымъ днемъ истощались; но по мѣрѣ ослабленія шѣла, мысли мои спановились быепрѣе. Я прочель въ глазахъ врача, что онъ опчаялся въ моемъ выздоровленіи: заботливый и унылыя лица друзей моихъ ясно показывали мнѣ, что я уже не жилецъ на свѣшѣ.

Къ вечеру сдѣлался переломъ болѣзни... я почувствовалъ странную дрожь. — Незап-

ный шумъ раздался въ ушахъ моихъ. — Около кровати моей я увидѣль чудные образы: они казались свѣтлыми, мечтательными и безплотными; все сіе предспавлялось мнѣ въ радужныхъ цвѣтахъ; я хотѣль пронуться, но не могъ. — Нѣсколько минушь прошли для меня въ ужасномъ смепеніи. — Попомъ мысли мои опять совершенно прояснились; но я не могъ опшевелишься; слышаль плачь подлѣ моего изголовья и крикъ прислужницы: «онъ умеръ!» и вооружился всею силою воли, чтобы показать хотя малѣйшіе признаки жизни, и со всѣмъ шѣмъ не могъ даже сомкнуть глазъ. Черезъ нѣсколько времени подошелъ ко мнѣ братъ мой и, всхлипывая, почти судорожною рукою закрыль мнѣ глаза. Съ шѣхъ поръ Божій свѣшъ сдѣлался для меня шѣмою; но я въ сосполніи былъ еще все слышаль, чувствовалъ и спрадаль.

Когда закрыли мнѣ глаза, я слышаль, какъ говорили слуги, что братъ мой вышелъ изъ комнаты, и я скоро узналь, что пришли наемники одѣшь меня въ погребальное платье. Безпечносп ихъ была для меня гораздо мучительнѣе горести друзей моихъ. Они смѣялись между собою поворачивая меня, и поносили съ безспыдспвомъ шѣло мое, почпшая оно шрупомъ.

Одѣвъ меня, сіи жалкія швари удалились, и тогда начался постыдннй обрядъ припворной печали. Въ продолженіе двухъ дней, нѣкоторые изъ друзей моихъ приходили смптрѣшь на меня. Я слышаль, какъ они шико говорили обо мнѣ и двое изъ нихъ дошрогивались до меня перспомъ. На другой день вечеромъ нѣкоторые утверждали, что шѣло мое начинаель разрушаться.

Принесень гробъ. — Меня положили въ него. Братъ мой подложилъ мнѣ подъ голову подушку, воображая, что это было въ послѣдннй разъ; я чувствовалъ, какъ слезы его падали мнѣ на лице.

Всѣ, принимавшіе во мнѣ нѣкоторое участие, опдали мнѣ послѣдннй долгъ и удалились. Наемники, взятые для похоронъ, поккрыли гробъ крышкою и прибили ее гвоздями: ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ ушелъ по надобности, не кончивъ работы; другой

на свисывавъ пѣсню, приколачивавъ гвозди; попомъ переспавъ свисавъ и кончилъ свое дѣло молча.

Я остался одинъ, одинъ въ комнатѣ. — Впрочемъ я зналъ, что я еще не похороненъ; хотя темноша окружала меня и я былъ неподвиженъ, но все, все надѣялся; однако надежда сія не была продолжительна. Настала минута моего погребенія. — Я чувствовалъ, какъ подняли гробъ и понесли его; слышалъ, какъ поставили его на дроги; около его собралось множество знакомыхъ и чужихъ: нѣкоторые изъ нихъ говорили обо мнѣ и сожалѣли обо мнѣ. — Дроги пронулись съ мѣста. — Я зналъ, что меня везутъ на кладбище. — Лошади оспановились и гробъ былъ снятъ. — По шапкому движенію я примѣтилъ, что меня несутъ могильщики. — Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. — Я слышалъ, какъ веревки скользили по гробу. — Я чувствовалъ что вишу. Гробъ опускался на дно могилы. — Шумъ веревки опять послышался на крышкѣ. — Я опустился съ сильнымъ ударомъ. — Я сдѣлалъ, или воображалъ сдѣлать чрезвычайное усиліе, чтобы пронуться... но шло мое осталось неподвижнымъ.

Вскорѣ попомъ, нѣсколько горстей земли брошено на гробъ. — Еще продолжалось молчаніе. — Принялись за засыпы и стукъ земли, покрывавшей меня, казался мнѣ гораздо ужаснѣе грома.... Но я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго усилія. — Шумъ спановился пише; по давленію, которое доходило до меня, я узналъ, что могильщики ушапцываютъ землю ногами и уравниваютъ ее лопатами. И этотъ шумъ прекратился.... Все сдѣлалось тихо вокругъ меня.

Мнѣ невозможно было замѣчать времени. «Это состояніе смерти, думалъ я; мнѣ суждено оспаваться въ землѣ до спрашнаго суда. Тѣло мое начинаеть разрушаться, и черви придуть на пиръ, приготовленный для нихъ съ такимъ спараніемъ.»

Среди сихъ ужасныхъ размышленій, мнѣ послышался глухой шумъ надъ моей головою; я счелъ это за приближеніе червей, а можетъ быть мышей и могильныхъ гадовъ. Шумъ увеличивался и спановился все ближе

и ближе. «Можетъ спаваться,» подумалъ я: «друзья мои подозрѣваютъ, что слишкомъ рано похоронили меня.» Надежда сія; будто внезапный свѣтъ, озарила мракъ смерти.

Шумъ умолкъ. Я почувствовалъ, что меня схватили за горло руками, и вышавили изъ гроба. Я снова почувствовалъ вліяніе воздуха, но онъ былъ холодень, какъ лѣдъ. Меня несли очень скоро... и я вообразилъ, что можетъ быть хопятъ меня предспавивъ предъ судилище того Свѣта.

Черезъ нѣсколько минутъ меня опустили и бросили, какъ шрупъ... однакожь не на землю. Черезъ минушу я очутился въ повозкѣ, и изъ нѣсколькихъ словъ догадался, что попалъ въ руки двумъ ворами, которые промышляютъ мерпвыми тѣлами и продають ихъ. Одинъ изъ нихъ напѣвалъ непристойныя прибаутки, когда повозка капилась по мосишовой.

Когда она оспановилась, меня изъ нее вынули, подняли на плеча и внесли въ комнату, гдѣ было шепле. Тутъ разорвали на мнѣ саванъ и положили меня на споль. Изъ разговора двухъ чедовѣкъ съ слугою, который впуешилъ ихъ, я узналъ, что въ эту ночь меня спанути анашомишь.

Глаза мои еще не открывались; я ничего не видалъ; но скоро уелншалъ, что собрались Медицинскіе спуденцы. Нѣкоторые изъ нихъ ходили вокругъ спольа и съ любопытствомъ меня разспавривали. Они очень были довольны тѣмъ, что достали такой свѣжій шрупъ. Наконецъ прибылъ самъ просекпоръ.

Не приступая къ анашомированію, онъ предложилъ сдѣлать надо мною нѣсколько Галваническихъ опытовъ, для чего принесена была машина. Первый ударъ привелъ въ сопрасеніе все мои нервы, подобно спрунамъ арфы. Спуденцы изъавили удивленіе при видѣ сего судорожнаго дѣйствія; при второмъ ударѣ открылись у меня глаза, и первый предспавившійся мнѣ, былъ мой медикъ; но я былъ еще, какъ мерпвый. Однако уже могъ я различать между спуденцами многія знакомыя мнѣ лица; нѣкоторые изъ нихъ узнавъ меня, вачали сожалѣть, что имъ не попался чей либо чужой шрупъ.

Удовольствовавшись Гальваническими явлениями, просекторъ вынулъ свой ланцетъ и вонзилъ конецъ онаго мнѣ въ грудь; за симъ послѣдовалъ судорожный спонъ и въ то же время раздакъ въ залѣ крикъ ужаса: узы смерти были распоргнуты и оцѣпененіе мое кончилось. Всѣ старанія были употреблены для возвращенія меня къ жизни. Черезъ часъ я получилъ употребленіе чувствъ.....

пер. *Сokolovъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕЧЕРЪ НА РАЗВАЛИНАХЪ.

Блѣвють пышные остатки *Колонады*,
Разбросаны обломки алтарей,
И храмовъ, и жилищъ Царей. . . .
За сизою дымкою рисуются громады,
Какъ образы мечты, какъ видѣніе сна. . .
И нѣко светелъ холодный прахъ роснстой.
И чешуей сверкастъ серебристой
Замвъ морей . . . и вышина
Скруглилась куполомъ спекляннмъ;
И *желтая* луна
По облакамъ, изъ бисеровъ испканныхъ,
Чуть видимо сама себя капищъ;
Душа полна возвышеннаго чувства,
И на классическихъ развалинахъ *искусства*
Съ вѣками говорипъ.

Ө, *Глинка.*

С Н А Р А Д Е.

Interprète muet des caprices du sort,
Mon premier à lui-même, en ses effets contraire,
Fait naître d'un seul coup la joie et la colère;
Mon second, tout lecteur le sait, c'est chose claire:
Pour mon tout, tu le peut deviner sans effort:
Il annonce l'amour, la folie ou la mort.

Въ No 29 помѣщенная шарада значипъ: *Пас-портъ.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мы обѣщали читателямъ нашей газеты предсавипъ краткій, но вѣрный отчетъ, о новыхъ Русскихъ пѣсахъ, игранныхъ на С.

Петербургскихъ театрахъ съ начала нынѣшняго года. Исполняемъ обѣщаніе.

7 Января предсавлены были на большомъ театрѣ въ пользу актера Г. Карапыгина сп., *Кровавая рука*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и *Изора*, или *блшеная*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Трагедія *Кровавая рука* написана на Испанскомъ языкѣ однимъ изъ родоначальниковъ Драмашурговъ-Романшиковъ, *Кальдерономъ де ли Барка*; въ 1620-40 году. Нѣмцы, передѣлывая трагедію сію (*Don Gutier*) для своего театра, по крайнему своему уразумѣнію, многое въ ней сократили; а Г. Карапыгинъ сп., переводя эту передѣлку на Русскій языкъ, по неразумѣнію своему, обезобразилъ ее до того, что многія въ ней мѣста трудно или, вѣрнѣе сказать, невозможно понять.

Вошь и доказательство:

Дона Менція. (къ слугамъ).

Дойстойный гость пусть *примется* (*)
достойно

Д. Менція.

Ахъ, еслибъ я могла

Здѣсь успокоиться!

Гіацинта.

Поспайшесь.

Инфантъ (въ Менціи).

Скажи, чѣмъ ны свое *оправишь* (**) прешупленье.

Инфантъ (Менціи же).

О, не спрашивъ! . . . и не пари въ эфиръ.

Д. Гутьеръ. (Королю).

Я, Государь, васъ только извѣщаю,
что *можетъ* лишь случипъся, а не *естъ*.
Довольно! Довольно!

Основа трагедіи: *Кровавая рука* естъ слѣдующая: Королевскій братъ, Донъ Энрикъ, влюбленъ въ жену Каспильскаго вельможи Д. Гутьера. Ревноспъ слѣпа. Д. Гутьеръ, мнимо убѣжденный въ невѣрносипи Д. Менціи

(*) Какъ будто какое нибудь раствіе.

(**) Золотомъ, или перламутромъ?

(или жены его), рѣшается погубить ее, *кровопусканіемъ*. Для сего вспрѣвши на улицѣ какого-то лѣкаря и завязавъ ему глаза, приводишь его въ свой домъ. Лѣкарь угрожаемый кинжаломъ, по приказанію Д. Гупьера пускаешь Менци кровь изъ всѣхъ жилъ. Убийца, завязавъ снова глаза лѣкарю, выводишь его изъ дома. Лѣкарь смѣкнувъ, что дѣло плохо, чпобъ не бытъ въ отвѣтственности за такое кровопусканіе и чпобъ знашь на кого донести о семъ правительству, *обмакнулъ въ кровь Менци свою руку* и выходя изъ Гупьерова дома, приложилъ ее къ дверямъ онаго. Эпо кровавое пятно изобличало убійцу, который, избѣгалъ правосудія, лишилъ себя жизни.

Если бы не прекрасная игра въ этой піесѣ Гг. *Брянскаго* (Король Д. Педро) и *Каратыгина* сп. (Д. Гупьеръ), не ручаемся, оспалось ли бы въ концу трагедіи, въ театрѣ, десятиая часпъ многочисленной публики, посѣпвшей бенефисъ Г. *Каратыгина*.

Любовь какого-то Сельмара къ какой-то Изорѣ, свела его съ ума (принимаемъ сіе слово не въ переносномъ смыслѣ.) Сельмаръ, бѣгая по лѣсамъ, выбѣгалъ иногда и на большую дорогу, гдѣ и вспрѣпился однажды съ причиною своего сумасшеспвія, съ Изорою, цѣлуя Изору, Сельмаръ, въ восторгѣ спраши, укусилъ ее. А какъ въ то время носился слухъ, чпо Сельмаръ взбѣсился не отъ любви, а отъ укушенія бѣшенаго волка, то и Изора, вообразивъ чпо ее укусилъ бѣшенный любовникъ, свихнула съ ума, и пустилась шапке бѣгать по лѣсамъ. Родспвенники и женихъ ее наконецъ ее поймали, и увѣрили ее, чпо она бѣсится по пустому, чпо Сельмаръ умеръ не отъ укушенія бѣшенаго волка, а отъ сумасшеспвія. Эпо извѣстіе ободрило Изору и навело ее снова на умъ. Она вышла за мужъ за жениха своего, который вѣрно былъ не изъ *слабоголовыхъ* и не думалъ сумазбродить отъ любви.

Вошъ содержаніе комедіи: *Изора или бѣшеная*, переведенной съ Французскаго Г. Каратыгиннымъ сп. Въ этой піесѣ сценической паланшъ Г. жи *Каратыгиной* былъ въ пол-

номъ своемъ блескѣ. Она предспавила намъ Изору съ искусвомъ неимовѣрнымъ. Разспроиспво ума Изоры, выраженное Г-жею Каратыгиною, еспъ вѣнецъ ея драматическаго паланша.

(Окончаніе будетъ.)

M O D E S.

Modes. Les turbans avec un oiseau, un esprit ou une grande plume, sont beaucoup mieux que les berrets, qui ne se portent plus que très-simples plats du fond, point d'ornement.—Penchés sur l'oreille.—Le vrai berret.

Les berrets de foulards peu habillés et négligés conviendront assez longtems encore, même avec les premières chaleurs de printems.

Les bonnets du soir sont toujours en blonde ou tulle et blonde.—Une haute garniture, qu'il est bon de soutenir par de très-petits rouleaux aussi délicats qu'une ganse.—Beaucoup de petites fleurs fort légères.—Point de noeuds de rubans par devant; quelques bouts découpés en pointes; les rubans doivent être derrière la blonde par derrière, et les bridés larges, partent d'un peu haut.—Lorsque les bonnets n'ont pas de fleurs, les rubans se placent en guirlandes, s'élevant un peu de côté.

Robes.—Les robes de mousseline blanche, qui se portent le soir en toutes saisons, sont bien avec le corsage froncé, décoleté, un rang de dentelle retombant en collerette; un autre, au-tour de l'épaule, vient faire la pointe par devant.

Pour les robes la plus jolie forme, peu habillée, est plate, décolletée.—Le devant ouvert et fermé juste par des agraffes.—Des manches longues.—On fait passer dessous une chemisette garnie d'une petite dentelle haute d'un doigt, ou une chemisette à collerette tombante.

Il est assez joli de faire terminer le corsage un peu en pointe, et au lieu d'une ceinture de ruban, mettre une espèce de galon à jour, finissant par une torsade et un gland.

Lingerie.—Les chemisettes décolletées se font plates, fermées devant et derrière.—S'élevant d'un doigt au-dessus de la robe. La dentelle, haute de trois doigts qui retombe, doit être posée carrément à peu près un pouce au-dessous de la coulisse.

De jolis petits fichus pour mettre sur la tête; dégageant le visage plus qu'un bonnet, laissant voir tous

les cheveux, se font en tulle uni ou brodé.—Taillés en pointes.—Tout autour est une dentelle haute de deux grands doigts, formée de manière à ne pas s'appliquer sur la tête.—Le fichu peut se nouer sous le menton, ou revenir au-dessus de la tête, un peu devant; formant la rosette.

Nouveautés. Le gros de Naples *caméléon*; étoffe de soie brochée de plusieurs couleurs.—Cette étoffe change de nuances au soleil; elle est d'un joli effet.—On la porte en toilette peu habillée.—Robe montante ou redingote.

Pl. No 9. Nouvelles modes.

М О Д Ы.

Моды. — Тюрбаны съ пшичкою, султаномъ или большимъ перомъ, гораздо красивѣе беретовъ, сѣи носятъ только самые простые, съ гладкимъ верхомъ безъ всякаго украшенія.—Наклона на одно ухо.—*Настоящій беретъ.*

Ненарядные береты изъ фулара долго еще будутъ въ употребленіи, даже и при началѣ весны.

Чепчики для вечера продолжаютъ дѣлать изъ блонды, или изъ пепинета съ блондою.—Оборка широкая, которую поддерживаютъ узенькимъ руло не ширше сурка.—Много мѣлкихъ цвѣтговъ.—Спереди нѣтъ бантовъ изъ ленты, а нѣсколько вырѣзанныхъ зубцами концевъ; они прикалываются сзади блонды, завязки очень широкія прикалываютъ высоко.—Когда нѣтъ цвѣтговъ на чепчикѣ, по лентѣ накалываются гирляндю, къ одной сторонѣ нѣсколько повыше.

Платья. — Платья изъ бѣлой кисеи, приличные для вечеровъ во всякое время года, всего лучше дѣлать съ сборнымъ, открытымъ лифомъ, къ нему пришиваютъ кружево, одинъ рядъ кверху; а другой окружая плеча сходятся спереди угломъ.

Самый лучший покрой для ненарядныхъ платьевъ, лифъ гладкій открытый.—Передъ разрѣзанъ и застегнутъ крючками.—Рукава длинные.—Подъ низъ надѣваютъ ше-

мизетку, обшиную кружевомъ шириною въ палецъ или съ опкиднымъ борочкомъ.

Весьма красиво, когда окачивается угломъ и, вмѣсто пояса изъ ленты, надѣвать золотой прозрачный галушь, оканчивающійся шнуркомъ съ желудемъ.

Бѣлье. — Открытыя шемизетки дѣлаются гладкія, цѣльныя сзади и спереди, изъ подъ платья видны онѣ не болѣе какъ на палецъ, ихъ обшиваютъ кружевомъ въ припальца ширины немного ниже вѣдержки.

Очень красивы для головы косыночки, изъ гладкаго или вышитаго шюля.—Ихъ края съ углами.—Обшиваютъ кружевомъ, шириною слишкомъ въ два пальца шакъ, чпобы оно не прилегало къ головѣ.—Концы косыночки завязываются на подбородкѣ, или опять обращаются кверху и составляютъ родъ банша къ одной сторонѣ; лице въ такомъ уборѣ гораздо менѣе закрыто, нежели въ чепчикѣ, волосы всѣ видны.

Новости. — Гроденапль *Caméléon*, шелковая матерія зашканная разнаго цвѣта шелками.—Она безпрестанно мѣняетъ цвѣтъ при солнцѣ, и очень красива.—Ее носятъ не въ большой нарядѣ.—На платьяхъ съ высокимъ лифомъ, или редингопахъ.

Кар. No 9. Изображаетъ послѣднія дамскія моды.

С М Ъ С Ь.

Милосыни и вѣра да не оскудѣваютъ шебѣ: обложи я на твоей выи, и напиши я на скрыжали сердца твоего: и обряцещи благодать.

Смысль есть собраніе или соображеніе дѣйствій души. Примѣнитъ, или имѣтъ внутреннее удостовѣреніе, обратитъ свое вниманіе, созерцать, воображать, приводить себя на память, размышлять, различать свои мысли, отклонять ихъ, сличать, составлять, разсматривать, раздроблять, утверждать, опровергать, судить, рассуждать, понимать: вопшь смыслъ!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 31.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 18 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Дуракъ ужь вѣрно сыщенъ средниво
Счастливымъ въ свѣтѣ бышь.

Хеллшцеръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАТОУБИЦА

(повѣсть)

(*Истинное происшествіе*).

Полкъ, въ которомъ служилъ я, въ прошедшемъ году былъ расположенъ въ одной изъ губерній благословенной Малороссіи. Я стоялъ съ моею ротною въ селѣ Ю*** и занималъ кварширу въ домѣ помѣщика В.— Величественный его ростъ вмѣстѣ съ благородною осанкою; смуглое, выразительное лице, простое, непринужденное обращеніе его и невыразимая плѣнительность голоса: невольно привлекали къ нему всякаго, кто хотя одинъ разъ его видѣлъ, кто хотя однажды говорилъ съ нимъ.—Я, будучи съ нимъ неразлученъ въ продолженіи почти цѣлаго года, имѣлъ возможность сойтись съ нимъ короче, и ближе вникнуть въ душу этого необыкновеннаго человѣка. Въ послѣдствіи, привычка находиться съ нимъ вмѣстѣ ежедневно, непримѣнно обратилась въ безпредѣльную, почтишельную къ нему привязанность и, въ бесѣдѣ съ нимъ, безпрестанно открывая новые источники тѣхъ неизъяснимыхъ удовольствій, кои, въ минулы какого-то мірозавненія, заспавлиютъ душу нашу обращаясь къ самой себѣ и совершенно пости-

гать мракъ, въ которомъ она блуждаетъ, заглушенная шумомъ свѣта и обаянная, такъ сказать, преступнымъ своимъ ко всему истинно прекрасному, ко всему чиспо возвышенному. я въ признапельности моего сердца, рѣшительно могу сказать, что не находилъ, и не знаю, встрѣчу ли когда нибудь человѣка, подобнаго ему.—Какъ онъ умѣлъ прогашъ душу; какъ умѣлъ расположить ее къ совершенной опкровенности; какъ скромно, безъ домогательства, онъ извлекалъ чувствованія, таящіяся въ самой неприспунной глубинѣ сердца: я предъ нимъ благоговѣлъ и съ возрастающею жаждою познаній, спарался напашъ память и сердце сими поучительными наставленіями, сими чиспыми понашіями о вещахъ, кои еждневно съ новою, живительною занимательностію, спекли изъ устъ его, и кои, какъ видно было, онъ приобрѣлъ, сколько опытностію, но болѣе глубокомъ, изслѣдовательнымъ наблюденіемъ надъ природою всего окружающаго. Но при всѣхъ его достоинствахъ, въ немъ замѣтны были нѣкоторыя спранности, заспавлившія меня нарѣдко ломать надъ ними голову и перашься въ безчисленныхъ, въ разсужденіи ихъ, догадкахъ. Случалось, когда мы бывали съ нимъ одни, когда безчисленные предметы, замѣняясь одинъ другимъ, разнообразно пестрили досужные часы на-

шей бесѣды, вдругъ В. впадалъ въ задумчивость: то, устремивъ на меня неподвижный взоръ, казалось, ничего не видѣлъ и ничему не внималъ; то, внезапно вскочивъ со стула, онъ тяжельми шагами ходилъ по комнатѣ, бросая вокругъ непонятные, чудные взгляды, останаавливался, вздыхалъ, возводилъ глаза къ небу, или пощупивъ ихъ въ землю, сползъ, какъ вкопанный и уста его шевелились, онъ шепталъ что то понятное ему одному.—Въ эти минуты онъ уподоблялся перзающемуся совѣстью кающемуся грѣшнику. Потомъ онъ приходилъ въ себя снова и, казалось, былъ упоменъ внутреннимъ волненіемъ, спирая капли, покрывавшаго чело его, поща. Въ минушу онъ опять принималъ на себя пощъ пльнищельный образъ, шу очаровательность, копорья одному ему были свойственны; взоръ его снова прояснялся, и пощъ же пльнищельный звукъ голоса сопровождалъ его высокія идеи, его глубокія размышленія.— Или бывало, когда въ шумной полпѣ собравшихся къ нему его сосѣдей и полковыхъ Офицеровъ, онъ занимая кругъ ихъ остроумными анекдотами, копорымъ, казалось, у него не было числа, или пльнищельными шулками, или эщимъ юморомъ, копорый въ устахъ его, обращался въ пріятное, мягкое, вовсе безобидное поученіе даже для нѣкоторыхъ изъ его собесѣдниковъ, и когда въ эти веселыя минуты, находилъ на него обыкновенный припадокъ, онъ измѣнялся въ чертахъ лица, мгновенно оставлялъ обществю, приведенное такимъ образомъ въ неприщворное, искреннее о немъ состраданіе и спльщилъ въ укромный свой кабинетъ, помѣщеннй въ дальнемъ углу обширнаго его дома и выходящій окнами своими въ густю разросщійся садъ. Въ этомъ кабинетѣ все было впрочемъ обыкновенно.—Умбющій чашанъ неносщижные для неученыхъ лищеры небесъ - планеты съ млечными ихъ пущами, находилъ здѣсь астрономическіе глобусы; занимающійся физикою, могъ встрѣщитъ здѣсь многіе предметы, касающіеся этой необщипной науки; избранная библиотечка приносила честь своему владѣщелю; кипы бумагъ, частно исписанныхъ рукою В., разбросаны были на огром-

номъ писъменномъ сполѣ; даже, что очень рѣдко въ Малороссіи, многіе опещещивенные и иностранные журналы укращали собою сей драгоценный пріющъ восщипаннаго, благороднаго помѣщика. Но въ этомъ кабинетѣ, въ нищѣ, гдѣ была расположена однощальная кроватъ хозяйна, на спльщъ были повѣщены двѣ небольшія, въ полроста чело-вѣческаго, рамы. Что заключалось въ ихъ предѣлахъ: видѣли кокого нибудъ замѣщательнаго положенія; изображеніе ли кокого нибудъ важнаго происщещствія, или щамъ были вмѣщены образы незабвенныхъ особъ—неизвѣщтно: ибо чернй, густой кремъ, щщательно охранивщій ихъ щайнщивенность, не позволялъ ничего видѣть, завлекая между пльщъ любопытство условною своею помнощтно, а пльщъ болѣе, что самъ В. никогда, какъ онъ говорилъ пощъ, не осмѣщливался касатъся священнаго покрова, споль слабо въ истинномъ сущещствѣ своемъ, но копорый былъ шверде плащины, запещашпльнй, кровавымъ, бынщъ можешъ, обыщомъ ихъ обладащеля. Какъ бы въ изщущупленіи В. вбѣщгалъ въ свой кабинетъ, частю въ само-забвеніи оставляя дверь насщижъ, ущпремлялъ взоры на щайнщивенныя карщины; щѣлодвиженія его выращали сердечную муку; нерѣдко благощиворныя слезы, но нѣкопоромъ усиліи, орощали лице его и, казалось, смягщали душевное его спраданіе. Немного погодя, онъ оцщпъ возвращался въ кругъ пріятелей, съ нещперщпнемъ бывало его ожидающіхъ, и снова оживлялъ его своимъ присутствіемъ.—

Чего ему не достщаетъ? думалъ я: богатъ хорощъ, уменъ, ученъ, какъ опещъ любимъ своими кресщьянами, уважаемъ сосѣщдами: чѣмъ же онъ недоволенъ въ мірѣ?—Если онъ уже посщигъ людей, если не находщщ между ними достщойныхъ, копорымъ бы можно было повѣрщпть свои чувщства, свои щайны: то міръ идеальной опщкрываешъ ему необозримое пространствю. Онъ пощгъ душою, онъ способенъ возвыщатъся къ сему чудному, нещещивенному міру. Но, бынщъ можешъ, душа его заната или сладосщнымъ восщипаніемъ прощекщихъ, невозвращимыхъ удсвольщивій; или съ прщскорбіемъ взираешъ на

несчастія, расперзавшія его душу. Быть можетъ, въ порывахъ страха, во дни пылкой юности, онъ совершилъ какое нибудь ужасное преступленіе, и оно тяготѣетъ на благородной душѣ его. Можетъ быть, любовь, обманъ, клевета, невірность женщинъ, помрачивъ его свѣтлыя мысли, навсегда запечатлѣли въ воспоминаніи его гибельное, горестное пренебреженіе къ свѣту, къ самому себѣ.

Такимъ образомъ я перебиралъ все, что приходило мнѣ въ голову и ни на чемъ не смѣлъ остановиться рѣшительно. Желая выведать у него признаніе, или, хотя прочитавъ, въ измѣняющихся чертахъ его лица, причину глубокой его горести, я заговаривалъ съ нимъ о любви: онъ хладнокровно дѣлалъ свои замѣчанія, интересуясь ихъ, какъ и все прочее, что только выходило изъ устъ его, здравымъ сужденіемъ и глубокимъ познаніемъ природы человеческого сердца. Я иногда пытался въ разговорахъ нашихъ упоминавъ о дружбѣ: онъ улыбался, и съ сомнительнымъ, видомъ называлъ меня мечтателемъ; но распространяясь далѣе о семъ предметѣ, допускалъ сіе чувствованіе между людьми; но самъ или не испытывалъ дѣйствія его надъ своимъ сердцемъ, или предавшись доврчиво какому нибудь вѣроломному, онъ жестоко былъ обманутъ, и на оправдѣнное это чувствованіе набросилъ пелену сомнѣній, — недоврчивости. Однимъ словомъ, всѣ покушенія мои проникнуть въ его душу оставались тщетны.

Однажды, прекрасный Юньскій день завлекалъ насъ къ прогулкѣ. Хозяинъ мой сдѣлалъ предложеніе, проѣздивъ въ окрестностяхъ дачъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе его и мы, закуривъ трубки, сѣли на коней и шагомъ поѣхали по живописнымъ берегамъ величественнаго Дѣвпра. — Я не стану описывать того плѣнительнаго разнообразія въ картинахъ природы, какое встрѣчается на каждомъ шагу въ этомъ благословенномъ краѣ. Мы ѣхали, погруженные въ тихую задумчивость, которая происходила, или опть однообразнаго шума шекучей въ высокихъ берегахъ рѣки волнъ, кои, даже при ясной, свѣтлой погодѣ, при

спокойствіи стихій, ударяясь о крупныя края песчаныхъ скалъ, пѣнились и наполняли воздухъ вѣчно неумолкаемымъ своимъ говоромъ; или опть созерцанія открытыхъ со всѣхъ сторонъ живописныхъ видовъ, кои въ безчисленныхъ опшѣнкахъ знаменуя могущество великаго Творца природы, невольно погружали насъ въ размышленія обо всемъ окружающемъ.

В. въ этотъ день, еще съ самаго утра, былъ задумчивѣ обыкновеннаго. Безпокойство души ясно опражалось въ его взорахъ и во время прогулки нашей, въ продолженіи получаса онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ былъ блѣденъ, тяжелое дыханіе стѣсняло грудь его: я спросилъ его о здоровьи.

«Здоровь!» опвѣчалъ онъ; но мнѣ грустно, тяжело; я не могу далѣе ѣхать, остановимся . . . отдохнемъ . . .»

Въ это время мы подъѣхали къ дубовой рошѣ, сошли съ лошадей, привязали ихъ и легли на мягкой муравѣ подъ пѣнью развѣсившаго дуба.

Блѣдный, грустный, молчаливый, лежалъ В. облокотясь на руку и устремивъ на меня большіе, выразительные глаза свои — Казалось, онъ что-то хотѣлъ сказать мнѣ, но все еще внутренно боролся съ какою-то мыслию и оставался въ прежнемъ безмолвіи. — Я, будучи привязанъ къ нему всѣмъ сердцемъ, съ мучительнымъ прискорбіемъ взиралъ на его пайную грусть и, теперь больше, нежели когда нибудь былъ проникнутъ желаніемъ, узнать причину его несчастій, его чуднаго поведенія, дѣлавшагося даже иногда опаснымъ: чтобы хотя искреннимъ соучастіемъ раздѣлилъ его горестъ и дружескою заботливостію, снялъ хотя часницу того бремени, которое тяготило его душу. Но не осмѣливаясь прервать ни при его размышленіяхъ, а пѣмъ еще менѣе насильно помогать општоргнувъ завѣсу его тайны, я съ примѣрнымъ принужденіемъ едва могъ скрывать передъ нимъ общественныя мои чувства въ разсужденіи его положенія, и слеза состраданія невольно выкапалась изъ глазъ моихъ: это его пронуло. Онъ понялъ причину моей грусти, и благородная душа его не могла болѣе

оставался подъ гнѣпомъ своей скрипино-
сти.

«Вы плачете, произнесъ онъ умилишель-
нымъ голосомъ; вы душою скорбѣете о не-
счастномъ.... Благодарю васъ... но я не
заслуживаю этихъ чистыхъ слезъ.....»
Онъ замолчалъ; слезы, градомъ оросившія
его щеки, не позволяли ему продолжать, онъ
закрывъ руками лице свое, тяжкіе вздохи
колебали грудь его.

Въ эту минуту онъ былъ расположенъ къ
откровенности. Я воспользовался ею, не изъ
любопытства, но изъ сердечнаго желанія
разсѣять мрачныя его мысли и сказалъ ему.
«Вы, кажется нездоровы, любезной В., вамъ
надобно успокоиться!»—«Нѣтъ, я здоровъ,
отвѣчалъ онъ снова, я здоровъ, но грозное
предчувствіе превозигнѣ меня въ эти ми-
нущи; я чувствую, что мнѣ скоро должно
разстаться съ свѣтомъ и съ неперпнѣемъ
жду приближенія моей кончины....»—«Но
что васъ такъ превозигнѣ! Ужели суще-
ствуетъ несчастіе, котораго бы вы не въ
силахъ были перенести съ вашей возвышен-
ною душою, съ вашей постоянной пвердо-
стію? Удоспойте меня вашей дружескою
довѣренностію: я готовъ раздѣлиться съ ва-
ми все ваши горести, все бѣдствія, поше-
няющія ваше существованіе.»

«Вы узнаете ихъ, вы должны ихъ узнать.
Ваше дружеское ко мнѣ расположеніе пре-
бываетъ то же. Но еще нѣе время онъ ни-
кому не были открыты.—Поклянись мнѣ
также не открывать ихъ никому, пока я
еще живу, пока пройдутъ эти немногіе
дни, которые остаются провести мнѣ въ
семъ мѣрѣ.... будьте снисходительны
къ разсказу печальной повѣсти.... пресуп-
ника.»—

Я крѣпко сжалъ его руку въ знакъ согла-
сія, онъ задумался на нѣсколько секундъ, по-
шомъ началъ.

«Съ опредѣленія моего на службу я нахо-
дился въ—мѣ пѣхопномъ полку.—Въ 18..
году нашъ полкъ былъ расположенъ кварти-
рами въ одномъ небольшомъ городкѣ Герма-
ніи и мнѣ, по распоряженію полковаго на-
чальства, пришлось сподать въ домъ бога-
таго почтеннаго купца. Онъ былъ добрый,

откровенный Нѣмецъ, умѣлъ располагать
къ себѣ проспытымъ непринужденнымъ обхо-
деніемъ, и съ перваго взгляда я полюбилъ
его душевно. Семейство его составляли:
сынъ 20 и дочь 18 лѣтъ. Карлъ, прекрасный,
образованный юноша, воспитывался въ Гетт-
тингенскомъ Университетѣ, и незадолго пе-
редъ нашимъ приходомъ возвратился подъ
кровъ родительскій.—А Эмма..... Молодой че-
ловѣкъ! Вы не видѣли, вамъ никогда не при-
дется видѣть дѣвицы ее прекраснѣе! пред-
ставьте себѣ: легкой, стройной станъ;
правильное, открытое лице; большіе, чер-
ные, выразительные глаза, ослѣваемые длин-
ными рѣсницами; розовыя маленькія губки;
рядъ перловыхъ зубовъ; длинные бѣгущіе по
плечамъ, черные, какъ смоль, мягкіе, какъ
шелкъ, очаровательные локоны; невырази-
мую кротость въ нравѣ, божественную
улыбку, Ангельскую душу, сердце самое чув-
ствительное.... представьте все это, и вы
будете имѣть слабое только понятіе о пре-
красной Эммѣ. Я былъ тогда 8 годами мо-
ложе; былъ также чувствителенъ, такой-
же мечтатель какъ теперь вы, и такъ му-
дрено ли, что я полюбилъ Эмму. Это благо-
родное чувствованіе—любовь, впервые въ
жизни поселилось въ грудь мою со всеми
райскими его наслажденіями.—Такъ, другъ
мой, я любилъ Эмму! и это не было заблу-
жденіе юности или минувшій порывъ ду-
ши; нѣтъ, я любилъ ее спрочно, со всемъ
жаромъ двадцати-пяти лѣтняго юноши.

Сблизившись съ Карломъ по сходству на-
шихъ характеровъ, я имѣлъ возможность
бывать часто въ покояхъ моего хозяина, съ
которымъ разсуждалъ о политикѣ, о дѣлахъ
государственныхъ и, такимъ образомъ, во-
шелъ въ его довѣренность. Литература и
новѣйшія произведенія наукъ были предме-
томъ разговоровъ нашихъ съ Карломъ. Пыл-
кій юноша, напитанный высокими поняті-
ми Философіи Шеллинга, какъ онъ любилъ
мечтаться объ этихъ идеальныхъ истинахъ,
составляющихъ основу новѣйшихъ Мысли-
телей, какъ онъ любилъ завлекаться далеко
своимъ воображеніемъ, увлекала и меня въ
свой мѣръ силою, какъ бы вдохновеннаго кра-
снорѣчія!—Эмма, для воспитанія которой

опецъ не щадилъ ни денегъ, ни заботливо-
сипи, едвали не превышала ученостію мно-
гихъ нашихъ Профессоровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ
обладая искусствомъ очаровывашь плѣнитель-
ными звуками арфы или форте піано, со-
проводжалъ ихъ божественнымъ своимъ голо-
сомъ. Нѣтъ! никогда незабвенны эти вече-
ра, когда бывало въ кругу милаго семей-
ства протекала жизнь моя въ разнообраз-
ныхъ, въ благороднѣйшихъ занятіяхъ! Дѣй-
ствительно, я полагалъ себя опдѣленнымъ
опъ людей, наслаждаясь пріязнію этого не-
большаго числа друзей. Какъ я былъ тогда
счастливъ!—Любовь моя къ Эммѣ возрастала
безпрестанно.—Воспитаніе сравниваетъ
всѣ состоянія, и поному между нами не
существовало ни малѣйшаго принужденія.
Обхожденіе мое съ Эммою, выслушивъ,
такъ сказать, изъ оковъ свѣтскаго прили-
чія, но не переходя черты благородной
скромности, дало ей прочиташь въ моемъ
сердцѣ чувствованіе, которое я питалъ къ
ней и....но за чемъ распространялся, скажу
однимъ словъ: я былъ счастливъ.—Въ боль-
шихъ, черныхъ глазахъ Эммы я замѣнилъ
взаимную ея ко мнѣ склонность.—Я не хо-
пѣлъ опкладывать моего благополучія.—
Однажды, когда мы были съ нею одни, я,
увлеченный пылкостью живѣйшей спра-
сипи, опкрылся ей въ моей любви, умолялъ
ее рѣшить мою участь....Я не въ силахъ
выразить моего блаженства: она съ дѣв-
ственною скромностью изъявила свое при-
знаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволеніе про-
сипь у опца руки ея.

Добрый старикъ не опказалъ намъ въ
своемъ согласіи. — Истинно-отеческое его
ко мнѣ расположеніе и ходатайство Карла,
благоприятствовали намъ къ полученію сиполь
желаннаго благословенія родителя. Нужноли
упоминашь, какъ я былъ счастливъ? Я
почти совершенно вошелъ въ составъ лю-
безнѣйшаго семейства. Я предавался слад-
остнымъ воспоргамъ, мечтая о предстоя-
щихъ удовольствіяхъ, объ этомъ небесномъ
наслажденіи; однимъ словомъ, я уже заранѣе
воображалъ себя счастливѣйшимъ супругомъ
обожаемаго мною существа. »

Тутъ онъ остановился, крупныя слезы
въ изобиліи выливались изъ его очей, ороша-
ли мягкую мураву, на которой мы лежали.
Видно было, что онъ изнемогъ: его занима-
ла какая-то ужасная мысль; онъ силился по-
бороть внутреннее волненіе и, вмѣсто блѣд-
ности на омраченномъ лицѣ его, засупилъ
яркій, болезненный румянецъ.

« Посмотрите, продолжалъ онъ послѣ
кратковременнаго молчанія,—взгляните на
это свѣтлое, голубое небо. Ни одно облачко
не омрачаетъ чистоты его лазури. Посмо-
трите на всю природу: все, кажется, во-
кругъ насъ улыбается, все дышетъ радо-
стною. Но кто знаетъ? Быть можетъ, въ
сіе же мгновеніе зареветъ бурный вихоръ,
черныя тучи понушатъ прекрасный сводъ
неба, зарокочетъ громъ и молнія опусто-
шитъ окрестности, превратя ихъ въ дикую
пустыню. Такъ, другъ мой, подобно сему,
свѣтлый горизонтъ моей жизни помрачился
неожиданными бѣдствіями.—Я теперь при-
ближаюсь къ тѣмъ происшествіямъ, когда
всѣ возможныя несчастія, скопясь черною
тучею, со всею силою разразились надъ мо-
ею головою и я содѣлался презрѣннѣйшею
тварью въ глазахъ всѣхъ людей, въ глазахъ
своихъ собственныхъ: но я не въ силахъ го-
ворить далѣе—мнѣ надобно успокоиться. Зав-
тра вы узнаете продолженіе моей горест-
ной повѣсипи и наконецъ то, что по гробъ
будетъ тяготѣть на душѣ моей. Теперь
воропимся домой. »

В. съ шрудомъ сѣлъ на лошадь—я помогъ
ему и, въ помя же безмолвіи, по тѣмъ же
шумнымъ берегамъ Днѣпра, мы опправились
въ домъ.

(Опсганіе въ слѣдующемъ листкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б О Л Ъ З Н Ъ.

Еще живу . . . . еще мой духъ
Остатокъ жизни алчно ловящъ;
Но скоро пламенный недугъ
Движеніе сердца остановитъ!
Трепещетъ блѣдная рука;
Моей души ослабли силы;

По чѣмъ-то жаркая шоска
Порой превожиньт умъ остылый:
Зачѣмъ не могъ и я мелькнуть,
Между людьми, видѣнъ емъ яснѣмъ?
Хоть бѣ однимъ я жизни путь
Означилъ подвигомъ прекраснымъ!
Вошше я зналъ, въ живыхъ мечтахъ,
Воспорговъ сладостныя муки —
Не опшывалися въ сердцахъ
Мои зашерянные звуки!
Умру — ушнхнеть мѣди звонъ —
Я будто не жилъ подѣ луною!
Я будто не былъ оживленъ
Сей волканической душою! . . .

1826.

Баронъ Розенъ.

ВЪ АЛБОМЪ.

(Къ * * *.)

Я полюбъ чувствомъ безошчѣннымъ
Съ того мнѣ памятнаго дня,
Когда вниманьемъ мимолѣпнымъ
Почтила, дѣва, пыи меня.
Съ тѣхъ поръ, съ какою силой пайной
Опозвалися въ душѣ моей,
И голосъ швой гармоніальной,
И вся поэзія очей!
И помню я, какъ эши очи
Такъ искрились, какъ звѣзды ночи:
Въ нихъ вдохновенья огонь сверкалъ!
И мнилось мнѣ, что предо мною
Осуществился идеаль,
Который пламенной душою
Поэшь въ мечтанияхъ создавал!

II. Волковъ.

Э М М А.

(Отрывокъ.)

Какъ Пери чистаго Эдема,
Цвѣла красой волшебной Эмма,
Къ отрадѣ сипараго опца. —
Въ дому роскошномъ Бругеня,
Стройна — какъ свѣжал днеля,

Она — влекла къ себѣ сердца
Чудесной прелестью лица,
Румянца — блескомъ, и помлепемъ
Большихъ лазоревыхъ очей,
Игрою заманчивыхъ рѣчей,
И груди дѣвственной волненемъ!
Бывало въ пшннѣ почной,
Она съ высокаго балкона —
Небрежно взоръ кидала свой —
На сизый куполь небосклона,
На засыпаннѣ луга,
На гаснувшее пламя стана,
На утопаннѣ берега
Въ клубахъ вечерняго тумана.
Тогда — ни въпра смущный шумъ,
Ни плескъ спонавшихъ волнъ залива,
Ей не внушали мрачныхъ думъ;
Она — была еще щасплива. . . .
Она — певниное дншя,
О горѣ — вовсе не слыхала,
И дани сердцу не плашя —
Еще любви не понимала!
Ей жизнь была — сладка, легка,
Какъ шнхій шопопъ въшерка
Въ лнспкахъ полуразцвѣпшей розы;
Какъ на очахъ младенца слѣзы,
Какъ пухъ — на крыльяхъ мопылька!

A. Б — ий.

Ш А Р А Д А.

Мой первой, ешь одна изъ нопъ;
Въ союзахъ мой второй бываешъ,
А третій всякъ упошребляешъ
Коль что другому отдаешъ.
Нѣтъ црлага среди степей
Въ равнинахъ мы его не сыщемъ,
Но ежели въ горахъ поищемъ
То тамъ найдемъ его скорѣй.

В. Шелиховъ.

Въ No 30 помѣщенна шарада значншь: *Dé-lire.*

M O D E S.

Les bonnets du matin en tulle, —simples.—N'ont plus autant de rubans que précédemment.—Les deux rangs de dentelle sont froncés sur les côtés, beaucoup plus que dans le milieu, où ils sont aussi plus bas.—On met un noeud de ruban, fait simplement comme une rosette, placé de côté, sur le devant, au-dessus des deux rangs de garnitures.—Des brides pareilles.

Quelquefois ce noeud et les brides sont en tulle garnis de dentelle, c'est fort léger et très-joli,

Un joli fichu pour mettre sur une robe décolletée, est une pointe de biais, —bordée tout autour d'une dentelle haute de quatre doigts froncée.—Les deux devans croisent dans la ceinture, et s'attachent au cou où est une ruche en deux rangs étagés, de la même dentelle que le tour, retombant.

Nouveautés.—Les tissus d'été reparaisent.—Nous avons vu de fort jolies étoffes de coton, croisé, uni, avec un petit carreau formé seulement par un fil.—Des guingamps à fond uni de tissu et de couleur.—Les raies, larges d'un doigt ou d'une ligne, sont sail-lantes damassées, croisées.

Le magasin de nouveautés *du Sauvage, boulevard des Italiens*, en a de fort jolies pièces.—Fond pistache à petites raies blanches,—lilas et rouille, etc.—Nous avons remarqué aussi des jacons imprimés, à dessins ravissans.—Un entre autres à petits dessins.—Mauve sur blanc.—Hyéroglyphes chinois très-déli-cats.

Les gazes imitant la blonde font de très-jolies écharpes.—Les mieux sont les blanches ou noires, en ce qu'elle ressemblent à la blonde.—Cette gaze a sur les bords des fleurs brochées brillante, découpées, et non pas des lisières comme celles qui se faisaient jus-qu'à présent.

Ensembles de toilette.—Une robe de velours noir décolletée.—Manches de blonde blanche.—Chemiset-te de crêpe, à deux rangs de blonde, en mentille, re-tombant sur le corsage.—Chapeau de satin bleu ciel, fond plissé.—Trois plumes blanches sur le côté droit de la forme, à gauche, sous la passe de plumes.—Une chaîne d'émail et poires variées.

Robe de satin gros bleu.—Corsage à revers tom-bans.—Berret uni en crêpe rose doublé de satin.—Un petit noeud.—Point de plumes.—Une parure d'br.

Nous avons vu à une jeune femme une coiffure si gracieuse que nous la désignerons.—Des cheveux re-levés en coques.—Deux touffes de papilottes devant.—

Sur la coiffure, soutenue par le peigne, était un petit fichu de tulle garni d'une blonde haute d'une main, froncée, faisant papillon.—Noué sous le menton.—Un noeud de gaze rose était placé sous la blonde, contre la tête, un peu de côté.—Une robe de satin montante.—Col de blonde.

Une robe de gros de Naples vert.—Corsage à dra-peries croisées.—Chapeau de peluche gris perle, doublé de peluche blanche.—Châle de cachemire noir, carré.—Des brodequins de prunelle.

M O Д Ы.

Упреніе чепчики просто изъ шюла. — Ленпъ гораздо меньше нежели прежде, оба рлда кружева, по бокамъ собраны гуще, не-жели спереди, гдѣ они и упадаютъ ниже.— Банпъ просто репейкомъ пришилаивается спереди немного насторону, сверхъ оборокъ.— Лопоспи такія-же.

Иногда банпъ эпюпъ и лопоспи дѣлающ-ся изъ шюля обшипаго кружевомъ; эпю весь-ма легко и красиво.

На открытыя платья надѣваютъ очень красивыя косынки, сдѣланныя косымъ уг-ломъ.—Обшипныя собраннымъ кружевомъ въ чепыре пальца ширины.— Концы спереди закладываются крестообразно подъ поясъ, и завязываются около шеи, гдѣ откидной рюшъ въ два ряда одинъ другаго длиннѣе, изъ такого же кружева, какимъ обшипа ко-сынка.

Новости.—Начинаютъ показываться льп-нія шкани.—Мы видѣли очень красивыя бу-мажныя шкани песпрыя, гладкія съ мѣл-кими клѣпками въ одну нишку.— Гингамы, гладкіе, одноцвѣшныя, а по нихъ шириною въ палець возвышенныя волнистыя (damalles).

Въ магазинѣ новостей Соважъ естъ пре-красныя такія матеріи.— По фисташко-вому цвѣшу маленькія полоски бѣлыя, сире-невыя и шемножелпаго цвѣта, (ronille) и проч.—Также замѣтили мы шамъ печатныя жаконасы (jaconas) съ прелестными узора-ми.— Особливо одинъ съ мѣлкимъ узоромъ красновапо-лиловаго (mauve) цвѣта по бѣло-му.— Также самыя легкіе Кипайскіе Лерог-лифы.

Дѣлаютъ очень красивыя шарфы изъ газа, подражающаго блондѣ. — Самые красивые черныя и бѣлыя, потому что болѣе имѣютъ сходства съ блондою. — На концахъ зашканные, блестящія цвѣточки, а не полоски, какъ доселѣ дѣлали.

Полный нарядъ. Черное бархатное платье съ низкимъ лифомъ. — Рукава изъ бѣлой блонды. — Къ креновой шемизеткѣ пришила въ два ряда широкая блонда упадающая на лифъ. — Шляпка голубая атласная, шулья сборками. — Три бѣлыя пера на правой сторонѣ шульи, подѣ полемъ на лѣвой сторонѣ перья. — Эмалевая цѣпь и разноцвѣтныя грушки.

Платье синее атласное. — Съ ошкидными отворотами. — Беретъ гладкой изъ розоваго крена на атласѣ. — Небольшой бантъ. — Безъ перьевъ. — Золотой уборъ.

Намъ такъ понравилась прическа одной молодой особы, что не можемъ ее не описать. — Задніе волосы сдѣланы пеплями. — Передніе сдѣланы кусшиками. — (Сверху прически поддерживаемой гребнемъ, была накинута маленькая косыночка изъ пепинета, обшитая собранною блондою шириною въ ладонь, что составляло родъ бабочки, косыночка завязана на подбородкѣ. — Немного сбоку подѣ блондою прищипленъ былъ близко къ головѣ бантъ изъ розоваго газа. — Платье атласное съ высокимъ лифомъ. — Опложной блондовой воротникъ.

Платье изъ зеленаго гроденапля. — Лифъ крестообразными складками. — Шляпка изъ плюша перловаго цвѣта, подложенная бѣлымъ. — Черной Турецкой плапокъ. — Сапожки прюнелевыя.

С М Ъ С Б.

Вѣрить, что слабый врагъ не можетъ вредить, все тоже, какъ бы думать, что искра не въ силахъ произвести пожара.

Блаженъ человекъ иже обрѣте премудрость. Лучше бо сію куповати, нежели золота и сребра сокровища. Честнѣйша же есть каменій многоцѣнныхъ.

Человекъ великосердый никогда не забываетъ о полученныхъ имъ благодѣяніяхъ, и никогда не помнитъ о тѣхъ, которыхъ самъ оказалъ.

Почитать кого за истиннаго друга, и не имѣть къ нему совершенной довѣренности, значить: или обманываться спраннымъ образомъ, или не знать обязанности истинной дружбы. Да будетъ другъ пивой повѣреннымъ всѣхъ пивоихъ думъ; но прежде онъ самъ долженъ быть предметомъ оныхъ. Довѣренность прежде дружбы, разборъ послѣ дружбы, значить: дѣлать все наизуворотъ и дружитья съ неиспытаннымъ человекомъ, какъ будишь съ тою цѣлю, чтобы испытать его перервать съ нимъ связь.

Желать имѣть жену красавицу, богатую и знапную, значить: желать имѣть госпожу, вмѣсто друга.

Родится человекъ, начинаеть зданіе и умираеть. Родится другой: такъ же воздвигаетъ колоссъ, и такъ же умираеть. Поколѣнія слѣдуютъ по очереди; все начинается, ничто не оканчивается.

Долгоша житія и лѣта жизни въ десницѣ премудрости, въ шуйцѣ же ея богатство и слава: ошъ успѣ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языкѣ носитъ.

Самое важное дѣло держать себя въ границахъ умѣренности; но какъ весьма трудно опредѣлить сіи границы, то починай за лучшее не доступать до нихъ, нежели переступать. Первое ближе къ умѣренности.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 32.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
статкомъ и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрѣля 22 дня, 1831 года.

„Какъ терпѣшь публика безуміе такое?“

Ты спросишь.— Публикѣ паскучило простое;

Мудреное теперь любезно для нее:

У вѣка дряхлаго испорчилось чутье!

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОДТЫКАЛЬКИНЪ.

Портной.

Однажды, длинный и скрюченный какъ оглобля, портной Подтыкалькинъ въ праздничномъ голубаго сукна серпукѣ вышелъ съ своей женою изъ своей приходской церкви. Въсперъ былъ пронзительный, а портной вышелъ изъ дому съѣвъ только половину яйца и выпивъ чашку цикорнаго кофе. Онъ почувствовалъ въ себѣ слабость и нездоровье, отъ того, что насадился горлана на кайросъ; добрая рюмка Ерофичу была бы для него не лишнею. Цѣлую недѣлю онъ прилежно работалъ и былъ очень ласковъ съ своею хозяйкою, которой онъ сшилъ нарядное платье изъ обрѣзковъ, оставшихся подъ кашкомъ. Жена охотно позволила ему войти въ респорацию, и выпить вина. Онъ вошелъ и попросилъ себѣ сего сладобья. Мальчикъ, не давно привезенный изъ Ярославля, схватилъ ешклянку, въ которой находился горючій газъ, которымъ наполняютъ воздушные шары и который былъ подаренъ хозяину респорации знакомымъ ему Апшекаремъ, какъ предохранительное средство отъ холеры; онъ

налилъ въ рюмку сего сосава—и поршней осушилъ ее. Но вдругъ почувствовалъ въ себѣ спиртное расположеніе; ему мечталось, что онъ имѣетъ крылья, и онъ началъ, по подымаясь къ потолку, по опускаясь на полъ въ респорацию.

«Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ, съ копорыхъ поръ я сдѣлался такимъ ловкимъ панцовщикомъ?»

Тутъ кто-то толкнулъ въ дверь такъ сильно, что отворилось окно, сквозной въсперъ пролетѣлъ по респорацию, поднялъ поршняго и унесъ его изъ окна: съ той поры онъ пропалъ безъ вѣсти. Черезъ нѣскольکو времени жипели Баскова переулка въ одну темную ночь увидѣли свѣтлый шаръ, который озарилъ всю окрестность и, пощухнувъ, упалъ на землю. Всѣ хотѣли знать, что за штука свалилась съ неба.

Когда всѣ сбѣжались на мѣсто, то увидѣли только кучку пепла; но раскопавъ ее, нашли только пуговицу, кусочекъ желнаго апласа и что-то черное, похожее на набалдашникъ прости. Пошли толки, какимъ образомъ вещи сіи могли упасть съ неба въ огненномъ шару; но жена портнаго пробравшись сквозь толпу закричала, сплеснувъ руками: «Ахъ бѣда! это мѣдная пуговица

съ голубаго серпука моего мужа эшо кусокъ праздничнаго жилета моего! Ахъ бѣда! эшо набалдашникъ проси!»

Одинъ ученый осмошрѣвъ сіи вещи, объявилъ, что набалдашникъ проси, не еси набалдашникъ проси, а осшапокъ метеора.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАТОУБИЙЦА

(повѣсть)

(Истинное происшествіе.)

(Окончаніе.)

Въ глубинѣ огромнаго сада, извилиспыя дорожки между деревьевъ и кустарниковъ вели къ уединенному мѣсту, гдѣ свѣтлый ручей, пробиваясь изъ поканошпи горы, сплался струями своими по изумрудной муравѣ и прохладю освѣжалъ окресный воздухъ. Въ недалнемъ отъ него разстояніи была устроена бесѣдка. Никто не нарушалъ спокойнаго эшого убѣжища.

На другой день В., успокоившись нѣсколько отъ душевнаго волненія, повелъ меня въ эшу бесѣдку и тамъ, наединѣ со мною, отъ началъ продолжать свой рассказъ:

«Приближался срокъ бракосочетанія моего съ Эммою; оставалось только двѣ недѣли до счастливейшаго дня, въ которой я могъ бы назвать ее своею вѣчно. — Въ то время умеръ Генераль ***, почему меньшей братъ мой, бывший у него Адъютантомъ, возвращень во фронтъ — въ нашу полкъ. Когда онъ пріѣхалъ, я счелъ долгомъ представить его семейству, котораго надѣялся вскорѣ быти членомъ. Его приняли, какъ я и полагаю — приняли, какъ моего брата. Но въ первое сіе посѣщеніе, я замѣнилъ, что братъ мой былъ какъ будто смѣшанъ, какъ-то непонятно-спранный; на всѣ мой вопросы отвѣчалъ съ досадою, отпрыვისно и, отговариваясь тѣмъ, что онъ съ дороги успалъ, оставилъ наше общество и ушелъ въ свою комнату, гдѣ, какъ мнѣ сказалъ послѣ мой человекъ, всю ночь что-то писалъ. —

На другой день я увидѣлъ въ немъ совершенную перемену. Онъ былъ такъ веселъ,

такъ любезень, такъ умѣлъ снискать любовь спарика и расположеніе Эммы, что ввечеру нельзя было думать, что только одинъ день онъ находился въ нашемъ кругу: мои всѣ уже съ нимъ начали обходиться, какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ.

Такъ пролетѣло двѣ недѣли, тѣмъ неприемлите, что и кругъ нашъ нѣсколько увеличился, братомъ моимъ и нѣкоторыми подругами Эммы, кои, какъ эшо обыкновенно водится, приходили шить приданое и провести въ веселіи съ подругою-дѣвицею остальное время. Каждая изъ нихъ любя Эмму, съ неперпѣніемъ ожидала назначеннаго дня сватъбы и уже въ душѣ своей желала ей наслаждаться благополучіемъ въ новой жизни, и я черезъ два дня гоповился произнести передъ священнымъ алтаремъ клятву въ вѣчной вѣрности моей Эммѣ; какъ вдругъ нечаянная болѣзнь брата принуждаетъ насъ оперочить день сватъбы. Я искренно желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моего благополучія.

Проходитъ недѣля, другая, братъ все болѣнъ. Всегдашняя блѣдность лица, впалыя щеки, мутный взглядъ и слабый его голосъ, не позволяли сомнѣваться, что онъ дѣйствительно нездоровъ; мы не смѣли подозрѣвать, чтобы въ эшомъ шайлся какой нибудь умыселъ. — Но было иначе: время открыло причину и шой спранныи, которую показалъ онъ при первомъ свиданіи, и медлительнаго выздоровленія отъ болѣзни. Слушайте и подивитесь силѣ коварства.

Въ одинъ вечеръ, когда въ неперпѣливомъ ожиданіи письма отъ моего родителя и благословенія его на мой бракъ, я проводилъ время съ Эммою, разсуждалъ съ нею о семъ предметѣ; безпокоясь въ шопѣ вечеръ болѣе, нежели когда нибудь, не получая письма отъ желаемаго, я переливалъ сомнѣнія моей милой невѣстѣ, а при наступленіи ожидаемаго благополучія спрашно и малѣйшее сомнѣніе. Я дѣлилъ съ нею невольную поску, непонятно вкравшуюся въ мою грудь: въ эшо время присылаетъ за мною братъ, что случилось въ первый разъ во все продолженіе его болѣзни. Я поспѣшаю къ нему, вхожу въ его комнату, онъ сидѣлъ погруженный

въ задумчивость. Но едва меня увидѣлъ, вспаль, берещъ меня за руку съ какою-шо коварною, адскою улыбкою, эшо не избѣгло моего вниманія; говоритъ мнѣ, что онъ, какъ брашъ, принимаетъ живѣйшее участіе, въ нечаянно постигшемъ меня бѣдствіи. Я ничего не могу понять изъ словъ его—но спрашусь его улыбки; онъ подаетъ мнѣ письмо—опъ моего опца! Вошъ оно.—прочтите, я не въ силахъ читать сихъ гибельныхъ, роковыхъ спрокъ, оправившихъ бытіе мое.»

В. вынулъ изъ кармана письмо и я, къ величайшему изумленію, прочелъ слѣдующее:

«Сынъ вѣроломный, неблагодарный!—Мало того, что ты своимъ развратнымъ поведеніемъ очернилъ свою фамилію, ты еще гнуснымъ противъ опца обманомъ, хошѣлъ вынудить мое благословеніе на постыдный бракъ: мнѣ все извѣстно. Нѣтъ тебѣ моего благословенія — я и слышать не хочу о швоей сватѣбѣ. Никакъ не соглашаюсь на эшопъ позорный союзъ. Я пребую, приказываю тебѣ оспавить швой гнусныя предпріяшя, или вѣчное проклятіе опныиѣ да опягошветъ надъ тобою.» —

Когда я прочелъ про себя эшо письмо, В. продолжалъ:

«Я шущъ ничего не понимаю, сказалъ я брапу, возвращая ему письмо.

«Я самъ здѣсь понимаю не болѣе швоего, и шѣмъ сильнѣ эшо меня огорчаетъ.» — Я упалъ въ объятія вѣроломнаго, я проливалъ слезы на холодную грудь его, но онъ опшполкнулъ меня и выбѣжалъ изъ комнаты. — Я упалъ въ обморокъ.

Не знаю, долголи я находился въ такомъ положеніи, но когда очуспвовался, я увидѣлъ себя на постелѣ. Добрый старикъ, сидя близъ меня, со вниманіемъ читалъ письмо моего опца, а божешвенная, незабвенная моя Эмма, съ полными слезъ глазами, прилагала обо мнѣ все нѣжнѣйшія попеченія. — Не въ дальнемъ разстояніи, облокотясь на каминъ, стоялъ брашъ мой; блѣдный—опчаяніе выражалось въ черпахъ лица его. Я взглянулъ на него и хладный ужасъ проникъ мою душу. Такъ, другъ мой, спрашно было сморѣшь на него. Но при всей блѣдности, видно было, что какая шо злобая радость

блиспала въ его глазахъ, попеременно обращаемихъ шо на меня, шо на Эмму.—Тупъ ужасная мысль мелькнула въ головѣ моей... я запрепешалъ — и снова впалъ въ безчувственность.

Опъ такого двоекрапнаго пошрасенія, сильная горячка овладѣла мною, и уже черезъ шесть дней я пришелъ въ себя, обложенный Шпанскими мухами. Первой вопросъ мой былъ объ Эммѣ.—Брашъ, которій, какъ я узналъ послѣ, во все время болѣзни не опходилъ опъ меня, опвѣчалъ, что она немного нездорова.—А опецъ?—спросилъ я.—Онъ также болѣнъ и никого къ себѣ не принимаетъ. Эшо меня весьма превожило; но при всемъ моемъ спараніи — я ничего болѣ не могъ узнать о нихъ.

Въ послѣдствіи, мое крѣпкое опъ природы сложеніе и попеченія искуснаго нашего полковаго Шпабъ-Лѣкаря, восшоржеспвовали надъ болѣзнію; я началъ поправляться. Брашъ не мало способствовалъ къ моему въздоровленію, какъ видимымъ участіемъ, такъ и спрогимъ исполненіемъ докторскихъ предписаній насчетъ моей болѣзни.

Признаюсь, соображая поведеніе его съ шѣмъ, что прежде могъ замѣтить, я не могъ постигнуть эшого человека. То вкрадывалось къ мою душу подозрѣніе вразсужденіи его противъ меня умысловъ; шо, видя его брапскую заботливостъ, я приписывалъ шспороннымъ обшояшельспвамъ вѣчную его блѣдность и расшройство. Въ такомъ бореніи моихъ мыслей, природа наконецъ одержала поверхность: я совершенно предался брапу и изливалъ предъ нимъ мои жалобы, мое опчаяніе — я считалъ его моимъ другомъ.

Однажды, когда я былъ одинъ, мнѣ докладываопъ, что опецъ моей Эммы хочетъ со мною видѣться: я приказываю его просить.— Онъ входитъ. Боже! его нельзя было узнать!

Блѣдный, дрожащій, съ мушными глазами, опираясь на плечо Карла, онъ едва могъ дойти до моей кровати. Онъ взглянулъ на меня и слезы оросили почтенное лицо его. Онъ сѣлъ подъ меня, взялъ мою руку и едва слышимымъ голосомъ началъ говорить:

«Молодой человек! в ваши лета надо быть тверды и не предаваться отчаянию. Взгляните на меня, я дожил до шестидесяти лет и, в продолжение сего времени, много, очень много перенесъ непереносимаго. И нынѣ!... Всевышнему угодно было посылить меня испытаніемъ.... Да будетъ Его святая воля—я не въ силахъ шайть отъ васъ ужасной истинны, вы должны узнать ее: роковое письмо вашего батюшки, ваша болѣзнь, вѣроломство гнуснаго изверга — все это совокупясь, сильно подѣйствовало на слабыя нервы несчастной Эммы и—проси мнѣ Великій Боже! я не могу договорить—она....»

Почтенный спарець не успѣлъ еще кончить сихъ словъ — какъ вдругъ раздается за дверьми шукъ и дикій хохотъ. Въ самыхъ этихъ ужасныхъ звукахъ я узналъ голосъ, бывший споль пльнительнымъ — мнѣ говорило сердце; потомъ съ пронзительнымъ крикомъ: *пустите, пустите!* распахнулась дверь—и несчастная жертва низкаго коварства—вбѣгаетъ въ комнату. —

О другъ! ужасна была для меня эта минута! Но я перенесъ ее.—Перенесъ, кажется для того, чтобъ испытать еще болѣе бѣдствій.

Спрашная, какъ смерть, съ распрепанными волосами, съ блуждающими взорами; но еще прелестная въ самомъ безуміи, Эмма — оспанавливается посреди комнаты. — Вы можете вообразить, въ какомъ положеніи мы тогда находились.

—«Плачьте!» сказала она ужаснымъ голосомъ, «плачьте!» и, захохотала.—«Отець, посмотрите штънъ его: ахъ! какъ онъ хохочетъ! Но онъ обманщикъ—онъ любилъ другихъ... нѣтъ, нѣтъ... онъ меня любилъ — свадьба—вѣнецъ! но нѣтъ, не плачь, милая штънъ, мы скоро соединимся, мы увидимся тамъ — тамъ!....»

Эти послѣднія слова произнесла она усиленнымъ голосомъ, сопровождая ихъ, потрясающимъ душу, смѣхомъ. Взоры ее ярче засверкали — она, ѣззиможенная, упала безъ чувствъ на полъ.

Я хотѣлъ броситься помочь ей; но возвратившаяся слабость приковала меня къ постелѣ. Ее унесли отъ насъ — и мы опять

оспались одни съ злощаснымъ опцемъ се и брашомъ.

Долго я не могъ владѣть моими чувствами. Карлъ, который съ философическою твердосію переносилъ всѣ бѣдствія, спиртами и другими пособіями спарался привести нервы наши въ прежнее положеніе. Онъ утѣшалъ насъ, какъ могъ; наконецъ, когда я въ соснотнн былъ слушать, отецъ Эммы, убитый собственною горестію и отчаяніемъ, началъ говорить. —

—«Успокойтесь, сынъ мой—о какъ оправдно мнѣ было называть васъ симъ именемъ. Соберите ваши силы, вы должны до конца испить чашу горести, приговоренную всѣмъ намъ — этимъ злодѣемъ, этимъ извергомъ. Узнайте оспальное. — Вашъ братъ, да просишь ему Всевышній, вашъ братъ погубилъ и васъ и мое семейство. Мнѣ нечаянно попалось черное письмо его къ вашему батюшкѣ, въ которомъ онъ самыми низкими, самыми гнусными красками описываетъ Эмму и опца ее; говоритъ про какую-то непозволенную связь, которую будто вы имѣли прежде съ моею дочерью; умоляетъ его употребить всю спротосъ, всю власть родителя, чпобы удержатъ васъ на краю бездны, въ которую вы ввергаете сами себя добровольно. — Между штъмъ, готова всѣмъ намъ несчастіе, злодѣй вкрадывается въ душу своей жертвы; описываетъ васъ предъ нею вшреннимъ, вѣроломнымъ, развратнымъ человекомъ; рассказываетъ ей про ваши прежнія шалости и потомъ убѣждаетъ ее забыть васъ и, домогается... но языкъ родителя нѣмѣетъ при одномъ воспоминаніи варварскаго коварства. Милая дочь моя, которая привыкла не скрывать отъ меня и малѣйшаго сомнѣнія, все рассказала мнѣ и объявила о мерзкихъ противъ нее замыслахъ подмеса. — Я ее успокоилъ вразсужденіи васъ, совѣтывалъ ей избѣгать оспаваться съ извергомъ наединѣ и положилъ до времени, ничего не говорить вамъ о прощивныхъ законамъ чеспи поступкахъ вашего брата, суди по себѣ, что это васъ могло бы иногда убить.

Нѣсколько дней протекло въ такомъ бѣдственномъ соснотнн. Вы, въ сладоснотномъ вос-

портъ, въ блаженнѣйшемъ ожиданіи, конечно, не могли замѣтить тайной грусти, иногда выражавшейся на лицѣ бѣдной Эммы. Вы съ чистою душею—не подозрѣвали лютаго змѣя въ вашемъ единоуспробномъ и считали его своимъ другомъ.— Но выслушайте развязку.»— Тутъ старикъ съ горестію взглянулъ на роковое письмо моего опца, которое не выпускалъ изъ рукъ своихъ.

«Однажды, вовсе неожиданно, съ видимымъ опчаяніемъ на лицѣ, вбѣгаетъ ко мнѣ братъ вашъ, рассказываетъ о постигшемъ васъ несчастіи, говоритъ о вашей опасности насчетъ здоровья и умоляетъ поспѣшить—помочь вамъ. Мы съ Эммою спремимся въ вашу комнату—вы лежали въ безпамятствѣ. Здѣсь на полу я нахожу это письмо обманушаго вашего опца.—Мы заботимся около васъ, вы немного опомнились; но вскорѣ опять лишились употребленія чувствъ.— Мѣра перпнія несчастной моей дочери исполнилась — и она замертво упадетъ на спѣсенную грудь мою. Мы выносимъ ее въ ея спальню, и когда она пришла въ себя, первый вопросъ ея былъ о васъ. — Надобно было сказать, что вамъ лучше, это ожило ее; она уже хотѣла сама идти къ вамъ; но вдругъ опроремъ вбѣгаетъ къ намъ ее губитель. Какъ бы въ испугленіи онъ рветъ на себѣ волосы и кричитъ спрашнымъ голосомъ: «все кончено!—Я погубилъ его! Его уже нѣтъ! о Боже! онъ умеръ!»—«Умеръ?» — воскликнула Эмма, и снова лишилась чувствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—разсудка.»

Какъ окаменѣлый слушалъ я рассказъ старика. Несчастный! казалось, онъ такимъ образомъ хотѣлъ опмстити мнѣ за брата, за опца. Это ужасное извѣстіе, сильно, слишкомъ сильно подѣйствовало на меня—я снова повергся въ то состояніе, изъ котораго только что началъ было выходитьъ.

Ахъ, для чего я не умеръ тогда!—Ужели Провидѣніе для того продлило пятгосное мое существованіе — что бы я совершилъ преступленіе ужасное, пресупленіе, опъ котораго запрепалъ бы самый закоренѣлый разбойникъ? — Боже Великій! прости слабому творенію, держающему роптать на не-исповѣдимый, благій Твой промыселъ, но—

Ты видишь, Господи, самыя пайныя мои помышленія! Не святая ли вѣра подкрѣпляла меня по сіе время и не допускала меня до пресупленія еще ужаснѣйшаго, меня — поперявашаго въ мірѣ все,—все, даже самую надежду на будущее...!»

Тутъ онъ умолкъ, съ невыразимомъ горестію упалъ ко мнѣ на грудь и крѣико, крѣико сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ.

«Другъ!—вскричалъ онъ пошомъ въ сильномъ внушреннемъ волненіи:» не оставь, не презирай меня! о, какъ ужасно, какъ тягостно воспоминаніе прошедшаго!»

Послѣ сего порыва души, онъ долго лежалъ на диванѣ, закрывши лице руками.— По видимому, онъ припоминалъ, старался собрать въ мысляхъ обстоятельствова, столь сильно потрясшія его душу. Наконецъ, какъ бы пробудившись, онъ продолжалъ:

«Больно, очень больно, перяшь уваженіе людей, кошорыхъ испинно любишь; но я долженъ передъ концемъ моей жизни обнаружити мою душу.— Не хочу обманывать васъ.— Не хочу пользоваться уваженіемъ незаслуженнымъ: слушайте — и содрогнитесь.»

Не знаю, какъ и что со мною было въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, послѣ послѣдняго свиданія моего съ опцемъ спрадальцемъ.— Во все это время я находился въ совершенномъ безпамятствѣ.

Пошомъ, когда я уже начиналъ узнавать людей, однажды входилъ ко мнѣ братъ мой. Я запрепалъ, вспомнивъ все минувшее: но я еще любилъ его, любилъ какъ друга, какъ брата.— Видѣлъ ли ты ее? спросилъ я у него, еще ему довѣряя. «Кого?»—Эмму!— «Она умерла.»—Нѣтъ! я не въ силахъ описать вамъ эту несчастную, эту роковую мину. Невозможно выразить бѣшенства, которое тогда овладѣло мною.—Родство, дружбы, родитель—все было забыто.... Гибельный кинжалъ висѣлъ на стѣнѣ подъ рукою. О ужась! Я убилъ! я закололъ его... брата... и обрызганный кровію, и омраченный безуміемъ выскочилъ на улицу.— Откуда взялись эти силы? но мнѣ сказывали, что я пробѣжалъ двѣ улицы... Кинжалъ сверкалъ въ рукъ, обгаренной кровію брата. Народъ съ ужасомъ бѣжалъ опъ меня, но я насигъ

на пупи какую-то женщину, поражаю ее и вмѣспѣ съ невинною жертвою моего бѣшенства, обезсиленный, изнуренный, повергаюсь на землю. Меня схватили и посадили. . . въ домъ сумасшедшихъ! . . .

Уже, по истеченіи болѣе двухъ лѣтъ, я началъ распознавать предметы, меня окружающіе, и мало по малу, получилъ употребленіе разсудка. Повѣрьте, другъ мой: это была новая казнь неба. Только съ возвращеніемъ ума я увидѣлъ ту бездну, въ которую былъ свергнутъ своимъ малодушіемъ. Вопль что узналъ я:

Эмма дѣйствительно умерла тогдаже. Отецъ не могъ пережить потерю любезной дочери, и скорбь послѣдовалъ за нею. Меня оудили военнымъ судомъ и оправдали, какъ сумасшедшаго, и какъ сумасшедшаго же выключили изъ службы.

Безъ денегъ, безъ средствъ къ содержанію, на чужбинѣ, гдѣ каждый предметъ напоминалъ мнѣ весь ужасъ моего положенія: что оставалось предпринять мнѣ? Первый шагъ мой изъ больницы, былъ, — въ домъ Эммы; но онъ принадлежалъ уже другому владѣльцу. Карлъ продалъ его и уѣхалъ въ Геттингенъ. И такъ я оставался одинъ.

Но при входѣ въ тотъ домъ, попался мнѣ одинъ старикъ, который былъ очень любимъ покойнымъ отцемъ моей Эммы: онъ часто приходилъ сюда, когда я еще жилъ здѣсь и вообще онъ пользовался довѣренностью въ семействѣ. Онъ былъ родственникъ настоящаго владѣльца дома, почему и пришлось ему жить здѣсь. Добрый старикъ весьма обрадовался, когда увидѣлъ меня снова въ полномъ умѣ, пригласилъ къ себѣ, объявивъ при томъ, что онъ имѣетъ нѣкопорья порученія.

Умный, незабвенный Карлъ, достойный братъ моей Эммы: онъ предвидѣлъ, что должно было свершиться въ послѣдствіи, поному принялъ на себя попеченіе собрать оставшіяся мои вещи и деньги, часть изъ сихъ послѣднихъ внесъ въ Правленіе дома сумасшедшихъ для лучшаго моего содержанія, оспальнуюже, вмѣспѣ съ вещами, поручилъ этому старику съ шѣмъ, что когда я выздоровлю — возвратишь мнѣ, а въ против-

номъ случаѣ, употребить на мое погребеніе и на вспомошествованіе другимъ, подобнымъ мнѣ несчастнымъ.

Слезы умиленія и чистѣйшей признательности оросили лицо мое. Я не могъ достойно возблагодарить этихъ добрыхъ людей, и съ полученіемъ средствъ, рѣшился ошправившя въ мое опечество.

Такъ, я рѣшился непременно упасть къ ногамъ моего родителя и вымолишь, если можно, его прощеніе.

Такимъ образомъ я оставилъ то мѣсто, гдѣ я былъ такъ счастливъ и гдѣ сдѣлался самымъ несчастнѣйшимъ изъ человѣковъ. Не спану описывать мое пупешество. — До поголи мнѣ было, чтооь наблюдать образъ жизни и обычай народовъ? Съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою сильнѣе говорилъ мнѣ голосъ совѣсти. — Малѣйшій шорохъ, дуновеніе вѣтра, приводили меня въ шрепешъ. Въ нихъ: то ошзывался голосъ жертвъ моихъ; то казалось, страшный, неземный голосъ напоминалъ мнѣ мщеніе небесъ; однимъ словомъ, я былъ живой образецъ раскалія. Жизнь становилась мнѣ въ тягость. — Я просилъ, умолялъ небо ниспослать мнѣ смерть, или снова лишить меня разсудка; но шщетно. — Вѣчное правосудіе не прогалось мольбами брашоубійцы. —

Скажу кратко, я пріѣхалъ въ Россію. — Какое-то тайное предчувствіе помило меня въ продолженіи всей дороги. Я ожидалъ еще тягчайшаго бѣдствія — и не обманулся. Уже я на благословенныхъ поляхъ, видѣвшихъ мое дѣшество; уже у меня въ виду приюсть; вошпившій мою юность — подѣзжаю подъ кровь родительскій ночью — такъ-то прешупленіе боишя дневнаго свѣта, спрашшя ночнаго мрака, оставляю экипажъ назади и пѣшкомъ приближаюсъ къ воротамъ; ноги мои подкосились, я съ трудомъ пробрался въ эшопъ домъ. — Увы — родителя моего уже не было въ живыхъ! съ мерпвою безчувственностью я услышалъ сіе неожиданное извѣстіе. Я не плакалъ, но жаждалъ слезъ: онѣ бы упушили ужасный пламень, сожигавшій грудь мою. Въ эшомъ домѣ оставалась одна моя сестра. Въ дѣшствѣ мы

были съ него друзьями. Она приняла меня съ дружескими объятіями и, нѣжною обо мнѣ заботливостію спаралась, меня успокоить. Наконецъ я опъ нее узналъ, нѣтъ! эпо выше силъ моихъ: но выслушайте до конца.

Отець мой, по отправленіи послѣдняго своего письма, долго не получалъ никакихъ извѣстій, ни обо мнѣ, ни о моемъ братѣ. Госка грызла родительское сердце. Наконецъ опъ кого-то узналъ онъ, что меньшей сынъ его исключается изъ списковъ за смертію, а старшій—старшій преданъ военному суду—за братоубійство! Спарикъ не перенесъ своего несчастія—онъ впалъ въ отчаянную горячку и, при послѣднемъ вздохѣ, произнесъ вѣчное проклятіе братоубійцѣ . . . опцеубійцѣ . . . !»

В., выговоривъ съ сильнымъ напряженіемъ голоса послѣднія слова свои, вскочилъ съ дивана и быспрыми шагами успремился въ домъ—въ кабинетъ; долго споялъ шамъ, вперивъ взоры на очарованныя карпины—я не смѣлъ за нимъ шуда слѣдовать.

Еще нѣсколько дней я пробылъ у него въ домѣ; онъ все оспавался въ прежнемъ положеніи, и только со мною наединѣ предавался изліанію сердечныхъ съпованій.—Наконецъ, намъ назначено выспушпшь въ походъ.—Я распался съ нимъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ другомъ, навсегда сохранивъ въ сердцѣ и памяти его лестное ко мнѣ расположеніе и испорію его страданій.

Недавно я получилъ письмо изъ тѣхъ мѣспъ. Предчувствіе В. сбилось. Его страданія уже кончились: я искренно оплакалъ въ немъ благороднаго человека, но злощаснаго по спеченію обшоящельспвъ.

А.

ПОПРАВКА ОШИБКИ.

Московского Вѣспника на 1830 годъ 7. VI, въ любопытномъ журналѣ Посольскаго Чиновника на спр. 122 и 123, напечатано: изъ Ливорны поѣхали моремъ на корабль въ Вѣну? Былъ въ саду у Князя—Князь у нихъ выбирается изъ Сенаторовъ—изъ Вѣны по-

ѣхалъ я въ Миланъ. Издатель, подлѣ Вѣны, въ знакъ сомнѣнія, посспавилъ знакъ (?); по моему мнѣнію безъ малѣйшаго сомнѣнія можно было, или поправишь вмѣсто Вѣны: Гену, или подлѣ Вѣны поставишь въ скобкахъ Гену, ш. е. Генуу, пошому что слово Вѣна, явная ошибка перенищика, непонимаващаго Сочинишелевой дороги.

Р.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т В Ѣ Т Ъ.

Хоть бьюшь людей за то, что дерзко врушь,
Но дуракамъ и пьяницамъ спускаюшь!
Вопшь мой отвѣпшь: *Лжсагаго не бьютъ,*
А *битому* подавщо ужъ прощаюшь.

Баронъ Розенъ.

РОМАНСЪ.

Подругу сердца возвратите,
Ошдайте счастье мнѣ мое! . .
Чтобы цѣнилъ я бышіе,
Моимъ спенаніямъ внемлите
И возвратите мнѣ ее.

* * *

Покой исчезъ въ душѣ унымой;
Кто осушипшь испочникъ слезъ?
Печаль одна—мнѣ даръ небесъ.
И въ жизни сей, и за могилой
Покой исчезъ! Покой исчезъ!

* * *

Лишь смерти ждашь—удѣлъ несчастныхъ!
Подруги сердца не искашь;
Бывалымъ душу возмущаешь,
И, среди горестей ужасныхъ,
Лишь смерти ждашь! Лишь смерти ждашь!

Офросимовъ.

С H A R A D E.

Si vous parcourez mon premier,
Rédoutez le naufrage;
Si vous parcourez mon dernier,
Armez-vous de courage,

Enfin pour ne rien oublier,
Observez qu'à tout âge,
Pour échapper à mon entier,
Vous devez être sage.

Въ No 31 помѣщенная шарада значить: *До-ли-на.*

М О Д Е С.

Bijoux.— Depuis que la simplicité des modes a nécessité moins de richesse dans les bijoux, ils ont pris un luxe de grâce qui doit varier, d'autant plus souvent, que c'est chose de mode.

Les bijoux qui continuent à être portés, varient de formes.— Les plaques sont longues, à figures bizarres,— plates.— Les boucles d'oreilles présentent l'aspect des pièces de cassetés chinois.— Un carré long à pointes, auxquelles pendent de petites boucles, de petites poires, de petits losanges.— Une jolie parure remarquée au bal de madame la comtesse Arpony, était à plaques ovales, jointes par une rosace travaillée.— À chaque rosace, pendait une poire plate.— L'émail était bleu pâle, à dessins d'hieroglyphes d'or.

Une ravissante parure tout en or, chez *Chaufert, galerie Valois, n° 165, Palais-Royal*— est en branches de noisettes, avec les feuilles.— Le fruit tombe en faisant pendant.— Les feuilles le bois et la noisette, sont distincts par les différens ors.— Les boucles d'oreilles sont pareilles.— Le bouton est formé par le bouquet de feuilles et le fruit fait pendant.

Même magasins.— De jolis bracelets.— Des têtes gravées en bosse sur de la lave.— Les plaques sont encadrées dans de l'or uni,— large de deux lignes.

Pl. No 10. Bijoux.

М О Д Ы.

Вещи.— Съ шѣхъ поръ какъ, простота въ модахъ ввела, оную и въ вещи пышность замѣнилась красотою и щеголоватостію опдѣлки, которая тѣмъ чаще перемѣняется, что въ семъ-шо и состоить мода.

Вещи, которыя въ употребленіи, измѣняются въ формахъ.— Бляшки дѣлають продолговатыя, плоскія съ спранными фигура-

ми.— Подвѣски къ сергамъ представляють фигуры Кипайскихъ каспеповъ.— Продолговатый четверугольникъ съ уголками, къ которому прицѣплены маленькія подвѣски, небольшія грушки, полоски.— На балѣ Графини Аппони замѣченъ былъ прекрасный уборъ, изъ продолговатыхъ бляхъ, соединенныхъ репейками.— Къ каждому изъ нихъ придѣлана была плоская вислая грушка.— Эмаль блѣдно голубаго цвѣща, разрисованная золотыми Иероглифами.

Прелестный уборъ изъ золота у Шофера (*Chaufert*) въ галереѣ Валуа No 165 въ Пале-Рояль.— Изъ вѣшокъ орѣшника съ листьями.— Плодъ соспавляетъ подвѣску.— Листья, дерево и орѣхи, различаються разнымъ цвѣтомъ золота.— Серги такія-же.— Пуговка сдѣлана изъ букеша листьевъ, а плодъ служишь подвѣскою.

Въ томъ же магазинѣ.— Красивыя зарукавья.— Головки выгравированныя выпукло на лавѣ.— Бляхи обдѣланы золотомъ, шириною въ двѣ линіи.

Кар. No 10. Разныя Дамскія модныя вещи.

С М Ъ С Ь.

Буди уповая всѣмъ сердцемъ на Бога, о своей же премудрости не возносься.

Почитай за вѣрнаго себѣ друга того, который оспергаетъ тебѣ опъ ошибокъ твоихъ, а не того, который одобряетъ всё, что ты ни скажешь и что ни сдѣлаешь.

Полагайся на всѣхъ и ни на кого не полагайся— двѣ чрезвычайности: въ одной больше нѣжности, въ другой больше безопасности.

Умѣй опличать истиннаго друга отъ хитраго льстеца, и ты никогда не будешь благопріятствовать пороку во вредъ добродѣтели.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 33.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-составкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 25 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Аможе обратится печестивый, исчезаетъ:

Храмныя же праведныхъ пребываютъ.

Соломонъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

*Письмо къ Издателю Литературныхъ При-
бавленийъ отъ извѣстнаго нашего художника
А. Г. Венеціанова,*

О КАРТИНЪ: БЕРЛИНСКІЙ ПАРАДЪ, ПИСАННОЙ КРЮГЕРОМЪ.

Въ 1820 году явилась въ Императорскомъ Эрмитажѣ картина: внутренность костюма, писанная Гранетомъ; сія картина произвела сильное движеніе въ понятіи нашемъ о живописи. Мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея, до того времени въ цѣломъ не являвшуюся; увидѣли изображеніе предметовъ, не подобными, а почными, живыми; не писанными съ натуры, а изображающими самую натуру; увидѣли въ ней то, чѣмъ очаровывалъ въ декораціяхъ великій художникъ Гонзаго. — Нѣкоторые Архиспы увѣряли, что въ картинѣ Гранета фокусное освѣщеніе причиною сего очарованія, и что полнымъ свѣтомъ, прямо освѣщающимъ, никакъ невозможно произвести сего разительнаго оживошворенія предметовъ, ни одушевленныхъ, ни вещественныхъ. Я рѣшился побѣдипь невозможность, уѣхалъ въ деревню и принялся работать. Для успѣха въ эптомъ, мнѣ надобно было совершенно оспавить всѣ правила и манеры, двѣнадцати-лѣтнимъ ко-

пированіемъ въ Эрмитажѣ пріобрѣтенныя, а приняться за средства, употребленныя Гранетомъ, — и они мнѣ открылись въ самомъ простомъ видѣ, состоящемъ въ томъ, чтобы ничего не изображать иначе, чѣмъ въ натурѣ являюща, и повинаться ей одной безъ примѣси манера какого нибудь художника, то есть, не писать картину à la Rembrandt, à la Rubens, и проч., но просто, какъ бы сказать à la Натура.

Избравъ такую дорогу, принялся я писать *Гулмо*, и долженъ сознаться, что двѣнадцати-лѣтняя привычка къ манерамъ, много мнѣ мѣшала въ моемъ предпріятіи. — Но картина *Гулмо* написана, она находится въ Русской Галереѣ Императорскаго Эрмитажа. — После сего писалъ я еще нѣсколько картинокъ: *Хозяйка раздающая ленъ, Крестьянка чешущая шерсть, Деревенская госпожа за завтракомъ, Одывающийся мужичокъ, Сплицій мужичокъ* и проч. Всѣ сіи картины ни что иное, какъ эпюды мои въ безусловномъ подражаніи натурѣ. Перемѣня совершенно мои правила, предпринялъ я передать ихъ другимъ, и къ полному моему удовольствію, увидѣлъ успѣхи чрезвычайные. *Тырановъ*, по двухъ лѣтнемъ знакомствѣ съ живописью, написалъ картину *Внутренность Французской библиотеки Эрмитажа*, которая и находится въ ономъ; *Денисовъ* также, *Алексеѣвъ*, *Пла-*

ховъ, *Златовъ*, *Васильевъ* и другіе; а *Крыловъ* сдѣлался извѣстенъ по своимъ порптретамъ: и все это произвелось моею меподою, извлеченною изъ карпіны *Гранета*, передъ которою болѣе мѣсяца каждый день я просиживалъ. Теперь, сполько же смотрю, разбираю, люблюсь, изучаю картину *Крюгера Парадъ въ Берлинѣ*. Въ ней нѣтъ идеальнаго, великаго, гениальнаго, того, что находимъ въ *Мадонѣ Рафаэля*, чему удивляемся въ *прищениіи Іеронима*, въ *Аѳинской Школѣ*, въ *карпинахъ Гвидо-Рени*, *Пуссеня*; но еслибы *Рафаэль* такъ выполнялъ свою *Аѳинскую Школу*, какъ *Крюгеръ* *Парадъ*, не ужели бы она потеряла достоинство? Если бы, скажу: *Пуссенъ*, философскія свои мысли выражалъ языкомъ *Крюгера*: тогда бы его всѣ понимали. Къ сожалѣнію, я не видалъ картины *Спрашній судъ*, *Мишель—Анжа*, знаю ее только по очеркамъ, но воображаю, какое бы дѣйствіе произвела на чувства зрителя, еслибы она была выполнена кистью *Крюгера*, и еслибы на сей картинѣ первопланныя фигуры грѣшниковъ были такъ живо изображены, какъ первопланныя конныя *Офицеры у Крюгера*! Я уже предварительно согласился, что въ картинѣ *Берлинскаго художника* нѣтъ гениальнаго, великаго, того, что въ *Мадонѣ Рафаэля*; но согласитесь же, что для изображенія *Парада*—на огромной площади, окруженной зданіями и украшенной памятниками Героевъ, освободителей отечества—*Парада*, на которомъ присутствовалъ *Король* со всею своею фамилією и принималъ салютъ отъ *Россійскаго Великаго Князя*, на которомъ полны зрителей составлены изъ людей, извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ, заслугамъ, талантамъ, и всѣ похожи, не только лицами, но корпусомъ, привычками держашь себя, манеромъ одѣваться; *Парада*, на который художникъ пригласилъ даже *городскихъ оригиналовъ*, извѣстныхъ спранностями и умѣстивъ около 120 порптретовъ: нуженъ умъ, необходимо дарованіе. Минувшаго вдохновенія нѣтъ недостаточно. Архистъ долженъ былъ долго размышлять, назначить мѣсто каждой группы, каждой особѣ; иныхъ нарисовать одиночными, другихъ самъ-

другъ, иныхъ самъ-шрепей, показашь намъ кто съ кѣмъ знакомъ, выразишь характеръ каждаго: и все сіе *Крюгеръ* выполнилъ, — превосходно! У меня спросятъ, нужноли нуть присутствіе *Генія*, чптобы изобразить *Кадепа*, во фронтѣ дразнящаго собакъ, а позади его сполщаго солдапа; мысль мало значущая, но такая, которая намъ раскрываетъ большое знаніе художника свойствъ челоуковъ въ разномъ возрастѣ, разныхъ мѣстахъ, несущихъ различное званіе, исполняющихъ разныя обязанности.—Посмотрите, какъ спокойно, вольно, безформенно спойтъ солдапъ; отъ чего? отъ того, что его не видятъ *Начальникъ*; но замѣтите, съ какимъ вниманіемъ смотритъ онъ на *Парадъ*; видно, что вся душа его тамъ; а *Кадепъ*, по свойственной ребячеству его рѣзвости, не упускаетъ случая попонать ножонками на собакъ, и еслибы смѣлъ: по выскочилъ бы къ нимъ изъ фронта; онъ бы не сдѣлалъ такихъ движеній, если бы споялъ въ первой шеренгѣ.

Крюгеръ показалъ намъ, что въ *Берлинѣ* дѣпи почно также дразнятъ собакъ, какъ у насъ въ *Пешербургѣ*, что почно также ногами попаютъ, згибаютъ колѣнки и машутъ руками сжавъ кулаки, и что у *Кадепъ* въ задней шеренгѣ происходить въ *Берлинѣ* почно то же, что и у насъ въ *Пешербургѣ*. Посмотрите же теперь на *Кадепа* передней шеренги: онъ повозрастнѣе, онъ пожираетъ глазами скачущаго на бурой лошади *Офицера*!

Не случилось ли вамъ видѣть на нашихъ *Пешербургскихъ Парадахъ*, какъ *лихой конь Уланскаго Офицера* переднимъ копышомъ бьетъ въ землю и подымаетъ пыль, а самъ всадникъ съ самодовольнымъ видомъ машинально крушитъ усы? Не знакомъ ли вамъ *Кирасирскій Офицеръ*, спокойно сидящій на лошади и глазами слѣдящій движеніе приближающихся взводовъ?

Вонъ живая, събралъ, осѣдланная *Гусарская лошадь*, она слышитъ военную музыку и, по привычкѣ, мечется, чптобы вырваться изъ рукъ конюха и спашь въ *парадъ* на свое мѣсто; удалой ее прыжокъ напугалъ даму и она схватилась крѣико за своего кавалера,

смотримъ на коня, какъ на дикаго звѣря; шупъ же крестьянка, какъ говорится, кинулась безъ оглядки: шакъ кидаются опъ испуга крестьянки! съ какимъ шупъ взглядомъ направляютъ мускулистые кулаки свои мужчина, чшобы хвашишь сѣрую по мордѣ за страхъ причиненный женщинамъ, а ему подчокъ. Сія группа одна изъ превосходнѣйшихъ; но вопъ другая споришь съ нею о преимуществѣ; группа, въ которой помѣщена славная пѣвица *Зонтагъ* и знаменитый музыкантъ *Паганини*. Г-жа Зонтагъ сидѣла въ коляскѣ и—встала, что бы лучше видѣшь, какъ салюшуетъ Прусскому Королю Россійскій Великій Князь: на лицѣ ея видно полное удовольствіе; а *Паганини* въ это время ошвелкся народною сценою. Съ сѣдыми усами и въ треугольной шляпѣ кучеръ госпожи *Зонтагъ*, соспарѣвщійся на козлахъ и выдавшій уже съ нихъ и Парады и гулянья, склонилъ голову, опустилъ усы и, увѣренный въ поспоянствѣ лошадей, заснулъ шочно шакъ, какъ спашъ спарые придворные съ усами кучера у подъѣздовъ Зимняго Дворца.—Въ это время двое ребятишекъ масперовыхъ, воспользовалия его сномъ, вскочили на козлы, ухватилия за фонари коляски и спремешельно смотряшъ на Парадъ, составя изъ себя и кучера прекрасную въ общей группѣ маленькую пирамидальную группочку. Въ группахъ составляшъ группочки, никакого мѣста не оставяшъ пустымъ, и, припомъ безъ зашѣсненія, шакъ чшобы вся главная масса заняшій въ группахъ спремилась къ одной цѣли: есшъ единственнее, высочайшее достоинство въ композиціи Г. *Крюгера*.—Пониже коляски славной пѣвицы видѣшь въ шѣни простолоудинъ, любишель Парадовъ, человекъ, какъ видно опытный и запасливый; онъ изъ приготовленной имъ спкляночки черезъ край пьешъ, и—кто знаешъ? можешь бышь постъ за здоровье зрителей и—шѣмъ приводишь въ смѣхъ сосѣда, *превосходнѣйше* надъ нимъ смѣшюшагося. Внизу инвалидъ на деревяшкѣ, кажешся, сердитя на шо, чшо не шакъ идешь Парадъ, какъ въ его время. Гумбольдтъ, и другіе нешолько написаны, а сгруппированы, какъ лучше желашъ невозможно.—Поблагодаримъ

художника, чшо онъ помѣспилъ здѣсь и свой портретъ. — Какъ шо, у художниковъ приняшо; не любишь прямыхъ линій, линій, составляющихъ взводы, шеренги и другія построенія войскъ: онѣ порпяшъ каршины однообраземъ; для чего шѣ предметы, копорые находяшяся въ небрежномъ, разкидномъ видѣ, называюшяся художниками: *питорескъ*; но еслибъ съ каршины *Крюгера* сняшъ пошводно идущій полкъ, въ линію построенныхъ пшубачей, а на пропшвуположной имъ сторонѣ, въ линію же столщихъ за Королемъ Принцовъ, Генераловъ и Офицеровъ, и напелдишь мѣспю ихъ шакими группами, какія находяшяся на правой ея сторонѣ: шо каршина не шолько не приобрѣла бы достоинство *питорескъ* (живописность); шо совершенно бы его поперяла. Умный художникъ, построя пшубачей въ чиспной прямой линіи, шакъ ихъ своей кистью разыгралъ, чшо они не писанными, а живыми кажущяся; вопъ на примѣрѣ, во шпоромъ взводѣ лошадь подъ пшубачемъ не хочешъ спояшъ, приподымаешся на дыбы, а пшубачъ ее осаживаетъ:—лъзяли еспеспвеннѣе, почнѣе изобразишь бышь спроевой лошади?—Приближающійся же полкъ не колыхаясь, спройно движетя, подымаешъ пыль, заслоняя ею шпорой и шрепшій взводы или эскадроны, сполько и именно сполько, сколько въ напурѣ оной заслоняюшяся въ тихое безшѣпренное время. На пыльныхъ облачкахъ сихъ и шквозь оные, Кирасирскіе каски блестяшъ какъ звѣздочки; лошадиныя головы, ноги, шевеляшяся,—именно идушъ. Художникъ, сочспавъ здѣсь единствшо съ стройностію, далъ шакое разнообразіе, которое составляешъ въ сей часпш общее цѣлое неподражаемое. За первымъ взводомъ, другіе салдующіе, пошпененно опъ пыли шускашюшъ и, наконецъ, задніе совѣмъ ею поглощаюшяся, а вмѣстѣ съ ними и близъ лежащіе шамъ предметы.—Когда я въ первый разъ подошелъ къ каршинѣ, шо шопѣчасъ увидѣлъ Его Величество Короля, не спрашивая ни у кого: гдѣ онъ? хопъ я Прускаго Короля никогда не имѣлъ чспш видѣшь; пошомъ, подводя къ каршинѣ своихъ воспитанниковъ и многихъ знакомыхъ, слышалъ: «вопъ Король! Это долженъ бышь

Король!» — По нашему, Короля бы должно поспавить на первомъ планѣ; *Крюгеръ* поступилъ иначе; онъ представилъ его на первомъ мѣстѣ, или справедливѣе сказать, такъ помѣшилъ, что каждый видящій въ немъ главное дѣйствующее лице, и ему впрочемъ содѣйствующее, нашего Государя, котораго каждый узнаетъ, не взирая на менѣе профильный поворотъ, и не взирая на то, что на Немъ никакихъ нѣтъ отличительныхъ признаковъ, подобно какъ на Прусскихъ Принцахъ. Сія линія, начавшаяся у перваго взвода полка и продолжающаяся до конца карпины, или до части Дворца, въ которой расположены позади Короля, Принцы, Генералы и Офицеры, — совершенна до *non plus ultra*. Всѣ стоятъ подъ тѣнью Дворца. — Каждой особы лице, такъ окончательное выполнено, какъ почти оканчивающъ въ миниатюрныхъ портретахъ, а между тѣмъ, выражая по художничьи: *никто не просится впередъ и не портитъ цѣлаго*. Здѣсь нѣтъ мѣстечка пустаго; все занято и — никому не тѣсно, — и ничего нѣтъ лишняго. — Чтобы болѣе украсить сію превосходнѣйшую линію, *Крюгеръ* поставилъ шущъ на бѣлой лошади Офицера. Эпа лошади, есть совершенное изображеніе старой лошади, выслужившей многіе походы, но хорошо сбереженной: въ ней изъ за Анапоміи выглядываетъ Оспология; уже ей не до Парадовъ! Государыня Императрица Александра Феодоровна, бывшая тогда Великая Княгиня, изъ окна верхняго этажа смотритъ на Парадъ, на Публику, а съ восторгомъ вперила взоръ свой на Августѣйшаго своего Родителя и на любезнѣйшаго Супруга. *Ея Величество* видна щочно такъ, какъ можно видѣть и узнавать издали; въ другихъ окнахъ Прусскія Принцессы, и маленькіе Принцы въ нижнемъ этажѣ Дворца; тамъ, въ глубинѣ окна стоить Графъ *Моденъ*, какъ живой. — Сіе зданіе въ тѣни; но видно что за нимъ солнце и что оно вполнѣ его освѣщаетъ, а не такъ какъ Оперный домъ, которой покрыто прозрачное облачко; а сквозь оное солнечные лучи не смѣютъ обрѣзывать тѣней. Далѣе, библиотека озарена полными его лучами, свѣтъ опъ земли сильно отражается на опъенную спорону зданія; еще далѣе,

зданіе, близъ деревьевъ находящееся, шемнѣе предъидущаго; не по принятымъ правиламъ *воздушной перспективы* оно написано, — но опъ деревьевъ лучи солнечные могутъ ли такъ отражаться, какъ опъ ровной земной поверхности?

У *Крюгеръ* вездѣ опченность, вездѣ наблюдение натуры! Не красками написана, а просно изъ камня сложена, желѣзомъ кровля покрыта, и бѣлою краскою окрашена; на картину поставлена и солнцемъ освѣщена Королевская Кордегардія. — Въ лѣтнее время, при сѣренькой погодѣ, когда голубое небо бываетъ распещрено облачками и когда говорятъ: къ вечеру бытъ дождю! — Каждому случалось видѣть по землѣ идущую пышными тѣнь, бытъ самому въ ней, и предметы въ сажени опъ себя видѣть солнцемъ озаренными; попомъ чрезъ секунду тѣнь съ себя сошедшую на предметы, прежде солнцемъ освѣщенные, замѣчатъ въ помъ какую по шихую игру облаковъ на землѣ: наблюдатель природы *Крюгеръ* схватилъ это время и поставилъ на своей картинѣ! Онъ написалъ голубоватое небо, не Италіанское небо; но вишь Берлинъ не въ Италіи, распустилъ по немъ легкія мгляныя облачка и пучку. Тѣнь опъ нихъ разложилъ по землѣ и, подъ сею тѣнью поставилъ шѣ группы и фигуры, посредствомъ которыхъ ему нужно было другіе освѣпить, — освѣпить солнцемъ, оживотворить; опъ того на Офицерахъ серебро и золото блещутъ, какъ на стоящее серебро и золото, а сукно на мундирахъ и фракахъ освѣщено солнечнымъ *тепловатѣльмъ* цвѣтомъ. — Вообще же о лошадяхъ могу сказать, что никогда съ подобною живостію, разнообразіемъ, портретностию, не случалось мнѣ видѣть, ни написанныхъ, ни нарисованныхъ лошадей. На примѣръ, изъ новѣйшихъ художниковъ изображающихъ лошадей, произведенія *Вернета* въ полномъ смыслѣ изящнѣйшія, показывающія намъ въ Архистѣ познанія движеній, свойствъ, натуры лошадей. — Г. *Орловскаго*: Киргизскія, Козацкія, проичныя ямскія поже говорятъ о пылкости духа художника; Г. *Зауэрвейда* показывающъ его глубокое знаніе Анапоміи, классическое вниманіе, познаніе

красоты сего живописнаго; но не заспавляюпъ насъ забыпъся до пюго, чпобы засмошрѣвшисъ, видѣпъ ихъ не кистью написанными, а просто живыми, движущимися со всадниками своими. Бурую полько лошадь, копорая скачешъ, видно художникъ попоропился кончить, и по полько однѣ заднiя ноги. Изъ сопенъ лошадей, дышущихъ жизнью, можно какой нибудь часпичкой у одной лошади позволипъ пренебрешъ, засмошрѣшся, забыпъ и прочее! . . . . .

Вошъ вамъ М. Г.! мое мнѣнiе, копорого вы споль наспопшельно претребовали. Начиная исполняпъ ваше желанiе, избавляю себя, а вмѣстѣ и другихъ Русскихъ художниковъ опъ укоризнѣ вашихъ въ безмолвiи нашемъ: оно происходило, и опъ непривычки писатъ, и опъ опасенiя подпаспъ подъ жестпокую критику Журналистповъ. Покорнѣйше прошу судипъ и осуждать меня спрого, за одни полько мнѣнiя мои, а не за способъ выраженiя. Имѣю честъ быпъ, и проч.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

ВОЗЗВАНIЕ.

Мужайшеса поэты — новички,
Гоповѣше ваши лбы подъ лавры ищелчки!

В О Д А.

Руси славная спихiя,
Я люблю тебя, вода
Моря, озера, пруда! . . .
Холодна ты, какъ Россiя,
Но за по спвоя волна
И могуча, какъ она.
Гдѣ тебя я не встрѣчалъ?
Гдѣ тебя я не видалъ?
Ты на сѣверѣ открьптомъ
Безпробудно вѣки сппшь,
И въ покровѣ ледовиптомъ
Какъ въ вѣщцѣ споемъ блеспншь.
Ты на югѣ въ Черномъ морѣ
Колыхалася подо мной;
И роппалъ мнѣ, какъ про горе
Каждый валъ чередовой. . .

Можешъ быпъ, пѣ были звуки
Знакъ помпшельной разлуки
Спруй Днѣпровскихъ; можешъ быпъ,
Горешно имъ было влпшь
Воды чпстпья, живыя
Въ пѣдра моря, имъ чужiя.
Гдѣ тебя я не видалъ?
Гдѣ тебя я не встрѣчалъ?
Видѣлъ я, какъ быспрошечный
Изъ конца Руси въ конецъ
Величавый, вѣрный, вѣчный
Мчпшся бодрый спвой гонецъ —
Будшо леншой пышной, долгой
Межъ равнпнъ и возлѣ сѣлъ,
Широко разлился Волгой —
И надменно въ Каспiй вшѣлъ.
Видѣлъ я на Ленѣ чолны,
Одичавшей Камы волны,
И у ногъ моихъ Тоболь.
И проникнупъ чувспвомъ вѣги
Въ лучший возрастъ быпiя,
Въ пылкомъ дѣшпствѣ видѣлъ я
Воды спнiя Онеги. . . .
И ласкался ко мнѣ
Лепешали и шумѣли,
И, казалось, чпо онѣ
Пѣспъ живую колыбели —
Мнѣ, ребѣнку, скадко пѣли!
Но когдажъ услышу я
Вновь Карельскихъ сосенъ шопотъ,
И, Онежская спруя!
Твой пустыпный, груспный ропотъ
Вдругъ сольѣшся предо мной
Въ звукъ знакомый и спстой?

Карлеофъ.

Рига,
28 Января
183г.

С О С Н Ы.

Люблю весеннiя берѣзы,
Когда небесъ спяпья слѣзы
Изъ облаковъ ихъ осѣпашъ,
И влажнымъ жемчугомъ блеспашъ.
Люблю тебя, вѣковъ соперникъ,

Владыко съверныхъ лѣсовъ,
Сибирскій дубъ—пріюпъ орловъ.
Люблю тебя, унылый ельникъ,
Когда поникнувши главой
Ты тихо дремлешь надъ рѣкой.
Но всѣхъ милѣе лѣсъ сосновый,
Опъ дикъ, опъ пламень и угрюмъ;
Торжественъ видъ его гробовый,
Краснорѣчивъ могильный шумъ.
Душа какъ голубъ всхрипенелъ,
И сердце чуешь рой червей. . . . .
Но смерть съ безсмертіемъ сольется
Какъ полночь съ утренняя зарей!

Трилуний.

Ш А Р А Д А.

Когда вы музыкъ учились пачинали
То *первой* и *второй* являлись вамъ не разъ
И вѣрно вмѣстѣ ихъ вы часто соединяли,
Когда красавица собой плѣняла васъ.
Последній всякой часъ на языкъ вершился
И безъ него о васъ нельзя вамъ говорить.
Оцпломъ рѣдко кто въ семь свѣтѣ не крушился;
Оножъ и радостей намъ тысячи даритъ,
И древнихъ рыцарей оно одушевляло,
И совѣстью честныхъ ворочало судей;
Свирѣпыхъ въ Ангеловъ не рѣдко превращало
И мало ли какихъ не дѣлало заштѣй.

В. Шелиховъ.

Въ № 32 помѣщенная шарда значитъ: *По-лице*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Окончаніе.)

Фра - Діаволо, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, представленная на большомъ Театрѣ 14 Января, въ пользу Капельмейстера Г. Кавоса.

Опера сія заимствована изъ сочиненій Вашингтона Ирвинга (госпийница въ Террачинѣ). Ничтожность содержанія и незанимательность сценъ эпои пѣсмы, заспавають сомнѣваться, чпобъ творецъ ея былъ *Скрибъ*. Въ цѣлой оперѣ почти нѣтъ никакого дѣйствія, за шо много движенія: дѣйствующія лица приходятъ, уходятъ, мечутся изъ угла

въ уголь, ложапся спать, вспаюптъ съ поспели, ѣдятъ, пьютъ. Самъ ужасный *Фра-Діаволо* выведенъ какимъ-шо воришкомъ, которій промышляетъ *карманною выгрузкою*. Музыка *Обера* искушаетъ нѣсколько недоспашки эпои оперы, безъ того, и безъ таланповъ Г-жи *Биркиной* (служанка) и Г. *Самойлова* (*Фра-Діаволо*), едвали достало бы у зрителей-слушателей духа посѣпиптъ въпорично представленіе *Фра-Діаволо*. Вставная арія Меркеданте, пропѣтая въ шрепьемъ актѣ Г-жею *Биркиной*, заслужила ей чистую, единогласную похвалу.

Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. *Грибоьдова*, представленная въ первый разъ на большомъ Театрѣ 26 Января (бенифисъ актера Г. *Боллскаго*.)

Вся образованная Россія знаетъ безсмертное произведеніе *Грибоьдова*. Весь Петербургъ жаждалъ видѣтъ *Горе отъ ума* на театрѣ. Желаніе его сбылось. Опъ чего же эша комедія не принесла со сцены того полнаго удовольствія, которое чувспвуемъ читая ее? Не опъ того ли, чшо артисты наши не поняли характеровъ, выведенныхъ *Грибоьдовыми*; нѣтъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, артисты наши исполнили свое дѣло съ опчепливостію, съ умомъ. Удовольствіе же публики было неполное опъ того, чшо пѣсу: *Горе отъ ума* назвать комедіею нельзя; эшо просто собраніе прекрасно—написанныхъ отдѣльныхъ картинъ, изъ Свѣтской Московской жизни, да и рѣзкія истины, облеченныя прелеспнѣйшими стихами *Грибоьдова*, по обширности большаго театра, доходили не все и не до всѣхъ слушателей, дорожившихъ каждымъ полуспишемъ.

Горькія истины, произносимыя Чацкимъ, спановились въ устахъ Г. *Каратыгина* спгрубыми выходками. Чацкій, благородный, образованный въ школѣ опытна молодой человекъ, преслѣдующій иногда насмѣшками закоренѣлые предрасудки и чванство, въ лицѣ Г. *Каратыгина* ст. дѣлается какимъ-шо театральнымъ героемъ древности.

Г-жа *Семѣнова* рѣшиптельно не поняла характера Софіи Павловны. Она представи-

ла жеманную, *форменную* любовницу изъ старопечатной какой нибудь комедія, вмѣсто свѣтской, образованной, взрослой дѣвицы, завѣдывающей домашнимъ хозяйствомъ, но, къ несчастію, влюбленной по воображенію, разсвоенному чтеніемъ романовъ, въ мѣлководушнаго Молчалина, предпочитающаго ей ся горничную.

Еслибы въ Г. *Рязанцовъ* было по болѣе важности богатаго барина Москвича, то онъ не осмавилъ бы намъ ничего желать для совершенства роли Фамусова.

Г-жа Каратыгина ст. (Напалья Дмитриевна) и Гг. *Брянскій* (Платонъ Михайловичъ) *Сосницкій* (Репепиловъ) и *Дюръ* (Молчалинъ) заслуживаютъ благодарности истинныхъ любителей изяшнаго. Артисты сіи въ совершенствѣ поняли и изобразили характеры представляемыхъ ими лицъ. О прочихъ актерахъ, участвовавшихъ въ представленіи комедіи: *Горе отъ ума*, какъ о юдахъ, недостигихъ еще и середины своего искусства, говорить — слова перять.

Клара, молодая крестьянка, соблазненная вельможею, осмавляетъ своихъ родителей и скрывается въ его замкъ. Случайно приходящій въ этошъ замкъ скипающіеся комедіанты и представляютъ сцены похищенія любовникомъ своей любезной, и опчаянія преспарьныхъ ея родственниковъ. Это подействовало на Клару; она рѣшается осмавить пунш порока и возвратиться къ добродѣтели, покинувъ въ полночь домъ своего соблазнишеля. Клара убѣгаетъ въ свою деревню, чиспосердечнымъ раскаяніемъ получаетъ прощеніе своихъ родителей и вступается въ бракъ съ вельможею — похищеніемъ, копорому любовь ея сдѣлалась пощребноспью души.

Вопш основа балетца: *Клара*. Онъ перенесенъ на Цесербургскую сцену съ Парижской. Здѣсь представленъ онъ былъ въ первый разъ 10 Февраля, въ бенефисъ танцовщицы *Г-жи Бертранъ-Атрукъ*.

Отличная *танцовщица* сія, играла роль Клары, пребывающую совершенства *пантомимы*.

мы. Недостатокъ сего въ *Г-жѣ Бертранъ* былъ слишкомъ замѣненъ; эту роль (не говоря уже о *Г-жѣ Истоминой*) выполнила бы опщеписствѣ *Г-жа Телишова мл.*

19 Февраля былъ представленъ на маломъ театрѣ водевиль: *Бокаръ въ лушъ*. Забавный водевиль сей передѣланъ съ Французскаго извѣспнымъ нашимъ Липерашоромъ Г. *Вердеревскимъ*. Нужно ли говорить о достоинствѣ этой пѣсы на Русской сценѣ? Еслибъ было по болѣе такихъ водевилей, то репертуаръ нашъ пробавлялся бы ими и Публика забавлялась бы ими, а не надъ ними.

М O D E S.

Un nouveau temple vient de s'élever à la Mode, et la foule élégante qui le remplit déjà, prouve assez que les révolutions ne peuvent rien en France contre ce culte national. C'est une vérité dont il est facile de se convaincre, en visitant le nouvel établissement que M. Delisle vient d'ouvrir rue de Choiseul; deux longues galeries aboutissent à de magnifiques salles, consacrées aux différentes étoffes que la mode vient de créer. De hautes fenêtres, donnant sur un jardin garni de fleurs, permettent au grand jour d'y porter sa lumière, et l'on n'est pas obligé comme ailleurs, de choisir une robe à la lueur incertaine que laisse pénétrer dans l'intérieur du magasin, tous les lambeaux qui lui servent d'enseigne. Mais cet établissement se fait encore moins remarquer par sa magnificence, le bon goût, la simplicité des ornemens qui le décorent, la multiplicité des marchandises qu'on y trouve, et l'extrême politesse des commis qui les débitent, que par la modicité des prix de tout ce qu'on y marchandé. Un peu effrayé d'abord par l'aspect de si beaux comptoirs, on craint d'en payer les frais. Mais l'on est bientôt rassuré, en voyant les femmes les plus élégantes se montrer l'emplette qu'elles viennent de faire d'une robe de 18 francs, qui est au moins aussi jolie que celle payée 45 francs l'année dernière. Dans ce siècle raisonnable, on est aussi fier d'un bon marché, qu'on était vain autrefois d'une folle dépense; aussi M. Delisle a-t-il compris qu'il fallait avant tout, flatter la grande pensée moderne, *l'économie*. A la faveur de ce talisman constitutionnel, il réunit chez lui tous les partis; et les plus jolies femmes des deux rives de la Seine y viennent chercher la parure qui doit les embellir, car la vraie politique des femmes, c'est d'être élégantes.

М О Д Ы.

Модѣ воздвигнушъ новый храмъ въ Парижѣ, и шолки ея поклонниковъ, наполняющіе оный, ясно доказывающъ, что смуща не имѣе въ Франціи никакого вліянія на сіе общенародное поклоненіе. Въ сей истинѣ легко себя убѣдиль, посѣтя новое заведеніе, открытое Г-номъ Деллемъ въ улицѣ Шоазель; двѣ длинныя галереи ведутъ къ великолѣпнымъ заламъ, наполненнымъ различными пкканями, изобрѣшенными модою. Высокія окна, открывающіяся на прекрасный садъ, наполненный цвѣтами, освѣщаютъ ихъ совершенно, и никто не принужденъ, какъ въ другихъ магазинахъ, выбирать платье при сумрачномъ свѣтѣ, проникающемъ внутрь оныхъ, сквозь всѣ лоскушья, служащія имъ вмѣсто выѣсокъ; но сіе заведеніе еще менѣе отличаетъ своимъ великолѣпіемъ, хорошимъ вкусомъ, простотою его украшеній, множествомъ находящихся въ немъ поваровъ и чрезвычайною вѣжливостію продающихъ оныя, нежели умѣренностію цѣнъ всего пупъ покупаемаго. Увидя сіе богатое заведеніе, сначала побоишься, чтобъ не заплачешь за его украшенія. Но скоро успокоишься, увидя что женщины, отличныя по своему щегольству, показываютъ одна другой платье заплаченное 18 франковъ, и по меньшей мѣрѣ спольже красивое, какъ сповившее въ прошломъ годѣ 45. Въ нашемъ разсудительномъ вѣкѣ, сполько-же гордясь, купя что нибудь дешево, какъ прежде щеславилась моповспомъ; и Г. Делль совершенно постигъ, что прежде всего нужно польспить величайшей наклонности нашего времени, *экономіи*. Съ помощію сего конспиратионаго пализмана, онъ соединяетъ въ своемъ магазинѣ всѣ партіи; и прекраснѣйшія женщины обихъ береговъ Сены, прѣзжаютъ къ нему за нарядами; потому что истинная политика женщинъ состоитъ въ щеголеватой одеждѣ.

С М Ъ С Ъ.

«Никто изъ насъ не знаетъ: ни софисты, ни поэты, ни орапоры, ни художники, что есть истина, что есть добро и что есть прекрасное;» говоритъ Анаксагоръ: «но между нами та разница, что хотя сіи люди и ничего не знаютъ, но почищаютъ себя знающими, а я напрошивъ: я ничего не знаю и нимало въ томъ не сомнѣваюся: ибо убѣжденъ ясно, что я не знаю того, чего не знаю.»

Избѣжимъ опъ глупости бросаться безъ необходимости въ опасность. Послѣдуемъ примѣру искусныхъ врачей: они предписываютъ въ легкихъ болѣзняхъ лѣкарства слабыя; а сильныя и опасныя употребляютъ въ однихъ жестокихъ и опасныхъ.

Напасъ на безоружнаго человѣка, также подло, какъ говоришь худо о шѣхъ, кои не могутъ оправдать себя.

Огнемъ испытываютъ золото, золотомъ женщину, женщиною человѣка.

Три вещи весьма трудны: сохранить тайну, забыть обиду и хорошо употреблять свой досугъ.

Хлѣбосольство есть добродѣтель богатыхъ и порокъ бѣдныхъ.

Пупіе премудрости — пупіе добра, и всл спези ея мирны.

Въ несчастіи безчувственные вещи жизнь и языкъ ужасный принимаютъ.

Смерть не такъ спрашна, какъ осповъ, подъ которымъ ее намъ изображаютъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 34.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 29 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Что можешь начинать шеперь,
Теперь и начинать спарайсл.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завпрее не полагайся.

Хелницеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ВОЕННЫМЪ МИНИСТРОМЪ
ЛЮДОВИКА XV и МАРКИЗОЮ дѢ КАСТЕЛЯНЪ.

Шолпре (отворя дверь). Молодая, прекра-
сная дама желаетъ говорить съ Вашешо Свѣп-
лостью.

Министръ (съ нетерпѣніемъ). Я уже ска-
залъ, что никого не принимаю.

Шолпре (въ замѣшательствѣ). Точно такъ,
Ваша Свѣплость . . . ; но я думалъ, что да-
ма шребуетъ исключенія . . .

Министръ (весело). Это все равно . . . поди-
те . . . (зоветъ его опять) Шолпре! — Что
шамъ за дама?

Шолпре. Маркиза дѢ Кастелянъ.

Герцогъ. Маркиза! — Та самая, кошорая за
нѣскольго дней предъ симъ, какъ говорилъ,
допущена была въ шайныя шаршаменты!
Какъ опказашъ ей? . . . вопшь еще одна особа,
кошорая спашенъ охудатъ мое министр-
ство и предсказывать паденіе государств! . . .
Просите ее сюда! (*Шолпре уходитъ*).

Министръ (кидая перо съ досадою). Надоб-
но оставишь полезную и нужную работу!
Трапипть время на вздоры и плоскія учпи-
вости! — какая скука!

(*Шолпре входитъ, докладываетъ о
Маркизѣ и удаляется*).

(*Министръ и Маркиза*).

Министръ (встрѣчая Маркизу). Г-жа
дѢ Кастелянъ дѣлаешъ мнѣ честь своимъ
посѣщеніемъ . . . въ такую пору! Я долженъ
приписашъ это особенному счастью.

Маркиза. Какъ Г. Герцогъ, вы меня узна-
ли? . . . Мы кажешся давно уже не встрѣчались.

Министръ (подавая кресла). Весьма сожа-
лѣю о томъ! . . . Прежде я пользовался вашимъ
благорасположеніемъ! Герцогиня часто съ
вами видалась; но съ шѣхъ поръ какъ я всту-
пилъ въ Министерство, мы впали у васъ въ
нсмилость.

Маркиза (садясь). — Я хочу доказашъ вамъ
прошивное своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ;
мнѣ не было времени предваришь васъ пись-
момъ о семъ свиданіи.

Министръ. — Свиданіе со мною!

Маркиза (улыбаясь). — Да, безъ сомнѣнія.

Министръ. Видно, свѣптъ перевернулся
вверхъ дномъ?

Маркиза (вѣтрено). — Это я говорила въ
вашей передней. Не справно ли, имѣя дѣло
до Министра, молодая и прекрасная женщи-
на сама должна за нимъ волочипься? ибо
это привело меня къ вамъ, и я, признаюсь,

въ большомъ запрудненіи...съ чего начать?... и что мнѣ вамъ сказать?..

Министръ. Тоже, что я бывало говорилъ вамъ!

Маркиза (покраснѣвъ). Ахъ! вы мнѣ о томъ опять напоминаете! я думала, что при Дворѣ забываютъ все...

Министръ. Кромѣ друзей своихъ.

Маркиза. Превосходно! Мнѣ правду говорили, что вы любезнѣйшій изъ мушкетеровъ и лучшій изъ Министровъ, что вы не умѣете ни въ чемъ опіказывать...

Министръ. Я не могу заплашить вамъ равною похвалою.

Маркиза. Да; меня называютъ здѣсь суровою, чтобы уронить въ глазахъ Короля. Это уловка Г-жъ Коаньи и Монбаррей. Пускай онѣ клеветаютъ...

Министръ. Будучи увѣрены, что вамъ спойтъ только захотѣтъ разрушить ихъ ковы и доказать противное Его В-у...

Маркиза (опустивъ глаза). Я не думаю, чтобы Е. В. заботился о томъ.... (*съ скоростію*). Но теперь дѣло идетъ о его Министрѣ. — Я не хочу отнимать у васъ времени; оно драгоценно. — Скорѣе приступлю къ предмету моей просьбы. Завтра Король ѣдетъ въ Шуази, и какъ онъ долженъ проѣзжать мимо самаго моего загороднаго дома... вы помните...эту живописную дачу на большой дорогѣ. — Онъ изволилъ остановиться у меня на завтракъ. Я просила Гг. Ришелье, Шовеленя, Ла Вогюйона, и какъ я не знаю болѣе никого въ свѣтѣ, Г. Герцогъ, чье бы присутствіе могло быть болѣе вашего пріятно Его Величеству: по желала бы просить васъ, также сдѣлать мнѣ эту честь.

Министръ. Какъ, сударыня, вы меня просите о такой милости, о которой бы вамъ надобно просить другимъ!...

Маркиза (вставая). — Вы принимаете приглашеніе! Безподобно! Ни слова болѣе; я оставляю васъ. — Прощайте, Г. Герцогъ, я безъ ума отъ вашего одолженія.

Министръ (подавая руку, чтобы проводить ее). Позвольте, сударыня...

Маркиза (при выходя, раскланиваясь). — Еще одно слово; вчера мнѣ сказывали, что въ одномъ Драгунскомъ полку, есть вакансія

Полковаго Командира; что Полковникъ онаго смертельно раненъ на дуэли, за... (*будто стараясь припомнить*)...актрису Клеронъ... за актрису Дюмениль или за госпожу Форкалькье...что-то похожее на это...я не знаю хорошенько подробностей...но вы, Г. Министръ, вѣрно о томъ знаете...

Министръ. Какъ нельзя лучше! завтра расскажу вамъ все!

Маркиза (съ живостію). Такъ Полковникъ умретъ?

Министръ (съ удивленіемъ). Развѣ я вамъ сказалъ это?

Маркиза. Я предполагаю это, и въ такомъ случаѣ, попросила бы у васъ покровительства одному изъ моихъ родственниковъ, молодому Маркизу д'Обюссонъ, который столько надѣлалъ шуму въ послѣдней при Дворѣ кадрили, что обратилъ на себя вниманіе Принцессы Аделаиды и даже Принцессы Луизы! Впрочемъ, онъ имѣетъ свои права... Онъ уже два мѣсяца служишь въ кавалеріи.

Министръ. Не сомнѣваюсь.

Маркиза. Молодой человекъ, прекраснаго роста! Едва минуло ему 18 лѣтъ, но вы скажете, что ему 25, судя по его ловкости и пріятной наружности...Это превосходныя качества...для Полковаго Командира; я надѣюсь, что онъ не сдѣлаетъ намъ стыда.

Министръ (въ замѣшательствѣ). Я согласенъ, сударыня, что онъ молодой Офицеръ...который прекрасно танцуетъ...но...

Маркиза (съ живостію). Къ чему возраженія? Дѣло кончено.—Вы дали мнѣ обѣщаніе...вы такъ любезны, что не захотите не сдержавъ слова...особливо дамѣ...

Министръ. Позвольте, однакоже...

Маркиза (въ видѣмъ любезности). Я бы могла выпросить эту милость у Короля, но я хочу быть вамъ обязана, и (*съ кокетствомъ*) вы увидите, что одолжили не благодарную.

Министръ. Я желалъ бы заслужить вашу признательность; но это не въ моей волѣ; но къ этому уже онданъ.

Маркиза (перемѣнивъ тонъ). Кому?

Министръ. Спарому заслуженному Шпабъ-Офицеру. Полковникъ *Фавроль* 15 лѣтъ ждалъ этого назначенія.

Маркиза (перерывая). Мнѣ кажется, что если онъ уже ждалъ 15 лѣтъ, то могъ бы спокойно ждать и долѣе...; впрочемъ, кто это Г. де *Фавроль*? Кому онъ извѣстенъ? Что въ немъ рѣдкаго? (*съ видомъ презрѣнія*) да еще двѣдѣйинъ ли онъ?

Министръ (съ негодованіемъ). Пощадите.....

Маркиза. Кто же не вѣришь! Я готова повѣрить вамъ на слово, Г. Герцогъ! Но если вы ему опижете, кто тогда будетъ виноватъ? Можно сказать, что такъ угодно было Его Величеству... что вамъ повелѣно...

Министръ (улыбался). На это не можете согласиться ни одинъ Министръ, а что до меня, то я считаю это совершенно невозможнымъ. Такъ, сударыня, я шеперь увѣренъ, что никому не удастся безъ заслугъ получить это мѣсто, потому что я имѣлъ смѣлость вамъ не повиноваться.

Маркиза (холодно). Оставимъ учтивости, Г. Герцогъ, и поговоримъ серьезно: могу ли я располагать этимъ полкомъ?

Министръ (выразительно). Объявляю вамъ, Маркиза, что сердечно желалъ бы сдѣлать вамъ угодное и что вы видите меня въ опчаяніи...

Маркиза (холодно и смотря ему въ глаза). Совѣмъ нѣтъ, вы еще не въ такомъ положеніи, но со временемъ можете быть и будете (*придавая вѣсъ силѣ послѣднимъ словамъ*). Я спрошу у васъ только одно: могу ли располагать этимъ полкомъ? Да, или нѣтъ?

Министръ. Вы кажется объявляете мнѣ войну.

Маркиза (повелительно). Этого полкъ, говорю вамъ: мнѣ онъ нуженъ, я хочу его! да, Г. Герцогъ, я требую его!...

Министръ (съ важностью). Одинъ Король можетъ такъ повелѣвать мнѣ; но еслибы и онъ потребовалъ несправедливаго, то я съ сожалѣніемъ отвѣчалъ бы тоже, что и вамъ, сударыня: это невозможно.

Маркиза (внѣ себя). Довольно, довольно! Вы расскажете... Я этого не забуду! не ду-

майше, чтобы такъ трудно было мѣнять Министровъ!

Министръ (холодно). Я не сомнѣваюсь, сударыня, что въ сію минуту это гораздо легче, нежели производить въ Полковники!

Маркиза (оскорблясь). Да, Г. Герцогъ, ваше поведеніе будетъ извѣстно.— Узнаюшъ, что вы употребляете власть свою только для того, чтобы дѣлать несправедливости; и пусть, кто сего дня мнѣ отказываетъ, завтра же почтешъ за счастье у ногъ моихъ просить милости... кошкой никогда не получишь.

Министръ (съ удивленіемъ). Что вы хотите сказать?

Маркиза. Мы не слишкомъ корошкіе друзья, чтобы я открывала вамъ заранѣе свои тайны. Прощайте, Г. Герцогъ.—(*уходитъ*).

СЛОВЕСНОСТЬ.

БЕЗКОНЕЧНОЕ.

Раздѣленіе работъ въ Индіи.

Многіе изъ насъ жалуется, что при множествѣ слугъ нельзя имѣть хорошей прислуги: это оправдываетъ пословицу, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Просимъ пѣхъ изъ нашихъ чинѣтелей, кои находясь въ подобномъ положеніи, прочешъ слѣдующую статью: они увидятъ, что ихъ жалобы повторяются и въ Индіи.

Раздѣленіе работъ простирается здѣсь (въ Цейланѣ) до безконечности; слуга, могущій исправлять всякую работу, почитается невозможностью.» Вашъ камердинеръ не спанетъ у васъ ни зажигающъ, ни гасящъ лампу; носильщикъ качалки не захочетъ взяться за возжи и править лошадей, а если бы и взялся, то вѣрно уронитъ ихъ. Поваръ отказывается чистить кастрюли; никто изъ нихъ не согласится исправлять должность носильщика; самая бѣдная шорговка не умѣетъ ни мыть, ни шить для себя платья; она не можетъ обойтись безъ прачки и портнихи. Никто самъ не брешъ: это значило бы дѣлать подрывъ циркульникамъ; молочница не захочетъ снаб-

жасть васъ коровинымъ масломъ: это двѣ совершенно разныя опрасли промышленноспи, копорыхъ нельзя соединить ни подъ какимъ предлогомъ. Такимъ образомъ, вашъ дворецкой имѣеть своего поддворецкаго; конюхъ задавала лошадамъ сѣна; садовникъ поливалыщника; прачка гладильщицу, и если вы прикажете послать за площникомъ или слѣсаремъ: то каждый изъ нихъ являеися къ вамъ съ прислужникомъ или носильщикомъ.

На Индѣйскомъ машерикѣ есть еще много опраслей и подраздленій домашней прислуги. Но сколь ни леспно для самолюбія имѣть шолпу слугъ и служительницъ, копорыми можно повелѣвать, однако же досадно, что всей этой сволочи надобно плашить деньги, а между шѣмъ и въ половину нельзя видѣть опъ нихъ такой услуги, какую найдете вы въ государшвахъ Европейскихъ, имѣя въ десятеро менѣе прислуги.

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗВАЛИНА.

Ужасенъ обликъ мертвеца.
Бездушный миръ его лица
Пророчить намъ о мирѣ дальномъ;
Успа сомкнушыя навѣкъ —
Грозилъ молчаніемъ печальнымъ;
Такъ вопъ онъ, гордый человекъ!
Но гдѣ же искра чувствъ святая?
Какъ безопѣтна гробовая
Въ остыломъ шрупѣ шишина!
Но если смерть его спрашна,
Еще спрашнѣй курганъ развалинъ,
Подъ конимъ цѣлая страна
Навѣкъ забвенью предана.
Какъ наблюдателю печаленъ
Сей рядъ заброшенныхъ гробовъ,
И алшарей свяшыхъ обломки,
Гдѣ любопытныя потомки
Слѣдяшъ преданья праопцовъ;
Гдѣ все опжило, измѣнилось,
Въ пылшворный саванъ облачилось,

И гдѣ опъ всѣхъ громадъ и дѣлъ —
Одинъ лишь пепель уцѣлѣлъ!

Трилуный.

Г Е Б Ъ!

(Изъ стихотвореній Виктора Гюго.)

Et nunc et semper!

Тебѣ всѣ звуки спрунъ моихъ! тебѣ одной!
Тебѣ и брачный гимнъ и пѣснь любви злашая!
Другое имя чье пробудить геній мой?
Знакома ли мнѣ пѣснь или спезя иная?
Тобой единой жизнь озарена моя,
Твой образъ надо мной, когда я засыпаю,
Въ глубокой шѣмъ ведешь меня рука шволя,
Въ швоихъ очахъ я свѣтъ небесный почерпаю.
Судьбу мою, среди обители земной,
Мой Ангелъ и шволя молитва охраняетъ;
Лишь въ сердцѣ у меня раздается голосъ швой,
Оно и рокъ набранъ безъ страха вызываешъ.
Не ожидаютъ ли тебѣ на небеса?
Ты на поляхъ у насъ не чуждое-ль расшенъ?
Изъ лика райскихъ дѣвъ нисшедшая краса,
Ихъ пѣсней эхо шы, лучей ихъ опраженъ!
Когда смиренный взоръ шы склонилъ на меня,
И встрѣшилъся со мной одеждою лилейной,
Мнѣ кажешся, меня освѣшилъ Ангелъ дня,
И ризою ко мнѣ коснешся шховѣйной.
Тобой прозрѣвши свѣтъ, я разгадалъ шопчаясь,
Что жребій мой съ швоимъ связать угодно Небу,
Какъ пастырь шопъ свяшій, копорый ушомъясъ
Опъ шпанствѣй, шедшую къ ручью увидѣлъ
дѣву.
Я сопряженъ съ шбой любовью неземной,
Какъ съ шгѣжной матерью или сестрою милой,
Соспращающею мнѣ; я дорожу шбой,
Какъ дѣтищемъ своимъ послѣднимъ шпарецъ
шмой.
Какъ я люблю тебѣ! При имени швоёмъ,
Не плакать не могу, и какъ слезамъ не лишъся?
Такъ переполненъ миръ и скорбію и зломъ,
И чистая душа шволя должна поминъся.
О Боже! огради ее Твоимъ перспомъ. . . .
Пусть дни ея шекупъ въ покоѣ, безъ ненашья!
Ея желаніе шврши: оно лишь въ шомъ,
Чтобъ добродѣтель ей открыла шайну счастья.

И. Покровский.

С H A R A D E.

Des troupeaux et des chiens ennemi meurtrier;
 Terme de blason; saint qu'on prie;
 Rivière et mot d'astronomie:
 Tel fut, tel est, tel sera mon premier.
 Jeune arbrisseau qu'en pharmacie,
 En médecine, en chirurgie,
 Parfois l'art de guérir s'avise d'employer:
 Tel fut, tel est, sera mon dernier.
 Une vieille sottise, une folle chimère,
 Un conte absurde, une fable grossière:
 Tel fut, tel est, tel sera mon entier.

Въ № 34 помѣщенная шарада значить: *Ми-ла-я.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ печеніи минувшаго *Карнавала* (*), сыграно на здѣшнихъ театрахъ новыхъ Русскихъ: Трагедій 2 (1 оригинальная), Комедій 8 (ориг. 1), Оперъ 4 (ориг. 2), Драмъ 2, Романпическихъ представлений 2. (ориг. 1), Водевилей 13 (ориг. 3) и 2 Интермедіи (объ оригинальных), Балетовъ представлено 4. О Диверсисеменшахъ же новыхъ не говоримъ, потому что всѣ они были *старая погудка на новый ладъ.*

Скажемъ безпристрастное наше мнѣніе обо всѣхъ сихъ сценическихъ произведеніяхъ.

ТРАГЕДИИ :

1. *Разбойникъ Богемскихъ льсовъ.* Въ 5 д. въ стихахъ.

Изъ повѣсти Генріэтшы Ли: (*Крюцнеръ*) заимствоваль Байронъ драматическую свою піэсу: *Вернеръ.* Эта же самая повѣсть дала Г. Зопову сюжетъ для его *Разбойника.* Кто имѣлъ несчастіе вспрѣпятись съ эпимъ Разбойникомъ, хопя издали, поопъ вѣрно прокричалъ мысленно и не однажды: *караулъ! рѣжуть!!*

2. *Кровавая рука.*

(см. *Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду.*)

(*) *Карнаваломъ* называется время, въ которое открытъ Театръ. Русскій Карнавалъ начинается *Толмною недѣлю* и оканчивается вмѣстѣ съ Русскою *масляницею.* Прошедшій Карнавалъ продолжался съ 14 Апрѣля 1830 по 1-е Марша сего года. *Авт.*

КОМЕДИИ :

1. *Сумашедшая или завѣщаніе Англичанки* (въ 3 дѣйств. пер. съ Франц. Р. М. Зошовымъ.)

Длинная, сухая піэса, поддерживаемая прекрасною игрою Г-жи *Каратыгиной ст.* и Г. *Брянскаго.*

2. *Мать и дочь* (въ 2-хъ дѣйствіяхъ).

Эпо забавный водевилъ: *La mère au bal et la fille à la maison,* превращенный въ снопорную комедію. Подлинно *Комедія!*

3. *Баронесса дѣ Вальеръ* (въ 3 дѣйств.)

Воопъ переводъ извѣстной піэсы: *chacun de son côté,* многократно игранной здѣшними Французскими Актерами и всегда приносившей удовольствіе публикѣ. Эта комедія, благодаря Гг. Переводчикамъ и нашимъ артистамъ, не утратила нимаго подлиннаго своего достоинства и на Русской сценѣ.

4. *Жена и должность* (въ 3 дѣйств. переведенная съ Французскаго Н. П. Мундшомъ).

Въ сей піэсѣ весьма забавенъ характеръ чиновника, (имѣющаго, замѣтимъ мимоходомъ, *пригоженькую жену*), который не по примѣру иныхъ и, вѣроятно, не въ примѣръ другимъ, не добивается *лбомъ* до выгоднаго, пакъ называемаго *тѣпленькаго* мѣспечка.

5. *Изора, или бѣшеная,*

(см. *Лит. Приб. къ Рус. Инв.*)

6. *Горе отъ ума.*

(см. *Лит. Приб. къ Рус. Инв.*)

7. *Молодая, вспыльчивая жена*

и

8. *Мальтійскій Кавалеръ.*

Объ сіи одноакшныя піэсы переведены съ Французскаго *М. А. Офросимовымъ* — Липерапоромъ, смѣло и основательно владѣющимъ Русскимъ языкомъ. Версификація въ *Мальтійскомъ кавалерѣ* заслуживаетъ рѣшительное одобреніе образованныхъ!

О П Е Р Ы :

Женевева Брабантская (въ 3 дѣйств.)

Сюжетъ сей оперы заимствованъ *А. И. Шеллеромъ* изъ Исторіи Кресповыхъ походовъ, и былъ уже до него неоднократно припорованъ иностранными драматургами.

Музыка для означенной піэсы написана молодымъ нашимъ Композитеромъ Д. А. Шелховымъ. Какъ первый, смѣлый и удачный опытъ, она снискала вниманіе музыкальной часни нашей публики-

2. *Иванъ Царевичъ* (въ 4 дѣйств.)

Мудрая Екатерина минушты, остававшіяся Ей отъ Царственныхъ прудовъ, посвящала занятіямъ липературнымъ. Этимъ минушамъ обязанъ своимъ существованіемъ Храбрый витязь *Охридъгиль*—піэса игралась неоднократно на Эрмитажномъ и Публичномъ театрахъ. Изъ сей піэсы Г. Шеллеръ выкроилъ своего *Ивана Царевича*, а Г. Сопіэнца скроилъ на него музыку, или справедливѣе сказать, сшилъ ее изъ разныхъ гармоническихъ и мелодическихъ *штукъ* (pièces), набранныхъ имъ шамъ и сямъ, съ добавкою кое-гдѣ и своихъ собственныхъ.

3. *Осада острова Кандіи* (въ 1 дѣйств.)

Піэса сія названа *Осадюю острова Кандіи*, кажется, на основаніи правилъ бенефисной промышленности, а въ подлинникъ она называется просто. Le vaisseau amiral (т. е. Адмиральскій корабль). Музыка сей оперы имѣетъ достоинство. Она сочинена Г. Бершономъ.

4. *Фра-діаволо, или Гостинница въ Терраганъ*, (въ 3 дѣйств.)

(см. Лит. Приб. къ Рус. Инв.)

Д РА М Ы :

1. *Людмила* (въ 3-хъ отдѣленіяхъ).

Въ этой драматической рапсодіи—убійцѣ здраваго смысла, помѣщена, чуть нецѣликомъ прелестная Баллада Жуковского: *Людмила*.

2. *Смерть Каласа*.

Основа сей драмы—уголовное слѣдствіе, произведенное въ 1762 году надъ Марсельскимъ купцомъ *Каласомъ*, по коему онъ, невинный, лишенъ жизни. Бѣда, если для сцены сдѣлаются необходимы дѣла криминальныя! опускаются тогда архивы нашихъ Уголовныхъ Палатъ, даже Управъ Благочинія.

РОМАНТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ :

1. *Юрій Милославскій*.

Прекрасный романъ Г. Загоскина, *Юрій Милославскій*, перенесенъ Кн. А. А. Шаховскимъ на сцену и названъ Драматическимъ представленіемъ въ пяти суккахъ; читатели и читательницы наши, вѣроятно вы прочли и *Юрія Милославскаго*, и чтеніе его доставило вамъ наслажденіе душевное: не угодноли вамъ испытать надъ собою чудо чудное, диво дивное?—«угодно!»—Повзжайте въ пеапръ, въ представленіе любимца вашего *Юрія Милославскаго* и если не совершенная досада, такъ, по крайней мѣрѣ, мучительная скука овладѣетъ вами, и эшимъ вы будете обязаны Кн. А. А. Шаховскому!

2. *Догъ волшебнаго міра*.

У Нѣмцевъ есть народная піэса: Das Mädchen aus der Feen Welt; она украшена мотивами народныхъ ихъ пѣсенъ и потому имъ нравится. Кто-то вздумалъ смасперить изъ этой Нѣмецкой національной піэсы Русскую. Вздумалъ и сдѣлалъ: Нѣмецкихъ крестьянъ превратилъ въ Русскихъ мужиковъ, по естѣ, надѣлъ на нихъ армяки, привязалъ имъ бороды и дѣло съ концемъ. Вопъ наши Русаки и спали судить, рядить по Нѣмецки и дошого *онѣмчилились*, что разучидись даже говорить порядочно по Русски.

Водевиль :

1. *Братъ за брата*.

2. *Актеръ и Музыкантъ*.

Оба сія водевили сочинены Актеромъ Г. Григорьевымъ стар. Въ нихъ видѣвъ раждающійся палантъ, который, образовавшись въ школѣ опыта, принесетъ пользу нашему репертуару, наводняемому переводными полуграмотными піэсами. Главный недостатокъ обоихъ помянутыхъ водевилей естѣ излишняя говорливость дѣствующихъ въ нихъ лицъ.

3. *Сентябрская ночь*.

Содержаніе сего водевила заимствовано изъ *Литературныхъ Прибавленій къ Сыну Отечества*. Это сновидѣніе прекрасно и занимательно рассказанное въ Журналъ, неудачно

перенесенное на сцену, оно едва не навело сонъ на зришелей—слушашелей.

4. *Бандитъ или разбойникъ на балъ.*

Водевиль сей передѣланъ съ Французскаго. Въ немъ сцены слишкомъ разтянуты, а оспрошты черезъ чуръ натянуты.

5. *Ольга, Русская сирота.*

Чувство признательности къ чужеземцамъ, прирѣвнымъ сироту и любовь къ родинѣ волнуютъ грудь Ольги. Она лишена упопребленія языка, но взоры ея, ея движенія говорящъ внятно. Ольгу играетъ Г-жа *Телешова м.* Совершенство игры ея заслуживаетъ всегда рукоплесканія.

6 *Тринадцатый плащъ.*

Піэска забавная по содержанию и пріятная по слогу своему.

7. *Тюрьма.*

Незанимательность сего Водевиля вознаграждается оспрошою его куплетовъ.

8. *Проказы въ погребяхъ*, перев. съ Французскаго.

Дѣло маспера боится, а у крестьянина, *неумляющаго* владѣть сохою и хлѣбъ не родился, говариваль Суворовъ. Эту поговорку можно опнести даже къ безграмотному переводу какого нибудь Водевиля. Жуи написаль Водевиль *L'intrigue dans les caves*. Въ эпюмъ Водевиль большой урожай оспроптъ. Какой-то проказникъ перевелъ сію піэсу на Русскій языкъ, назвавъ ея: Проказы въ погребѣ, и всѣ оспрошты ея погибли, вѣроятно, опъ какой нибудь *засухи*, а можетъ бышь и опъ *неумлянія*.....

9. *Минеральныя воды*, перев.

Занимательный Нѣмецкій Фарсъ, хорошо переведенный на Русскій языкъ.

10. *Картушь и Мендръ.*

11. *Ярославскій Помѣщикъ и*

12. *Нѣмецкій Баронъ.*

Еслибы Парисъ жилъ въ наше время и быдо бы предоставлено ему опдашь свое яблоко шому изъ проихъ авторовъ, или переводчиковъ сихъ прехъ Водевилей, который,

превзойдетъ другихъ безграмотностію: какъ думаете, кому изъ нихъ опдалъ бы овъ яблоко? . . . Онъ, вѣроятно раздѣлилъ бы его между ими троими поровну.

13. *Бонаръ въ Луилъ*, перев. съ Французскаго Г. Вердеревскаго.

(см. *Лит. Приб. къ Рус. Инв. Но*)

ИНТЕРМЕДИИ:

1. *Рѣдкій поступокъ Русскаго купца*

И

2. *Святъ Гаврилыкъ.*

Первая изъ сихъ Интермедій соч. Г. *Шеллеромъ*, а послѣдняя написана Кн. А. А. *Шарховскимъ*. Кому изъ нихъ опдашь преимущество? рѣшить трудно. Жаль, опяшь жаль, что нѣтъ Париса!

БАЛЕТЫ:

1. *Нина.*

2. *Кораблекрушеніе морскихъ разбойниковъ.*

3. *Медвѣдь и Паша.*

Изъ сихъ Балетовъ: первый занимательнъ нѣкопорыми панепическими сценами, а послѣдній заимствованъ изъ извѣснаго Фарса *L'Ours et le Pacha* забавенъ своимъ комизмомъ. Пляска неуклюжаго медвѣдя съ прелесною Одалискою заставляетъ смѣяться невольно.

4. *Клара или возвращеніе на путь добродѣтели.*

О семъ Балетѣ мы уже говорили въ Липературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду.

MODES.

Magasin des dames à la mode, rue Neuve des Petits-Champs. Un mot sur les mousselines nouvelles qui paraissent dans ce magasin. Il y a plaisir à les voir toutes étendues drapées, brillantes de couleurs fraîches, aux premiers rayons du soleil.

Les Mandarines avec leurs châteaux, et leurs pavillons en flèches.

Mousselines Ispahan que leur nom désigne sans explication.—Mille variétés.

Mousselines *Érigone*, feuillage de vigne avec les grappes de raisin.

Les *Blasons*.—Idée originale.—Il semble qu'une femme porte ses armoiries sur son vêtement comme un chevalier sur son écu.

Puis les mousselines *cachemires, aventurines, etc.*

Et de toutes,—les plus jolies peut-être.—Les mousselines *flore*. Joli fond demi-couvert, à peine chargé, jetées, ça et là, des branches de fleurs de nuances vives et fraîches.

Les *jaconnas*. — Foudre.—A anneaux.—Chèvre-feuille.—Dessins nouveaux.—Dont ce magasin offre de délicieuses variétés.—Nous sommes priés d'annoncer que S. M. la reine des Français a bien voulu breveter madame Rousset-Vaulout, rue Richelieu, n° 87, et l'a nommée marchande de modes de L. L. A. A. R. R. les princesses de la maison d'Orléans.

Ensembles de Toilette.—*Négligé*.—Une robe de moire, bois foncé. Corsage plat. Un col double de batiste brodé, garni d'un rang de dentelle, et au-dessus un rang de petits plis festonnés. Une capote de gros de Naples vert chou, doublée de lilas, des nœuds lilas, un bonnet figuré en tulle, et petits rubans lilas. — Un châle de cachemire blanc. — Des brodequins de prunelle noire. — Une chaîne d'émail.

Une redingote de moire aventurine, corsage croisé à plis, chapeau de moire rose doublé de crêpe, avec des deux branches de lilas blanc jetées; des magasins de madame Lepetit, rue Grange-Batelière, n° 1. Un boa de chinchilla. — Une ruche de dentelle. — Des souliers de peau anglaise.

М О Д Ы.

Магазинъ des dames à la mode, въ улицѣ Neuve des Petits Champs. Одно слово о новыхъ кисеяхъ, показавшихся въ семь магазинъ; пріятно видѣть ихъ раскинутыя, драпированныя, во всемъ блескѣ ихъ яркихъ цвѣтовъ, при первыхъ лучахъ солнца.

Мандарины (les Mandarines) съ ихъ замками, и оспроконечными бесѣдками.

Кисей Испаганскія; имя сіе не потребуешь объясненія.—Тысячи различныхъ.

Кисей Эрисонъ.—Въшиви винограда съ листьями.

Геральдическія (les blasons).—Мысль довольно оригинальная. — Кажется, что женщина носитъ на плащѣ свой гербъ, какъ рыцари носили его на щитахъ.

Попомъ кисей *кашелировья, aventurines* и проч.

И можетъ быть, — лучшія изъ всѣхъ. — Кисей *flore*. — Слегка набросаны въшки различныхъ цвѣтовъ, яркихъ красокъ, такъ что грунтъ вполнѣ прикрывъ.

Жаконасы (japonas) съ новыми узорами. — Громовыя спирѣлы. — Кольцы. — Шевръ-Фельй. — Въ семь магазинъ много прелесныхъ различныхъ узоровъ.

Полный нарядъ.—Запросно.—Плащъ изъ море, цвѣта темнаго дерева. Лифъ гладкой. Двойной багисповый ворошничекъ, обшитый въ одинъ рядъ кружевомъ, а сверху рядъ мелкихъ складокъ съ городочками. Капотъ гроденаплевой блдно-зеленаго цвѣта подложенный сиреневымъ.—Баншы сиреневаго цвѣта, поднизъ надѣтъ шюлевый чепчикъ съ узенькими сиреневыми ленточками.—Бѣлая шурецкая шаль.—Сапожки черныя прюнелевые.—Эмалевая цѣпь.

Рединготъ изъ море темно-желтаго цвѣта (aventurine), лифъ крестообразными складками, шляпка изъ розоваго море подложеннаго крепомъ, на нее наброшены двѣ въшки бѣлой сирени; изъ магазина Г-жи: Lepetit, въ улицѣ Grange-Batelière. Хвосты изъ шеншинлы.—Кружевной рюшъ.—Башмаки изъ Англійской кожи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 35.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 2 дня, 1831 года.

На языкъ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнашь прямаго можно друга.
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава I.

Что дѣлать? ...страсть сильна! ...пишу и не робѣю
Хвалить—я не могу, молчать—я не умѣю.

Въ Москвѣ бѣлокаменной, въ приходѣ Пятницы на Пятницкой, хоромы Совѣтницы *Переболтаевой*, дву-жилая съ чепырьмя мезонинами и чепырьмя поненькими, песомъ обитыми колонами и фронтономъ были ярко освѣщены; двери длиннаго ряда комнатъ распворены наснежь и у каждаго снопяли попарно или оффиціаншны, или Камычашы, или Арабчонки. У передняго крыльца зажжены были два фонаря—и карепы одна за другою шуда пинулись, какъ веревка. Каждая оспанавливалась, распворялась, выгружалась ошь дамскаго балласта, дверцы захлопывались, по крику лакея кучеру: *пошѣль!* ошьѣзжала; на еѣ мѣсто подѣзжала къ крыльцу другая и, шѣмъ же порядкомъ, слуги высаживали изъ нее иногда шпукъ по осьми, и ни изъ одной не менѣ прехъ барынь. Толстая, високорослая дама лѣтъ сорока, въ гродепуровомъ платьѣ цвѣта мердуа, въ кружевномъ чепцѣ, изъ подѣ котораго выглядывали пышныя бубли изъ накладныхъ волосъ, при-

нимала ихъ въ гостинной. Каждая цѣловалась съ хозяйкою на обѣ щѣки и садилась на порожнія кресла, одно подлѣ другаго вокругъ снѣвъ обспавленныя. Софы были заняты дамами 4-го и 5-го класса. Это было во Вшорникъ вшорой недѣли Великаго поста 1794 года. Къ семи часамъ вечера гостинная, двѣ другихъ гостинныхъ, диванная и опчаспи зала наполнились женскими фигурами, имѣющими ошь сорока до семидесяти лѣтъ включительно. Пяшь или шестъ старичковъ сверкали сребровласыми головами между полною шѣковъ, чепцовъ, шюрбановъ и наколокъ.

Слуги въ попыхахъ совались шуда и сюда: одни разносили чай, другіе принимали порожнія чашки, шретъи успанавливали длинный рядъ ломберныхъ сиполовъ оидиъ возлѣ другаго. Не трудно было ошгадать, что на сихъ зеленыхъ поляхъ будетъ происходить между дамами бапалія, называемая: *Игра въ Лото.*

Съ шумомъ ошь шелковыхъ плашьевъ, съ громомъ ошь спульевъ и гуломъ ошь разговора всѣхъ вдругъ—кумушки чинно усѣлись по *девятнадцати* за партію, гдѣ уговоренось, чшобы не брашь болѣе двухъ каршъ одной особѣ, и по *осьми*, гдѣ позволялось держашъ по *три*. Составилось нѣсколько паршій въ виспъ, въ боспонъ и даже въ пикешъ. Пока

раздавали и разбирали каршы, собирали деньги въ пулю—и хозяйка мѣшала нумера въ коришневомъ,—вышипомъ въ памбуръ буреками розановъ,—мѣшкѣ, Маюрша *Обругаева* воспользовалась всеобщимъ смяпениемъ и начала *плести сплетни* споль громко, что ея *соло* покрывало оркестръ гремящихъ спульевъ, шумящихъ роброншовъ, скрипящихъ при передвижкѣ споликовъ и звучащихъ разговоровъ. «Слышаламъ шы, мать моя, что случилось въ послѣднее Воскресенье передъ Масляницею, въ церкви у Спаса въ Кудасахъ за Язуою? Вишь эпо, моя мать, чудо чудное! диво дивное! Капралъ, служащій на безсмѣнныхъ Ординарцахъ при Бригадирѣ *Рославцовѣ*, пришелъ просить у своего командира позволенія жениться на мапросской дочери. Бригадиръ далъ ему позволеніе, подарилъ 25 рублей, спросилъ въ какой церкви будетъ свашьба и въ кошоромъ часу? Мапросъ сказалъ ему. И вопгъ спараго холоспагу подспрекнулъ бѣсъ ѣхашъ посмошрѣшь свашьбу.

«Два дюжіе лакея впащили въ возокъ нашего Бригадира—и онъ опсправился. Войдя въ церковь, онъ увидѣлъ, что поѣздъ дожидается Священника; невѣста ему приглянулась. По Командирскому праву онъ ей поклонился, ему опспвѣчали шоклономъ и ласковымъ взглядомъ, копорый зажегъ высокородное еердечко Бригадира. Не удовольспвуясь симъ комплементомъ, онъ вспушилъ съ нею въ разговоры и, быспрыми скачками, договорился до вопроса: «что если бы де, ему Бригадиру и Кавалеру вздумалось на ней обвѣнчаться: по предпочла ли бы она его денщичку, проспому Армейскому Капралу?»... Невѣста пошупила глаза въ землю, покраснѣлась, какъ маковъ цвѣшь и, щипля свою поясную алую леншу, сквозь зубы пробормошала: «предпочла бы!»—Тупгъ Бригадиръ, безъ дальнихъ околичностей, опшполкнулъ жениха - Капрала, спалъ на его мѣспю—и, по приходѣ Священника, обвѣвилъ ему, что онъ принялъ благое намѣреніе сочепашься законнымъ бракомъ—съ двѣщею *Авдотьею Ивановною*, дочерью мапроса 1-й спашьи *Ивана Евдокимова*, что она изъявила ему на по свое согласіе, что свидѣтели нахо-

дятся въ церкви и что онъ просить Священника немедленно приступить къ совершению таинства брака. Всѣ изумились, Священникъ же, полагая, что это съ его спороны шутка и что Г. Бригадиръ хочешъ попуганъ своего подчиненнаго, спросилъ у невѣсты: имѣешъ ли она добровольное и непринужденное согласіе сочепашься бракомъ съ сполцимъ подлѣ нее Господиномъ Бригадиромъ *Иваномъ Павловичемъ*? Невѣста довольно громко, хошя и робко произнесла: «иду за него добровольно!» Священникъ еще болѣе прежнего изумился, и, не находя никакой причины воспрепятствовашъ сему браку: ибо постановленіе о испрошеніи дозволенія на женитьбу служащимъ вышло гораздо поздне, соединилъ ихъ руки; однимъ словомъ сказашъ: Бригадиръ обвѣнчался, подарилъ спю рублей церковному причесту, попросилъ Священника, свидѣтелей и своихъ Офицеровъ на другой день къ себѣ обѣдашъ, подалъ руку Бригадиршѣ, вывелъ ее изъ церкви, посадилъ въ возокъ—и опсправился домой преблагополучно.»

«Ужъ видно скоро предспавленіе свѣша!» подхващила Оберъ Шперъ-Кригскомисарша *Хавронья Митрофановна Пустелина*: «какія дѣюшеся казусы. Да въ одной ли сполциѣ? И въ Губернскихъ городахъ спроятсся шакія испоріи, что надивишъся нельзя. Я на сихъ дняхъ получила письмо изъ Тулы опгъ сволачницы своей *Красносельской*. Она увѣдомляешъ меня...» *Семдесятъ два!* возопила Госпожа *Горлодралова*: *двадцать одинъ! три! девяносто! девять! девятнадцать! шестдесятъ! шесть! шестдесятъ, четыре!*— — «*Амбо!*» вскричала супруга Совѣспнаго судьи *Перевиралкина*. Провозглашеніе роковыхъ цифрѣ опспановилось, повѣрили вышедшіе нумера и записали, что первое *Амбо* оказалось у Судейши. — *Сорокъ одинъ! два! семдесятъ три! сорокъ четыре! шесть! пятьдесятъ! осьмнадцать!*—«*Терно!*» сказала Землемѣрша *Вздоркина*. Опяшь дама, герольдъ игры, умолкла, нумера повѣрены и записано, что первымъ *Терно* фортуна наградила Землемѣршу. *Семнадцать! восемдесятъ, пять! тридцать*

пять! одинъ! восемьдесятъ девять! двадцать!
 пятьдесятъ три! двадцать два! четырнад-
 цать! пятьдесятъ девять! сорокъ два! восем-
 десятъ четыре! пять! шестьдесятъ! тридцать
 восемь! тридцать одинъ! двадцать шесть!
 семьдесятъ пять! — «Квартерно!» Возопила Кня-
 гиня *Зарайская*. Счастливица! шепнула съ
 примѣшную досадою Архитекшорша *Шне-
 терей* Баронессъ *Люгнеринъ*, Коменданшъ
 города Барнаула. — Колдунья! Ошъвчала ей
 Баронесса, шакже шепошомъ, очень похожимъ
 на шипъніе змѣи: ну на что ей деньги;
 мужъ ее богатъ и скупъ, какъ Кашей без-
 смершнѣй! И въ третій разъ ша же повѣрка,
 ша же записка, и ша же громкое названіе ну-
 меровъ, изъ шелковаго мѣшка вынимаемыхъ.
 По выходѣ шесши, семи цифръ, Княгиня *За-
 райская* побѣдоноснымъ голосомъ возопіяла:
 «Квинтерно!» Паршія кончилась. Надлежало
 раздѣлить деньги, на конъ посшавленныя,
 между выигравшима; всыпашъ номера въ мѣ-
 шокъ, и передашъ его чередной дамѣ, со-
 брашъ каршы, перешасовашъ ихъ и сдашъ
 сызнова.

Слуги воспользовались симъ моменшомъ — и
 на большихъ подносахъ начали разносить
 варенья, конфекты, плоды и разные про-
 хладительные напитки.

Старичокъ *Морозовъ* подѣлъ къ разбѣлен-
 ной и разрумяненной, какъ херувимъ на вер-
 бѣ, Г-жѣ *Пустелиной* и съ шайншвеннымъ
 видомъ, просилъ еѣ сообщить ему о случаѣ,
 недавно въ Тулѣ случившемся. Госпожа сія,
 у кошорой всегда языкъ чешешся, не заспа-
 вила долго себя упрашивашъ. — «Вы знаете,
 сказала она, что въ Тулѣ спшоипъ Полтав-
 скій Гусарскій полкъ; прошлую зиму я го-
 спшила (*) тамъ у свояченицы, видѣла что
 Офицеры весельчаки, гуляки, ночи на про-
 лѣшъ просиживающъ за каршима, или слу-
 шая Цыганокъ; пѣсенники, плясуны, фигля-
 ры, все къ нимъ валишся; они скачущъ по

городу въ обшевняхъ пройками съ колоколь-
 чикомъ, увозяшъ невѣспъ, заводяшъ драки,
 рубяшся, миряшся, попомъ на мировой опо-
 ражнивающъ цѣлые ящики Шампанскаго. Въ
 эшомъ полку служилъ Корнетомъ богатшй
 молодой человекъ *Разгильдеевъ*. Онъ и опъ
 природы-шо не хитраго сложенія, а попав-
 шисъ въ Эскадронъ къ Роммиспру *Рубако-
 вичу*, съ кошорымъ и имѣла честь познако-
 мишся, упопилъ осшальной умъ въ пуншѣ.
 Посѣщая Дворянское собраніе, *Разгильдеевъ*,
 на бѣду свою, влюбилс въ хорошенъкую
 дочку богача *Лужайскаго*, началъ вѣдипъ въ
 домъ, искашъ въ дѣвицѣ. Эшо исканіе пшну-
 лось болѣе полугода и соспоало въ шомъ,
 что онъ кашалъ еѣ съ маперью въ щеголь-
 скихъ саняхъ на прехптысячномъ рысакѣ и
 лихой приспшжной, кошорая сгибалася въ
 кольцо. голову несла почти поземи, гривою
 снѣгъ замепала и спановилася на дыбы;
 кормилъ выписными изъ Пепербурга конфек-
 тами, сажалъ и высаживалъ изъ карешы, до-
 спавалъ лучшую ложу въ театрѣ, плашя за
 нее въ три раза дороже, дарилъ въ Новый
 годъ Парижскими сюрпризима, въ Свѣшное
 Воскресенъе фарфоровыми ящима, а въ дни
 именинъ и рожденъя всей фамиліи модныя
 вещицы. Трезвый, онъ никогда бы не опва-
 жилс заикнушся о своей спрашпи, а хмѣль-
 ной, онъ къ нимъ въ домъ не показывалс.
 Нынче о Свѣшкахъ, насмѣшники Офицеры,
 сослуживцы его, напоили его порядочно, раз-
 дразили — и впуспили въ шакоемъ видѣ къ
 нареченному шеспшшкѣ, человеку спепен-
 ному, благочеспивому, благоразумному, лич-
 но извѣспному Имперашрицѣ (*), какъ
 Чиновникъ оплично-усердный и способный.
 Онъ привалъ женишка въ кабинетъ, обо-
 шелс съ нимъ вѣжливо, но на предложеніе
 его сдѣлалъ рѣшипельный опказъ. *Разгиль-
 деевъ*, съ горя, завернулъ къ Роммиспру
Рубаковичу, гдѣ шла попойка, и разомъ вы-
 пшнулъ шестъ стакановъ самаго крѣпкаго
 пунша. Поперявъ упопреленіе ума и по-
 шашываясь, сѣлъ онъ въ обшевни и прѣ-
 тхалъ домой. Тамъ дуръ совершенно имъ об-
 ладѣла; онъ сѣлъ въ прихожей на лавку и,

(*) Напоминшъ чшпанешельмъ, что здѣсь говорится о Гу-
 сарахъ 1794 года, ш. е. о старыхъ; новые же, нынѣ-
 шніе, совсемъ на нихъ це похожи, любяшъ танцовашъ,
 чшпашъ книги военныя; въ ихъ бесѣдахъ:

Жомни, да Жомни,

▲ объ водкѣ ны послела! — К.

(*) Екатерина Великой. — К.

увидя разряженную для праздника кухарку своего хозяина—оружейника, остановилъ ее и сказалъ: «*Авдотья*, хочешь ли выпити за меня замужъ?»—хочу! отвѣчала она, помирая со смѣха. «Сбирайся же, побѣдемъ въ церковь.»—Она накинула шубейку на плеча, плапокъ на голову и сказала ему: я гопова! Видно, что и у нее въ головѣ шумѣло. Они вмѣстѣ сошли съ крыльца, сѣли въ сани, въ которые былъ уже посаженъ ящикъ Французской водки. Ухарской кучеръ, споя, помчалъ ихъ какъ вихоръ въ село, лежащее близъ Тулы, доставшееся послѣ опца Корнешеу *Разгильдяеву*. У заставы они остановились — и взяли съ собою полковаго Аудишора, конюраго на силу добудились и копорый бывалъ шрезвъ 365 разъ въ годъ — до 12 часовъ утра. Менѣе, нежели въ полчаса, прикашили они на господскій дворъ и вошли въ домъ, въ комъ всегда опащивали двѣ комнаты для прѣзда Барина. Хозяинъ послалъ за сельскимъ попомъ, и за Поручикомъ *Вихревымъ*, опспавленнымъ за пьянство и буянство оптъ службы и, по дружбѣ съ помѣщикомъ, имѣвшимъ въ его деревнѣ споль и кварширу. Въ ожиданія ихъ, въ госпиной накрытъ споль чистою скашерью, на него поставлена серебряная суновалъ чаша, положено въ нее шри фунта сахару, налино кипяшку сполько, сколько нужно, чтообы распушился сахаръ, а попомъ долино по края Французскою водкою. Первый явился *Вихревъ*, гораздо подгулавшій, вслѣдъ за нимъ Священникъ.

«Топчасъ началось подчиванье — и когда Аудишоръ, женихъ и невѣста выпили по полудюжинѣ эпого крѣпкаго пунца, тогда *Разгильдяевъ* открылъ свое намѣреніе женинися на Авдошѣ — и топчасъ приступлено къ исполненію онаго. Ихъ обвѣчали и опвезли въ городъ. Поздно на другой день проснулея новобрачный — и, опупавъ возлѣ себя кого-то, опспревожился и спросилъ съ оппокойствомъ: «кто шупъ?»—Я! — «А ты кто?»—*Жена ваша!*—«У меня нѣшъ жены!»—*Вы вчера обвѣчались со мною въ церкви ващего села!*—«Что ты за сказки мнѣ сказываешь!»—И съ симъ словомъ, прибилъ ее и выполкалъ вонъ.» —

Чванная Оберъ - Шперъ - Кригскомисарша свернула письмо, спряпала его въ карманъ, извинилась передъ дамами, придвинула спуль, разложила свои каршы, и смиренномудро слушала нумера, кои выкликивала на сей разъ Землемѣрна *Вздоркина*.

Въ 9 часовъ и паршии Лопто и пули Боспона были разыграны. Спюлы вынесены, кромѣ одного, на копорый глухаръ и пискунъ *Поддакинъ* положилъ сто рублей новенькими красными ассигнаціями, сто пяти рублѣвыми, разсыпалъ сто рублей серебряными гривенниками и пяпачками и сдѣлалъ дамскій банчикъ. Всѣ кинулись срывать его: спавили по чепыре десятки или шуза въ одну шалию и по два рубля съ пошшиною не болѣе на каршу.

Сама хозяйка, Княгиня *Зарайская*, *Горина*, *Холмская*, Графиня *Башикирова* и нѣскольо другихъ дамъ, неиграющихъ въ азартныя игры, удалились въ диванную и занялись пересудами, сплешнями, вѣспями.

«Давишнія двѣ испорійки *Лукеры* *Васильевны* и *Хавроньи* *Митрофановны* напоминаютъ мнѣ о забавномъ случаѣ, копорого я былъ очевидцемъ;» сказалъ *Тряпицынъ*: «семидесяти чепырехлѣпной спарикъ женился на семидесяти шешилѣшной дѣвицѣ. Свашбу праздновали въ деревнѣ у *Молодой*; всѣ мѣкопомѣспные сосѣди ихъ были созваны — и пиръ продолжался шрое супокъ. Три дни *Молодые* скромничали, но по упру на чепвершій, не доспало шернѣнья у новобрачнаго, и онъ, опспешенно склоняя рѣчь къ желанному предмету, спросилъ у жены. «Гдѣ же швои 200 душъ?»—*У меня только 5 душъ, копорыя здѣсь въ деревнѣ.*—«Ты шупишь, да чѣмъ же мы спанемъ жить?» спросилъ мужъ. — *Твоимъ капиталомъ.*—«Какимъ?»—*Не притворяйся, у тебя 50 тысячь рублей въ Ломбардѣ!*—«Ни одного гроша!»—Кончилось пѣмъ, что спрасшній супругъ сѣлъ въ шельгу — и, вмѣстѣ съ необдавшими въ пошъ день госшями, уѣхалъ во свояси.» —

—Давно ли эпо случилось? спросила Графиня *Башикирова*. — «Да еспъ ужъ года два!» опвѣспивовалъ разскащикъ. Эпо спарина! возразила Графиня, а я сообщу вамъ новость, случившуюся въ Воскресенье на Масляницѣ

въ вечернемъ Маскерадѣ. Подагрикъ Баронъ *Абшеймхе* неоптешупно волочился за акпри-сою *Ахалкиною*, а спарая, какъ родословное ея дерево, Баронесса жена его, за опернымъ пѣвцомъ *Кларнетиньмъ*. Спарички не вѣдали, что эти молодые люди помѣнялись сердцами и кольцами, и насмѣхались надъ ихъ сумазброднымъ искапельствомъ. Однако же, уважая достоинство, лѣна и богатство съдыхъ обожателя и обожательницы, долго шерпѣли они ихъ волокипство, которое день—опѣ дня, часъ опѣ часу спановилось наглѣе, безопвязнѣе.

«Наконецъ, они рѣшились опучить ихъ опѣ себя, выспавить на всеобщее посмѣяніе—и шѣмъ образумить сеншментальныхъ прародипелей. Плуповка *Ахалкина* спшала при Баронѣ вздыхашъ, задумывашься, сдѣлалась холодна къ своему возлюбленному, изподлбья кидала спрастные взгляды на дряхлаго *Селадона*, потупляла глаза въ землю и краснѣла, если они встрѣчались съ Бароновыми, позволяла ему цѣловать руку и давить себѣ за обѣдомъ ноги. *Кларнетинъ* въ свою очередь шакже проспыль къ пригоженькой своей лукавицѣ; онѣ искаль случая быпъ въ шѣхъ домахъ, куда вѣжала Баронесса, глядѣль ей въ глаза, чпобы опгадапъ ея мысли; сидѣль какъ прикованный подлѣ ея кресель, когда она играла въ виспѣ, а послѣ дули писалъ на зелѣномъ сукнѣ ломбернаго ешопика ея вензель или два пылающія сердца, розовою гирляндою евязанныя, а на сердцахъ начальныя липеры ея и своего имени: *А* и *К*, кормиль бесквишами жирнаго ея мопеа, искаль блохъ у ея шписа и даваль щипапъ до крови пальцы свои злому ея попугаю. Не довольствуясь сими ясными обяясеніями своей спрастии, онѣ, въ Среду на Масляницѣ, дождавшисъ Баронессы у развѣда въ шеапрѣ, всунуль ей въ руку любовную записочку, въ копной написаль, что шивля много чрезвычайно важнаго переговоришь съ него, онѣ заклинаешъ еѣ небомъ и «землѣю приѣхашъ въ Воскресенъе въ вечерній «Маскерадѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера въ большой рощондѣ найдешъ она Турку въ желшой чалмѣ, желпомъ поясѣ и желпыхъ шупуляхъ. Сей Турокъ будешъ проводникомъ

«сея въ особенный кабинетъ, въ коемъ нѣкпю «спанепъ непертѣливо ожидашъ своего Ангела, свою Богиню. Предоспорожности взяшпы.» Восхищенная спарушка приказала кучеру скаканъ домой во весь опоръ, взбѣжала на лѣспницу, какъ серна, прямо въ спальню, схватила со споло восковую свѣчу, бросилась въ покойныя кресла, поропливо сломила печанъ, прочла — и обомлѣла.

Что она весьма рано проснулась, что еще не вставая съ постели написала опвѣшъ на серебрястой бумажкѣ, что запечатала его розовою облапкою: шупъ нѣшъ ничего удивительнаго. Удивительно, чпю насмѣшница—пѣвица назначила съдому супругу ея попѣ же самый день, часъ и мѣсто свиданія, съ шюю шолько перемѣною, что вмѣсто Турка назначена въ проводницы ему Цыганка, копорую ему легко узнать по изумрудному, осыпанному бриліаншами перспню, подаренному Барономъ *Ахалкиной*.

«Медленно, пропшжно, неспертнимо—пропшжно шацилось время для Барона, уже вкушавшаго въ воображеніи сладоспрастие, не быспрѣ шло оно и для Баронессы, воспламенившей себя мечпами. Наконецъ, пробило девяпъ часовъ—и спарикъ, накинувъ розовое домино, поскакаль на rendez—vous, а черезъ десять минушъ шуда же опправи-лась и цѣломудренная супруга его, увѣривъ его напередъ, что за головою болью вѣхашъ въ Маскерадѣ она не можешъ.

«Баронъ пробрался сквозъ полпу, копорал чупъ его не задушила, опылекаль Цыганку и, по данному опѣ него знаку, пошелъ за нимъ изъ комнапы въ комнату, по длинному коридору, по узкой лѣспницѣ въ верхній этажъ. Передъ дверью на лѣво, Цыганка остановилася, указала на неѣ пальцемъ, приложила его къ губамъ—и исчезла. Баронъ, оставшисъ одинъ въ шемнопѣ, опщупаль дверную ручку...повернулъ ее...дверь опворилася...онѣ, на цыпочкахъ и не переводя дышанія, вошелъ въ комнату...неизвѣспная рука схватила его и повела въ другую комнату. Въ ней шакже какъ и въ первой, окна были плотно закрышы спавнями и задернупы шпорами. Зелѣная лампа проливала шусклое мерцаніе, наспровишее еще болѣе юное воображеніе вешхаго

нашего Барона къ любовнымъ шайнспвамъ. Онъ ждетъ минупу...двѣ...при...слышишь лёгкую женскую походку, чувспвуетъ, что его обнимаютъ нѣжненькія, пухленькія ручки и страстное восклицаніе: «Милый Леля, безъ памяти люблю тебя!» Баронъ пуце разнѣжилса, онъ самъ обнимаетъ, и...вдругъ двери съ обѣихъ сторонъ растворяются, вбѣгаютъ слуги съ свѣчами, за ними множесиво масокъ. Баронъ и Баронесса срываютъ съ себя маски — и видятъ, что они держатъ другъ друга въ объятіяхъ. Они окаменѣли, увидя себя споль близко другъ къ другу тогда, когда воображали бытъ весьма далеко. Спрашнѣй хохотъ замаскированныхъ шалуновъ и проказницъ — вывелъ ихъ изъ ихъ несчастнаго положенія; они бросились въ противоположныя двери, вбѣжали въ маскарадныя комнаты и скрыли въ полѣ свой позоръ и бѣшенство.»

Это напоминаетъ мнѣ несчастное приключеніе одного моего знакомца, который, при чрезвычайно маломъ ростѣ и безобразной толщинѣ, позволялъ себѣ слишкомъ много вольностей въ обращеніи съ женщинами. Онъ познакомился съ домомъ моей пріятельницы *Дунайской*. Молоденькая, хорошенькая, рѣзвая, живая, она обращалась со всеми мущинами опмѣнно ласково, но не кокетствовала. Мой Кардикъ, надушый своею красопою, принялъ ея радушіе за знакъ любви къ нему и, нащедъ мою пріятельницу одну въ диванной, далъ волю рукамъ и осмѣлился поправить волосы на головѣ ея. Она дернула за снурокъ колокольчика и, черезъ секунду, вошелъ широкоплечій лакей — роспомъ съ *Полкана*. Она важно приказала ему посадить дерзкаго Карлика на каминъ. Лакей исполнилъ приказъ Госпожи своей липерально; по еспь: схватилъ его въ охапку, приподнял и взбросилъ на каминъ, а каминъ былъ высокъ — и прыжокъ съ него могъ спонить ноги пѣннику Венеры. Вскорѣ съѣхались госпи — и довольно позабавились на счѣтѣ его. Эпа не пріятная для него испорія, принудила его взять опсипавку — и навсегда выѣхать изъ Москвы.»

Княгиня *Зарайская* также хотѣла рассказать что-то забавное, и уже сдѣлала пре-

дисловіе, которое было не безсмысленнѣе предисловія къ Исторіи Русскаго Народа; но едва успѣла она вымолвить: *Это напоминаетъ*, какъ двери въ споловую растворились — и дворецкій доложилъ, что кушанье готово. Кавалеры повели дамъ за споль, гдѣ все время прошло въ разговорахъ о спомѣ, кто сколько выигралъ, кто проигралъ и какимъ образомъ! Болѣе всего дивились счаспью Банкомѣта *Подаркина*, который въ при палии убилъ у нихъ двѣнадцать Краль и двѣнадцать Хлаповъ.

Конецъ первой Главы.

Александръ Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ С А Ш Ъ

(Изъ *Мицкевича*).

Когда мой Сашочекъ рѣзвясь защебечетъ —
Начнетъ лепетать, закричитъ, зашумитъ...
Словечка ея не хочу проронить:
Такъ мило шумитъ, и кричитъ, и лепечетъ...
Ея перервать я не смѣя — молчу —
Все слушать, и слушать, и слушать хочу.

* * *

Когда жъ опъ болтанья взоръ спанешъ живѣе,
Румянишься больше ланишы цашуть,
Жемчужные зубки въ коралль блеснутъ —
О, въ глазки тогда ей смотрю я смѣле,
Готовлю уста — нѣтъ охоты внимать:
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать.

Юр. Познанскій.

183г, Февраль.

Кіевъ.

Б У Р Я.

Ахъ, родная, погляди-ка
Спрашнѣхъ пучь какихъ нашло!
Будетъ въ почъ гроза велика!
Вотъ ужъ дождь съечетъ въ стекло.
Слышишь, какъ забушвало?
Чу! въ бору поднялся вой. . . . .
Машушка, мнѣ жупко спало;
Крышу рветъ съ избы долой. —

—, И, дитя! чего болясь?
 Чшо намъ? Господи прости!
 Встань-ка съ печки, чѣмъ валяшься,
 Да лампадку засвѣши.
 Худа вѣсть. На яровое
 Дождичекъ Господь даетъ.
 Буря жъ пусть шумитъ хоть вдвое;
 За ночь, къ утру, все пройдетъ.
 Вамъ подъ дождь заснешся слаще,
 Выдеишь солнышко свѣтлый;
 Осимъ въ полѣ спанеть чаще,
 Огороды веселѣй! —
 Нушка, дѣтки, помолитесь!
 Богъ опгонитъ прочь бѣду.
 Поздно. Съ миромъ спать ложитесь!
 Я жъ почашокъ допряду.“ —

А. Глѣбовъ.

Н У Л Ь.

Не въ Ариѳметикѣ одной,
 Нулей на свѣсть очень много —
 И мы, разсмащивая строга,
 Вездѣ встрѣчаемъ ихъ полною.
 Напрасно, *Лясина*, болтаешь,
 Пуста кокетки голова,
 Она невѣждѣ обворожаетъ
 А все нули ея слова.
 Пипомцевъ Марса и Беллоны,
 Оемиды виуковъ и дѣтей,
 На свѣсть бродятъ милліоны,
 Но въ нихъ большая часть нулей.
 Сказать, какъ должно, безпристрастно:
 Нулей ученыхъ много есть,
 Нули божба кунцевъ и честь —
 И увѣренія прекрасной.
 Чшобъ наконецъ мнѣ заключишь
 Моей безсмыслицы болташь,
 Нуля почешное назвашь
 Къ себѣ я долженъ примѣнить.
 Съ моей сапирою нескромной,
 Я не признаюсь здѣсь могуль,
 Чшо я нарядный и огромный,
 Последней моды первыи нуль?

Мы въ жизни чѣмъ ужъ не гордимся! —
 Чшо мы по смерти? Горсть земли!
 И такъ, по чести согласимся,
 Чшо мы и въ жизни сей нули.

Ивановъ.

Ш А Р А Д А.

Въ вороньемъ крикъ *первый* слышимъ;
Второй же, мы рисуемъ, пишемъ,
 На деревъ и полошнѣ,
 И даже проспо на спѣнѣ.
 А *црлылы* мы людей зовемъ,
 Которыхъ въ домъ къ себѣ беремъ
 Изъ жалосии, иль для забавы,
 А иногда и такъ — для славы.

В. Шелиховъ.

Въ № 34 помѣщенная шарада значить: *Loup-garou*.

М О Д Е С.

Ensembles de toilette. — Négligé. — Une redingote en mûrier de Chine fond chamois, cloches lilas et feuillage, jetés. — Une collerette à petits plis festonnés. — Un tablier de taffetas gris, brodé tout autour d'une guirlande de vigne en soie plate. — Des souliers de prunelle noire.

Une redingote de chaly fond blanc, ramages arabesques, une ruche de tulle bordé de dentelle. — Une cravatte de taffetas écossais. — Un bonnet de dentelle garni d'un seul rang s'élevant en auréole. — Des rubans de toutes couleurs. — Des souliers de prunelle. — Des mitaines. — Une robe de moire vert bourgeon, pélerine à pointes, garnie d'un petit effilé. — Col de mousseline brodée. — Capote anglaise gros des Indes rose, un nœud en cocarde, taffetas rose glacé de blanc. — Brodequins de prunelle noire.

Une robe de reps bois, corsage drapé croisé, dos plat. — Capote de moire blanche, un bouquet de trois plumes, une grande blonde. — Un châle de cachemire blanc, des souliers de prunelle noire. — Bracelets et chaîne d'or.

Toilette du soir. — Une robe de moire bleu ciel, corsage décolleté. — Un canezou de gaze satinée, garni aux épaules et sur les devans de deux rangs de blonde, ruche de blonde. — Un chapeau de crêpe blanc

avec un bouquet de plumes blanches. — Souliers de satin noir, gants blancs. — Bijoux d'or.

Une robe de moire gris de perle, corsage à mantille de blonde, manches longues de blonde. — Dans les cheveux un nœud de gaze cerise. — Un petit bandeau attaché sur le front par un rubis. — Écharpe courte en gaze cerise. — Parure d'émail en plaques. — Souliers de satin noir. — Gants blancs.

Une robe de mousseline de soie, dessins cachemire. — Corsage décolleté draperie grecque. — Manches longues de crêpe lisse blanc. — Dans les cheveux un nœud en cocarde de rubans de toutes couleurs. — Une chaîne et des bracelets de pierres de couleur. — Des souliers de gros de Naples noir. — Des gants blanc.

Pl. No 11. Robes parées.

М О Д Ы.

Полный нарядъ. — Запросно. — Редингопъ изъ mûrier de Chine, по грунту верблюжьяго цвѣта разбросаны лиловые колокольчики съ листьями. — Борочикъ изъ вымешанныхъ городками оборокъ. — Дикій шафтяный передникъ, вышитый гирляндю изъ виноградныхъ листьевъ. — Черные прюнелевые башмаки.

Редингопъ изъ бѣлой шалевой матеріи, съ разводами на подобіе арабесковъ, рюшъ изъ пюля обшигаго кружевомъ. — Галстучекъ изъ Шопландской шафты. — Кружевный чепчикъ обшитъ въ одинъ рядъ кружевомъ, подвѣшымъ на подобіе сіянія — Ленты пестрыя. — Башмаки прюнелевые. — Перчатки безъ пальцевъ. — Платье изъ морѣ зеленого цвѣта неразвернувшихся листьевъ, пелеринка съ концами, обшита узенькою бахромкою. — Воротникъ вышитый кисейной. — Капотъ на Англійскій манеръ изъ gros des Indes розоваго цвѣта. — Бантъ кокардою изъ двуличневой шафты розоваго съ бѣлымъ цвѣтомъ. — Ботинки черные прюнелевые.

Платье изъ репса деревяннаго цвѣта, лифъ съ крестообразными складками, спинка гладкая. — Капотъ изъ бѣлаго море, съ букетомъ изъ шрехъ перьевъ, обшитъ широкою блон-

дою. — Бѣлая Турецкая шаль. — Черные прюнелевые башмаки. — Цѣпь и браслеты золотыя.

Вечерній нарядъ. — Платье изъ морѣ небесно-голубаго цвѣта. — Канзу изъ апласистаго газа, обшито въ два ряда блондою на плечахъ и спереди, рюшъ блондовой. — Бѣлая креповая иляпка съ букетомъ бѣлыхъ перьевъ. — Башмаки черные апласные, бѣлыя перчатки. — Золотыя вещи.

Платье изъ морѣ перловаго цвѣта, къ лифу пришита широкая блонда, длинныя блондовые рукава. — Въ волосахъ газовый бантъ алаго цвѣта. — На лбу узенькая повязка, застегнутая рубиномъ. — Короткій шарфъ алаго цвѣта. — Уборъ изъ эмалевыхъ бляхъ. — Башмаки черные апласные. — Перчатки бѣлыя.

Платье изъ шелковой кисеи съ Турецкимъ узоромъ. — Лифъ ошкрытый draperie grecque. — Рукава длинныя изъ бѣлаго гладкаго крепа. — Въ волосахъ бантъ кокардою изъ разноцвѣтныхъ лентъ. — Цѣпь и браслеты изъ цвѣтныхъ камней. — Черные гродѣнаплевые башмаками. — Бѣлыя перчатки.

Кар. No 11. Нарядныя дамскія платья.

С М Ъ С Ъ.

Размышляй долго о выборѣ друга. Избравъ его единожды, да отворяйся предъ нимъ все двери души пивоей. Съ нимъ, какъ съ самимъ собою, не дѣлай никакихъ исключеній; почиай его надеваемъ — и онъ такимъ будетъ. Часно, подозрѣвая въ обманъ, научионъ бытъ обманникомъ. Недовѣрчивость производитъ невѣрность.

Ты спрашиваешь: имѣешь ли право роптать муравей, попираемый пивоей ногою? спроси у себя: имѣешь ли ты право жаловаться, когда слонъ наступитъ тебѣ на ногу?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 36.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104. №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 6 дня, 1831 года.

Гдѣ есть повзрїе на чиненье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье;
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.
Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

Лозанна.

(Окончаніе).

Мы бросили послѣдній взглядъ на картину, копорою любовались цѣлый часъ и не могли налюбоваться. Солнце, склоняясь къ западу, по видимому, придавало ей новую прелесть. Воздушные легкимъ вѣтромъ паруса, нѣсколько судовъ, медленно плывущихъ по озеру и однообразный шумъ веселъ оживляли поверхность водъ. Взоры наши съ удовольствіемъ слѣдили всѣ движенія рыбака, ведущаго войну съ мирными жителями озера; надъ головою его кружились нырки и ласочки; они иногда спускались къ самой лодкѣ рыбака, и бужучи проворнѣе его, часию подхватывали добычу, копорая ускользала отъ рукъ его. Сходя съ возвышенія, мы на каждомъ шагу встрѣчали или живописный видъ, или другую пріятную нечаянность. Чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ привлекательнѣе казался намъ сей городъ; спускаясь въ долину, мы увидѣли ручьи и разнообразныя сельскіе виды. Здѣсь благоухали душистыя рощи, тамъ разсплалась луга, испещренные цвѣтами, въ другомъ

мѣстѣ сады, съ плодовистыми деревьями; все сіе изумляло насъ и приводило въ восхищеніе. Мы на минушу остановились передъ богатою дачею, называемою садомъ; но чптобы не обременить нашего вожакаго, мы продолжали идти далѣе, встрѣчая повсюду новыя красоты, копорымъ охотно желали бы удивляться долѣе. Такъ дошли мы до Лабаррекаго предмѣстья, чрезъ копорое намъ должно было проходить. Видъ города и домовъ его поддерживалъ наше очарованіе. Мы скоро достигли замка, копорый вблизи разилъ своею огромностію, но не возбуждалъ страха въ душѣ зрителя. Наконецъ мы остановились въ одной изъ ближнихъ улицъ; передъ нами отворился вороша прекраснаго домика и занимательные разговоры хозяина, его остроуміе, еще болѣе возвысили цѣну гостепріимства, съ такою любезностію намъ предложеннаго.

При вступленіи въ городъ, сначала все вниманіе наше обращено было на зданія и мы принуждены были удвоить шаги, чптобы поспѣть за морякомъ, копорый былъ также не послѣднимъ пѣшеходомъ. На другой день упромъ, по выходѣ нашемъ изъ гостинницы подъ вѣвскою Сокола, спрванное обстоятельство привлекло наше вниманіе. Наканувъ и въ шоже упро, мы не слы-

хали ничего, кромѣ Англійскаго языка; въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются путешественники, это было довольно естественнo; но на улицѣ намъ повсюду встрѣчались длинныя или шолстыя фигуры, съ неподвижными, испушенными чертами лица, словомъ, со всѣми оплотивительными признаками Англичанъ; еслибъ солнце не сіяло такъ величественно, воздухъ не былъ такъ чистъ и прозраченъ, что не примѣтно было и слѣдовъ шума; то можно было бы подумать, что мы внезапно перенесены на берега Темзы. Между тѣмъ мы находились еще въ Лозаннѣ, которую Англичане спраспно любятъ и каждое лѣто привѣзжаютъ туда пользоваться дарами богатой и прекрасной природы. Въ обширномъ Парижѣ, можетъ быть, не найдете столько Лордовъ и Джонъ-Булей, сколько въ семъ красивомъ городкѣ, въ коемъ болѣе нежели гдѣ нибудь встрѣтите Англійскихъ хорошихъ обществъ и богатыхъ семей. Къ счастью, пришлецы сіи не могли переселить туда унынія и скуки. На всѣхъ лавкахъ надписи на вывѣскахъ Англійскія и Французскія, также какъ во многихъ Графствахъ Англій. Народъ говоритъ по Французски, и сей прекрасный городъ Водскаго Кантона, не смотря на Англійское население его, безспорно принадлежитъ Франціи.

Соборъ и Академія должныствовали быть предметами первыхъ нашихъ посѣщеній, но мы медленно и съ удовольствіемъ бродили по опрятнымъ и широкимъ улицамъ, окруженнымъ красивыми, и часто изящными лавками. Соборная церковь вполне оправдала похвалы, приписываемыя сему зданію нашимъ услужливымъ знакомцемъ. Она расположена 8-ми угольнымъ кресломъ; середина ея весьма возвышенна, и рисунокъ свода чрезвычайно смѣлъ. Съ двухъ сторонъ поддерживается оный превосходными колоннами въ нѣсколько рядовъ; самыя меньшія между ними высѣчены изъ цвѣтныхъ камней. Въ сей Базиликѣ мы видѣли любопытныя гробницы; особенно мы удивлялись гробницѣ Леди Каннингъ, первой супруги Лорда Спрангфорда Каннинга. Она сдѣлана вся изъ бѣлаго мрамора; бюстъ усопшей стоитъ на гробницѣ; вокругъ находятся статуи, предста-

вляющія: Живопись, Музыку, трудолюбіе Гимена, Вѣрность, Сострадательность и Благоуміе. Нѣкто, разсматривавшій вмѣстѣ съ нами сей любопытный и богатый памятникъ, увѣрялъ насъ, что *Гилленъ и трудолюбіе*, работы Кановы. На одной сторонѣ памятника поставлена надпись: Генріетта Каннингъ, урож. Рекесъ; скончалась 17 Іюня 1817-года. Между прочими памятниками достойнъ вниманія, сооруженный одной Княгинѣ Орловой. Могилы Каролины, Герцогини Курляндской и Графини Вальмоденъ-Гимборнъ, привлеченныхъ сюда славою Доктора Тиссопа, въ надеждѣ получить облегченіе отъ своихъ недуговъ, доказываютъ безсиліе искусства и ничтожность человѣческихъ знаній. Мы видѣли также надгробныя памятники нѣкоторыхъ Епископовъ и между прочимъ монументъ, сооруженный Марію, перенесенному сполуцу изъ Аванша въ Лозанну. Одинъ иностранецъ обратилъ наше вниманіе на могилу Амедея V, перваго Герцога Савойскаго, который отказавшись отъ свѣта и осужденный на уединеніе монастырской жизни, избранъ былъ въ Папы подъ именемъ Феликса V. Мы легко нашли и разсматривали съ умиленіемъ, возбуждаемымъ славными воспоминаніями, холодный камень, подъ коимъ съ 1397 года покоится останки Опіона Грансонскаго, прозваннаго въ лѣтописяхъ *Безстрашнымъ рыцаремъ*. Сей памятникъ оживляетъ передъ нами подвиги воителя, кои въ шуманъ вѣковъ казались еще величественнѣе; мы воображали, какъ страшны должныствовали быть удары, которые въ единоборствѣ съ Жераромъ д'Эставажеромъ, лишили Швейцарію одного изъ ея Героевъ.

Мы не можемъ похвалиться тѣмъ, чтобы въ своемъ путешествіи точно слѣдовали заранѣе предначертанному дорожнику; часто мы бродили, не занимаясь ничѣмъ, какъ только зѣвая по сторонамъ, и нимало не заботились, удаляемся ли, или приближаемся къ цѣли нашего странствія. Такимъ образомъ очутились мы на площади св. Франциска, и посѣтили два заведенія: Ученое, очень хорошо содержимое, и Коммерческое, подлѣ перваго находящееся. Сіи два Собранія

имѣють разную цѣль. Мы представились Начальнику Ученаго Института какъ иностранцы; онъ принялъ насъ очень вѣжливо и предославилъ занимать насъ одному молодому Профессору Коллегіи. Мы изъявили ему желаніе видѣть Институтъ и онъ пошчасъ вызвался быть нашимъ вожатыемъ. Но прежде, чѣмъ вы, Мм. Гг. оставите эту часть города, сказалъ онъ, вамъ надобно сдѣлать другое, занимательное посѣщеніе; я говорю о домѣ Философа Гиббона. — Развѣ мы недалеко отъ его жилища? — Оно въ двухъ шагахъ отсюда. Оправившись вмѣстѣ съ Профессоромъ, мы прошли спарыми городскими воротами, обезображивающими наружность церкви св. Франциска; попомъ скоро увидѣли домъ, гдѣ жилъ Творецъ *Исторіи паденія и разрушенія Римской Имперіи*, и гдѣ написалъ онъ сіе безсмертное сочиненіе. Ворота сего дома выходятъ на улицу, называемую спускомъ изъ селенія Уши; онъ принадлежитъ теперь Банкиру Молину, въ отсутствіи коего, принялъ насъ одинъ изъ его прикащиковъ съ оплочною вѣжливостію. Комнаты, въ которыхъ жилъ Гиббонъ, уже не существуютъ, но еще показываютъ его кабинетъ, перасъ въ саду, по которому онъ обыкновенно прогуливался. Ученый натуралистъ можетъ прибавить къ Жанъ-Жаковой розовой вѣтви, такую же жеманную, отъ куста, посаженнаго Гиббономъ. Богатая библіотека сего ученаго мужа, принадлежитъ теперь Вилліаму Бекфорду, — автору *Wathek*.

Мы осматривали сіе мѣсто, чтобы вспунить въ область наукъ куда иногда, хотя и вкрадывалось педантиство, но оно не могло выпѣснить учености. Нашъ вожатый сообщилъ намъ, что зданіе Института построено въ 1587 году. Передъ нимъ простирается обширный дворъ, усаженный деревьями, который показался намъ весьма удобнымъ для отдохновенія и прогулокъ. Въ библіотекахъ вѣтъ ничего любопытнаго; Музей болѣе заслуживаетъ вниманіе путешественника. Любезный нашъ Чичероне показывалъ намъ вывезенную изъ Рима бедренную кость, кошорая, какъ увѣряють, принадлежала къ ошлову Корнелія Люція Сципіона Барбатуса.

Лозанскій Музей заключаетъ въ себѣ любопытнѣйшіе предметы по части Исторіи искусствъ и народовъ; особенно приведемъ здѣсь сдѣланную вчернѣ модель весьма замысловатой машины, для очищенія одной части глечшера Жипроца. Изобрѣтателемъ оной былъ Г. Винецъ.

Въ разсужденіи прочихъ памятниковъ Лозанны, мы ничего не можемъ прибавить къ тому, что рассказывалъ намъ морякъ нашъ, когда мы издали любовались симъ городомъ. Надобно однакожъ признаться, что проходя по его улицамъ, мы встрѣчали большое неудобство: многія изъ нихъ представляютъ собою лѣстницы, хотя не столь крупныя, какъ Фрибургскія, но тѣмъ неменѣе иногда упоминательныя; такова особенно театральная улица. Въ залѣ театральномъ можетъ помѣститься до 1,100 человекъ. Оный лежитъ въ Марперейскомъ предмѣстіи, на Каролинской площади. Въ семъ зданіи есть нѣсколько галерей, гдѣ по временамъ бывають либературныя и музыкальныя собранія.

Мы нисколько не упускали пользоваться знакомствомъ съ морякомъ, нашимъ спутникомъ, и обязаны ему рѣдкими подробностями о характерѣ его соотечественниковъ. Онъ - по ввелъ насъ во многія общества поощренія и очищенія вкуса въ либературѣ и изящныхъ искусствахъ. Кромѣ того, онъ познакомилъ насъ со многими челоѣколюбивыми заведеніями, гораздо драгоценнѣйшими въ глазахъ истиннаго Философа; такова школа для бѣдныхъ, основанная Лозанскими гражданами, кою управляетъ Профессоръ Поппе; въ семъ заведеніи съ 1726 года получаютъ наставленіе дѣти бѣдныхъ родителей. Въ семъ городѣ также находится Банкъ, въ который ремесленники вносятъ сберегаемыя ими деньги; граждане Лозанскіе съ удовольствіемъ произносятъ имя основателя онаго Т. Ривьера.

Монбеновъ и Маленькой Лангедокъ, суть самыя пріятныя мѣста для прогулки; они примыкають къ Бельведеру, откуда открывается прелестный видъ, и городъ Лозанна, пересѣкаемый рѣчкою, кажется еще пышнѣе. Мы сообщили восторгъ нашъ вожатому. «Правда, сказалъ онъ, теперь все

это прекрасно; но по причинѣ неровности грунта, вода часто застаивается, производя гнилыя испаренія и вредныхъ насѣкомыхъ. Чтобы все это устроили какъ слѣдуетъ, надобно очистишь дно сей свѣтлой рѣчки.»

Монбенонъ служилъ мѣспомъ, гдѣ бывають военные маневры и парады; здѣсь также отправляются публичныя торжества. Подъ свѣтлою полей, украшающихъ Маленькій Лангедокъ, поставлены скамьи, гдѣ живописецъ и писатель могутъ искать предметовъ для тысячи картинъ. На краю улицы того же имени, находится перась св. Петра, копорый скорѣе можно назвать почкою зрѣнія, нежели гульбищемъ.

Плаваніе, копорое мы навѣревались совершить по озеру Лиману, обѣщало намъ полный видъ окрестностей Лозанны, но мы не смѣшили оснанишь сей прелестный городъ, и нѣсколько разъ посѣщали Валлонскія бани *à la solitude*. Со стороны Сентъ-Лорентскаго квартала мы осматривали также многіе прекрасныя загородныя дома, какъ то: Боспонъ, Монастырь, Болью, Бержеръ, Павильонъ.

Мы не забыли кладбища Петра де Планъ; на краю онаго возвышающагося семь памятниковъ, преимущественно заслуживающихъ вниманіе; на прѣпьемъ изъ нихъ мы прочли слѣдующую надпись: «Въ память Жанъ-Филиппу Кемблю, преставившемуся 20 Февраля 1823 года на 66 году отъ рожденія.» Сей славный Трагическій актеръ, коего таланту можетъ быть мы обязаны были Тальмою, прибылъ сюда, чтобы подъ благословеннымъ небомъ найти облегченіе отъ грудной болѣзни, безъ сомнѣнія причиненной игрою сильныхъ ролей, въ копорыхъ онъ раскрылъ столько таланта. Поприще его было кончено и онъ нѣсколькими годами предупредилъ совмѣстника, гораздо моложе его, копорого нашъ театръ и теперь еще отдаетъ.

Лозанна напоминаетъ о многихъ другихъ знаменитыхъ людяхъ. Между Профессорами тамошней Академіи, опличаются извѣстныя имена Генриха Эмьена, Борбейрако, Конрада Геснера, Теодора Беза, Людовика Бюша; и пр. и пр. Впрочемъ и между живыми чле-

нами сей Академіи многіе опличаются ученостью.

Разспояниемъ на 20 минути пупи отъ Лозанны находится небольшое селеніе Уши, прежде называвшееся *Рили*. Это пристань Лозанны, и хотя не Пирей, однако тамъ бываетъ значительное число судовъ. Въ исходѣ послѣдняго столѣтія построена здѣсь плотина и шлюзня, для поддержанія довольно значительной торговли.

(Изъ *Jour. des dames et des modes.*)

РАЗБОЙНИКЪ ВЪ ГОРАХЪ АБРУЦЦО.

Бѣла и свѣжа, какъ лилія, стыдлива, какъ робкая серна, съ большими черными глазами, съ стройнымъ станомъ и въ пятнадцатой веснѣ . . . такова была Леонора.

Моццаро увидѣлъ и полюбилъ ее, — Моццаро, рожденный съ пылкимъ сердцемъ, съ знойными спрадами!

Пламенные глаза его не разъ встрѣчались съ глазами молодой красавицы, въ копорыхъ освѣчивалась тихая грусть; часно вечернею порою, когда онъ сливалъ голосъ свой съ унылыми звуками мандолины, она была задумчива . . . и склоняла слухъ къ жалобнымъ его пѣнямъ. Въ упоеніи спрасти, ея молчаніе казалось ему признакомъ взаимной любви, и съ тѣхъ поръ онъ поклялся получить руку своей любезной, во что бы ни спало.

Между тѣмъ явился богатый женихъ и рука Леоноры была ему обѣщана. Прошло нѣсколько дней.

Наканунъ роковой свадьбы, Моццаро предается бѣшенству и опчаянію; онъ перескакиваетъ черезъ садовую стѣну и вопъ, кто-то разаживаетъ большими шагами подъ окнами спальни юной невѣсты. Это онъ! Скрываемый темнотою ночи, когда все покоилось спомъ, какихъ не выдумывалъ онъ плановъ, чтобы насытить свое мщеніе!

«Горе, произнесъ онъ, горе имъ и мнѣ! Я отправлю вино въ круговой чашѣ и опкрою адъ посреди брачнаго пиршества, или поражу ненавистнаго соперника въ глазахъ его родныхъ и друзей; или, когда поведутъ отъ вѣнца новобрачныхъ, я сбѣлаю шре-

вогу, схвачу невѣрную и испоргну ее изъ шолпы живую, прежде, нежели она насладится преступною любовью!»

Едва окончилъ онъ сіи слова, какъ видѣлъ передъ собою предметъ любви своей. Моццаро запрепеталъ, и кинулся передъ нею на колѣна. Онъ описываетъ ей свое бѣшенство, свои терзанія, свое опчааніе... Онъ предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ! Леонора отвергаетъ его съ негодованіемъ. И такъ, она его не любитъ! Въ безпамятствѣ, видѣ себя, Моццаро схватываетъ кинжалъ... Леонора непреклонна. Въ безуміи, онъ наноситъ ей ударъ и скрывается.

Нѣсколько времени онъ скипался въ горахъ Аbruццо, пока не былъ остановленъ шайкою разбойниковъ. Апаманъ ихъ, видя его опчааніе, спарается превратить оное въ ненависть къ людямъ, и предлагаетъ ему пристать къ своей шайкѣ. Моццаро не надѣется болѣе владѣть Леонорою; безъ нея міръ для него пуста. И вопъ онъ разбойникъ!

Сей родъ удалой, дикой жизни, занимаетъ его воображеніе — и на минушу разсѣиваетъ его мрачныя мысли; но скоро воспоминаніе о Леонорѣ пробудило въ душѣ его раскаяніе и безумствѣнность. Сколько ни спарался онъ испребишь изъ памяти ея образъ; онъ вездѣ его преслѣдовалъ.

Однажды, когда онъ спорожилъ своихъ спящихъ поварищей, имъ овладѣла непонятная тоска и какое-то предчувствіе влекло его на родину. Онъ оставляетъ свой разбойничій припонъ и лешитъ въ городъ.

Какое блаженство ощутилъ онъ, вступивъ въ предмѣстье и увидѣвъ домъ Леоноры! Вопъ нопъ самый балконъ, на которомъ онъ въ первый разъ увидѣлъ прелестную; вопъ мраморная скамья, куда каждый день приходила она мечтать о любви и счастьи!.. Сердце его сильно забилось и сладкія слезы покапались по лицу его. Вдругъ ему послышался легкій шумъ, подобно производимому складками апласа; онъ оспорожно опвелъ рукою густыя вѣтви деревьевъ и — при свѣтѣ мѣсяца увидѣлъ бѣлое платье... Это она! Онъ у ногъ ея. Леонора испускаетъ пронзительный крикъ, и кидается прочь съ ужасомъ; онъ догоняетъ ее; но молодая дѣвица

съ презрѣніемъ отвергаетъ его ласки; Моццаро въ бѣшенствѣ схватываетъ ее и уноситъ въ горы.

Обремененный драгоценною ношею, онъ прибѣгаетъ запыхавшись и кладетъ ее на праву. Его тотчасъ окружаютъ разбойники.

«Ба!» вскричалъ Апаманъ: «эпо пы! Какъ несправедливо мы о тебѣ думали; намъ казалось, что ночная птица навсегда спорхнула съ своего гнѣзда.» — Апаманъ, эпша молодая дѣвица... — «Прекрасная добыча, вся шайка наша скажетъ тебѣ спасибо; мы бросимъ жеребей, кому она достанется.» — Апаманъ! знаешь ли пы, что она благороднаго происхожденія и принадлежитъ одной могущественной фамиліи? — «Гѣмъ лучше, чертъ возьми, шѣмъ лучше! Мы за нее получимъ богатый выкупъ!» — Сжался надо мною и надъ него! — «Я сказалъ уже, что съ нею будетъ.» —

— «Я одинъ похитилъ ее, она моя...» — «Моццаро! развѣ пы не знаешь, что у насъ все общее?» — Я люблю ее до бѣшенства. — «Мы все также любимъ ее.» — Вы скорѣе опните у меня жизнь, нежели разлучите съ нею. — «Моццаро, я шребую за выкупъ ея боо червонцевъ; поди, скажи эпо опцу ея.» — Я опъ нее ни на шагъ! — «Сипунай же говорю я тебѣ, взревѣлъ Апаманъ, или я раздроблю тебѣ черепъ!»

Моццаро, угрожаемый со всѣхъ споронъ, и шрепеща за Леонору, которую не спаса бы смерть его, повинуется; онъ уходитъ... онъ лешитъ подобно сернѣ, преслѣдуемой охотникомъ по долину. Онъ прибѣгаетъ. Всѣ окна въ домъ опца Леоноры были распворены; въ залѣ дымилась факелы и пылали свѣчи. Съ безпокойствомъ, Моццаро приближается; онъ спрашиваетъ слугу. Ему опвѣчаютъ, что спарикъ не пережилъ попери своей дочери.

При семъ ужасномъ извѣстіи; молодой Неаполитанецъ опсѣшно идетъ назадъ. Вопъ шропанка, ведущая къ вершину разбойниковъ, вопъ густой кустарникъ, скрывающій входъ шуда; здѣсь, подъ сими нависшими скалами, сообщники должны были ожидать его... Гдѣ же они? — Онъ содрогается, смотритъ вокругъ себя... и видитъ Леонору, Леонору бездушную, блѣдную, волосы

и плашье ея въ безпорядкѣ. При семъ ужасномъ зрѣлищѣ, Моццаро кидается на землю, скрежещетъ зубами, рветъ на себѣ волосы и судорожною рукою вырываетъ окровавленный дерягъ. . . .

«Моццаро! вскричалъ появившійся Аптаманъ, по законамъ нашимъ казнь тому, кто не повинуется голосу своего начальника; ты медлишь исполнису мою волю и заслужилъ смерть: прими ее отъ руки моей!»

Исполетный выстрѣлъ повергъ Моццаро на шрупъ Леоноры.

ХОЛОДНОСТЬ.

Любовники имють свой языкъ, чуждый для постороннихъ; онъ перестаетъ быть понятнымъ и для любовника, когда въ сердцѣ его угасла любовь.

Г-жа Симонъ Кандель.

— «Ты очень мила, Эмма!»

Эмма улыбнулась. — Она знала, что она хороша собою; но слышать это изъ устъ Франси, было для нея выше всѣхъ похвалъ.

— «Ты очень мила» повторилъ онъ, и выпрямась, какъ бы для того, чтобы лучше рассмотреть ея, поджалъ руки и неподвижно смотрѣлъ на нее съ улыбкою.

— Ты меня приводишь въ замѣнательство, сказала она краснѣя и пропятила къ нему руку.

Онъ не замѣтилъ этого движенія. — Глаза его прикованы были къ Эммѣ. Казалось, онъ перьялся въ разсмащиваніи ея.

Истинная любовь довѣрчива. Бѣдное сердце ея пререптало отъ радости при семъ взглядѣ.

— «Я никогда не видалъ такихъ прекрасныхъ волосъ, какъ твои. — Какая свѣжестъ въ лицѣ! Какіе прелестные глаза!»

— Ты меня заспавляешь краснѣть; перестань шумить.

— «Нѣтъ, я вовсе не шумю; развѣ ты не знаешь, что ты мила!»

И сердце молодой супруги забилось сильнѣе.

— «Ты меня любишь, не правда ли? — столько же, сколько прежде любила.»

— Сколько же, Франси, ты знаешь, что я люблю тебя еще болѣе; — и не въ силахъ

владѣть собою, она готова была кинуться въ его объятія и напечатлѣть снрастный поцѣлуй на устахъ его.

А онъ на привѣтъ любви опивчалъ съ желѣзнымъ равнодушіемъ:

— «Эмма! я разлюбилъ тебя.»

Она улыбается.

«Нѣтъ, я говорю не шутя. — Ты мила, я это знаю; умна, въ помъ я согласенъ; добра, не спорю, — но я не люблю тебя.»

Она хотѣла опять улыбнуться; но тайное безпокойство встревожило ее и она пощупала глаза въ землю: — рука ея покоилась на плечѣ Франси; она хотѣла удалиться, но не могла; хотѣла говорить, но не смѣла.

— «Всего забавнѣе то, примолвилъ онъ, что я до сихъ поръ о помѣ не думалъ, что я теперь только вышелъ изъ заблужденія.»

— Ахъ! оставь меня, сказала наконецъ Эмма, садясь на прежнее мѣсто, не говори мнѣ объ этомъ: мнѣ дурно.

— «О чемъ же, мой другъ, такъ превозмощься? Слабая привязанность, которую время разрушило: вошь и все; время поже сдѣлаешь и съ шобою. — Я не хочу ничего скрывать отъ тебя, говорю откровенно: вошь вся разница между мною и другими мужьями.»

— Такъ это правда? сказала Эмма, въ крайнемъ изнеможеніи. — И пакъ, между нами нѣтъ ничего, кромѣ обязанности, ничего для чувства, ничего, для сердца!

Онъ клокко улыбнулся, и ушелъ.

Она посмотрѣла, какъ зашворилась за нимъ дверь; сердце ея сжалось, глаза ея были неподвижны: казалось, она услышала свой смертный приговоръ.

Два года наслаждалась она неземнымъ счастьемъ и безчеловѣчный мужъ вдругъ разрушилъ все очарованіе. Онъ погубилъ ее. — Одна минула и все умерло въ нѣжномъ сердцѣ супруги. — Минувшее спало для ней призракомъ, окруженнымъ воспоминаніями; будущее не представляло ни одной радости, ничего, кромѣ опчаянія. . . Она должна была перенести тяжкій ударъ; эпитъ жестокой человекъ лишилъ невыразимаго счастья жену, которая пожертвовала ему всѣми нѣжнѣйшими чувствами рѣдкаго сердца. — За

привязанность, которая равнялась обожанію, онъ заплапиль ей мученіями.

Съ этой минуты мысль о смерти безпре-
станно занимала ее.

Франси съ пою же безпечностью, съ ка-
кою расперзалъ ся сердце, бралъ ее за руки,
или ласкался къ ней.—Она содрогалась при
его приближеніи, блѣднѣла и уходила безъ
привѣща.—Часно сиживали они вмѣстѣ; но
ни одно движеніе, ни одинъ взглядъ не из-
влекалъ ихъ изъ глубокаго одиночества.—
Что до нея,—она занята была однимъ чувст-
вомъ: сожалѣніемъ о минувшемъ и безпре-
дѣльною горестью.

Она умерла въ цвѣтѣ лѣтъ! Но смерть
не была ли для нее благомъ, когда жизнь
прежде судила ей сколько счастья?

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ РОССІИ.

(Писано въ 1831 году.)

Россія! славная побѣдой и войною
И пропѣженіемъ пивонхъ далекихъ странъ;
Досѣ равнялась ты съ небесною Луною; (1)
Ноднесь, когда шебъ предъломъ спалъ Иранъ,
Равнины Факіи и горы Арзерума,
Когда полковъ пивонхъ воинственнаго шума
Европа и края Понтійскіе полны:
И рапи и вожди, надеждами пылая,
Идутъ, лешлшь... по гласу Николая...
Огромный спала ты—самой Луны!
О. Глинка.

КЪ ВЪЮГЪ.

Перестань, уймися вьюга—
Спрашенъ мнѣ пвой дикій вой:
Брата нѣжнаго и друга
Я на вѣкъ лишець побой.
Что ты плачешь—что ты воешь,
Заглушая голоеъ мой. . . . ?

А! пы вновь могилы роешь
На равнинѣ снѣговой.—
Съ содроганіемъ я внемлю
Завываніямъ твоимъ.
Бѣдный братъ!—Родную землю
Онъ узрѣть спѣшилъ; къ роднымъ,
Послѣ ужасовъ кровавой,
Долговременной войны,
Онъ лешль, вѣнчанный славой,
Изъ далекой стороны—
Смерть видалъ шамъ предъ собою,
Но въ безсмертныхъ биввахъ онъ
Непоспшижною судьбою
Для поголь былъ сохрарѣнъ,
Чтобъ неславная могила
Возвышалась надъ нимъ,
Чтобъ мяшель его покрыла
Былымъ саваномъ своимъ ?
Ахъ! за чѣмъ онъ на чужбинѣ
За опечество не палъ? . . .
Меньше бы погда о сынѣ
Добрый старецъ горевалъ—
Перестань, уймися вьюга!
Спрашенъ мнѣ пвой дикій вой:
Брата нѣжнаго и друга
Я на вѣкъ лишець побой.

Могилевъ.
1831.

П. Познанскій.

C H A R A D E.

Un diamant est mon premier,
Il en a toute l'apparence;
Un gros village est mon dernier,
Et mon entier—ville de France.

Въ No 35 помѣщенная шарада значить: *Кар-лукъ.*

M O D E S.

Lingerie. Au lieu de terminer par des petits our-
lets, les garnitures à petits plis, on les festonne en
dents à crêtes. — Pour des pélerines ou des cols de
baptiste, il est joli de mettre sous le rang plissé, un
double rang de mousseline garni d'une petite dentelle.
Nouveautés.—L'étoffe la plus nouvelle est le *murier*
de Chine, souple, soyeuse.—à dessus imprimés.—

(1) Извѣстно по вычисленію и Гумбольдтъ сказалъ въ
своей рѣчи, что Россія (въ обыкновенномъ ея обложе-
ніи) можетъ равняться съ видимаго половиною Луны.—

Une nombreuse variété chez *Burty, rue Richelieu*. Des tabliers de taffetas de couleur se bordent tout autour d'une guirlande de fleurs nuées en sois plate.

D'autres en gros de Naples, changeans glacés, unis ou à mille raies, se bordent d'un petit éfilé haut comme le doigt.

Nouveaux Magasins de M. Delisle, rue de Choiseul. — *Etoffes de saison.* — Robes persanes en organdy peint, d'une forme toute nouvelle — robe de bal après déjeuner.

Georgette, charmant petit article fort simple—robe demi-parée.

Anathès, mousseline soie peinte—robe demi-parée.

Jaronce, jolie étoffe peinte et brochée, demi-claire—pour robe de diner, soirées, etc.

Hégemane, gaze demi-transparente imprimée—robe de promenade, petite soirée, etc.

Foulard du Bengale, tissu charmant en fil et soie, ne se chiffonnant jamais et imitant parfaitement les étoffes de l'Inde—robe de promenade, d'été, etc.

Gaze d'Asie, étoffe transparente du plus joli goût et d'une grande élégance; dans les couleurs les plus fraîches et les plus variées.

Robes crèpe, Chine-Persan, article extraordinaire et distingué pour robes parées d'été.

Châly-cachemire, rein sur fond blanc et fond de couleur, dessins d'un genre tout nouveau et de la plus grande perfection qui ne se trouvent que chez M. Delisle.

Mousselines, jaconats et percales imprimés. Très-bon teint, dessins d'un goût parfait et appartenans à M. Delisle.

М О Д Ы.

Белье. Узенькія оборки вмѣсто того, чпобы обрублять выметываютъ зубцами на подобіе пѣтушнихъ гребешковъ.—Къ пелеринкамъ и баписловымъ ворошникамъ хорошо надѣвать подъ перебранный рядъ двойную оборку обшипую кружевомъ.

Новости — Самая новѣйшая матерія—Mugier de chine, мягкая, шелковистая, съ пе-

чатными узорами.—Множество различныхъ можно найти у Бюрти, въ улицѣ Ришельё.—Цвѣтные шафтяные передники вышиваются кругомъ гирляндю изъ цвѣтовъ въ пѣнь несученымъ шелкомъ.

Иные изъ гроденапля двуличневаго, одноцвѣтнаго или съ мѣлками полосками, обшиваются бахромкою шириною въ палець.

Новый магазинъ Г-на Делиля въ улицѣ Шоазель.—Матеріи приличныя сему времени года.

Geogrette.—Очень красивая; простая матерія для полунаряднаго платья.

Anathès.—Шелковая кисея съ узорами—для полу-наряда.

Jaronce.—Красивая полу-прозрачная ткань съ печатными и зашканными узорами, для платья на обѣдъ, на вечеръ и проч!

Hégemane. — Полупрозрачный печатный газъ, платье для прогулокъ, не нарядныхъ вечеровъ, и проч:

Бенгальскій фуляръ, прелестная ткань изъ шелку съ нитками, никогда не мнется и совершенно подражаетъ Индѣйскимъ матеріямъ, платье для лѣтнихъ прогулокъ и проч:

Азіатскій газъ, прозрачная матерія, лучшаго вкуса и весьма щеголеватая, по яркости и свѣжести красокъ.

Robes-crèpe, Chine—Persan, Матерія необыкновенная и отличная для нарядныхъ лѣтнихъ платьевъ.

Châly—cachemire, разрисованная по бѣлому и цвѣтному грунту узорами, совѣмъ новаго рода и весьма красивыми, она находится только у Г-на Делиля.

Кисеи, жаконеты и печатные перкали, очень красивыхъ цвѣтовъ и разрисованы въ лучшемъ вкусѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамаъ.

№ 37.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 9 дня, 1851 года.

Что за комиссія, Создатель!

Быть взрослой дочери отцомъ!

Грибоедовъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

РАСЧЕТЪ ЗУБНАГО ВРАЧА.

Зубной врачъ, въ настоящемъ состояніи общеспіва, есмь необходимостъ для людей нѣкотораго разряда, коихъ вещественное и органическое предназначеніе пребуешъ наслажденій. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли спокойно приняиься за кусокъ, разжевать его, какъ слѣдуетъ, и съ осторожностью проглотить, когда во рту нѣтъ болѣе орудій жеванія, сихъ жернововъ обжоры, болѣе для него необходимыхъ, нежели каменныя жернова для вѣтренной мѣльницы.

Если только захопимъ мы призвать въ помощь Логику: что легко докажешь, не заходя вдале, что забавливая мать—природа, обязавъ челоука бѣсть для того, чтообъ жить, вмѣстѣ съ нѣмъ облагородствовала ремесло зубнаго врача. Изъ сего слѣдуетъ, что по всемъ правамъ, рпы наши должны состоять въ завѣдываніи людей сего ремесла.—Но повѣрите ли? оприцаніе сего права подало поводъ къ спору, или лучше, спрранности, о которой мы намѣрены рассказать нашимъ читателямъ.

Графъ Р...мешть десятилѣтній исправно продолжалъ кушать. Само собою разумѣется, что зубы его не могли выдержать столь трудной работы: и жернова измолотись бы, и пи-

ла иззубрилась бы! Одни изъ сихъ драгоценныхъ кошпчекъ давно уже переселились въ кабинетъ рѣдкостей зубнаго врача; остальные, разбѣянные ихъ сослуживцы, не въ силахъ были на ногахъ удержаться. Они шатались, какъ пьяные—и ежеминутно угрожали паденіемъ.

Въ семъ положеніи, врачу *Фалькенштейну* предоставлено было пополнить недостающіе по штату зубы въ благородномъ рцѣ Графа. Рядъ жемчужныхъ зубовъ, изящнымъ рѣзцомъ первокласнаго художника изваянныхъ изъ шпайншвеннаго соспава, числомъ шесть, съ механическою пружиною для удобности выниманія, мастерски вставленъ въ его челюсть. Сии шесть юныхъ аплеповъ были такъ шверды, что Графъ, принужденный до тѣхъ поръ довольствоваться однимъ супомъ, вдругъ поставленъ въ возможность кушать жареную шеллишину, глодасть сахарныя кости капауна, и пожирать цыплятъ не хуже ястреба.

Такая услуга, безъ сомнѣнія, стоить 200 рублей: счетъ зубнаго врача—Еврея составляетъ точно эту сумму. Но бывають случаи, которые неизбѣжно влекутъ за собою неиріятности. Есмь такіе неблагодарные, которые вмѣсто того, чтобы покровительствовать изящному искусству, спановятся къ нимъ холодными и даже опшвергаютъ

произведенія ихъ, при одномъ взглядѣ на довольно значительный денежный счетъ. Коротко сказавъ, Графъ, предубѣжденный, что въ составленіи счѣта участвовало корыстолюбіе врача—Еврея, на опрѣзъ отказался заплащать требуемую сумму.

Само собою разумѣется, что опсюда возникъ споръ, попомъ позывъ и явка къ суду, попомъ начали риторствовать адвокаты, а Публика помираетъ со смѣху.

«Мм. Гг., сказала наконецъ адвокатъ зубнаго врача, шѣмъ болѣе удивляюсь я отказу Графа, что почиталъ его великодушнѣйшимъ изъ людей, и до сихъ поръ не думалъ, чтобы онъ писалъ злобу къ кому нибудь, даже къ своему зубному врачу. Въ самомъ дѣлѣ, сколько онъ долженъ бытъ ему благодаренъ!—Прежде вспавки искусственныхъ зубовъ, желудокъ его принималъ непережеванную пищу и очень худо варилъ оную; опсюда происходили пняжестъ и боль въ головѣ и воспаленіе желудка! Прибавыте къ пому лишніе расходы въ домашнемъ быту его; ибо каждый день, въ эту пору, надобно было призывать медика, знакомысья съ Лаптинскою кухнею, а шеперь, какая разница! Благодаря Генію Г. *Фалькенштейна*, здоровье снова возсіяло на высокосіятельномъ лицѣ Графа, небо его блистаетъ кораллами и слоновою костью; онъ сдѣлался шакже свѣжъ и живъ, какъ двадцати-лѣтній молодець . . . и за все это жаль ему заплащить бездѣлку...200 рублей!!!

«Графъ долженъ самъ чувствовашъ споль рѣдкія, споль безцѣпныя выгоды; онъ согласился, что счѣтъ нашъ справедливъ и, считавшисъ съ нами, не станешъ болѣе обвиняшъ насъ въ шомъ, что мы беремъ обѣими руками; мы, въ свою очередь, даемъ слово не раславляшъ, что онъ кушаетъ слоновыми зубами. Изъ словъ моего пропивника видно, что вспавные зубы сдѣланы не по челюсти Графа, и что онъ проситъ назначить для освидѣтельствованія сего каза свѣдущихъ людей, ш. е. онъ настопитъ, чтобы Суды позволили Графу *оскалить или зубы*, ш. е. окрыситься на нихъ; мы не споримъ, противъ того, будучи увѣрены,

что симъ способомъ дѣло наше кончится въ нашу пользу.» —

При сей рѣчи Суды не могли удержатъсь отъ смѣха, и рѣшили шѣмъ, чтобы челюсть Графа поручить освидѣтельствовашъ Медицинскому Факультету.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОГУЛКА ВОДОЮ.

Не думаю, чтобы могло бытъ что либо ужаснѣе, какъ видѣть самоубійство. Созданіе, упопреляющее жизненныя силы свои для разрушенія собственной жизни, мысль свою для уничтоженія собственной мысли, есть такое явленіе, котораго нельзя объяснить натуральными законами, такое зрѣлище, которое въ состояніи свести съ ума. Во всю жизнь мою я не могу забыть челювѣка, котораго въ моихъ глазахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздробилъ себѣ черепъ о каменный помостъ. Расскажу непонятныя обстоятельство, предшествовавшія сему дѣйствию опчаянія: безъ сомнѣнія, это будетъ не полная исторія; многое покрыто въ ней непроницаемою завѣсою, но нѣкоторыя подробности и печальный конецъ ея, должны распротать сердца, знакомыя съ состраданіемъ.

Предупреждаю читателей, которые не всегда вѣрятъ на слово писателя, что я хочу рассказать имъ печальную быль. Истину сего рассказа могутъ подтвердить многіе свидѣтели: ибо рѣдкій изъ путешественниковъ, посѣщающихъ каждый день Дюнкирхенскую башню, не слышалъ сей исторіи, или отъ привратника, или отъ городскихъ жителей.

Проншествіе сіе случилось, годъ пому назадъ, въ первыхъ числахъ Мая. Незадолго предъ шѣмъ прѣхавъ въ Дюнкирхенъ, я оспановился во Фландрской большой гостинницѣ, извѣстнѣйшей въ своемъ околоткѣ. Рядомъ со мною занималъ комнату молодой путешественникъ, шакъ, что мы оба очень часто вспрѣчались на шрактирной лѣстницѣ. Въ глазахъ двухъ челювѣкъ, вспрѣчающихся

между собою, легко можно чипать, какого мнѣнія они другъ о другѣ: онъ молодого со-
сѣда моего не скрылось выгодное понятіе,
какое я объ немъ получилъ; это, казалось,
его пронуло, и онъ плапиль мнѣ при каж-
домъ случаѣ особеннымъ вниманіемъ и пре-
дупредительною вѣжливостію. Правду ска-
зать, я былъ уже предубѣжденъ въ его поль-
зу выразительностью фізіономіи, осанки и
какого-лѣ унынія, которое изображалось на
блѣдномъ его лицѣ. Печаль его нельзя было
назвать слѣдствіемъ претерпѣнныхъ бѣд-
ствій, но скорѣе безпокойствомъ, неразлуч-
нымъ съ знойными спраспями, гнѣпомъ, ко-
порою чувствуютъ души нѣжныя въ самомъ
счастіи, пайнымъ предчувствіемъ спрада-
ній, которыя влечетъ за собою истинная,
безпредѣльная любовь. Часто я заспавалъ
его погруженнымъ въ горестныя мысли, во-
все не замѣчающимъ того, что небрежное по-
ложеніе его, большіе черные и мечпашель-
ные глаза, мрачное чело, обращали на себя
общее вниманіе.

Молодымъ людямъ ненужно перепть мно-
го словъ, чпобы завести знакомство; не
прошло двухъ недѣль, со времени пребыванія
моего во Фландрской гостинницѣ, какъ мы
уже успѣли помѣняться сердечными пайна-
ми. Я узналъ, что онъ любитъ женщину
знашнаго происхожденія, на которую при-
рода и счастіе испостили всѣ дары свои.
Къ чему мнѣ было знать, въ какихъ мѣс-
тахъ обитаетъ столь нѣжно любимая кра-
соца? Само собою разумѣется, что онъ на-
помнилъ бы мнѣ объ одной изъ пѣхъ пре-
лестныхъ головъ, которыя украшаютъ зна-
менитѣйшія картинныя галереи; но что
мнѣ нужды до того? Вѣроятно я никогда
бы ее не увидѣлъ.

Въ одно утро сидѣли мы на каменной
скамьѣ у большихъ воротъ и разговаривали
между собою, любуясь прекрасною погодою.
Вдругъ къ намъ подходитъ молодая дама, съ
богатымъ ридикюлемъ и бѣлымъ плапчо-
комъ въ рукѣ; она шла прогуливаться. Чер-
ты ея напоминали о молодой Римлянкѣ, но
коса черныхъ волосъ, дважды обвившая чело
ея, придавала ей видъ скромности; когда же
она опускала внизъ длинныя рѣсницы, то

казалось, какъ будто пюнное покрывало па-
кинуто было на Ангельское лице ея. Я не
зналъ, чему болѣе удивляться, вкусу ли въ
проспой, но изящной одеждѣ, или формамъ
ея пѣла, какъ взоръ небесноголубыхъ очей
ея остановился на моемъ сосѣдѣ: «видѣ морп
пеперь долженъ быть прелестенъ, сказала
она; не хотипте ли быть моимъ спутникомъ?»
По мелодическому голосу, я узналъ въ ней
Парижанку; она произнесла еще нѣсколько
словъ, которыя я не упомяну, но въ нихъ
видѣнъ былъ умъ; впрочемъ она, по ви-
димому, нимало не заботилась о выборѣ
словъ.

Казалось, что они разговаривали обо мнѣ,
ибо меня спакже пригласили раздѣлпть съ
ними прогулку, чего я вовсе не ожидалъ.
Я имѣлъ счастіе принять руку дамы и мы
направили путь къ гавани. Въ эту минуту
небо сдѣлалось мрачнымъ, погода перемѣни-
лась въ пасмурную и холодную. Нельзя было
узнать атмосферы, согрѣтой Майскимъ солн-
цемъ, ни живаго блеска весны, озаряющаго
морскую даль. Сѣрыя облака, гонимыя яр-
оспнымъ вѣтромъ, быстро пролетая гор-
ныя вершины, скоплялись на небосклонѣ.
Море приняло зеленоватый цвѣтъ, изъ
безднъ его возспали сѣдые валы, подобно
иню, покрывающему дремучій боръ. Вѣ-
перъ свисталъ вокругъ насъ. Я и пеперь
еще вижу, какъ волновались павлиныя перья,
украшавшія шляпку нашей спутницы; она
едва могла противиться бурѣ, которая, то
свивала, то откидывала назадъ воздушныя
складки шелковой ея одежды. По пвердой
ея поступи можно было судить, что она
восхищалась карпиною бури и волнующагося
моря, что она любила быть игралищемъ
вѣпра, любила осперивать у него эпптъ
прекрасный кашемиръ, которыи не разъ сры-
валъ вѣпецъ съ плечъ ея, чувствовашъ какъ
волнующія перья на головѣ ея, какъ косы
ея раскидывались по челу.

Проходя по деревянной плопнѣ, коею на-
чинается мостъ, мы увидѣли плывущую
мимо насъ лодку. Управляемая чепырьмя дю-
жими гребцами пропивъ вѣпра, она, то
появлялась на вершинѣ валовъ, то опять
исчезала за пѣнными хребтами ихъ. Мы

удивлялись опважности сихъ людей, какъ одинъ изъ нихъ, снявъ облипшую смолою шляпу, вскричалъ громкимъ голосомъ, который заглушалъ шумъ разбиваемыхъ о плосину волнъ: «сударыня! не угодно ли вамъ прокапиться на нашемъ легкомъ суднѣ?» Предложеніе сіе было принято, молодой человѣкъ съ дамою сѣли на поперечной скамьѣ; я занялъ мѣсто на кормѣ.

Молодая дама не заботясь объ опасностяхъ моря, съ восторгомъ любовалась симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Она удивлялась ласточкамъ, симъ добрымъ спутницамъ пловцевъ, которые щебеча, описывали въ полетѣ своемъ быстрые круги; птюлени, выкинутые бурей на вершину валовъ, высывали изъ воды черныя, лоснящіяся головы; бѣлые рыболовы, ударяя длинными искривленными крыльями, похожими на луки изъ слоновой кости, носились надъ водами, подсперегая свою добычу. Молодая дама не могла насытиться зрѣніемъ сими явленіями природы; а другъ ея еще вдвое былъ счастливъ; ибо, что можетъ быть пріятнѣе, какъ раздѣлять удовольствія съ милою особою? Но видъ моря сдѣлался еще живописнѣе, еще привлекательнѣе для молодыхъ любовниковъ. Послѣдніе лучи солнца осыпали плавающія по небосклону облака разноцвѣтными красками, коихъ отблескъ длиннымъ золотымъ снопомъ простерся по водамъ. Наступила ночь, вѣтеръ утихъ, и волны улеглись при видѣ крохоткаго свѣтила ея. «Поздно, сказала красавица, пора намъ возвратиться на берегъ.» Тотчасъ гребцы распустили парусъ, сложили весла, и направили курсъ къ берегу; попутный вѣтеръ вздувъ парусъ, быстро понесъ легкое судно къ гавани.

Упомянутые гребцы простершись около мачты, вздумали усладить оныхъ свой какою нибудь морскою пѣснею, и скоро раздалась въ воздухѣ ихъ суровые голоса. Они запѣли прощальную, заунывную пѣсню, которая начиналась такъ: «Просни, не вѣкъ счастливымъ бышь!» Сіи печальныя слова, сопровождаемая самою грустною мелодіею, расширили нашу любезную спутницу: ночь, пустынное море, видъ неба, все сіе согласовалось съ сердечными ея чувствами. На про-

гашельномъ лицѣ ея я увидѣлъ слезы; копорья скоро осушились невинными поцѣлуями ея друга. Увы! признались ли вамъ? хотя я привыкъ уже находить утѣшеніе въ чужомъ счастіи, но сія минута принадлежала къ горестнѣйшимъ въ моей жизни. Ахъ, ничто такъ не раздражаетъ перзаній любви, какъ видъ счастливой любви! Я сравнивалъ свою шоску съ блаженствомъ, копорымъ, казалось, наслаждался сей незнакомецъ.

Да проспаятъ мнѣ сіи печальныя мысли; такъ, еще разъ краснѣя признаюсь: я не могъ освободиться отъ низкаго, презрительнаго волненія ревности. Впрочемъ, это не есть еще постыдное чувство; гораздо безразсуднѣе завидовать чужому счастію. Но что значитъ счастье? Вы увидите.

Для при спуски послѣ сей прогулки, я разстался съ любовниками; прошло много времени, какъ я ничего не слыхалъ объ нихъ и почти совѣмъ забылъ ихъ. Черезъ годъ, возвратясь опять въ Дюнкирхень, я чрезвычайно удивился, встрѣтивъ на взморьѣ того самаго молодого человѣка, который за годъ предъ тѣмъ сиоль жестоко пробудилъ мою ревнивую горестъ. Онъ былъ одинъ. Сидя на пескѣ онъ смотрѣлъ, какъ волны разбивались о берегъ. Ничто такъ не утолещетъ душевной скорби, какъ видъ и однообразный шумъ сихъ береговъ; кажется, что въ сихъ волнахъ заключено ваше горе, что они разбиваясь, поглощаютъ его, и удалясь отъ берега, уносятъ и печаль вашу съ собою. Въ нѣкошоромъ разстояніи, онъ что-то начерталъ на пескѣ, но волны изгладили милое имя. Я подхожу къ нему и подаю ему руку: увидѣвъ меня; онъ испустилъ горестный вопль, такъ что я запренемалъ; онъ вскочилъ, бросился ко мнѣ и схватъ меня въ своихъ объятіяхъ, какъ будио я возвратилъ ему утраченное блаженство: онъ хотѣлъ говорить, но рыданія заглушили его голосъ; онъ началъ плакать, повторяя имя своей любезной, и былъ какъ ребенокъ, потерявшій мать свою. Я проводилъ его въ городъ до извѣстной гостиницы, гдѣ онъ жилъ, и заперся съ нимъ въ его комнаш. Онъ выбралъ для себя ту самую, которую занимала его любезная; для умноженія сво-

ихъ спраданій, несчастный безпрестанно имѣлъ передъ глазами ея мебель; зеркала, въ коихъ отражался ея образъ; постель, на которой она поконилась. «Посмотрише, говорилъ онъ мнѣ иногда, на этихъ креслахъ лежала ея соломенная шляпка съ зеленымъ вуалемъ; подъ этимъ окномъ она сидѣла со мною въ одно утро, когда хотѣла учиться рисовать; къ этому ключу прикасалась рука ея,» и онъ поцѣловалъ ключъ.

Несчастные близки къ моему сердцу: я привязался къ сему молодому челоѣку всею силою души, находя удовольствіе плакать, когда онъ описывалъ свои мученія. Каждый вечеръ, когда солнце садилось за шуманнныя горы Англіи, мы ходили гулять на взморье, гдѣ онъ по нѣсколькx часовъ проводилъ неподвижно, не говоря ни слова, со взорами, усурменными на волны. Иногда ночь заепавала его въ печальныхъ мечпаніяхъ, и я не смѣлъ превратъ ихъ, уважая горестъ его. Въ одинъ вечеръ мы слишкомъ долго просидѣли на краю дюны; ночь была такъ темна, что не видно было ни зги ни на землѣ, ни на водахъ; только изрѣдка между шучь проглядывала звѣздочка Сіи продолжипельныя думы и мракъ ночи разгорячили его воображеніе, безъ того уже разспроенное безсонницею. Вдругъ обращаю ко мнѣ, сказалъ онъ: «посмотрише, какъ образъ лунны дрожитъ въ волнахъ; какъ легкокъ челнокъ нашъ!» Въ эту минуцу забывшись онъ началъ бредить о счастливой прогулкѣ водою; ему казалось, что онъ сидитъ съ своею возлюбленною; онъ чувствовалъ себя въ ея объятіяхъ, слышалъ ея голосъ, ея радостныя клики на берегу, пѣсню гребцовъ; онъ любовался, какъ на бархатной ея шляпкѣ волновалось длинное перо, и тѣнь его рисовалась на освѣщенныхъ волнахъ моря.» «Какъ, вскричалъ онъ наконецъ, эноптъ опъвѣздъ, эноптъ иностранецъ, эноптъ балъ, все это было мечта! Мы еще вмѣстѣ!.. О, какъ много я спрадалъ! Я думалъ, что ты меня оставила,.... Я хотѣлъ умершвить себя.» Я крѣпко сжалъ его руки и мой рыданія разрушили обманъ чувствъ.

Онъ нѣсколькx минутъ безмолвствовалъ, кидая вокругъ себя безпокойныя взоры, по-

помъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку: «проспите меня, сказалъ онъ, эшого впередъ не случипся.» Съ сей минуты, онъ казался спокойнымъ; пожелалъ возвратиться въ городъ и я поспѣшилъ опвѣстъ его шуда. Мы пришли въ мою комнату; я надѣялся на исцѣленіе его пѣмъ болѣе, что онъ самъ захопѣлъ провести у меня ночь, опказавшись идти въ комнату, которую занимала его любезная. На другой день онъ вспалъ на разсвѣтѣ; я безпокоился, что онъ уходитъ такъ рано; но онъ опвѣчалъ мнѣ, что промучась всю ночь безсонницею, онъ намѣренъ сходить въ церковь и помолиться Богу, что бы онъ возвратилъ ему спокойствіе. Я обвинялъ его опъ всего сердца. Есть горести, примолвилъ я, для которыхъ нѣтъ на землѣ утѣшенія. Онъ ушелъ и когда возвратился, то по опухшимъ глазамъ его и наружному спокойствію, я замѣнилъ, что онъ облегчилъ свое сердце обильными слезами. Подъ вечеръ, когда зазвонитъ въ колокола къ вечерней молитвѣ, онъ хопѣлъ онять идти въ церковь. Какъ я собирался также идти въ ту сторону, то предложилъ ему проводить его до церкви. Дорогою онъ совѣтовался со мною, не лучше ли ему оставить свѣтъ, и заключиться въ монастырь? Я спарался отклонить его опъ эшой мысли, увѣряя, что это средство гораздо хуже смерти, что.....; примѣры приведенные мною въ подпвержденіе моего мнѣнія, скоро произвели въ немъ рѣшимость: онъ оставилъ свое намѣреніе и мы разспались, обѣщавъ другъ другу скоро увидѣться. Увы! можетъ быть, не должно бы было мнѣ опводить его опъ принятаго намѣренія: вмѣсто того, чтобы войти въ церковь, онъ попросилъ оппереть себѣ двери колокольни, взошелъ на верхъ, и только что я успѣлъ шаговъ спо опойши опъ церкви, какъ услышалъ за собою крикъ, обернулся, и увидѣлъ челоѣка, который только что грянулся сверху о мостовую. Онъ былъ уже бездушнымъ трупомъ; ибо на лѣпу ударился головою о карнизъ колокольни. Глухой спукъ о мостовую и теперь еще опдается въ ухахъ моихъ; вопъ все, что удержалъ я въ памяти. При семъ ужасномъ зрѣдищѣ я лишился чувствъ. Безъ

сомнѣнія, надобно было имѣть болѣе пвердости, болѣе равнодушія мущинѣ; но чпожѣ дѣлать? Я любилъ эпого молодаго иноспранца и привлеченъ былъ въ Дюнкирхень шѣми же спраданіями, которыя споили ему жизни.

пер. В. Соколовъ.

НОВАЯ СИСТЕМА НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИМЪ РОДОМЪ.

(Отрывокъ изъ письма, найденнаго въ Большомъ театрѣ.)

«Я говорилъ тебѣ, мой другъ, и теперъ поже повпоряю, что танцованье естѣ наспоящій оселокъ для человѣка. Одинъ Нѣмецкій ученый пріобрѣлъ себѣ большую славу сочиненіемъ о физиономіи; другой утверждалъ, что споить только взглянуть на мозговья вынуклости, чтобы опредѣлить врожденныя склонности каждаго; наконецъ я слышалъ, что наблюдатель, одаренный проницательностью, можетъ узнавать характеръ людей по самому почерку письма. Всѣ сіи мудрецы заблуждались: не въ головѣ и рукахъ, а въ ногахъ должно искать истинныхъ признаковъ клонностей и характеровъ. Не думай, однако же, чтобы я основывалъ свои наблюдения о семъ предметѣ на формѣ, какую принимаетъ сія, споль существенная часть нашей особы. Къ сожалѣнію, красивыя ноги рѣдки... сапоги увѣчаютъ ихъ, подвязка обезображиваетъ; къ отвращенію всѣхъ сихъ напастей, нѣтъ другаго средства, какъ неопредѣленное употребленіе . . . или чрезвычайно длиннаго плащя. . . Нѣтъ, я разсмаприваю ноги, какъ подпору, какъ колѣса, приводящія машину въ движеніе; воптъ на чемъ основывается моя система!

Взгляните на сомнительную походку эпой молодой дѣвушки. Маленькая ножка ея едва касается до земли: эпо знакъ, что дѣвушка заспѣнчива и не знаетъ еще, что она красавица: когда она выйдептъ за мужъ, вспупиптъ въ Свѣтъ: тогда перемѣнитъ поступь. Вгляни теперъ на эпого хвапта: шы спомришь на его вздернутый носъ, гордое жабо, бесполезное прищуриванье глазъ. Я просто

спомрю на дерзкую поступь, на эту ногу, которая сжимается и гнется въ дугу, чпобы лучше кидаться мнѣ въ глаза, и говорю тебѣ: *это повѣса!* Нѣтъ ни одного человѣка, не исключая извѣснаго дипломата, посѣдѣващаго въ проискахъ и изливающаго навсѣхъ желчь свою за то, что его всѣ оставили, котораго поведеніе я не могъ бы объяснить его поступью; каждый хромаетъ по своему оптъ природнаго недостатка, хопя въ обыкновеномъ быту непрудно привыкнушь къ размѣрному шагу, и скрышь оптъ неопытныхъ взоровъ опличительныя черты походки, но во время музыки онѣ обнаруживаются шѣмъ разительнѣе. Тогда природа снова вспупаетъ въ права свои и пустыя приличія исчезаютъ. Если шы еще сомнѣваешься, то посмотри около себя (случай весьма благопріятенъ) и согласишь, что ни одинъ мущина, ни одна дама не танцуютъ одинаково! — Заклучи изъ шого, что сіи различія имѣютъ свою причину, и не оспоривай шого, что можно опгадывать пайцу сихъ непримѣтныхъ оппѣнокъ. . . чтобы заспавить тебя еще болѣе чувствовать сію истину, я напому тебѣ только о говоренномъ тобою на счетъ маленькаго человѣка, заняващаго мѣсто насупропивъ тебѣ на балѣ у Посланника N. . . »

Здѣсь кончился оппрывокъ; мы почли нужнымъ напечатать оный, въ надеждѣ, что авторъ сообщитъ и продолженіе своихъ наблюдений, если они хорошо приняты будутъ Публикою.

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОРЕЛЬ, ШМЕЛИ И ОСЫ,

или

ЛЕТЯЩІЙ И ЖУЖЖАЩІЕ.

Басня.

(Писано во время послѣдней войны съ Турками.)

Летиптъ Орель подъ небесами

И гонитъ ппидь крикливыхъ пѣспрый строй.
А что внизу? . . Тамъ суешится рой

Шмелей съ верпливыми осами;

Изъ этой мѣлочи, кого ни прошь, — герой!
 Они все вѣдають и до всего имъ дѣло:
 То робко, то не шакъ лепишь Орелъ,
 То онъ лепишь ужь очень смѣло,
 Чтобъ далеко, бѣднякъ, не залезълъ! . . .
 Шумише, милые! шумѣть вамъ можно:
 Къ Орлу не долепишь вашъ шумъ!
 Ахъ! гдѣ-то Русскіе?...Куда неосторожно
 Бѣгушь безъ памяти?...Вошь по-по пужень умъ!
 Не бойтесь! Русскіе вступили въ Арзерумъ;
 Имъ дышетъ розами Айдойская долина,
 Балканъ пройдешь . . . и (что въ журнальной
 имъ молвъ)

По шѣлу сбишаго въ Кулевчи исполниа,
 Они идушь добишь его по *головѣ*.

О. Глишка.

ЖАЛОБА ПАСТУШКИ.

Въ семьѣ моей браняшь меня.
 Скажите, чѣмъ виновна я,
 Чпо въ шомъ лѣску, изъ за вѣшвей,
 Такъ дивно свищеть соловей?

* * *

Въ лѣсокъ ходила я гулять,
 Пѣвущю-пшашку повидать:
 Виновна я, чпо въ шомъ лѣску
 Попалась встрѣчу паспушку?

* * *

Какой пригоженькой онъ былъ;
 Цвѣшовъ мнѣ свѣжихъ подарилъ,
 Глядѣлъ шакъ мило на меня:
 Скажите, чѣмъ виновна я?

Карлеофъ.

Апрѣля 8 Ломза,
 въ Царспвѣ-Польскомъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первой* есть народъ, теперь еще извѣстный,
 Былъ прежде знаменитъ и страшень былъ дру-
 гимъ.

Второе спутникъ нашъ при свѣтѣ повсемѣстный
 Пугаешь онъ въ скачкахъ явленіемъ своимъ.

А *цѣлое* уборъ, черѣдко награждение

За прозу, за стихи, дается иногда;
 Красавицамъ оно приноситъ ушѣшене
 И украшаетъ ихъ всегда.

В. Шелиховъ.

Въ No 36 помѣщенная шарада значитъ: *Stras-bourg*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Благородный шеастръ, комедія въ че-
 тырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. М. Н.
 Загоскина и Волшебная флейша, волшеб-
 ный комическій балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ,
 представленные на Маломъ театрѣ 5 Мая.

Благородный театръ, есть одна изъ луч-
 шихъ (весьма не многихъ) Русскихъ комедій.
 Основа ея вѣрояпна, сценъ въ ней много ис-
 пинно комическихъ; сцена же, въ которой
 добрый провинціалъ Волгинъ принимаетъ
 Посѣлкова, репетующаго свою роль передъ
 зеркаломъ, за сѣумасшедшаго, шакова, чпо
 опъ ней не ошказались бы ни Шероданъ, ни
 Мольеръ. Благодареніе Аполлону! Онъ укра-
 силъ нашу Тамію въ нынѣшнемъ году коме-
 діею *Горе отъ ума* (*), а въ 1829 г. комедіею
Благородный театръ. Сія піеса много выиг-
 рываетъ опъ игры въ ней Г. Брянскаго.
 Умный, опытный артистъ сей, украшая
 паланциомъ своимъ многіа драматическіа про-
 изведенія, не вредитъ игрою своею и пѣмъ
 піесамъ, въ коихъ онъ участвуешь иногда,
 можетъ бышь, пропивъ своей воли, не желая
 опіказаться опъ участія въ бенефисѣ своего
 сослуживца.

Нынѣ явился въ *Благородномъ театрѣ* Г.
Рославской; эшопъ новый актеръ ролею По-
 сопкова общаетъ бышь украшеніемъ Рус-
 ской комедіи. Росилъ, черты лица, дикція,
 голосъ и спараніе постигнушь характеръ,
 имъ представляемый, все заспавляетъ васъ
 вѣришь, чпо Г. *Рославской* сдержалъ помя-
 нутое свое обѣщаніе. Публика вся, по есть,
 включая и образованную ея часпъ, по окон-
 чаніи піесы, вызвала единогласно дебютанша
 на сцену, и громкими рукоплесканіями, изъ-
 лививъ свое одобреніе, напомнила ему объ его
 обѣщаніи. Вшорымъ дебюшомъ его будетъ

(*) Она представлена въ первый разъ, вполнѣ, 26 Января.

одна изъ труднѣйшихъ для него ролей, и именно: роль *Кривосудова* въ комедіи: *Абеда*. Роль сію мы назвали труднѣйшею ролью для Г. *Рославскаго* попому, что Публика не забыла еще въ ней покойнаго *Боброва*, копорый въ лицѣ *Кривосудова* былъ превосходенъ.

Балетъ *Волшебная флейта* есть произведеніе Г. *Берноделли*. Балетъ ей соствавленъ изъ фарсовъ, которые пошѣшаютъ *иныхъ* зрительей, слѣдственно, онъ имъ нравится, слѣдственно, назвашь его рѣшительно дурнымъ—нельзя.

4 Мал.

М О Д Е С.

Soieries fantaisie d'été.—Gros de Naples.—Bayadères.—Thessaliennes.—Chinés-Perses.—Mauresques, etc.

Gros de Naples unis et à petits quadrilles, jolies couleurs de printemps.

Mousselines de laine imprimées, bon teint, pour robes solides de promenade.

Choix immense et très-varié de fichus, écharpes et schals d'été.

Schals de fantaisie légers et solides pour le printemps.

Modes.—Pas une seule nouveauté à Long-Champ.—Des nuances de goût, mais rien de saillant.—Du reste il était si négligé que nous ne désespérons pas de voir les changemens qu'il nous promettait se faire insensiblement.—Aux premiers jours de beau tems.

Les capotes anglaises plus ou moins habillées, sont les coiffures du meilleur goût.— Depuis celles qui se font en gros de Naples avec un petit nœud, pour le négligé du matin, jusqu'à celles de crêpe ornées de plumes, de blondes, toutes sont également bien.—Elles sont généralement plus arrondies que carrées.—L'exagération dans *l'étrangeté* de la forme est d'un mauvais goût.—Il y a peu de modes peut-être qui demandent pour être bien, plus de sentiment de distinction dans la personne qui la portè.

La Mode ne peut se décider à appuyer de son suffrage les bonnets garnis de petits rubans qui s'adaptent aux chapeaux.— Ils sont sans grâce et déjà ils

ont le sort de toutes les nouveautés aisées à imiter.— On ne voit que cela sur toutes les têtes.— Rien ne doit tuer une innovation comme de devenir vulgaire à sa naissance.

М О Д Ы.

Шелковыя лѣтнія ткани.—Гроденапли.—Bayadères.—Thessaliennes.—Chinés-Perses.—Mauresques и проч:

Гроденапли одноцвѣтные и съ мѣлкими клѣпками, красивыхъ весеннихъ цвѣтовъ.

Шерстяныя кисеи, красивыхъ цвѣтовъ и весьма прочныя для лѣтнихъ прогулокъ.

Безконечное множество косынокъ, шарфовъ и лѣтнихъ шалей.

Легкія и плотныя шали для весны.

Моды.—Въ Long-Champ ничего не появляется новаго, нѣкоторыя оппѣнки въ одѣвнн; но ничего рѣзкаго.—Впрочемъ Long-Champ такъ былъ оспавленъ, что мы не опчаваемся увидѣть какую нибудь перемену съ первыми вешними лсными днями.

Англійскіе капоты болѣе или менѣе нарядные—самый оппичный уборъ.—Начиная отъ гроденаплевыхъ съ небольшимъ банпомъ, надѣваемыхъ запросто поушру, до креповыхъ, оппѣланныхъ перьями и блондою, всѣ равно хороши.—Поля у всѣхъ почти округленныя.—Желаніе оппичиться какимъ нибудь спраннымъ фасономъ, было-бы весьма въ дурномъ вкусѣ.—Ни одна мода не пребуешъ, можетъ быть, столько разборчивости; въ особъ, послѣдующей ей.

Мода не можетъ одобришь чепчиковъ съ узенькими лентами, надѣваемыхъ подъ шляпки.—Они ни чупъ не красивы, и имбушъ учаспъ всѣхъ новоспей, копорымъ легко можно подражать.— На всѣхъ головахъ ничего больше не видно.— И ничпо такъ не убиваетъ новое, какъ если оно сдѣлается общенароднымъ при самомъ возрожденіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 38 и 39.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-ставкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Мая 13 дня, 1851 года.

— — Быстрый умъ, жаръ творческаго чувства;
Богатство въ вымыслахъ, обиліе идей;
Вошь пребуду чего я въ гордости моей!
Вошь Генія печаль! вошь торжество искусства!
Михаилъ Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

М О Д А.

Давно доискиваюцца причины поврежденной и почти одновременной перемѣны модъ; причины, почему сегодня находятъ смѣшнымъ и отвратительнымъ то, что наканунѣ казалось прелестнымъ, удивительнымъ. Послѣдуемъ за модою отъ начала до конца ея. Мы узнаемъ исторію ея жизни. Возьмемъ первую вещь, какая намъ кинется въ глаза, на пр. женскую шляпку. Кто прежде всѣхъ надѣлъ ее? Безъ сомнѣнія молодая, пригожая и ловкая кокешка; какъ красота все преспало, то всякой находилъ ее прелестною, готовъ былъ обожать ее въ семь новомъ уборѣ. Вскорѣ присвоили его и безобразныя женщины, которыя воображаютъ придавъ себѣ особенную пріятность модною шляпкою. Самыя пожилыя женщины льстятся надеждою, найти въ модной шляпкѣ палиманъ, который придастъ имъ видъ молодости и красоты извѣстныхъ щеголихъ.

Съ этой минутой конецъ модъ; ша, которая надѣла прежде всѣхъ шляпку, устрашенная неуклюжестію старухи, перенявшей съ нею моду, воображаетъ себя отвратительною въ тойже шляпкѣ, и потѣхъ срываетъ ее съ головы, сколько она прежде

ей ни нравилась. Красавица обращается къ Модисиккѣ, коей изобрѣтапельный Геній заранѣе, вшайнѣ пригоповилъ уже другаго фасона шокъ, беретъ, шапочку или шюрбанъ кои скоро подвергнувшись тойже участи.

Существованіе шляпки имѣетъ большое сходство съ жизнію мотылька. Матерія, изъ коей она сдѣлана, представляя собою прелесть состояніе наѣкомаго, заключеннаго въ плевѣ, скоро вылетаетъ изъ магазина, и распустивъ блестяція свой крылья съ прекрасною выкладкою, надъ коюю шрудились лучшія уборщицы, садится сперва на самыя пышныя цвѣты, попомъ похуже, а послѣ, перелепая отъ одного цвѣтника къ другому, попадаетъ въ добрыя руки, кои прикалываютъ ее булавкою къ спѣнѣ, или бросающъ ее какъ старую мебель, откуда забыленные клочки ея выкидываются въ помойную яму.

Вошь исторія рожденія, жизни и смерти всякаго рода убора!

Мебель терпитъ ту же участь; на пр. Герцогъ N. недавно заказалъ себѣ прелестный ошпоманъ; Баронъ В. заказалъ себѣ такой же; но Судья и Нотаріусъ также въ состояніи имѣть сію мебель, и ошпоманъ вошелъ въ моду.

«Какая гадость! вскричалъ однажды первый, входя въ свою комнапу; выбросьте это! опшоманъ въ переднюю, въ сѣни, въ сарай; чпобъ я больше не видалъ его. Вообразите, Герцогиня, я завѣжаю къ своему портному: онъ препоконно лежиптъ съ книгою въ рукѣ на опшоманѣ, похожемъ на мой, да какъ похожемъ? Точъ въ почъ, если еще не лучше и красивѣе. Возможно ли это? Теперь ничего нельзя имѣть. Сепптъ-Альбанъ, скажите моему камердинеру, чпобъ онъ сбывтъ съ рукъ это! опшоманъ, . . . нѣтъ, лучше сжечь его! (*минуту помолчалъ*) избавьте меня также опъ эпихъ книгъ; мошенникъ . . . и онъ чипаешъ!!!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО.

(*Продолженіе*).

Ложе Лемана образуется тройною горною цѣнью: Альпами, Юрою и Юрапомъ, самую меньшую въ сравненіи съ прочими. Леманъ всегда почитается прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ озеръ Южной Европы: одно Констанцкое озеро могло спорить съ нимъ о преимуществѣ. Онъ большею частію питается водами Роны, хотя и не весь соспощптъ изъ оныхъ; сверхъ того сорокъ рѣкъ и рѣчекъ несутъ ему дань родныхъ водъ, ими заимствованныхъ опъ потоковъ, низвергающихся съ ближнихъ горъ. Рона впадаетъ въ Леманъ, выходя изъ Вале; при устьѣ, воды ея мутны, и шакъ быстры, чпо около сорока фуновъ опъ впаденія, онъ оппичаются опъ водъ озера желеноватымъ цвѣтомъ. Впрочемъ несправедливо утверждають, будио печеніе сей рѣки замѣтно чрезъ все озеро. Пѣпки, существующіе въ семъ озерѣ, какъ и во всякомъ маловодномъ источникѣ, не имѣють ничего правильнаго и общаго съ потокомъ Роны. Не дозжая до Женевы, вы видите, чпо ложе суживается, рѣка снова получаетъ свое названіе и капптъ по новому руслу свои прозрачныя волны, очищенныя опъ щипы и ила, кои мутящъ ея устье.

По прозрачности водъ, особенно близь Женевы, по пышному и живописному виду береговъ, озеро сіе заслуживаетъ и вниманіе и удивленіе путешественниковъ.

Передъ нами уже открылась часть правого берега. Мы привѣтствовали древній Валланскій замокъ, построенный изъ кирпича, подобно Римскимъ зданіямъ. При видѣ крепости, относящейся къ новѣйшимъ временамъ, гдѣ, какъ говорятъ, жила добрая Королева Берта, пробудились въ душѣ нашей родныя воспоминанія о сей великодушной супругѣ Рудольфа II. Вскорѣ мы увидѣли городъ Моргъ (Morges). Это одинъ изъ лучшихъ городовъ Герцога Савойскаго; вправѣ опшуда нашъ лоцманъ указалъ намъ деревушку Эцишанъ, мѣсто, откуда открывается лучшій видъ на Монъ-Бланъ. Намъ хотѣлось присесть къ берегу, но въ семъ случаѣ надлежало сдѣлать слишкомъ далекій объездъ, и потому мы продолжали свое плаваніе. Однакожъ мы невольно обращали взоры къ мѣстечку Жюри, принадлежащему къ Лозаннѣ, которое издали еще можно было видѣть. Мы разсудили лучше завернуть въ Нюнь, главный городъ въ семъ краѣ. До прибытія сюда удивлялись живописному мѣстоположенію Сенъ - При, выдающемуся мысу до самыхъ береговъ озера; прежде всего мы увидѣли церковь его. Мы обошли мысъ Алламанъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда, на берегахъ р. Обоннъ, жилъ долго знаменитый путешественникъ Тавернье; онъ имѣлъ передъ собою самый пышный видъ, который, по словамъ его, не уступалъ Констанцннопольскому. Мѣстечко Церроа, самое оппаленное на твердой землѣ, открылось передъ нами, когда мы были еще близь Алламана, но скорѣ увидѣли городокъ Рольсомъ Между симъ послѣднимъ и мы. Тононъ, на противоположномъ берегу, находится самая большая ширина озера. Мѣстечки Бюрсиель, Дюлли, Пранжень, привлекли также наше вниманіе. Послѣднее изъ нихъ заключаетъ въ себя замокъ, доставшійся въ 1815 году Юсифу Бонапарше. Наконецъ мы открыли Нюнь и повершили судно свое къ берегу.

Городъ сей основанъ Юліемъ—Цесаремъ; еще видны здѣсь Римская дорога и осипашки вала, принадлежащаго къ помуже времени. Готическій замокъ свидѣтельствуетъ, что феодальная власть не болѣе щадила его, какъ мечъ и скипетръ всемірныхъ властителей. Храмъ его также замѣчателенъ по своей древности, хотя нельзя достоверно опредѣлить времени основанія оного. Нюнъ опустошенъ былъ варварами въ V столѣтіи, и почти совершенно истребленъ пожаромъ въ 1399 году. Безъ сомнѣній, онъ обязанъ случаю вообще хорошимъ построениемъ своимъ.

На полуостровѣ милай опъ Нюна лежатъ городокъ Коппе, извѣстный пребываніемъ въ немъ Г-жи Спаль и убѣжищемъ многихъ знаменитыхъ изгнанниковъ. Это самый милый изъ городковъ Валскаго Кантона; но любопытство, удивленіе, которое Европа направляетъ къ дарованіямъ славной писательницы, привлекаютъ сюда почти всѣхъ путешественниковъ. Комната, кои занимала Г-жа Спаль, сохраняются въ прежнемъ состояніи. Мы замѣтили портретъ ея и бюсты Неккера и Шлегеля. Нынѣ Баронесса Спаль сдѣлалась покровительницею училища взаимнаго обученія, которое находится въ цвѣтущемъ состояніи. Эта благотворительность ея наследственная добродѣль служитъ новымъ украшеніемъ знаменитой фамиліи. Рядомъ съ именемъ Автора *Коринны*, приятно видѣть имя благотворительницы.

Оставя Коппе, мы переправились на лѣвый берегъ озера и поспѣшно принялись отыскивать въ Колоньи, гдѣ долго жилъ Байронъ, и на сихъ романтическихъ берегахъ вездѣ оставилъ по себѣ память. . . Опъ Колоньи до Корсье болѣе полутора часа ѣзды. Мы переправились черезъ рѣчку Эрмансъ и очутились въ Довенъ, гдѣ нашли мало замѣчательнаго, однакожъ рѣшились остановиться здѣсь, чтобы бросить взглядъ на озеро и поспѣше позавтракать.

Потомъ мы миновали нѣсколько селеній и, наконецъ, остановились на возвышеніи, не доѣзжая до Кудра; отсюда открывался великолѣпный видъ. Мы усмотрѣли горы Алинонъ, Боегевъ, Абондансъ, такъ называемый Ошскій зубъ возносилъ къ облакамъ дикую

свою вершину. Мы опшь выѣхали на большую дорогу, отъ которой нѣсколько было уклонились, и прибыли въ Тононъ, главный городъ Шабле, гдѣ остановились отдохнувъ. Это небольшой городокъ съ 4000 жителей, довольно хорошо построенный; въ XVI столѣтіи Швейцарцы срыли, находившійся въ немъ замокъ, который могъ служить для обороны ихъ страны, а не для украшенія оной. Церковь, училище, ратуша, построены со вкусомъ; главный въездъ со стороны Женевы обсаженъ деревьями; это мѣсто служитъ приятнымъ гульбищемъ. Намъ показывали домъ, гдѣ родился храбрый и злополучный Дезе. Тононъ, благодаря торговлѣ своихъ жителей, находится въ довольно цвѣтущемъ состояніи.

Мы выѣхали отсюда на другой день, ночевать въ изрядной гостинницѣ подъ выѣскою *равновѣсія*, и скоро увидѣли семибашенный замокъ, служившій Герцогу Савойскому Амедю VII, убѣжищемъ, гдѣ онъ, можетъ быть, оплакивалъ свой вѣнецъ и дворъ, не смотря на прелестное мѣстоположеніе своего жилища. «Видите ли вы сіи прекрасныя деревья?» спросилъ насъ пракирщикъ, вѣхавшій въ Санъ-Женгульшъ, указывая на густую зеленую рощу, откуда доходилъ до насъ вой въпра, качающаго дерева?—Да, отвѣчали мы; за нею скрывается древній монастырь. Своротивъ немного съ большой дороги, въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли Карнезіанскій монастырь, скрываемый симъ густымъ лѣсомъ опъ взоровъ свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что мирные иноки сей обители, не для того, чтобы скрыть жизнь свою, но чтобы опдѣлились опъ людей, устроили сію зеленощую ограду.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда мы перѣхали чрезъ Дрансу, по мосту о 24 аркахъ, весьма узкому, построенному въ XV столѣтіи. Проѣзжая по большой дорогѣ, мы миновали два селенія, Амюонъ и Пюбле. Они не имѣютъ ничего достопримѣчательнаго. За симъ, не останавливаясь, мы направили путь въ Эвианъ.

Мы проѣхали уже при станціи опъ Женевы. Последнею былъ городокъ Эвианъ, достойный вниманія путешественниковъ. Это,

можетъ быть, лучшая почка зрѣнія, откуда можно смотрѣть на озеро, и вполне наслаждаться его видами.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, который въ масперской Гюдены пріобрѣлъ искусство изображать на холстѣ природу, схватилъ свой альбомъ и карандашъ, и въ одну минуту представилъ намъ два или три очерка прелестнѣйшихъ видовъ противоположнаго берега. Красота мѣстоположенія и минеральные ключи, находящіеся въ окрестностяхъ Эвіана, въ дѣлшее время привлекаютъ сюда множество иностранцевъ. Еще и теперь видны развалины стѣнъ и башенъ, коими некогда окружилъ сей городъ Пепръ, Графъ Савойскій. Отсюда собственно начинается Симплонская дорога, проведенная Тѣмъ, который также хотѣлъ уравнишь горы, какъ уравнивалъ онъ Государства.

Дорога, по коей мы ѣхали, прежде проспиралась только до Four-Ronde, на полмили отъ Эвіана. Французы преодолѣли всѣ препятствія и нынѣ дорога сія, обсаженная деревьями, тянется по берегамъ Лемана до самаго устья Роны.

Эпопъ путь значительно измѣнилъ видъ дикой страны, описанной Ж. Ж. Руссо. Картина его только опчасни сходна; самый видъ озера, Мельерійскія скалы, болѣе прославившіяся нѣсколькими страницами *Новой Элоизы*, нежели своими каменоломнями, доставляющими превосходный матеріалъ, во многомъ не сходны съ описаніемъ Сенъ-Прё, въ письмахъ къ Юліи. Жители не заключены уже между семи скалами и озеромъ; мѣстечко Мельери, пересѣкаемое нынѣ прекрасною дорогою, значительно распространилось. Искусство побѣдило скупую природу, и видъ сего края нисколько не уступаетъ прочимъ окрестностямъ озера. Увѣряютъ, что деревушка Бре скрываетъ другой Геркуланумъ, древній *Tavretatum*, некогда процвѣтавшій городъ, который въ 563 году поглощенъ обрушившеюся частію горъ. Иные думаютъ, что онъ находился въ Бовере.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листкѣ.)

СЫНЪ ПАЛАЧЕМЪ ОТЦА.

Фламандское преданіе.

Ночь была шемная, дождливая; посреди площади города Генга, при багровомъ свѣтѣ факеловъ, спростили эшафотъ для совершенія казни надъ двумя преступниками, которые за убійство и святопапство осуждены были на смерть.

Два ремесленника возвращаясь домой, сошлись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лобнаго мѣста, и посмапривали на спрашныя ночныя приготовленія. Тутъ завязался между ними разговоръ въ полголоса, шакъ, что плѣшники, спростившіе эшафотъ, ничего не могли слышать.

Первый. А, это ты Мартинъ, откуда?

Другой. Изъ Краснаго корабля. Завидя издали свѣтъ факеловъ, я пришелъ сюда посмотреть, что тутъ дѣлается.

Первый. Бѣдный шаричекъ! Завтра скапнется съ плечь голова его.

Другой. Скажи мнѣ, ради Бога, правда ли, что онъ завтра будетъ казненъ роднымъ сыномъ?

Первый. Точно шакъ; сегодня вдругъ занемогъ палачъ; во всемъ городѣ и окрестностяхъ не нашлось ни одного человѣка, который бы рѣшился на эпопъ разъ занять его мѣсто.

Другой. Почему же непременно завтра онъ долженъ быть казненъ?

Первый. Потому, что наши законы не позволяютъ отсрочивать исполненіе приговора.

Другой. Не слыханное ли дѣло: опецъ казнится собственнымъ сыномъ!

Первый. Да, чудно! Старику предлагали на выборъ: или отрубить сыну шопоромъ голову, или пашь самому подъ орудіемъ казни; но онъ съ омерзненіемъ отвергнулъ первое предложеніе и выбралъ смерть.

Другой. И сынъ могъ на шо рѣшиться?

Первый. Да; любовь къ жизни заглушила въ немъ сыновнія чувства, и онъ согласилъ завсрашній день казнить отца.

Другой. Ужасно! Ужасно! Но знаетъ ли опецъ, что ему суждено умереть отъ руки сына?

Первый. Ничего о помѣ не знаешь. Они разсажены порознь въ темницѣ и порознь были допрашиваны.

Другой. Жаль мнѣ бѣднаго спарика. Говорятъ, что онъ во всѣхъ вопросахъ крѣпко отстаивалъ свою невинность.

Первый. Да, и сынъ также; но подозрѣніе слишкомъ сильно. Понамарь, какъ извѣстно, найденъ убитымъ въ собственннй квартирѣ; у выломанныхъ дверей ограбленной церкви ночная стража схватила спарика съ сыномъ.

Другой. Конечно; молчаливая ночь сокрыла уже многія преступленія! Однакожь пора спать. Покойной ночи, сосѣди! Бѣдный спаричекъ въ эту ночь едва ли заснетъ.

Первый. За шо онъ завтра уснетъ глубокимъ сномъ; да спасетъ Господь Богъ грѣшную душу его! Покойной ночи, Амвросій!

Они разспались. Тускло горѣли факелы среди ночнаго шумана, и звонкіе попоры плотниковъ еще долго нарушали мертвую тишину. Наконецъ, все было готово и работники исчезли вмѣстѣ съ факелами. Въ глубокой мракъ одѣлся эшафопъ.

Честные ремесленники Маршинъ и Амвросій говорили правду. Отецъ съ сыномъ въ самомъ дѣлѣ схвачены были по подозрѣнію въ убійствѣ и похищеніи церковной утвари, и послѣ немногихъ допросовъ, признанные судомъ виновными, осуждены на смерть.

Но какъ Геншскій палачъ наканунѣ дня казни занемогъ: по Судьи нашлись принужденными, одному изъ преступниковъ даровать жизнь, если онъ согласится взять на себя должность палача. Сынъ рѣшился на сіе ужасное дѣло. —

Едва зардылись верхи Геншскихъ башенъ въ кровавомъ отблескѣ упреннаго солнца, какъ загудѣлъ пропѣльный погребальный колоколь, и по улицѣ, ведущей къ эшафопу, пошннулась торжественно—мрачна процессія, среди коей шелъ семидесятилѣтній спарецъ. —

Съ удивительнымъ спокойствіемъ, какое можетъ внушить въ послѣднюю мину жизни одно только чувство невинности, спарецъ всходилъ на эшафопъ. Но когда взощель онъ на послѣднюю ступень, и увидѣлъ сына своего съ засученными рукавами,

тогда лице его внезапно покрылось смерпною блѣдностью, и пошюки слезъ полились изъ глазъ его.

—«Иоаннъ!» воскликнулъ онъ голосомъ, который пронулъ бы сердце самаго закоренѣлаго злодѣя, — «Иоаннъ! ты хочешь бытъ палачемъ своего отца?» —

При сихъ словахъ сынъ содрогнулся, но отворопился отъ отца, не смѣя сморѣшь ему въ лице.

Спарецъ еще нѣсколько минутъ глядѣлъ на него съ выраженіемъ глубочайшей скорби, потомъ сказалъ: «Иоаннъ, исполняй свою обязанность; я расстаюсь съ тобою безъ злобы.»—Потомъ сынъ поспѣшно завязалъ ему глаза — и просилъ спать на колѣни. Спарецъ, почти лишенный чувствъ, исполнилъ его приказаніе.

Холодный трепетъ объялъ многочисленныхъ зрштелей, когда сынъ пропѣнулъ руку къ попору, лежавшему подлѣ плахи.

Съ дикимъ опчаяніемъ схватился онъ за него, но лезвее соскочило съ попорща и далеко оплелѣло отъ эшафопа.

«Пощада! Пощада! Они невинны!» раздадось на площади. Мушны, женщины, дѣшп, вскочили на эшафопъ, сорвали повязку съ осужденнаго, и спарались привести его въ чувство. Въ то же время о семъ чудесномъ событіи донесено было Государю, который изрекъ прощеніе, какъ отцу, такъ и сыну.

Спустя нѣсколько времени открышы настоящіе преступники—и получили достойную казнь.

Въ память сего происшествія жштели города Генша воздвигнули на мосту, близъ рыбнаго рынка, двѣ статуи изъ дикаго камня, копорья и понынѣ сущесшвуютъ: онѣ изображаютъ сына и отца; послѣдняго: колѣноприклоненнымъ, и съ повязкою на глазахъ; перваго, съ засученными рукавами, въ ту самую минушу, когда онъ хочетъ поднять попоръ.

Съ Нѣм. В. Тило.

СМЕРТЬ ЛАФОНТЕНА.

Добрый *Лафонтенъ* только двумя годами пережилъ Г-жу *Ла Саблиеръ*, которую любилъ онъ сполько же, сколько свою собаку и кошку. Онъ умеръ, послѣ продолжительной болѣзни, въ которой отецъ *Пюже*, спрахомъ будущаго наказанія, успѣлъ обратити баснописца въ зашворники, добровольно на дѣвшаго на себя вериги и власяницу. Въ послѣднее время жизни своей, онъ не видалел почти ни съ кѣмъ изъ друзей своихъ, опасаясь воспоминанія о грѣхахъ своей молодости. За нѣсколько дней передъ смертію я посѣтилъ его: онъ лежалъ въ постелѣ, и наклеивалъ изображенія священныхъ на всѣхъ листкахъ своихъ басенъ: «вы видите, сказалъ онъ, чѣмъ я совершаю дѣло покаянія.» Подлѣ него сидѣла старая служанка, которая, въ очкахъ, чипала молишвы; она поднимала голову, когда *Лафонтенъ* повисоралъ со вздохомъ:

«Я многогрѣшенъ!»

—«Успокойнесь, сударь, говорила она, Милосердый Богъ проспиптъ васъ.»

Бѣдный *Лафонтенъ* иногда забывался. Вдругъ спросилъ онъ, какъ меня зовутъ; когда я ему отвѣчалъ, то онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

«Знаешель вы молишвы объ умирающихъ?»

—Нѣтъ, отвѣчалъ я.

—Такъ, подите вонъ.»

Помомъ онъ оборопился ко мнѣ спиною, и не хотѣлъ болѣе говорить со мною, хотя я спарался опять начатъ разговоръ. Я вспалъ и хотѣлъ ийти, но онъ остановилъ меня и просилъ прочеситъ его басню: Мерквецъ и Священникъ; какъ я не зналъ ее назусть, то онъ спалъ чипашъ самъ, смѣлся безъ памяти.

«Не правда ли, что содержаніе этой басни довольно спранно?» прибавилъ онъ. «Въ первый разъ еще паспортъ уцалъ въ обморокъ при видѣ мерквца!»

—Вмѣсто сихъ печальныхъ мыслей, сказалъ я ему, вамъ бы надобно возбуждать въ себя веселья.

—«Любезный Аббашъ,» подхвапилъ онъ съ слезами на глазахъ: «превосходный *Мольеръ*

умеръ прежде всѣхъ; послѣ меня останутся еще *Боало* и *Расинъ*!»

Я не могъ удержатъ внутренняго движенія и останилъ большаго, чипобы не измѣнилъ себя. Черезъ пять дней *Лафонтенъ* похороненъ былъ на кладбищѣ при церквѣ св. Иннокеннія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за 20 лѣтъ предъ шьмъ, положенъ прахъ *Мольера*.

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕСНА ВОЕННАГО ЧЕЛОВѢКА.

Весенней зеленю подѣрунись поля,
Защѣлкаль соловей въ проснувшейся дубравѣ,
Какъ дѣва ото сна воспринула земля:
Все, все спремнись жить, а обреченный славъ,
Кому судьба дала на долю мечъ и щипъ,
Улыбкой хладною природу привѣчаешъ
И, средъ живой весны, шумъ врана спорожитъ;
Иль черный прахъ съ меча блестящаго стираетъ,
Иль въ зеркало его задумчиво глядитъ.

Карлгофъ.

Апрѣля 15, 1831.
Дсревня Андржева.

НА НОВОСЕЛЬЕ.

За желаньемъ вслѣдъ, пады пивой
И съ цвѣпочка на цвѣтокъ,
Беззаботно и игриво
Вьется рѣзвый мотылькъ:
Такъ въ дни юности счастливой
Новость намъ колеблетъ грудь—
Вдаль летимъ мы,—тамъ все диво,
Но пришли—и снова въ путь! . . .
Другъ! —и ты, мѣняя кельи,
Чашу праздничную пей,—
Чашу радостныхъ похмѣлій
Свѣтлой юности пивой!
Но мѣняя новоселья,
Не мѣняй своихъ друзей!

Ф. Нилькиновъ.

ВСЁ СЪ РУКЪ СОЙДЕТЬ.

Кто какъ на свѣтъ ни живешь,
 Какихъ проказъ ни нагородишь,
 Все говоришь, что съ рукъ сойдешь —
 И шочно, очень часто сходитъ!

Грабилищъ вкривъ и вкось идешь
 Опъ правосудія дороги,
 И сидя счастлива на порогъ,
 Твердишь: авось все съ рукъ сойдешь!

Его одобрено рѣшенье —
 И опъ по сѣмъ Уложенья,
 Счастлива взяшокъ нахвашавъ,
 Благоразумень, добръ и правъ,

Везмыслищъ раннѣ поэты
 Ползутъ героически на Парнасъ
 И, часто бережно Пегасъ
 Выносятъ ихъ на берегъ Лешы;

Удачно какъ-то съ рукъ идутъ
 Ихъ стихотворныя зашты,
 И дружно наши грамошты
 Кричатъ, и пишутъ, и поютъ

Хваспунъ счастливо удивляетъ,
 Глушца смѣшно и дерзко вретъ —
 И самъ безпечно распѣваетъ:
 Моя болыинвость съ рукъ сойдеть!

Друзья толпы пустоголовой,
 Въ глушца, какъ въ деньги влюблены —
 И восхищаются они
 Удачною жи его обновой.

Все какъ-то въ свѣтъ съ рукъ идешь.
 Любви и шалости проказа,
 И лести придворнаго пролаза —
 Фортуна какъ-то все везеть.

Друзья мои! Безетрунной мѣры,
 Ея глухой и дикій спукъ —
 И вздоръ безсовѣстной сапиры,
 У насъ сойдушь ли шакже съ рукъ? . . . .

Давножь.

С H A R A D E.

Aux nocés de ton fils tu trouves ma première.
 Veux-tu de ma seconde? Il faut tirer au sort.
 Mais sur les eaux ne fait jamais la guerre;
 Mon tout y porte et la flamme et la mort.

Въ No 37 помѣщенная шарада значить: *Перс-тѣль.*

M O D E S.

Ameublemens. — L'année n'a pas été féconde en meubles de luxe, peu d'hôtels ont été somptueusement décorés; cependant nous citerons un salon d'acier, exécuté dernièrement chez un riche banquier de la Chaussée-d'Antin.

Cette pièce est d'une magnificence inconnue jusqu'à ce jour. Nous n'entreprendrons pas de faire la description de tout ce qui compose les ajustemens, les décors de ce salon magique; les portes, les chambranles, la cheminée, le lustre, les girandoles, les ornemens de la tenture, tout enfin, est en acier poli, du travail le plus délicat, et d'un fini admirable. Il est impossible de se faire une idée exacte de la richesse de ce travail; nous en sommes émerveillés. Aux bougies surtout, toutes ces surfaces diamantées, dont les effets ont été calculés d'avance, seront éblouissantes.

Il faut que la fabrication de l'acier poli ait fait depuis peu d'immenses progrès, pour que l'on soit parvenu à en faire un article de luxe et d'architecture, surtout dans des proportions assez grandes, pour qu'on puisse l'appliquer à un salon qui a 15 pieds de hauteur.

C'est une innovation heureuse et de bon goût, que nous recommandons à Messieurs les architectes. Nous ne doutons pas que ces nouveaux ornemens reçoivent de nombreuses applications; car ils doivent être d'une grande ressource dans les décorations de riches mobiliers.

On nous a assuré que ces ornemens, fabriqués par procédés nouveaux, à l'aide de machines les plus ingénieuses, ne sont pas plus chers que ceux en bronze doré. Ils sont d'un entretien très-facile, et l'auteur a des moyens chimiques infailibles, pour les préserver de l'oxidation pendant les tems de non habitation.

M O D Ъ.

Мебели. — Нынѣшній годъ не изобилень былъ изобрѣпеніями богашыхъ мебельей. — Немногіе дома ошдѣлацы вновь великолѣпно; од

накоже мы опишем спальную залу, недавно отдѣланную у одного богатаго банкира въ улицѣ Шоссе-д'Аншени.

Комната сія отдѣлана съ великолѣпіемъ, доселѣ неизвѣстнымъ. Мы не будемъ описывать всего употребленнаго на украшеніе сей очаровательной залы; двери, наличники, каминъ, люстра, жирандоли, украшенія на стѣнахъ, словомъ все, изъ шлифованной стали, самой легкой работы и удивительной отдѣлки. Невозможно составить себѣ настоящаго понятія о всемъ богатствѣ этой работы. Мы въ совершенномъ удивленіи; особливо при свѣчахъ, всѣ эти блистающія поверхности, копорыхъ дѣйствія вычислены уже напередъ, будутъ ослѣпительны.

Видно, что въ выдѣлкѣ шлифованной стали сдѣланы невѣроятныя успѣхи, когда достигли до того, чтобы обратить ее въ предметъ роскоши и архитектуры; а особенно въ столь огромномъ размѣрѣ, что приспособили ее къ комнатѣ вышиною въ 15 футовъ; это весьма счастливое изобрѣтеніе, которое мы рекомендуемъ всѣмъ архитекторамъ. — Мы не сомнѣваемся, что сіи новыя украшенія будутъ приспособлены ко многимъ вещамъ.

Насъ увѣряли, что сіи украшенія, выдѣланныя новымъ способомъ, помощію лучшихъ машинъ, недороже таковыхъ же, сдѣланныхъ изъ золоченой бронзы. — Ихъ весьма легко сохранять, и изобрѣшатель имѣетъ вѣрныя химическія средства для предохраненія оныхъ отъ ржавчины, въ лѣтнее время, когда комнаты остаются пусты.

С М Ъ С Ь.

Одно изъ величайшихъ открытій, дѣлающихъ честь Русскимъ Библиографамъ, есть безъ сомнѣнія рѣдкое искусство судить о книгахъ не читавши ихъ.

Издапель М. Т. шагнулъ еще далѣе: онъ судилъ объ игрѣ актеровъ въ такой пьесѣ, копорая, за болѣзнію актера, не была совсемъ играна.

Наблюдая свѣтила небесныя, мудрецъ Фалесъ оснупился и упалъ. «Вотъ по дѣломъ, сказала ему его служанка, ты хочешь знашь, что дѣлается на небесахъ, а не знаешь, что у тебя подъ ногами!»

Бойся излишества: оно порокъ, безобразіе. Въ какомъ бы случаѣ по ни было, всмотрись: красота происходитъ отъ соразмѣренности.

Иже обрѣте жену добру, обрѣте благость: пріять же есть отъ Господа ищину.

Держи вѣсы ровно; не спускай глазъ съ снѣжки и не допускай одну спорону перенягивать другую.

Во всѣхъ своихъ словахъ изъясляй правду; не позволяй уснамъ своимъ произносить ложь.

Спрашисъ лжесвидѣтельствовать. Да будеть языкъ твой орудіемъ правды, правды и справедливости.

Иже безъ порока живеть въ правдѣ, блаженны оставитъ дѣла своя.

При семъ прилагается статья подъ заглавіемъ: *Заключенія на статью, въ 17 и 18 книжкахъ Московскаго Телеграфа на 1850 годъ, помпценную, по случаю изданія Г. Вантшиль-Каменскихъ Малороссійской Исторіи; соч. С. В. Руссова.*

Слѣдующій No 40, Литер. Приб. будетъ раздаваться въ Среду Мая 20 дня.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, Мая 20 дня, 1851 года.

Ай, моська! знашь она сильна,
Что ласкъ на слона!

Крыловъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

СОСЪДСТВО ЗА СТОЛОМЪ.

А вы, госпъ дорогой!

Чегобъ хопълось вамъ?—«Домой, сударь, домой;»

Отвѣтствовалъ ему л очень равнодушно.

Такъ рано?...«Да, мнѣ здѣсь, помилуй Богъ, какъ
скушно!»

Князь Долгорукий.

Помпи всѣ на свѣтѣ думаютъ, что для
шого, чпобъ прослыть хорошимъ хлѣбосо-
домъ, надобно шолько быть богаты и ще-
дру.

Извините меня, милостивые Обжоры!
сихъ двухъ добродѣтелей недоспапочно. Но-
вѣйшіе, *высоковозгладные* мыслишеля, охот-
ники до изящныхъ обѣденныхъ наслажденій,
знають чпо немногіе миліончики надѣлены
отъ неба талантомъ угощать.

На дняхъ случилось мнѣ обѣдать у глав-
наго поставщика аптекарскихъ матеріаловъ:
повара были Графини *Лаваль*; кондитеръ
Австрійскаго Посланника; вино и поршеръ
изъ Англійскаго магазина; сперляжья уха за-
плачена 250 рублей; живой осетръ приве-
зень водою на почповой лодкѣ изъ Волги;
усприцы изъ Ревеля; блюдо вишень сико-
ило болѣе шрехъ сотъ рублей. Госпей сѣло
за споль 25-ть человекъ, а можно бы упоп-

чивашъ, тѣмъ чпо было, пятьдесятъ под-
жарыхъ подбыхихъ, и упоишь дюжину ша-
кихъ Господъ, какъ *Пьянлюшкинъ - Невъ-
ждинъ*.

Кушанье подано было на богатомъ фарфо-
рѣ съ изображеніемъ видовъ Петербургскихъ
и Царскосельскихъ. Роскошныя вазы съ рѣд-
кими въ шеперешнюю пору года цвѣтами,
померанцовыя и лимонныя деревья съ плода-
ми, заснавлили насъ забываться, и вообра-
жать, чпо мы перенесены въ Аѳины, на бе-
рега Амея.

Зоркій взглядъ хозяина не пропускалъ ни
одной пуспой шарелки, ни одного порожня-
го покала . . . .

Тамъ славный окорокъ Веспальской,

Тамъ звелья рыбы Астраханской,

Тамъ пловъ споль и пироги;

Сластей и ананасовъ горы

И множество другихъ плодовъ

Прельщали чувства и липали;

Курльицы благоухали;

Носили вина чередой:

И Аліатико съ Шампанскимъ

И пиво Русское съ Брипанскимъ

И Мозель съ Зельцерской водою.

Я сказалъ уже выше, что насъ было 25 человекъ. Всѣ люди порядочные, образованные; но бѣда состояла въ томъ, что никто изъ насъ прежде въ глаза не видалъ другъ друга; мы вспрѣтнулись здѣсь въ первый разъ, а это не могло возбудить между нами опкровенности, довѣренности. Впрочемъ, нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться за столомъ, и потому неудобство сіе легко могло быть устранено, если бы каждый сидѣлъ на приличномъ ему мѣстѣ.

Собесѣдники, хотя вовсе между собою незнакомые, всѣ знали хозяина: и такъ, отъ него зависѣло разсадить ихъ, какъ кому споруоче и пріятнее; но отъ безнечности, разсѣянiя, а можетъ быть, и отъ неумѣнья, онъ предоставилъ это случаю. Случай счастъ!

Между собесѣдниками нашими замѣнилъ я военныхъ, спашскихъ, придворныхъ, пріѣзжихъ изъ дальнихъ Губернiй помѣщиковъ, купцевъ, либераторовъ, художниковъ, актеровъ. Безъ всякаго сомнѣнiя, изъ сихъ спихъ можно было сослать пріятную бесѣду; все зависѣло отъ собесѣдника: ибо за столомъ, гдѣ обѣдаютъ 25 человекъ, разговоръ не можетъ быть общимъ, слѣдовательно, надобно было завести частныя.

Провiантскому Чиновнику досталось сидѣть между поэтомъ и актеромъ; Уланскому Офицеру подлѣ Оберъ-Секретаря; провинціальному дворянину съ любителемъ живописи, на дняхъ возвратившимся изъ Рима; Камергера вписнули между Бапаіоннымъ Командиромъ Внутренней Спирити и Журналистомъ. Не понимая своего сосѣда, каждый принужденъ былъ замолчать послѣ неудачнаго опыта завязать разговоръ. Во все продолженіе обѣда не слышно было ничего, кромѣ опривисныхъ вопросовъ и опривисповъ, смѣшанныхъ съ спухомъ шарелокъ, вилокъ, спакановъ и челюстей.

Поэтъ понѣмался было продекламировать опривокъ изъ своей поэмы Провiантскому Чиновнику, а сей началъ ему рассказывать о затруднительности перевозки вислою муки и крупы въ запасныя магазины, и о помѣси, которую находилъ онъ въ провiантѣ, при пріѣмѣ онаго отъ подрядчиковъ. Либераторъ предложилъ Грамматическую зада-

чу купцу, торгующему опшомъ на Кляхѣ, а купецъ отвѣчалъ ему жалобами на упадокъ торговли; удалой Уланъ, закручивая усыки, описывалъ спепенному Оберъ-Секретарю спаша своей рыжей Англійской лошади, хвалилъ клийокъ вымѣненной имъ у Черноморскаго Козацкаго Офицера сабли, старался располковать, какъ спрудно сохранишь диспанцію при развѣрщиваніи колонны въ пыльное время, а сынъ Фемиды читалъ ему наизусть выписки изъ дѣлъ, приводилъ спаша изъ Уложенья, изъ Учрежденiя о Губернiяхъ, ссылался на Грамошу о Дворянствѣ. Всѣхъ болѣе ладили между собою Членъ академіи Наукъ и Офицеръ Генеральнаго Шпаба. Но и шухъ, первому скучно спало слушать обѣ однихъ только операционныхъ и коммуникационныхъ линiяхъ, о баспiонахъ, кровверкахъ, осадахъ, спрашагемкахъ, а второй звалъ отъ рассказовъ о живописныхъ допшопнаго міра, о видѣ, величинѣ и площности земли, о пластахъ, формаціяхъ и жилахъ. Ему бы гораздо веселѣе было между Журналистомъ и пушешспвенникомъ.

Займи каждый свое мѣсто и тогда пиръ былъ бы сполько же наслажденiемъ для души, сколько былъ вкусенъ для желудка. Госпи, взаимно довольные одиѣ другимъ, оспались бы вполне довольны хозяиномъ и благодарны, какъ за хорошій сполъ, такъ и за спараніе доставивъ имъ пріятное сосѣдство. Невниманіе къ послѣднему сдѣлало, что мы разѣхались, хотя правду сказать, и сытые желудкомъ, но голодные душою. Хозяинъ нашъ полагалъ, что все зависить отъ искусства повара, а выходитъ, что отъ искусства размѣщать гостей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пира, захалъ я опашъ къ добродушному нашему хлѣбосому. Мы разговорились о данномъ имъ въ послѣднюю Пипницу обѣдѣ: онъ жаловался мнѣ на принужденность, замѣченную имъ между гостями и на холодность ихъ другъ къ другу. — «Было бы и весело и говорливо,» — замѣнилъ я ему: «если бы вы послѣдовали примѣру нѣкошорыхъ хозяевъ, и догадались разсадить гостей вашихъ, соопвѣшенвенно съ характеромъ и склонностями каждаго. Поэпа надлежало посадить возлѣ акпера,

который съ наслажденіемъ прослушалъ бы его стихи и прочелъ ему свою новую роллю. Оберъ - Секретарь и прѣвзжій помѣщикъ — особы спешныя, разсудительныя, очень кстапи могли бы помѣститься рядомъ. Купецъ изъ Кяхты обрадовался бы собесѣдству съ опшкупщикомъ и Провіантскимъ Чиновникомъ: они могли бы заняться бесѣдою о денежномъ курсѣ, торговлѣ, путяхъ сообщенія и своихъ дѣлахъ; любитель изящнаго, художникъ и Офицеръ были бы вполнѣ довольны своимъ собесѣдствомъ: первый служилъ бы исполквателемъ для двухъ послѣднихъ, и весь прос, составили бы пріятную, разнообразную бесѣду, оживленную оспрошами, или подкрѣпляемую учеными ссылками писателя.» — Мой богачъ почувствовалъ справедливостъ моихъ замѣчаній, благодарилъ меня — и далъ мнѣ слово воспользоваться моими совѣтами. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего разговора, далъ онъ другой обѣдъ тѣмъ же самымъ особамъ.

Имена ихъ были написаны на билетахъ, украшенныхъ виньетами и раскладены на приборахъ, сверхъ салфетки, почно въ пакетѣ порядкѣ, какъ я совѣтовалъ. Госпи были совершенно довольны собесѣдствомъ своимъ; слова лились рѣкою; апетитъ, по необходимому слѣдствію, удвоился; ибо ничто такъ не возбуждаетъ его, какъ живой и занимательный разговоръ; ѣли и пили много; благодарили хозяина за пріятнѣйшее во всѣхъ часяхъ угощеніе, и обѣщались никогда не отказываться отъ его пиршествъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМНАНІЯ О ШВЕЙЦАРИИ.

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО.

(Окончаніе.)

Мы достигли Сень Жингульца, довольно чувствуя усталостъ. Мы уже упрекали себя въ томъ, что не просиди гостепрѣимства въ одной изъ хижинъ Мельери, что не спарались ошкисать на успехахъ слѣды Сень-Прѣ и начертаніе имени его любезной. Сіе

непростительное забвеніе заставило насъ вдвое раскаиваться, когда мы введены были въ одну изъ самыхъ скромныхъ комнатъ самой скромной гостиницы. Къ счастью, окно нашего жилища выходило на озеро. Селеніе, въ которомъ мы остановились, пересѣкается глубокимъ оврагомъ; одна половина онаго находится въ Савойѣ, а другая въ Валежскомъ Кантонѣ. Приходская церковь сполнитъ на Савойской сторонѣ; но другая частъ селенія гораздо многочисленнѣе и въ оной видно болѣе дѣятельности, благодаря сообщенію обѣихъ сторонъ, посредствомъ моста, и желѣзному заводу. На семъ послѣднемъ дѣлаются гвозди и проволока, и механическая частъ его приводится въ движеніе быспрымъ печеніемъ Морги.

Мы узнали, что дорога до Бовере, и опшуда до переправы чрезъ Рону, неслишкомъ хороша; припомъ сія поѣздка не обѣщала намъ ничего доспопримѣчательнаго. И пакъ мы рѣшились продолжать путь водою, въ намѣреніи перенравиться на другой берегъ, что бы посѣтить Шильонъ и Кларансъ, а попомъ возвратиться въ Сень-Жингульцъ и снова пуститься по Женевской дорогѣ.

Новые неопытные гребцы прекрасной рыбацкѣй лодки, мы сначала спустились немного внизъ по теченію Роны, болѣе бытъ опрокинутыми. Терясь въ разматриваніи цвѣтущихъ береговъ ея, скоро переправились мы чрезъ русло сей рѣки, на которую взирали съ удивленіемъ, и вода коей была совсѣмъ другаго цвѣта съ водами Лемана; попомъ мы поднялись вверхъ, направи путь къ Вильнѣву, изъ всѣхъ силъ работали веслами, хопя и не пакъ согласно, какъ искусные мореходцы. Не доѣзжая четверти мили до Вильнѣва, мы пристали къ одному оспровку, гдѣ нашли небольшую хижину, обсаженную пополями. Послѣ сего мы продолжали быспрое плаваніе и благополучно вошли въ пристань. Городокъ сей, послѣдній на правомъ берегу озера, не представляетъ въ себѣ ничего доспопримѣчательнаго. При Аймонѣ V, Графѣ Савойскомъ, здѣсь учрежденъ былъ богатый спраннопріимный домъ для многочисленныхъ богомольцевъ, ходившихъ въ Римъ: домъ сей уже не су-

ществуемъ, и доходы онаго обращены на другое Богоугодное заведеніе.

Близъ Вильнёва находилсѣ множество Римскихъ развалинъ; онѣ означаютъ мѣсто древняго *Rapiculus*, разрушеннаго наводненіемъ, причиненнымъ паденіемъ горы *Tauretanium*.

Сколько разъ во время нашего путешествія проѣзжали мы поля, увѣковѣченныя, окровавленныя смаченіями государствъ или спраспями человѣческими! Здѣсь слѣды физическихъ перевороповъ, гораздо ужаснѣйшихъ, гораздо неукротимѣйшихъ.

Изъ Вильнёва мы отправились въ Шильонъ, мѣсто, ознаменованное нѣкогда спрданіями еще болѣе значениыми, а теперь твореніемъ Поэта *Байрона*, бытъ можетъ перваго въ новѣйшія времена. Никто такъ живо не чувствовалъ, такъ глубоко не постигалъ тайнъ печали, ненависти, любви, негодованія. Плоды мгновенныхъ вдохновеній, блистательнѣе опрыски пѣсень, по задумчивой, шо ужасной Музы *Байрона*, уступая въ расположеніи, коимъ удивляютъ насъ образцовыя творенія *Гомера*, *Тасса*, *Восстаюта*, *Расина*, сполько же превосходны и возвышенны, какъ сіи послѣднія; они безъ сомнѣнія поставятъ его въ попомспвѣ ряду съ отличнѣйшими Геніями. Мы приближались къ Шильонскому замку, исполненные воспоминанія о семъ неизъяяснимомъ чловѣкѣ, о вдохновенныхъ пѣсляхъ его. Забывъ и основателей и распространителей сего зданія, несомнѣмъ правильнаго, осмолпрѣвъ безъ вниманія прочія часни его, мы хотѣли видѣть ту башню, въ которой испаялъ Францискъ *Бонниваръ* послѣ б-лѣшняго заключенія, за непрощительное обличеніе празднои и развратной жизни своего Духовенства. Темница его находилсѣ ниже поверхности озера, и свѣтъ проходилъ въ нее съ большой вышины. Намъ показывали въ сполбѣ желѣзное кольцо, къ которому онъ былъ прикованъ: сполбѣ сей исписанъ именами посѣтителей, между коими сіяетъ имя *Байрона*. Здѣсь-шо безъ сомнѣнія родилось сіе безсмертное его стихотвореніе! Шильонъ теперь обращенъ въ арсеналъ, гдѣ хранитсѣ оружіе и порохъ: нѣсколько времени въ немъ жили Вевейскіе Баальи.

Оспавя Шильонъ, мы проѣхали селеніе Монпрё, лежащее у подошвы горы *la Dent de Jument*. Мы посѣщили пещеру, находящуюся въ основаніи утеса, на коемъ построена церковь; неменѣе любопытнымъ предметомъ здѣсь показалось намъ убѣжище, открытое для больныхъ и бѣдныхъ путешественниковъ; оно пользуется доходами небольшого имѣнія, завѣщаннаго въ пользу бѣдныхъ цѣлаго свѣпа филантропомъ *Мишелельмъ*. Доходы сіи просшираются до 2000 Франковъ. Эпомъ *Мишель* былъ охотникомъ, и спрѣлалъ дикихъ козъ; онъ провелъ цѣлую жизнь въ бесполезномъ исканіи драгоценныхъ мешалмовъ въ Гагскихъ пещерахъ и умеръ въ 1779 году.

Въ Шельи намъ показывали домъ Г-жи *Варенсъ*, благотѣлельницы *Руссо*, которому надлежало бы забыть ея слабоспи, памятуя оказанныя ему благодѣанія. Садовникъ его *Анетъ* безъ сомнѣнія обязанъ своею знаменитоспью его *исповѣди*, довольно опсвратительной въ эптомъ мѣспѣ. Мы съ умиленіемъ прошли селеніе Кларансъ, хотя нельзя было найти здѣсь очаровательныхъ мѣспѣ, описанныхъ въ *Новой Элоизѣ*. Нѣкоторые чувствительные путешественники смолпятъ и теперь въ очки *Руссо*, опредѣляя даже мѣсто замка Сень-Прё. Изъ описанныхъ *Жанъ Жакомъ* предметовъ мы нашли шолько оснвенныя деревьями хижины, разсыпанныя по холмамъ, выше селенія лежащимъ. *Руссо* конечно спшкомъ украсилъ ихъ, но если бы прочія описанія его сполько же были сходны, шо по крайней мѣрѣ можно было бы воображеніемъ дополнить очаровательность спѣхъ мѣспѣ, гдѣ шщепно спанемъ исканъ спѣней *Юли* и *Клары*. Прибавимъ въ оправданіе Романиспа, что расчиспка лѣсовъ, съ нѣкотораго времени производимая въ семъ краѣ иноками Сень-Бернарской обшпели, очень много измѣнила видъ онаго.

Не доходя до Вёве, надобно пройти еще чрезъ Туръ-дѣ-Пель, городокъ, гдѣ видны развалины укрѣпленнаго замка. Вёве, послѣ Лозанны, есть значительнѣйшій городъ въ Водскомъ Кантонѣ. Онъ также весьма красивъ и занимаетъ прелестное мѣспоположеніе. Съ холмовъ его открываются самыя разнообразныя, самыя веселыя картины. Я не

стану описывать здѣшнихъ церквей. Городъ сей содержитъ хорошее училище и пользуется благосостояніемъ, благодаря шорговлѣ. Особенно здѣсь заготовляются большіе запасы Швейцарскаго сыра. Отъ Вильневы мы совершили путь, описывающій часть полукруга, и въ Вѣвѣ очутились почти насупротивъ Сень-Жингульпа; почему мы опять отправились водою. Дорога отъ Вѣвы до Лозанны не представляетъ ничего любопытнаго.

Въ Лозаннѣ мы сѣли на пароходъ *Вильгельмъ Тель*, который доставилъ насъ въ Тононъ. Изъ Довены, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, мы достигли подошвы горы *Салевъ*, которая не со всѣхъ сторонъ приступна, а только можно взойти на нее по пропикъ, ведущей вдоль голой и крупной скалы.

Впрочемъ мы взобрались постепенно сперва на малой, а потомъ на большой Салевъ, раздѣляемые долиною, въ коей лежатъ селеніе Монепаръ. Естественныя ископаемые, Геологу мы совѣщали бы предпринять сіе путешествіе, только не Пензажиспу. На Салевѣ онъ не встрѣтитъ ничего, кромѣ разсѣлинъ, пещеръ, спремнинъ, великолѣпныхъ ужасовъ природы, которые приводятъ въ содроганіе, пугаютъ воображеніе своею дикостью и могутъ быть опасны для людей, подверженныхъ головокруженію. Но и въ сихъ дебряхъ, на сихъ ужасныхъ пустынныхъ скалахъ, пристанищѣ врановъ, природа удивительна: *Байронъ* и *Мильтонъ* безъ сомнѣнія нашли бы пищу для высокихъ поэтическихъ думъ въ сихъ мѣстахъ, гдѣ время, такъ сказать, дремлетъ на развалинахъ.

РАЗЛИЧІЕ УМОВЪ.

Людей въ обыкновенномъ кругѣ общества можно раздѣлить, вразсужденіи ума, на три разряда: умныхъ, обыкновенныхъ и глупыхъ.

Къ разряду умныхъ принадлежатъ тѣ, которые о предметахъ, на которые обращено ихъ вниманіе, имѣютъ собственное свое сужденіе, основанное на наблюденіяхъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ, своихъ или чужихъ, но составленное по свободному соображенію, не на удачу и не по вліянію постороннихъ лю-

дей;—тѣ, которые въ царствѣ идей могутъ прокладывать сами дорогу, тамъ, гдѣ нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ; это иногда заводитъ ихъ въ пропасти, а иногда приближаетъ къ блестящей, высокой цѣли.—Разумѣется само собою, что умъ дается природою, и только образуется или изощряется ученіемъ и опытностью, которая есть не иное что, какъ ученіе изъ примѣровъ, видѣнныхъ собственными глазами, такъ какъ книжное ученіе есть собраніе опытовъ и соображеній, сдѣланныхъ другими и переданныхъ потомкамъ на бумагѣ. Образование для ума есть поже, что грань для алмаза; не увеличиваетъ его вѣсу, но даетъ ему полный блескъ.

Люди ограниченные составляютъ самую большую часть каждаго сословія; именно тѣ самые, которыхъ не называютъ, ни умными, ни глупыми; которые думаютъ и дѣйствуютъ глядя на другихъ, только съ нѣкоторымъ разборомъ и частію съ сужденіемъ; но всякую мысль, которая пришла бы къ нимъ въ голову прежде, нежели къ кому нибудь другому, отбрасываютъ, какъ нѣчто излишнее, странное, немогущее служить ни къ чему, можетъ быть, даже вредное (и по большей части прекрасно дѣлаютъ). Мода—ихъ боже-ство, мнѣніе свѣта—оракулъ, привычка—пиранъ, предубѣжденіе—законъ, спраспи—могучіе вельможи, разсудокъ—секретарь, исполнишель приказаній, вкусъ—безмолвный невольникъ.—Они не ходятъ иначе, какъ по дорогамъ пробитымъ другими, и охотнѣе по большимъ, а не по проселочнымъ, т. е. по тѣмъ, на коихъ видятъ больше народа; но спустишь туда, гдѣ не бывала еще нога человѣческая есть для нихъ, какъ бы святошество, и частно безопаснѣйшій и ближайшій слѣдъ, проложенный смѣльчакомъ, въ котораго кидали между тѣмъ грязью и камнями, пронадеетъ совершенно потому только, что не нашлось никого, кто бы вздумалъ пройти туда же въ другой разъ, тогда какъ тысячи тысячъ людей дѣлаютъ дальній обходъ по негодной, но старой дорогѣ.

Тупые люди,—чтобы продолжитъ сравненіе,—и по пробитымъ дорогамъ не умѣютъ хорошо ходить. Они, или глядя безпре-

спанно вдаль, и запинаются о камни, оступаются въ ямы, или спопрягають недалше, какъ только себѣ подѣ ноги, и задѣваютъ головою за сучья, сбиваются съ своего направленія и, вмѣсто того, чѣмъ иди въ долѣ по дорогѣ, идутъ поперегъ; они, или видяють цѣль, и не видяють дороги, или видяють дорогу, но не видяють, въ которую сторону ведеть она.

Изобрѣтеніе, приведеніе вещей въ новый лучшей порядокъ, принадлежать умнымъ людямъ. Ограниченные люди, когда пройдеють спрѣхъ повизны, могутъ перенимать скоро и совершенно, какъ будто бы они сами были изобрѣтатели. Тупые перенимають не иначе, какъ силою медленнаго, механическаго навыка. — Первые размыслиють и соображаютъ; вторые *думаютъ*; третьимъ *кажется*. — Опытный умъ можно уподобить бриліанту, преломляющему лучи: разогрѣтый, онъ издаеть собственный свой свѣтъ — и это Гений; ограниченный умъ подобенъ мрамору, которой можно заполировать, такъ какъ зеркало; тупой, дикому камню, которому можно и рѣзецъ могутъ дать правильную форму, но самый хитрый каменосѣчь не дастъ ему лоска и блеска.

Умъ, хотя и посредственный, но если соединенъ съ безпристрастіемъ (не съ равнодушіемъ ко всему), съ знаніемъ своихъ силъ и границъ, съ зрѣлою опытностью, — имѣеть всю цѣну ума хорошаго; но если выйдешь за свои предѣлы, тогда равняешия съ глупцами; и съ ними же въ рядъ спановишия даже опытный умъ, когда ослѣпясь самолюбіемъ, выѣшаешия, какъ знающій, туда, гдѣ долженъ еще пріобрѣсти свѣдѣнія. Приспращіе, если оно привѣншия къ уму, такъже много опнимаешия у него цѣны — какъ темное пятно въ бриліантѣ. Но человекъ самаго близорукаго ума, если ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ своихъ не выходишь по доброй волѣ изъ круга своихъ способностей, какъ бы тѣсенъ онъ ни былъ, не можетъ уже называшия глупцемъ. Его можно легко завлечь въ сѣти коварства, онъ можетъ служить, не зная самъ того, орудіемъ для чужихъ замысловъ; но въ такомъ случаѣ онъ будетъ обмануть другими: эшо

проспоша. Глупость состоишь въ томъ, чѣмъ обманывашия самаго себя, по вліянію собственныхъ своихъ прихотей. — Если же онъ, при своей скромности, готовъ по силамъ своимъ на услуги для всѣхъ, отъ чистаго сердца; если хранишь строгую честность, и совѣсть его безъ всякаго пятна — тогда онъ заслуживаешия уваженіе отъ всякаго, кто только можетъ цѣнить чувствено истинной чести и добра; въ очахъ чистаго безпристрастія онъ стоишь выше, нежели человекъ обширнѣйшаго ума, но поперявший честь и совѣсть, и нерасположенный къ добру. Когда же глупецъ, при всемъ недостаткѣ ума и разсудка, спавишь себя выше всѣхъ другихъ и унижаешия людей достойныхъ, припомъ готовъ на всякую низость, на всякій обманъ, на всякое преступленіе; тогда онъ въ полной мѣрѣ достоинъ презрѣнія, кѣмъ бы онъ въпрочемъ ни былъ.

Какихъ людей больше на свѣтѣ, умныхъ или глупыхъ, за исключеніемъ средняго класса? — Вопросъ, который трудно рѣшишь, во первыхъ: потому, что глупость можетъ обнаружитъ себя на каждомъ шагу, передъ всѣми; а для ума необходимъ случай, чѣмъ показать свою силу, и присушествіе людей, которые бы обратили на него вниманіе, припомъ и умѣли бы оцѣнить его не по успѣхамъ, въ которыхъ принимаешия участіе своенравная фортуна, но по обширности и вѣрности соображеній; чѣмъ могли съ достоверностью различить не только то, что произошло уже, но и то, что могло бы произойти при другомъ планѣ дѣйствій; во вторыхъ и потому, что какъ ни внимательно замѣчаешия мы недостатки въ людяхъ, но все еще всѣхъ не видимъ. Вѣрно то что гораздо чаще случаетъ, умнымъ людямъ дѣлать глупости, нежели глупцамъ случайно понасти на что нибудь умное.

Общество образованное и необразованное между прочимъ разнишия и шѣмъ, что въ одномъ имѣеть преимущество умъ, а въ другомъ шарлапанство; безъ шарлапанства и умъ часто оспраешия не только не замѣченъ, но даже осмѣишь. — Такъ называемые дурачки вездѣ бывають предметомъ забавы; людямъ

такъ пріѣхши находятъ другихъ, кошорые очевидно ихъ глупѣе, чпо они гошоры каж- дый часъ доказыаать эпо надъ кѣмъ можно, ненаказанно. Но одни только щекочуть па- кихъ карликовъ ума, другіе, грубые въ сво- ихъ удовольствіяхъ, колишь.

Чпо касаетса до форшуны, то уже всѣмъ извѣстно, чпо милосши сѧ не распредѣляюш- ся сообразно качествамъ людей, ни по серд- цу, ни по уму. Вся разниа въ помъ, чпо одни сами находятъ форшуну, другихъ она находятъ.

Пальшинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВО.

Какое чувство, ты, *Художество*,
Любицелю дарить!
Ты вселишь его убожество,
Ты съ жизнью мирить! . . .

* * *

Чуждаясь пышныхъ блесковъ знатности,
Для счастья души,
Безопасный я, и въ беспалашности,
Съ побой счастливъ въ пища! . . .

* * *

Въ груди такъ сладко разомълося,
Воскреснули *мечты*;
Чпо такъ въ душѣ вдругъ засвѣшилося?
Глазамъ явилось — *ты!* . . .

О. Глинка.

КИРПИЧЪ ВЪ 16 ФУНТОВЪ.

Пониже въ двухъ версахъ Икоры,
Есть дача — *Быстрый городокъ!*
Гдѣ веселятъ прохожихъ взоры,
Лужайки чистыя, лѣсокъ;
Гдѣ самородныя рябины
Цвѣтуть, краснѣютъ по буграмъ,
Слонъ разнообразной глины,
Какъ малахитъ по *рупасамъ*
Въ скалахъ узорчато — *пестрыюшъ*;
Вокругъ уступы зеленѣютъ,
Вдоль берега Невы рѣкы! —

Здѣсь крѣпостью отважной, львиной,
Князь Александръ — съ своей дружиной
Громилъ Нѣмецкіе полки!
Была здѣсь пришаъ мореходцамъ,
Свиданье первое друзей,
И грузъ, богашество съ кораблей,
Передавался къ Новгородцамъ;
Веселье пилъ корысти сынъ!
Здѣсь некогда за лѣсью дикой,
Лепалъ на лыжахъ — грубый Финтъ;
Здѣсь Царь премудрый, Петръ Великій,
Кичливыхъ Шведовъ поражалъ!
Лишь рушилась враговъ громада,
Для славнаго Петрова града
Заводъ онъ первый основалъ;
Отсюда снѣжны крѣпостныя
Выкамъ на диво возводилъ,
И храмы создавалъ святыя!
И мнѣ Господь благословилъ —
Какъ муравью, здѣсь пріюнитъся,
На мѣстѣ мудраго трудитъся,
Душою радоваться шутъ.
Здѣсь, посреди щербенныхъ грудъ,
Лежалъ подъ облачнымъ навѣсомъ,
Кирпичъ, въ шеснаацать фуншовъ вѣсомъ:
Его не рушила пора,
Я взялъ, — и вспоминалъ Петра.

О. Сяпушкинъ.

ШАРАДА.

Въ Нѣмецкомъ *первой* языкѣ
Въ мѣстоименіяхъ найдется;
Второе водится въ рѣкѣ
И здѣсь въ корзинкахъ продается.
Мое же *цѣлое* всегда
Умнѣе всѣхъ себя считаешь
И чпо онъ точно . . . никогда
О томъ и мыслить не желаешь.
Оно счастливѣе другихъ,
Форшуна вѣкъ его ласкаетъ,
И часто умниковъ большихъ
Въ его наряды облакаешь.

В. Шелиховъ.

Въ No 38 и 39 помѣщенная шарада значить: *Bri-lot.*

М О Д Е С.

Modes Parisiennes.

Chapeaux. — On avait préparé pour Long-champ beaucoup de pailles de riz ornées de branches de lilas, de sapinette, de muguet; on les charge de très-peu de rubans de gaze. On les double en crêpe. Les brides sont pour la plupart garnies de blonde.

C'est une fureur que les petits chapeaux anglais. D'abord on ne les apercevait que dans les équipages, maintenant on les voit partout et à toute heure. Leur tissu est presque toujours moire ou satin. Les plus élégans en satin blanc doublés de rose, et dessous le petit bonnet obligé. Ces petits bonnets, du reste, se portent aujourd'hui sous toute espèce de chapeaux. Il sont formés par une double rangée de tulle plissé à tuyaux; à chaque distance de deux ou trois tuyaux est une petite coque de ruban large comme le petit doigt, ce qui forme une espèce d'auréole tout autour de la figure.

Le blanc est très-généralement employé dans ce moment pour les chapeaux. Le lilas, le vert-d'eau, le jonquille sont les couleurs adoptées.

Un chapeau de satin rose, ayant trois coques de rubans découpés au haut de la forme, et servant de pied à une branche de muguet rose et blanc qui retombait sur la passe, était très-joli; il était garni de blonde.

Des capotes de gros de Naples, à mille raies ou petits carreaux; ont paru dans quelques magasins; mais leur succès est encore indécis.

Les formes demi-évasées, courtes des oreilles, inclinées sur un côté, paraissent devoir être adoptées pour les chapeaux d'été.

Nous avons vu une capote satin paille, sur laquelle était pour tout ornement pointe de blonde, qui venait nouer sous le menton.

Beaucoup de chapeaux ont la passe doublée en crêpe.

Pl. No 12. Caléoché.

Pl. No 13. Capotes parés des dames.

М О Д Ы.

Парижскія моды.

Шляпки. — Для гулянья въ Long-champ приготовлено было много басновыхъ шляпъ, опдѣланныхъ въпками сирени, ландыша и пр.;

газовыхъ лентъ на нихъ очень мало; подобнаюшъ крепомъ; лопоспи большею частію обшипы блондою.

Въ чрезвычайномъ употребленіи маленькія Англійскія шляпки. Сначала видѣли ихъ только въ экипажахъ, теперь вездѣ и во всякое время дня; онѣ всегда почи изъ море или ашласныя. Самыя щеголеватыя изъ бѣлаго апласа, подложенныя розовымъ, а подъ шляпкой непременно чепчикъ. Впрочемъ, чепчики сіи надѣваюшся теперь подъ всякія шляпки. — Они сдѣланы изъ тюля, въ два ряда сложеннаго складкою, чрезъ двѣ или три складки маленькая петля изъ ленты, шириною въ палець, что соснавляетъ родъ сіянія кругомъ лица; бѣлый цвѣтъ для шляпъ во всеобщемъ употребленіи. — Также употребляется сиреневый, Vert d'eau и жонкилевый.

Шляпка изъ розоваго апласа съ прямиапетлями изъ вырѣзанныхъ лентъ на верху шульи, какъ бы поддерживающихъ въточку ландыша, розоваго съ бѣлымъ, упадающаго на поле. — Такая шляпка обшипая блондою весьма красива. — Появились въ нѣкоторыхъ магазинахъ капоты изъ клѣпчатаго и полосатаго гроденапля; но неизвѣстно, войдутъ ли они въ моду.

Полувыврѣзанныя шульи, незакрывающія ушей, и наклоненныя на одну сторону, кажутся, будутъ лучшими для лѣпныхъ шляпокъ.

Мы видѣли апласный капотъ соломеннаго цвѣта, на которомъ вмѣстѣ всякаго украшенія приколона была блондовая косыночка, копорая завязывалась на подбородкѣ.

Поля многихъ шляпъ подложены крепомъ,

Кар. No 12. Модная Каласка.

Кар. No 13. Нарядные дамскіе капоты.

П о п р а в к а.

Въ предидущемъ No. въ Замѣчаніи на бранчивую статью Г. Полетова стр. 17, стр. 20, ошибкою напечатано: *Провиднннѣ*; вмѣсто: *привиднннѣ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАЯ 23 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Ласковосіе больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Несъ суровосіе въ цѣлый годъ; кто часто заспавитъ
Дрожащя сына предъ собой; хвалѣну въ немъ загладитъ
Смѣлосіе, и безвременно шоропѣтъ повадитъ.

Князь Кантемиръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ О РЮБЕЦАЛѢ, ДУХѢ
ИСПОЛИНСКИХЪ ГОРЪ.

I.

Молочайникъ.

У Рюбецала есть въ горахъ свой собствен-
ный огородъ, лежащій въ глубокой лоци-
нѣ, окруженной неприступными утесами.
Окрестности сего сокровеннаго мѣста изобилуютъ самыми сочными, рѣдкими правами, копорыя съ древнѣйшихъ временъ употреблялись для лѣкарственныхъ составовъ. Поселане деревни Крумгибеля и понынѣ промышляютъ почти однимъ только составленіемъ подобныхъ снадобьевъ изъ горныхъ травъ; они утверждаютъ, что искусство сіе отчаснѣ заимствовано ихъ предками отъ Пражскихъ студентовъ некогда знаменишой Парацельсовой школы, копорыя, будучи изгнаны изъ столицы Богеміи въ смутное время Гусситской войны, удалились въ Исполинскія горы. Но изъ всѣхъ сихъ травъ одна играетъ важнѣйшую роль въ народныхъ волшебныхъ сказкахъ. Это видъ Молочайника, и въ просторѣчнѣи называется *разрывъ трава* (Springwürczel) (*); она расщепъ поль-
(* Euphorbia lathyris Lin.

ко въ Рюбецалевомъ огородѣ. Сей удивительный корень есть самое вѣрное средство пропить упорнѣйшихъ, жесточайшихъ недуговъ. Но преданіе гласитъ, что Духи сами имъ пипаючися, и попому Рюбецаль позволяептъ выкапывать его только первымъ своимъ любимцамъ.

Однѣжды знапная дама въ Лигницѣ шпакко занемогла и общала жившему въ горахъ креспянину богатую награду, если онъ принесептъ ей эпотъ корень изъ Рюбецалева огорода. Прельсшаясь обѣщаніемъ, онъ отважился на сіе предпріятіе. Съ величайшимъ трудомъ добравшись до уединеннаго, пустыннаго огорода, онъ берептъ заступъ и начинаетъ выкапывать корень, довольно ему извѣстный. Въ то время, какъ онъ, наклоняе надъ заступомъ, усердно копаль, — внезапно ударилъ сильный порывъ вѣтра, и ему послышались невнятные слова, подобно близкому перекашу грома. Онъ съ ужасомъ обратился въ ту сторону, откуда раздавался спрашный голосъ, и едва держался на ногахъ отъ усиливавшихся порывовъ вѣтра. Тутъ, на крайней оконечности выдавагося впередъ утеса, онъ увидѣлъ челоуѣка исполинскаго роста: длинная борода его висѣла до пояса; огромный орлиный носъ искажалъ его

лице; исполинъ грозно сверкалъ на него спрашными глазами; длинныя щетинистыя волосы и широкій плащъ бурно развѣвались по вѣтру, а въ рукѣ его была шолспая, суковатая палица.

«Что ты шупъ дѣлаешь?» загремѣло привидѣнїе, и голосъ его почти заглушилъ завываніе бури.—Крестьянинъ былъ не прусливаго десятка; опдохнувъ ошъ перваго испуга, онъ отвѣчалъ: я ищу корня Молочайника; одна больная женщина обѣщала мнѣ дорого за него заплашнпъ.—

«Позволяю тебѣ взять вырышый шобою корень!» продолжало привидѣнїе: «но смотри, чшобъ это было въ послѣдній разъ!» При сихъ словахъ оно взмахнуло палицею и исчезло.

Крестьянинъ, задумавшисъ сошелъ съ горы и направилъ шаги въ Лигницъ; больная Госпожа крайне обрадовалась, получивъ изъ рукъ смѣльчака цѣлебный корень. Она спала видимо поправляшьяся, но какъ одного корня недостапочно было для совершеннаго ея выздоровленія, то опять послала за крестьяниномъ. «Не можешь ли ты еще разъ сходить за корнемъ?» спросила Госпожа.

— Не смѣю, сударыня, отвѣчалъ крестьянинъ: мнѣ и въ первый разъ едва не досталось ошъ Горнаго Духа; онъ былъ шакъ спрашнень и шакъ грозно смотрѣлъ на меня, что у меня и шеперь душа не на мѣстѣ.

Но больная разсѣяла спрахъ его, обѣщавъ ему еще бѣльшую награду. Крестьянинъ не устоялъ; онъ вшорично опважился вступитъ въ сокровенное святилище горъ. Онъ опять принялся за работу, и опять поднялась ужасная буря съ той же самой стороны, какъ въ первый разъ, опять лвился исполинъ и еще спрашнѣе: всклоченныя волосы его и широкій плащъ, бурно развѣваясь, грозили ему гибелью; глаза чудовища горѣли, какъ уголь; онъ повторилъ прежній вопросъ: «что ты дѣлаешь?» и громовыя звуки его голоса опзывались въ голыхъ ушесахъ и пушпынныхъ пронаспяхъ. Крестьянинъ отвѣчалъ: «ищу корня Молочайника; одна больная женщина обѣщала мнѣ заплашнпъ за него большія деньги!» Разгнѣванный Духъ взревѣлъ: «безумный! я предосперегалъ тебѣ, а ты опять осмѣлился придти сюда?

но ты уже выкопалъ корень, шакъ спасайся же, если можешь!»—И пламя изъ сверкающихъ глазъ его, казалось, уже коснулось несчастнаго; огромная палица свиснула по воздуху и подлѣ него углубилась въ гранишный ушесъ; земля задрожала; спрашнпй ударъ грома оглушилъ его, и онъ безъ памяти грянулся на землю. Чрезъ долгое время онъ очнулся. Весь, какъ будшо разбитый, онъ насилу могъ вспашъ; палица исчезла; въ дали громъ не умолкалъ и ему казалось, будшо онъ слышитъ грозныя слова исполина; но въ рукѣ его замеръ вырышый корень. Всю ночь и слѣдующій день бродилъ онъ шуда и сюда, преслѣдуемый обманчивыми призраками; наконецъ, промокшаго до костей ошъ дожда и влажныхъ тумановъ, и почти полумершваго, нашелъ его угольщикъ и опнесъ въ свою хижину. Тупъ опдохнувъ немного, онъ посѣщилъ въ Лигницъ.

Больная была внѣ себя ошъ восхищенія, получивъ вшорично цѣлебный корень; она наградила крестьянина столь богато, что онъ забылъ всѣ прешпнныя имъ бѣдствія и весело опправился домой. Прошло нѣсколько времени; больная Госпожа чувствовала себя еще гораздо лучше, но все не могла совершенно освободиться ошъ недуга.—«Еслибъ посчастливилось въ прешпй разъ достать чудесный корень, то я бы совсмѣ выздоровѣла; это я чувствую;» говорила она сама себѣ, и послала за крестьяниномъ, который сначала не хотѣлъ идти, но наконецъ пошелъ, какъ бы насильно увлеченный злымъ Духомъ.

—Что прикажете, сударыня? — сказалъ крестьянинъ: неужъ-шо въ прешпй разъ сходить за корнемъ? сохрани Господи! я насилу спасъ живопъ свой, и шеперь еще дрожу, когда ошъ эшомъ вспомню.—

Тупъ больная спала просить, умоляшъ и заклинашъ его всеми Свяшыми, чшобы онъ согласился; она обѣщала ему прекрасную мызу и огромныя богатства, и до шого ослѣпила опважнаго, чшпо онъ забылъ всѣ предшопщія ему опасности и въ прешпй разъ опважился похититъ чародѣйный корень изъ волшебнаго огорода.

—До сихъ поръ,—подумалъ самъ въ себѣ крестьянинъ: Духъ только грозилъ мнѣ; попынѣмся еще разъ, да и полно. Тогда я сдѣлаюсь богачемъ и спѣшу жить въ раздолѣ.

Въ такихъ мысляхъ онъ возвратился домой; но одинъ не рѣшился идти въ горы.

«Гоплибъ!» сказалъ онъ своему старшему сыну, отважному юношѣ: «я хочу помолиться въ горной часовнѣ; пойдемъ со мною.»

Они отправились въ путь; долины часъ опъ часу спанивились уже, горы обнаженнѣе; когда проходили они мимо мрачныхъ озеръ, вѣчно осѣняемыхъ дикими утесами: по опецъ спалъ задумываться, онъ времени до времени вздрагивалъ, и глаза его сверкали такимъ страннымъ, дикимъ огнемъ, что и сына обьялъ тайный трепетъ.

—Что съ тобою, бабюшка?—спросилъ сынъ; но опецъ, успавивъ глаза въ землю, не отвѣчалъ ни слова.—Такимъ образомъ они поднимались все выше и выше, и когда подошли къ извѣстному огороду, по опецъ сказалъ: «злой Духъ осѣнилъ меня съ самаго младенчества такъ, что я на яву и во снѣ грѣшилъ передъ Господомъ Богомъ и служилъ моимъ дѣтямъ дурнымъ примѣромъ. Теперь уже поздно; мнѣ не избѣгнуть ада; я непремѣнно долженъ похитить у Горнаго Духа корень Молочайника, хопябы онъ растерзалъ меня.»

Сынъ, всхлиывая, вопилъ: бабюшка, оставь это, воропимся домой. Богъ надъ нами умилосердился!—Но въ слѣпомъ опчаянн опецъ схватилъ уже заступъ и началъ копать.—Тупъ завылъ ужасный ураганъ; пучи океаномъ обрушились на землю; ручейки зашумѣли, какъ бурное море; корни огородныхъ растений, казалось, изъ глубокаго вѣдра земли издавали жалобные, сердце раздрающіе вопли; всѣ стихіи смѣшались въ дикій хаосъ; разверзлись зіяющія пропасти; изъ нихъ, какъ гора, возсталъ ужаснаго вида исполинъ съ огромною палицею, схватилъ крестьянина и увлекъ его въ горы. Высокая скала обрушилась съ оглушительнымъ трескомъ, и вдали слабѣе и слабѣе отзвывался жалостный крикъ несчастнаго. Сынъ долго лежалъ безъ памяти; буря

между шѣмъ зашхла, небо прояснилось; онъ вспалъ и, дрожа опъ сѣрахъ, пошелъ въ часовню помолиться Богу. Въ шопъ же самый часъ скоропоспѣжно скончалась знапная Госпожа въ Лигницѣ, когда она почти совѣмъ уже выздоравливала.

2.

К о с т ы л ь.

Спранникъ, зайдя въ самое уединенное мѣсто Исполнскихъ горъ, съ большимъ трудомъ перебирался черезъ дикія груды камней. Онъ нерѣдко съ опасностію жизни перескакивалъ съ одного утеса на другой, ползкомъ спускался съ крутизны и переходилъ нагорныя спремнины.—«Какъ я счастливъ,» сказалъ онъ самъ себѣ, «что со мною случился мой старый костыль, который уже столько лѣтъ мнѣ вѣрно служилъ.»—При сихъ словахъ онъ оперся на него, чтобы перепрыгнуть черезъ горный попокъ. Костыль попалъ межъ двухъ большихъ камней, и когда спранникъ, положась на него, хотѣлъ перескочить: покосыль переломился, и онъ упалъ въ воду. Споная, онъ коѣ-какъ вспалъ, но ушибъ опъ паденія, казалось, былъ не столько для него чувствительнѣе, какъ поперя костыля.—

«Какъ мнѣ теперь сойти съ этой крутизны,» говорилъ онъ жалобнымъ голосомъ: «когда лишился я своего вѣрнаго друга—костыля?»

—О чемъ ты плачешь?—внезапно раздался позади его глухой, суровый голосъ.—Спранникъ оборотился и увидѣлъ великана, одѣлага въ плащъ, съ угрюмымъ лицомъ. Онъ ужаснулся, но вскорѣ оправился, и разсказалъ о своей важной и, какъ ему казалось, невозвратной потерѣ.

—Чтоже путь вопишь?—отвѣчалъ шопъ; какъ будто въ горахъ нѣтъ деревьевъ, изъ которыхъ ты можешь вырѣзать себѣ ковшую прость. Вопъ щѣбъ моя! примолвилъ онъ, и пошелъ далѣе.

Спранникъ находился на краю небольшой поляны; онъ видѣлъ, какъ великанъ зашагалъ опъ него черезъ дикій кустарникъ и, казалось, росъ по мѣрѣ того, какъ удалялся; иногда онъ сливался съ ушреннымъ шуманомъ,

попомъ опять явственно показывался вдали и наконецъ совсѣмъ исчезъ. — Нашъ одинокій спранникъ, упѣшенный подаркомъ, бодро пустился своею дорогою. Но лишь только успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ новый коспыль спалъ ему въ пятосъ. Гдѣ онъ ни обопрется, коспыль скользитъ и падаетъ изъ рукъ его, шакъ, что спранникъ съ большимъ трудомъ опять вышаскивалъ его изъ подъ камней. Припомъ онъ спановился поминутно шажелѣ. Утомленный спранникъ, казалось, забылъ, что коспыль долженъ служить ему подпорою. Неупомимо перепрыгивалъ онъ съ одной груды камней на другую, скользилъ съ крупныхъ вершинъ, неся въ рукъ коспыль, котораго вѣсъ какъ и прежде умножался; онъ принужденъ былъ нести его попеременно, по въ правой, по въ лѣвой рукъ, наконецъ взялъ его въ обѣ руки, и задыхаясь, брелъ горною пропункою. Но и это спало ему не въ мочь. Онъ переваливалъ коспыль съ одного плеча на другое, наконецъ взвалилъ его на спину, держа обѣими руками. Такъ пробирался онъ по краямъ опаснѣйшихъ пропастей, едва передвигая ноги. Наконецъ, ноша сія упомила его до упада, онъ принялся шацинъ за собою коспыль; но сей, казалось, приросалъ къ землѣ. Спранникъ принужденъ былъ непрерывно опрывать его съ судорожнымъ усиліемъ. Чпобы облегчить себѣ эту шрудную работу, онъ сѣлъ верхомъ на коспыль. Тутъ коспыль вдругъ опскочилъ опъ земли и большими прыжками поскакалъ съ нимъ въ горы, быстро мчаясь, по по краямъ страшныхъ пропастей, по по ущеліямъ, по подъ гору, по на гору, по лѣсомъ, по мимо прудовъ; пощъ градомъ капился по лицу несчастнаго всадника. Объяшый ужасомъ, онъ крѣпко уцѣпился за деревяннаго коня. Наконецъ, онъ очутился въ темномъ бору; коспыль оспановился и легъ, и когда спранникъ очнулся, какъ бы опъ глубокой дремоты: по съ сердцемъ далеко опбросилъ опъ себя прокляшый подарокъ великана. Лишь только онъ избавился опъ опаснаго орудія, какъ увидѣлъ другое, подлѣ него спощее, и узналъ въ немъ свой спарый коспыль. Онъ съ радосшію схватилъ его,

побрелъ, и съ помощію своего спаривнаго друга вскорѣ забылъ усшалоспъ. Лѣсъ началъ рѣдѣть; передъ нимъ опкрылась живописная поляна, а вдали чернѣлась деревня. Тутъ онъ совершенно опомнился; но никакъ не могъ понять какимъ образомъ очутился въ лѣсу спарый его коспыль, который переломился и былъ имъ брошенъ совсѣмъ въ другой споровъ горъ. Спранникъ, швердо увѣренный, что угрюмый великанъ былъ Рюбецаль, и вспомнивъ многія подобныя проказы Горнаго Духа, про которыя слышалъ еще въ дѣтспвѣ, вимало не сомнѣвался въ томъ, что коспыль его превратился въ золото. Опдохнувъ въ убогой хижинѣ, онъ, въ сопровожденіи кресстьянина, опправился опыскивать по мѣсто, гдѣ бросилъ переломанный коспыль. Мѣсто нашелъ онъ, но не нашелъ коспыля.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

АЛЪБОМЪ ЖЕНЩИНЫ.

Творецъ, вложивъ въ сердце наше пошребноспъ любиспъ, кажется, пригоповилъ его къ перенесенію гореспей, неразлучныхъ съ любовію.

Присущствіе милой исцѣляетъ всѣ спранданія, подобно пощѣлюю сестры.

Подивилесь, какимъ образомъ самая робкая, самая скромная и подъ самымъ спрогимъ надзоромъ дѣвушка, умѣетъ найши случай, если захочетъ принять шайно письмо, написанное на ея имя.

Какъ шажко любиспъ и думаетъ, что онъ спсчастливъ съ другою, что онъ даритъ спсшсіе другой своими пощѣлюями, и съ этой мыслию жить въ уединеніи!

Я не надѣюсь бытъ любимой, но если другая не овладеетъ его сердцемъ, безъ ропота буду ожидать смерти и молишся за него.

Ушѣшительно думаетъ, что прахъ нашъ смѣшася съ милымъ прахомъ, окруженнымъ бранными остатками предковъ, друзей и поварицей дѣтспства.

И слезы спсшстья и слезы гореспи, все шѣже слезы. И такъ, мало разности между любовію и печалью, когда и ша и другая обнаруживаются одинакимъ образомъ.

Посмотрите, какъ Вѣра Христіанская усугубляетъ величіе смерти.—Дѣвушка, обманутая свѣтомъ, погребается съ шѣми же обрядами, съ шѣми почестями, какія воздаются Церковію смертнымъ остаткамъ Христіанскихъ дѣвъ.—Сегодня, можешь быть, она невѣста Христова, а вчера была пресупнищею.

Душа имѣетъ также свое чувство стыда, и мы открываемъ сердечныя мысли свои только въ уединеніи, или въ упоеніи спрасси и дружбы.

Ничто такъ не расположено къ грусти, какъ сердце молодой дѣвушки, которая начинаешь любить.

Вообразите себѣ, что должно чувствовать пылкое, спрассиное и нѣжное сердце молодого человѣка, при первой встрѣчѣ на единѣ съ любимою имъ 16-ти лѣтнею дѣвушкою?

Сердце наше естъ пайна, какъ и все, что вышло изъ рукъ Создателя.

По всегдашнему противорѣчію въ поступкахъ всѣхъ влюбленныхъ, она хочетъ забыть его; но прежде, нежели съ нимъ разспанешся, еще разъ увидѣшь его... бѣдная дѣвушка!

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(Изъ стихотвореній Дельфины Гей.)

О день погибельный! Увы! явленій сихъ

Весь ужасъ выразить чья кисть? въ взорахъ чьихъ

Достанетъ слѣзъ сіе несчастіе оплакать?

Энеида. Книга II.

О спрахъ! о люпытъ дещъ погибели и спона!
Волканъ прервалъ свой сонъ среди земнаго лона.
Свѣтила мрачными парами облеклись;
Изсякли родники; утесы поспрассились.
Основы городовъ шашнулись; волны въ спорѣ;
И, вздрогнувъ, острова назадъ бѣгутъ на морѣ;
Труды столѣтніе поправъ, громады горъ
Выходятъ изъ земли и устрашаютъ взоръ.
Со трескомъ падаетъ Везувіа вершина;
Раскашанами громовъ откликнулась пучина;
Вокругъ горы вѣнецъ изъ молній огневой;

Въ пространствахъ воздуха подземной бури вой;
Густою пучею и пеплъ и дымъ несущся,
И пламени снопы въ эфиръ изъ бездны выюхся!

Но, воспоржествовавъ надъ сей внезапной мглой,
Свѣсило новое восходитъ надъ землей.
Огонь его въ волнахъ и небъ опразился.
Симъ дивнымъ солнцемъ мѣръ на долго-ль озарился?
Волкана берега краснѣютъ; начала
Ужъ лава пѣнишься поверхъ его жерла,
Крушишь въ ярости спрѣмительнымъ попокомъ,
И огненнымъ грозитъ подсолнечной попопомъ;
То ползаетъ вокругъ скалъ, какъ змій; въ волнахъ
своихъ

Уноситъ дерева, едва коснется ихъ;
То поспѣшаетъ вдругъ, съ выпраи въ бѣгъ споря,
Кровавымъ ринушься каскадомъ въ нѣдра моря.
Не выдержавъ ея напора, Поншь съдой
Оспрянулъ далеко, издавъ протяжный вой;
Она грядетъ къ нему, въ огромный валъ склубив-
шись,

Чтобъ волны побѣдитъ, сама въ нихъ обрапившись.

Испоргся бурный вѣспръ на гласъ подземныхъ
силъ,

И пепель ко врагамъ Помпеи успремитъ,
И камни, кажешся, извергнушые адомъ,
На городъ падаютъ спремглавъ палаящимъ градомъ.
Всѣ спрассиныхъ мѣспъ бѣгутъ съ опчаяньемъ нѣ-
мымъ,

Спасая, что боязнь укажетъ прежде имъ.
Здѣсь, мать для сына дочь на жертву оспавляетъ;
Иной, не смѣвъ избрать, съ семействомъ умираетъ;
Скупой кончается на золото склонясь,
Клянетъ, сокровища его открывшій, часъ;
Здѣсь, шѣломъ немощный, но исполнитъ душою,
Преемникъ Фидія хотѣлъ увлечь съ собою
Произведеніе, окончанное имъ;
Но палъ подавленный подъ бремепемъ своимъ.
А шамъ оппущенникъ того Витіа Рима,
Которымъ обличенъ и сверженъ Капилина,
Прозрѣвъ грядущій блескъ Писателя сего,
Стараетъ спасти шворенія его:
Со свитками бѣжитъ изъ порпика, въ кошоромъ
Сей дивный мужъ сердца воспламенялъ воспоргомъ,
И думаетъ ему признапельность воздашь,
Попомству сохраня ума его печать.

Средь кликовъ, посреди спенанья кони ржали,
На коихъ возложитъ профей поспѣшали.
Акшеры въ улицахъ полпились, у иныхъ
Еще подъ масками пайлся ужасъ ихъ.
Спасала жепщина ничтожные уборы;
Спарикъ Пенашовъ нѣсь, его дрожали взоры
Богатый юноша, черпомъ оспавя свой,

Въ одеждѣ скорби шель медлительной спопой,
И урну прижимаю у сердца: прахъ любезный,
Прахъ матери своей онъ скрываетъ въ приюти сей
пѣсньный.

Межъ тѣмъ, какъ сирота не видѣлъ никого,
О комъ бы вспомнилъ ему душа его,
И помогать спасать семейство незнакомки.
Сколь многихъ погребли домовъ и горъ обломки,
Засыпалъ изъ жерла клубившейся песокъ!
Одни перзалися и проклинали рокъ,
Смотря, какъ скалы ихъ жилища разрушали;
Другіе, коихъ вихрь и пламень настигали,
Избѣгнувъ силлясь грозы; по пали вмигъ,
И се, могильный холмъ накрылъ ужъ трупы ихъ.

Но жрица Фебова, Теора, покрывало
И лиру; въ общемъ семь волценіи, спасала.
Обѣтамъ вѣрная, сомнѣнія полна,
Оставивъ жертвенникъ спрашила она;
Вдругъ кликъ сестеръ ея подъ своды проникаетъ:
Они зовутъ ее . . . призывъ сей побуждаетъ
Недоумѣніе, благочестивый страхъ.
Она бѣжитъ, уже за ней далеко прагъ.
Внезапно возвращаясь стремительно съ дороги,
Она помчалась опять въ мѣста превоги,
Назадъ вбѣжала въ храмъ. Но чей раздался гласъ?
Чей перстъ святынище отверзъ въ шоль грозный
часъ?

Кто сей невѣдомый, представшій въ храмъ Солица?
Вдругъ молніи лучи, блеснувъ на незнакомца
Явили Павла; ахъ! лишь за день до того,
Теора лаврами украсила его,
И лиры сладкую гармонию настроя,
Всѣхъ прежде юнаго прославила Героя.

«Бѣги, она ему гласитъ, оставь сей кровь;
•Присутствіемъ своимъ не раздражай боговъ.
•Всѣ пропивъ насъ они; во знаменье ихъ гнѣва,
•Блится молнія, исходитъ огонь Эрева.»

«— Тебя покинуть мнѣ въ опасности такой!
•Нѣтъ, Боги намъ покровъ; спиши вослѣдъ за мной;
•Моей останься жить; не отвергай блаженства;
•Всеобщій бичъ съ тебя слагаетъ кляквы дѣвства.»

«— О дерзкій! на кого въ безумьи возстаешь!
•Нѣтъ, забудь меня, и ты меня спасешь.
•Жестокій Аполлонъ любовь намъ открываетъ,
•Но избраннымъ своимъ къ ней доступъ воспрещаетъ.
•Для вдохновенной имъ пѣнь пайнъ; по славы сей
•Цѣна изгнаніе и нишь печальныхъ дней.
•Несчастіемъ, кто постигъ науку прорицанья:
•Гадашеля душа лишлась упованья;
•Любовью, знаніемъ терзается она;
•Ей вдохновеніе не даръ, а казнь одна.

«Бѣги, пока еще не грянулъ громъ надъ нами,
•Нѣтъ бога Гения ревнивей межъ богами!»

«— Я повинуюся! храни его законъ;
•Пускай единого меня погубитъ онъ.
•Пусть къ алтарямъ его Теора возвратится.
•Но сестры ждутьъ тебя и мать пвоя поминья.
•Спиши!»... — «Когда-бъ не ты къ нимъ преградилъ
мнѣ слѣдъ,
•Я съ ними-бъ свидѣлась.» Теоры былъ опѣвтъ.

«— Невинно я перплю упреки, оскорбленье?»
«— Увы! мои слова небесное внушенье!»
«— Но, Фебу вѣрная, страшнись ты почто?
•Бѣги!»... — «Нѣтъ, я должна останься здѣсь, ничто
•Не защититъ меня. . . . Уже я въ бездну пала;
•Богъ въ сердцѣ у меня прочелъ... люблю я Павла!»

«— Что слышу! . . . любишь ты меня! . . . Какъ
счастливъ я!

«Сей страшный день душа привѣтствуетъ моя!
•Меня ты любишь! . . . мнѣ-ль забвенія спрашиться?
•Пусть мужество мое навѣки посрамится,
•Пускай съ Германцами изыдетъ въ брала другой,
•Мнѣ слаще умереть въ безвѣстности съ тобой;
•И, славной памяти не дорожа гордыней,
•Живъ для себя, тебѣ я жертвую кончиной!»

При сихъ словахъ, презрѣвъ торжественный
законъ,

Ступени алтаря прейти дерзаетъ онъ;
Боготропивою любовью упоенный,
И пайной силою какой-то увлеченный,
Влюбленный юноша все въ мѣръ позабылъ,
Предъ жрицею молодой колѣна преклонилъ,
И молнитъ, чпобъ его оставила въ семь мѣстъ,
Для счастья хопя погибнуть съ нею вмѣстъ!

Но побуждаетъ страхъ, любви безсилень гласъ.
Отъ Павла отклонитъ небесный громъ стремясь,
«Спасайся, удались, ему вѣщаетъ дѣва,
•Мнѣ умереть одной повелѣно отъ неба:
•Ошкроютъ пѣкогда сн мѣста, и стыдъ,
•И подозрѣнье насъ тогда обременитъ.
•Бѣги, я счастья того не заслужила,
•Чпобъ погребла меня съ тобой одна могила!»

И Павелъ горестью Теоры побужденъ,
Съ разтерзанной душой отъ ней уходитъ онъ.
Предвѣстие страшное! Вдругъ идолъ Аполлона
Упалъ, поверженный ударомъ сильнымъ грома.
Едва раздался шумъ падеія кругомъ,
Какъ огненнымъ кумиръ былъ поглощенъ пескомъ.
Уже спускался дымъ густыми облаками,
Храмъ Солица душными наполнился парами.
Во мракъ Павелъ взоръ къ Теорѣ обратилъ

И взгляда у нея послѣдняго молилъ;
Она вопише узрѣвъ любезнаго хопѣла.
Источникъ слезный въ ихъ очахъ засохъ опъ цепа,
Сперлось дыханіе; огонь имъ грудь сжигалъ;
Уста ихъ каждый звукъ, казалось, распоргалъ.
Но спраспной ихъ любви не подавляешъ мука;
Они еще зовушъ, хотѣя не зряшъ друге друга,
И Павель силнпся найши къ Теорѣ слѣдъ,
Хотѣя въ его очахъ ужъ началъ гаснушъ свѣтъ.

«Спѣши, опъ говорилъ, сойши ко мнѣ, Теора;
«Я здѣсь; уже помоспѣ подѣ пепломъ скрышъ; не скоро

«Ступени алтара покрыты будутъ имъ.
«Какъ долго мучишся шебъ промленьемъ симъ!
«Прости...горящій прахъ спѣшилъ мое дыханье,
«И ты послѣдняя опыдешъ! . . . о перзанье!»

«—Спокойся. . . . Смершый хладъ меня уже
обьялъ,

Промолвила она.—Но опъ не опвѣчалъ.

Теора спраспное молчанье разгадала.
Ахъ! смерть ее пакъ долго забывала.
Еще не разъ ея раздался спонтъ глухой.
Не скоро вскрылся гробъ подѣ жрицею молодой;
Ужъ пеплъ въ ея очахъ, въ груди кончишы муки,
А все еще она съ мольбой возносишъ руки.
Но наконецъ пробилъ опредѣленный часъ:
Земля сравнилася...поменья замеръ гласъ.

Когда чрезъ нѣсколько вѣковъ, какъ бы для
чуда,

Помпея древняя воскресла изъ подспуда,
Въ числъ богатствъ ея, открышъ изящный храмъ;
Идушъ во внушрениость его, и что же? шамъ
На прагъ мечъ лежалъ, и золотая лира
Повѣшена была на алтарь кумира.

пер. И. Покровскій.

С H A R A D E.

Sur la nature, ami, mon premier se modèle;
Un grand événement mon second te rappelle;
Figure à mon entier est quelquefois mortelle.

Въ Но 40 помѣщенная шарада значипъ: *Ду-ракъ*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ябѣда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и *Бонарь въ лушъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго, представленные на Маломъ театрѣ 10 Мая.

В. В. *Капнистъ* изобразилъ смѣло и вѣрно картину мерзостей, производившихся нѣ-

когда въ нижнихъ инстанціяхъ нашего Гражданскаго Суда. Эпа картина естѣ комедія *Ябѣда*. Глупоспѣ и подлоспѣ членовъ какой-то Гражданской Палаты (прошлаго спомѣтїя) предспавлены въ сей комедіи опщеписно, удовлетворипельно. Блаженъ попъ, кто не испыталъ надѣ собою дѣйствія *Ябѣды*! Завидуемъ тому, кто видѣлъ комедію: *Ябѣда* въ блистательную ея эпоху, когда участвовало въ ней Г-жа *Рахманова* и Г. *Рыкаловъ* (*). Нынѣ эшу комедію разыгрываютъ вшорокласные, прешьекласные и ш. д. наши Актеры и Акшрисы. Роль Г-жи *Рахмановой* (жены Предсѣдателя Гражданской Палаты) занимаетъ Г-жа *Ежова старшая*. Еслибы Акшриса сія не желала обращать на себя вниманія Публики однимъ излишнимъ крикомъ: то игра ея въ помянутой комедіи была бы удовлетворипельна и для взыскапельной критики. Г-жа *Ежова* хорошо изобразила въ лицѣ *Оеклы* (имя жены Предсѣдателя Палаты) самоуправство, и даръ, спавя все по своему, мѣшались и не безъ успѣха, въ дѣла *казенныя*. Жадноспѣ къ деньгамъ изображена была Г-жею *Ежовой* превосходно въ сценѣ, когда *Оекла* бросается собирать ассигнаціи, разсыпанныя ея мужемъ нечаянно по полу. Напрасно упрекнулъ нѣкогда эшо движеніе Г-жи *Ежовой* одинъ изъ почившихъ Московскихъ Журналовъ.

Роль *Кривосудова*, Предсѣдателя Гражданской Палаты, игралъ нынѣ въ первый разъ, для вшораго своего дебюта, Г. *Рославской*. Въ Но 37 Лип. Прибавленій къ Рус. Инв. мы предварипельно сказали, что роль сія естѣ одна изъ спруднѣйшихъ ролей для Г. *Рославского*, сказали и не ошиблись. Онъ выполнилъ ее, какъ говорится, съ *грѣхомъ пополамъ*. Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ комедіи *Ябѣда*, Г. *Рославской* былъ недурень; въ прешьемъ же актѣ, въ веселой бесѣдѣ Предсѣдателя съ его гостями, дебютирушъ не успунилъ покойному *Боброву*, игравшему сію роль по-

(*) Авторъ сей спавни, по лѣтамъ своимъ, могъ бы наслаждаться палатномъ и Г-жи *Рахмановой* и Г. *Рыкалова*; но обязанноспѣ службы удаляли его въ шо время изъ С. Петербурга, восхищавшагося игрою сихъ артистовъ.

слѣ Г. Рыкалова. Но въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ, особенно въ шой сценѣ, когда *Кривосудовъ* получаетъ указъ о преданіи его Уголовному суду, Г. *Рославской* показалъ неопытность свою въ сценическомъ искусствѣ. Ни пѣни ужаса не видно было на лицѣ его, хотя онъ и спарался его морщить и кривить. Трудно, даже неспросивъ, съ перваго шагу на сцену, пускайся на пѣ роли, копорья приносили честь и самымъ опытнымъ, самымъ заслуженнымъ артистамъ, украшавшимъ Петербургскую сцену.

Не говоря о достоинствѣ перевода водевиля: *Бонаръ въ лушь*, пошому что мы уже сообщили своимъ читателямъ наше о немъ мнѣніе, скажемъ только, что Г. *Рязанцовъ* (*Бонаръ*) повялъ совершенно характеръ легковѣрнаго глупца, имъ представленнаго.

12 Мая.

М О Д Е С.

Robes. — Il n'y a point de doute que les manches ne resteront tout l'été très-larges d'en haut et presque collantes d'en bas. On ne les maintiendra larges du bas que pour des tissus très-clairs et légers.

Les corsages drapés sur un corsage-guimpe sont en grand nombre.

Toujours une extrême simplicité au bas jupons: un ourlet simple, ou de petits liserés, ou quelques petites garnitures festonnées en crête de coq et formant ruches, garnissent la plupart des robes en soie.

On portera dans le commencement de la saison beaucoup de robes en gros de Naples peintes.

Nous avons vu une redingote de chaly blanc, entourée tout autour de branches de lilas brodées en soie de diverses nuances de lilas; elle devait être portée sur un jupon de gros de Naples blanc.

Quelques redingotes d'homme ont au bas de la taille, par derrière, deux larges plis, entre lesquels sont cachées les poches; d'autres, au contraire, ont des poches, fermées par une patte à trois boutons.

La couleur la plus dominante et la plus distinguée pour habits est le vert. La forme des habits sans pat-

tes sur les hanches, à collet et revers flottants, est généralement adoptée; les basques ne sont pas très-larges du haut.

М О Д Ы.

Платья.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рукава оспанутся во все лѣпо вверху весьма широкими, а книзу въ обтяжку. — Широкие же внизу будутъ дѣлать только изъ самыхъ легкихъ матерій. — Въ большомъ употребленіи высокіе лифы drapés.

Низъ плащевъ всегда чрезвычайно просто отдѣляется: большая часть шелковыхъ плащевъ, или подшиты просто рубцемъ, или обложены понкимъ liserés, или рюшемъ, сдѣланнымъ изъ узенькой оборочки, выметанной зубцами, наподобіе пѣпучьихъ гребешковъ.

Вначалѣ весны будутъ носить много плащевъ изъ печатнаго гроденапля.

Мы видѣли рединготъ изъ бѣлой палевой матеріи, вышитой кругомъ вѣтками сирени, разноцвѣтными пѣнями сиреневаго шелка. — Его надѣвають на юбку изъ бѣлаго гроденапля.

На нѣкоторыхъ мужскихъ серпукахъ внизу лифа сзади, двѣ широкія складки, между копорыми скрыты карманы; на иныхъ же напрошивъ карманы прикрыты клапанами съ преме пуговицами. Господствующій и самый отличнѣйшій цвѣтъ для фраковъ — зеленый. Фраки шьются безъ клапановъ по споронамъ; воротникъ и отвороты опложные; фалды должны быть широки вверху.

С М Ъ С Ъ.

Самое худшее состояніе чловѣка, когда онъ не умѣетъ власпвовашь самъ собою.

Дни очень корочки: слѣдовало бы ихъ удвоить для людей ученыхъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 42.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 27 дня, 1831 года.

Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаешь.
Хеленицеръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ О РЮБЕЦАЛЪ, ДУХЪ
ИСПОЛИНСКИХЪ ГОРЪ.

(Продолженіе.)

3.

Безумный.

Въ Вармбруннѣ жилъ ремесленникъ въ уединенномъ домицѣ. Онъ былъ крайне бѣденъ, почти ни съ кѣмъ не имѣлъ знакомства, и занимался, какъ носилась молва, чернокнижіемъ и Алхиміею, въ надеждѣ открыть философскій камень и посредствомъ его получить несмѣшныя богатства. Нерѣдко съ утра самаго бродилъ онъ въ дикихъ горахъ, углубляясь въ непроходимыя лѣса и непрежде, какъ въ сумерки возвращался домой. Одному только корошкому пріятелю своему открылся онъ въ томъ, что дикія горы влекутъ его къ себѣ, какою-то непреодолимою силою, что въ чащѣ лѣса и въ пустынныхъ ущелияхъ сердце его всегда оживляется радостнымъ предчувствіемъ близкаго счастья, и что тамъ надѣется онъ обрѣсти великія сокровища.—

Однажды, въ самомъ мрачномъ расположеніи, бродя въ высочайшихъ горахъ подъ сѣнью вѣковыхъ сосенъ, онъ увидѣлъ вдали яркій свѣтъ, пошелъ прямо на него и открылъ

ярко озаренную пещеру, съ высокими рѣшетчатыми ворошами. Въ ней увидѣлъ онъ огромный открытый ящикъ, наполненный горами золота, серебра и драгоценныхъ камней, конхъ ослѣпительный блескъ, казалось, манилъ его къ себѣ волшебною силою. Вдругъ подлѣ него очутился человекъ исполинскаго роста.—«Всѣ сіи сокровища будутъ твои» сказалъ онъ: «только замѣшь хорошенько это мѣсто; черезъ три дня ты найдешь рѣшетчатые вороша опворенными.» Сквозь рѣдкія деревья легко можно было осмотрѣть всю широкую долину. Слѣва изъ за горъ показывалась Гермсдорфская башня, вправѣ надъ развалинами возвышалась церковь Вармбрунска, а прямо вдали чернѣлъ Гирмбергъ. Великанъ съ большою точностью опредѣлилъ взаимное положеніе башенъ и другихъ отдаленнѣйшихъ предметовъ.—«Замѣшь все это хорошенько!» продолжалъ шайнственный незнакомецъ: «если найдешь опять поже самое расположеніе предметовъ, это будетъ знакомъ, что ты находишься на томъ же самомъ мѣстѣ; тогда оглянись назадъ, ты увидишь открытую и освѣщенную пещеру и будешь счастливъ.» Пораженный, восхищенный ремесленникъ напрягъ всѣ свои умственные способности, чтобы впечатлѣть въ памяти роковое мѣсто, пристально всматривался во всѣ спороны, уходилъ, возвра-

щался и наконецъ былъ увѣренъ, что не забудеть пупи, ведущаго къ пещерѣ.

«Вопъ шебѣ медаль!»—сказалъ Тайнствен-ный: «неравно все это почтешь за сонъ,» и, вручивъ ему золотую монету съ невѣдомою надписью, исчезъ. Когда бѣднякъ оглянул-ся, то пещера скрылась, и онъ все сіе почелъ бы за обманъ чувствъ, еслибъ золотая мо-нета не удостоверяла его въ противномъ.

Задумчиво брелъ онъ домой, замѣчалъ каж-дый шагъ, дѣлалъ знаки на нѣкоторыхъ де-ревьяхъ, и на третій день съ неперпѣиємъ успѣшилъ опыскивать мѣсто. Онъ нашелъ замѣченныя деревья, узналъ пропину, уви-дѣлъ вдали знакомый ему утѣсъ и началъ осматривать окрестности. Вѣтвь показала-ся ему изъ за горы Гермсдорфская башня, но Вармбрунскоя онъ не могъ усмотрѣть надъ развалинами. Наконецъ, по долгомъ безпокой-номъ исканіи, онъ увидѣлъ ее, но Гермсдорф-ская между тѣмъ коварно скрылась за гору. Онъ въспревожился, сбѣжалъ съ горы, взбѣ-жалъ на другую, спановался пакъ и сякъ, кидался туда и сюда. Одни предметы каза-лись ему на своемъ мѣстѣ, но шолъко что онъ принимался искать другихъ, какъ пер-вые между тѣмъ передвигались, какъ бы волшебною силою. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; глаза его пылали дикимъ ог-немъ; безпокойство его часъ отъ часу воз-распало; онъ спрашно вперялъ свои взоры, то въ ту, то въ другую сторону; иногда казалось ему, что предметы расположены были по прежнему; лице его на мигъ прояс-нялось и онъ невольнo вскрикивалъ: «А! те-перь-шо я нашелъ!» но взглянувъ снова, на-ходилъ совершенную перемѣну. Такимъ обра-зомъ, безжалостно терзаемый ожиданіемъ, вѣчно его обманывавшимъ, смотрѣлъ онъ, то съ той, то съ другой стороны въ из-мѣнчивую даль. Наконецъ онъ впалъ въ су-масшествіе, и чрезъ каждыя три дня возо-бновлялъ тщетное исканіе желанной пе-щеры.

4.

Тайнственный незнакомецъ.

Однажды нѣсколько особъ, пользовавшихся Вармбрунскими водами, согласились поѣ-

хать общаго ихъ пріятеля, Богемскаго дво-рянина. Къ нимъ привязался нѣкто Баронъ Эммерлингъ, человекъ хопя предобрый, но какъ будто сошворенный для того, чтобы оправлять всякую веселость.

Онъ имѣлъ какое-то отвращеніе къ радо-сти; чѣмъ болѣе развеселялось общество, тѣмъ угрюмѣе онъ ворчалъ, бранился и без-прерывно напоминалъ, чтобы не выходили изъ границъ приличія и важности. Когда собесѣдники, выходя изъ терпѣнія отъ его докучливыхъ проповѣдей, просили его не мѣ-шать ихъ невѣннѣмъ увеселеніямъ, безъ того уже быспропечнымъ, тогда жена его, вовсе немилостивая, являлась на сцену и въ высоко-парныхъ выраженіяхъ прославляла достоин-ства своего мужа. Немудрено, что при па-кихъ спранныхіяхъ, чепя сихъ оригиналовъ не могла быть терпима въ веселомъ кругу, и что всѣ бѣгали отъ неѣ, какъ отъ чумы. Но на сей разъ это было невозможно: мно-гіе изъ собесѣдниковъ были въ тѣсной свя-зи съ фонъ Эммерлингомъ; припомъ, онъ самъ назвался раздѣлить съ прочими пупешествіе, отъ копораго, по видимому, обѣщаль себѣ много удовольствія; почему, можно ли было подозрѣвать, что онъ при сей поѣздкѣ не измѣнитъ своему брюзгливому нраву и не сдѣлаётся обходительнѣе.

Въ прекрасное лѣпнее утро, чѣтыре пыш-ные экипажа, выхавъ изъ Вармбрунна, бы-спро помчались живописными горными се-леніями, по бугристой дорогѣ, отдѣляющей Исполинскія горы отъ Богеміи, и подѣ ве-черъ прибыли къ замку, гдѣ ожидали ихъ съ неперпѣиємъ. Спеченіе поѣтійшелей было довольно многочисленно; наши пупешествен-ники нѣсколько дней провели оипѣнно весе-ло, хотя причуды фонъ Эммерлинга и брюз-гливости его супруги неоднократно испы-тывали терпѣніе общества. Въ послѣдній вечеръ всѣ гости составили одинъ дружес-кій кругъ. Мысль о скорой разлукѣ послѣ нѣсколькихъ дней, споль весело проведен-ныхъ, питала въ собесѣдникахъ тихую грусть, которую трудно преодолѣшь. Здѣсь нечаянный случай свелъ друзей, прибывшихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, которые увидѣлись, какъ бы для того, чтобы поелѣ ешолѣ

кратковременнаго свиданія опять надолго разлучились. Какъ бы то ни было, но всѣ единодушно согласились пожелать послѣдніе часы одной только радости, и общая веселость разбѣля всякое воспоминаніе о близкой разлукѣ. Къ несчастію, проклятый фонъ Эммерлингъ, казалось, сберегъ для этого вечера всѣ свои причуды; онъ силился истребить въ самомъ зародышѣ всякую радость; супруга его всѣмъ надоѣдала безмысленною бранью на испорченность нынѣшняго вѣка, и общество, разсвоенное сего непріятностью, готово было уже разойтись, какъ пріѣхалъ нежданно никому неизвѣстный всадникъ. Онъ соскочилъ съ лошади, учтиво извинился передъ хозяиномъ, въ томъ, что пріѣхалъ незваный; разсказывалъ, что онъ заблудился въ горахъ, что лошадь его крайне устала и поному онъ не можетъ продолжать свое путешествіе. Онъ назвалъ многихъ друзей и знакомцевъ, жившихъ въ окрестностяхъ, и принявъ былъ пѣтъ ласковѣ, что онъ казался человѣкомъ любезнымъ, ловкимъ и умнымъ, и присутствіе его общало возвращить обществу прежнее веселое расположеніе. Ему удалось это въ полной мѣрѣ. Быстро проникъ онъ взаимныя отношенія гостей; самыя сердечныя тайны и сокровеннѣйшія склонности мужчинъ и дамъ, казалось, были ему извѣстны. Всякому умѣлъ онъ сказать что нибудь пріятное, лестное, и даже брюзгливая чета невольно развеселилась. Всѣ отъ души предали общему влеченію, никто не думалъ о близкой разлукѣ, и непрежде, какъ уже глубокая ночь, всунувъ въ права свои, потребовала покоя, — гости съ тихимъ умиленіемъ пожали другъ другу руку, и всякій снова испытывалъ надъ собою горестную испину, что быспрощечны земныя радости.

Наступило утро; экипажи, навьюченные поклажею, поданы были къ подъѣзду; неперѣлаивые кони взрывали копытами землю и ржали; кучера хлопали бичами: но гости все еще не могли собраться въ дорогу. Дамы, какъ водилоя у нихъ, самое нужное оплатали до послѣдней минушы; надобно было переговорить о томъ и сѣмъ, условиться въ свиданіи въ такомъ-то мѣстѣ, и когда

уже всѣ уѣхали въ экипажахъ, грустно распростились съ хозяиномъ, но открылось, что пущъ забыли ларчикъ, тамъ капотецъ или шаль. Наконецъ оправились; но проѣхавъ нѣсколько шаговъ, опять закричали первому кучеру: стой! Тотчасъ послали лакея обратно въ замокъ за зоншикомъ, котораго однакоже, послѣ долгаго тщетнаго исканія, не могли найти. Въ такихъ хлопотахъ прошла большая часть дня. Наконецъ пустились въ дальнѣйшій пущъ. Дорога была довольно плоха; отъ Вармбрунна прежде взяты были провожатые; на возвратномъ пути почли ихъ ненужными. Не одни кучера, но и господа хвастались знаніемъ мѣстности; отъ того безпрерывно спорили дорогою; одинъ хотѣлъ ѣхать сюда, другой туда. Такъ прошелъ день, и солнце начинало садиться за горы, когда подъѣхали къ южной покатости суровыхъ Импалинскихъ горъ. Дамы въпревожились; передній экипажъ остановился въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога раздѣлялась въ двѣ разныхъ спороны. Кучерь не зналъ, какою дорогою ѣхать; мужчины вышли, чтобы посоветоваться и осмотрѣть окрестности. Тушъ всадникъ подъѣхалъ къ путешественникамъ. Это былъ тотъ самый незнакомецъ, который такъ любезничалъ въ замкѣ Богемскаго помѣщика. Онъ утверждалъ, что хорошо знаетъ этотъ край и совѣтовалъ обществу, взять дорогу вправо. «Видите-ли тамъ нѣсколько домиковъ,» сказалъ онъ: «это начало одного горнаго селенія, которое далеко простирается въ узкую долину. Поѣзжайте только прямо туда и будьте спокойны. По ту сторону селенія ведетъ только одна дорога между крупными утесами; немногія и весьма невысокія горы соединяють восточную цѣпь горъ съ западною, и черезъ два цли при часа вы достигнете южнаго скаца. Лучшей дороги,» присовокупилъ онъ, «коварно улыбаясь,» нельзя ожидать, ибо въ спранъ гористой не бываетъ большихъ проѣзжихъ дорогъ;» пожалѣвъ, что не можеть соучастивовать обществу и поскакалъ влѣво. Слѣдуя совѣту незнакомца, путешественники въѣхали въ селеніе. Но этому селенію не было конца; дорога была ужаснѣйшая; лошади съ трудомъ передвигали ноги; солнце

бросало прощальные лучи, и когда миновали селеніе: по однѣ только высочайшія вершины горъ алѣли въ багровомъ опблескѣ вечерней зари; ночная темнота набрасывала опасный покровъ свой на долину.

Поездъ плянулся оспорожно и почти ощупью; наши путешественники спановились молчаливѣе; дамы робко посмапривали на дикіе утесы, копорые съ обѣихъ сторонѣ надѣ ними возвышались.

Наступила глубокая ночь; небо подернулось мрачными облаками; звѣзды погасли; экипажи влязи въ лужахъ и сильно качались. Чѣмъ далѣе, тѣмъ несноснѣе было ѣхать, тѣмъ хуже спановилась деревянная мостовая, поперечные брусья кой, по большей части гнилые, обрушивались подѣ колесами. Наконецъ замѣшательство, и почти опчаяніе достигло высочайшей степени. Колеса шатались, оси прещали, оглобли ломались, поспромки лопались, лошади фыркали, лягали, метались пуда и сюда, и нельзя было ихъ усмирить. Мужчины давно уже вышли изъ каретъ и спарались поддерживать ихъ, какъ умѣли. Дамы, дрожа отъ страха, едва переводили духъ, и только при сильныхъ толчкахъ по временамъ, прерывалось всеобщее молчаніе пронзительными криками испуга. Съ ужасомъ увидѣли, что не одна худая дорога и темнота угрожали опасностью. Между мрачными соснами, освѣнявшими утесы, бродили ночные призраки исполинскаго роста; въ ближайшихъ ущеліяхъ раздавался рѣзкій свистъ, вдали слышался вой, долина оглашалась паниквеннымъ, жалобнымъ визгомъ и кони пуще взбѣсались. Черезъ нѣсколько минушь вдругъ всѣ дамы вскричали въ одинъ голосъ. Кучера невидимою силою сброшены были съ козелъ; они выпустили возжи изъ рукъ; лошади спали на дыбы, и ни съ мѣсна, какъ будто приросли къ землѣ. Мужчины обнажили сабли, взвели курки у пистолетовъ; объятыя ужасомъ, они почувствовали, что попались во власть Горныхъ Духовъ. Дамы попадали въ обморокъ. Въ этомъ положеніи увидѣли предѣ собою яркій свѣтъ, но не могли придумать, что это значитъ. Одишь опважный молодой человекъ пошелъ прямо на этотъ свѣтъ. До-

лина, и вмѣстѣ съ нею дорога, крушо поворочила влѣво; за этимъ изгибомъ онъ съ изумленіемъ увидѣлъ великолѣпный, ярко освѣщенный замокъ. Онъ смѣло вошелъ въ высокіе, опкрытые ворота на внутренній, гладко вымощенный дворъ. Широкая лѣспница, ведущая къ главному входу чертоговъ, освѣщена была по обѣимъ сторонамъ длинными рядами свѣшочей, коихъ ярко—синій огонь разливалъ магическій свѣтъ на все зданіе. Богато одѣтый приврашникъ встрѣтилъ его почтишело, какъ званого госпя; молодой человекъ рассказалъ ему корощко, въ какомъ бѣдшвенномъ положеніи находится путешествующее общество. Приврашникъ позвонилъ; явилась полца слугъ, и впереди ихъ потъ самый незнакомецъ, который любезностью своею обворожалъ все общество накануне опѣзда, а потомъ показывалъ дорогу.

«Я васъ ждалъ,» сказалъ онъ: «но вы прѣехали поздневко. Гдѣ прочіе госпи?»

— Недалеко отсюда, — опвѣчалъ молодой человекъ; но въ самомъ несчастномъ положеніи: экипажи всѣ перепорчены, кучера сброшены съ козелъ, лошади бѣсятся, — дамы, боясь ночной темноты, дрожатъ отъ страха, кричатъ и падающъ въ обморокъ. — Говоря съ знатнымъ и образованнымъ человекомъ при яркомъ освѣщеніи, онъ посмѣдился упомянуть о являвшихся имъ ночныхъ привидѣніяхъ. —

Лишь только незнакомецъ узналъ о случившемся несчастіи, какъ одно слово его привело весь замокъ въ движеніе. Мужчины и дамы осполенѣли, увидя великое множество людей, копорые почти летѣли къ нимъ на встрѣчу съ горящими факелами, но успокоились, когда узнали молодаго человека и паниквеннаго незнакомца. Когда они поравнялись съ экипажами, по лошади вдругъ присмирѣли, кучера, казалось, пробудились отъ мертваго сна, встали и сѣли на козлы. Сначала думали, что невозможно будетъ въ поврежденныхъ экипажахъ доѣхать до замка, и дамы уже рѣшились, при свѣтѣ факеловъ, пройши пѣшкомъ небольшое расстояние, но по почтишшемъ осмотрѣ, оказалось, что у страха глаза велики. Колеса были

крѣпки, поспромки цѣлехоньки, дышла, комъ съ трудомъ связали веревками, нимало не были повреждены. Быстро помчались карещы; дорога была гладкая, широкая; путешественники съ шумомъ въѣхали въ ворота. У главнаго входа стоялъ незнакомецъ, и какъ хозяинъ, встрѣтилъ гостей, которые не могли понять, какимъ образомъ онъ такъ скоро возвратился. Путешественники вступили въ обширные сѣни. Между огромными колоннами стояли опшичной работы статуи; два колоссальные Сфинкса покоились по обѣимъ сторонамъ великолѣпной лѣстницы, спущенной косямъ персидскими драгоцѣнными Персидскими коврами. Перилы обѣялись олеандромъ, пиніями и густымъ, благоуханнымъ лѣсомъ померанцовыхъ, гранатовыхъ и шольпаныхъ деревьевъ. Между оныхъ пѣснились въ удивительномъ изобиліи цвѣты необыкновенной величины: мальвы, розы, волкамери, шубезоры и горпензіи. Все сіе освѣщено было безчисленными разноцвѣтными огнями.—

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

П О З Д Н О.

Альбина была ребенокъ, лице ея выражало невинныя удовольствія, тихую радость. Быстро летѣли часы ея жизни; держа въ рукахъ цвѣтокъ, пшичку, она была счастлива на цѣлой день. Только вечеромъ, легкій вздохъ вылеталъ изъ юной груди ея, когда Графиня Б., взявъ ее на колѣни, говорила ей:— «Альбина, видишь ли, что солнце садится за лѣсъ, слышишь ли звонъ побрякушекъ въ козлиномъ спадѣ и волынку пастуха? пѣшухъ давно уже замолкъ; соловей начинаетъ пѣть и перепелка скликаетъ пшеницъ своихъ: что все это значитъ?» Ребенокъ печально посматривая вокругъ себя, говорилъ:— пора спать Альбинъ... уже поздно!

Залы были пышно освѣщены, превосходный оркестръ игралъ лучшія пьесы первыхъ композиторовъ. Опшично одѣшья, молодья, прелестныя дамы, украшали собою праздникъ. Но лучшая изъ нихъ еще не появлялась. Шопотъ одобренія возвысился приходя ея. Вошла Графиня Б. сопровождаемая моло-

дою дѣвицею, которой главнымъ украшеніемъ были простота и чистосердечіе. Весь нарядъ ея состоялъ въ бѣломъ газовомъ платьѣ и жемчужной повязкѣ въ черныхъ волосахъ ея. Альбина шла съ попушенными рѣсницами, которыми скрывали ея умные и прелестныя глаза; но робость, не уменьшая ни одной изъ ея прелестей, еще болѣе возвышала ихъ. Красота дѣлаетъ невольниками, увлекаетъ; но нѣкопная боязнь молодой дѣвушки, вступающей въ свѣтъ, имѣетъ въ себѣ что-то прогашельное, умилишельное. Шопотъ одобренія окружавшихъ Альбину превращается въ шумный гулъ невольнаго удивленія. Одинъ только Эдуардъ Т... безмолвствуетъ; но онъ не сводитъ большихъ голубыхъ глазъ своихъ, исполненныхъ выраженія, съ молодой дѣвушки, которая, казалось, не знала о своей красотѣ.

Начинаются танцы; молодые люди дѣшя къ Альбинѣ; но Эдуардъ предупредилъ ихъ, и рука молодой дѣвушки покоится въ его рукѣ. Альбина смотритъ на свою мать, улыбается; эшопъ балъ ей нравится; она поднимаетъ склоненную голову; лице ея покрывается румянцемъ, глаза одушевляющся, всѣ движенія ея спановятся обворожительными и вѣтренный Эдуардъ говоритъ самъ себѣ, что участь его рѣшена.

Но толпа разсѣвается, залы пустѣютъ, праздникъ шеряетъ блескъ свой, люстры, кажется, распространяютъ тусклый свѣтъ, гости начинаютъ уже скучать; пакъ, все упомляетъ челоуѣка, самыя удовольствія... Графиня Б... съ своею дочерью оставили залъ. Эдуардъ удаляется со вздохомъ... уже поздно.

Пучекъ померанцевыхъ цвѣшповъ колеблется на ея головѣ и бѣлыя розы, приколотыя къ груди, пренещутъ ошъ частаго бшенія ея сердца. Душа ея занята неопредѣленнымъ чувствомъ счастья, безпокойства, любви и боязни. Она ожидаетъ чего-то, и спрашится, а между пѣмъ. любитъ.

Эдуардъ смотритъ на часы, медленный ходъ шрѣлки увеличиваетъ его нешербніе, все окружающее его, кажется ему несноснымъ. Эшопъ концертъ, пѣніе, рукоплесканія, оскорбляютъ слухъ его; онъ лучше желалъ бы слышать сладостный голосъ Аль-

бины, ея слова, испекающія изъ сердца. Въ упоеніи, онъ не сводитъ очей съ молодой дѣвушки, которая поупру дала слово пожертвовашь ему всею, которая ввѣрила ему счастье своей жизни...Послѣ минувшаго молчанія, въ залѣ послышался легкій шумъ. Молодая дѣвица въ бѣломъ платьѣ, слѣдовала за своею маперью . . . уже поздно.

Она кинулась на оптоманъ, глаза ея смочены слезами; одна только тусклая лампада освѣщала комнату. Альбина внимательно прислушивается; ей чудится шумъ кареты: тусклой обманъ! все тихо. Она вспашетъ, входитъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ пусто; огонь въ камелькѣ давно уже потухъ. Холодно. Альбина чувствуетъ дрожь; она оспанавивается передъ своимъ поршпретомъ. Она предсавлена на немъ въ бѣломъ креповомъ платьѣ, съ жемчужною повязкою. «Да, я тогда была хороша,» говоритъ она, «а теперь!» Она печально смотрится въ зеркало; но большіе воропа опворены, карета вѣхала на дворъ ихъ пышнаго дома. «Эпо онъ,» говоритъ Альбина;» ахъ! скроемъ онъ него жестокою ревностью, меня перзающую: нераздѣляемая любовь возбуждаетъ только жалость.»—Спрадалица возвращается въ свою комнату, слушаетъ опять. Злополучная! Она надѣялась, что воропа, раздѣляющіе его съ нею, опворены для него: все тихо въ комнатѣ Эдуарда. Альбина падаетъ изнуренная горестью, голова ея склоняется, глаза сомкнулись . . . уже поздно.

Альбина уже не та, красота и свѣжесть исчезли, желзная рука судьбы срываетъ цвѣтъ ея жизни, щеки ея поблекли, глаза потеряли свой блескъ, она приближается къ гробу. Ее выносятъ на балконъ, обращенный къ саду; въ послѣдній разъ она хочетъ взглянуть на цвѣтникъ, на прекрасный день. Листокъ розы, принесенный вечеромъ въпромъ, падаетъ на балконъ. . . . «Бѣдный листокъ,» сказала Альбина, «еще недавно ты составлялъ украшеніе цвѣтка, но, сорванный Аквилономъ, ты уже извядъ. Бѣдный листочекъ, ты умрешь на холодномъ камнѣ. Еслибы благодѣтельная роса освѣжила тебя, ты забылъ бы хопя на минуту свой спраданія и возвратилъ бы свою

упреннюю свѣжесть.» Такъ говорила Альбина, и на успахъ ея появилась тихая, печальная улыбка. Но вдругъ дыханіе ея стѣснилось, на лицѣ показался румянецъ, потухшіе глаза оживились необыкновеннымъ блескомъ. Уста ея силились произнести какое-то имя: эпо онъ, топъ, который оставилъ ее, теперь лежитъ у ногъ ея; онъ плачетъ, рвется, и посреди рыданій, осыпаетъ ее нѣжнѣйшими именами, спарается оживить самыми прогашельдыми ласками свою возлюбленную. Альбина проспираетъ ослабѣвшія руки, и обвиваетъ ими Эдуарда: «Я еще счастлива, говоришь она, одивъ взглядъ любви заспавляецъ забыть сполько спраданій! Вечерняя роса освѣжила бѣдный листокъ. Не покидай меня, Эдуардъ!» Она хочетъ приподняться, выпускаетъ спонъ, опять падаетъ безъ чувствъ, и тайный, грозный голосъ говоритъ Эдуарду: . . . теперь уже поздно!

(изъ *Furet.*)

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

КЪ ЛАУРЪ,

(Изъ *Мишквича.*)

Едва узрѣлъ тебя, — побоею запылалъ!

Какъ спарый другъ, твои я взоры испитую,—

И на твоихъ щекахъ румянецъ разцвѣталъ,

Какъ роза на зарѣ, грудь обнаживъ младую.

Едва запѣла ты — я слезы проливалъ,

Твой голосъ въ душу мнѣ лить сладость упоенья. . . .

Ее по имени, казалось, Ангелъ звалъ—

И въ колоколъ небесъ ударилъ часъ спасенья!

О милая! дозвожь, чтобъ изъ твоихъ очей

Могъ ясно я прочесть; проникнулъ ли я взоромъ?

И голосомъ монмъ во глубь души твоей? . . .

А шамъ—пусть противъ насъ Рокъ, люди съ приговоромъ.

Пусть долженъ я бѣжать и безъ надежды плѣтъ

Пусть даже подарить друга ты рукою —

Что нужды? если мнѣ ты дашь уразумѣть,

Что Богъ насъ обручилъ, и ты *моя*—душою

Я брежу, путаюсь въ чужіе разговоры,
 Бисіе въ груди мой занимаетъ духъ,
 Лицъ блѣдностью покрывъ, а жаромъ пышущъ
 взоры;

Здоровъ ли я? иной холодный спросишь вдругъ.

Иль на ухо шепнеть про мой разсудокъ что-то...
 Такъ цѣлый мучась день, въ постель ли бро-
 шусь я,

Въ надеждѣ усынишь спраданія дремотой —
 Но весь въ огнь, мечпы снуются вокругъ меня!

И вопшь, вскочивъ, бѣгу въ педугъ омраченья,
 Твою жестокость клясть... не прибираю словъ;
 Я разъ по тысячи слагаю выраженья,
 И разъ по тысячи ихъ забываю вновь!

Когда жъ узрю тебя, стою передъ тобою,
 Не знаю опъ чего, спокосишь, шихъ опяшь,
 Холоднѣ скалы, лобзаемой волною, —
 Чпобъ наново горѣшь, по прежнему молчащъ!
 пер. В. Романовичъ.

ПОРТРЕТЪ МАРИИ П.....

Взгляните: «взоръ ея какъ спрашенъ!
 «Какъ сладосиша, улыбка на устахъ!
 «Она мила, какъ Ангелъ въ небесахъ!
 «Какъ майскій день ея видъ ясень:
 «И розы полевой свѣжѣй!
 «И въщней ласточки живѣй!»

М. Салт—овъ.

С. Петербургъ,
 Апрѣля 9 днл.

КЪ НЕЙ.

Не требуй опъ меня, мой другъ,
 Любви хвалебнаго прѣвѣща;
 Мой къ пѣснямъ жаръ — давно попухъ —
 Несчастій горькихъ опъ предвѣща.....
 Какъ узникъ въ мягоспсныхъ цѣпяхъ,
 Лишенный пламенной свободы —
 И на родимыхъ берегахъ,
 Не внемлетъ прелесплямъ природы:
 Такъ я — отвыкъ опъ вдохновеній!
 И равнодушная душа,
 Не ловишь сладкихъ упоеній,
 Упорнымъ холодомъ дыша.
 Въ моей груди — какой-то страхъ;

Какой-то шрепешъ молчаливый —
 И не сверкаетъ на устахъ,
 Улыбка радости игрой!

И. Ивановъ.

Ш А Р А Д А.

Въ приморскихъ городахъ, мой первый слогъ бываешь
 И часто опъ бѣды опъ корабли спасаешь.
 Второй давно изчезъ — имѣлъ прехъ сыновей,
 Знакомство съ Бахусомъ свелъ первый изъ людей,
 А цѣлое, насъ всѣхъ по модѣ одѣваешь.

Сергей Хитрово.

Въ No 41 помещенная шарада значить: Art-ère.

М O D E S.

Ensembles de toilette.—Une robe de châly vert, dessins de fleurs.—Une pélerine de batiste à doubles cols carrés; garnis de batiste à petits plis festonnés.—Ceinture et cravate verte.—Une capote de moire lilas, à noeud et cocarde.—Des brodequins de prunele.—Une robe de foulard du Bengale, fond blanc, dessins cachemire,—une pélerine pareille, à pointes sur les épaules; un petit effilé très-bas, de toutes les couleurs, du dessin.—Une capote de moire blanche doublée de rose.—Un col double de mousseline brodée.—Cravate de gros de Naples à raies.—Des souliers de prunele noire.

Une robe de moire grise.—Canezou de tulle.—A grands jockeis carrés festonnés à longues dents pointues.—Une capote de moire rose avec un bouquet de plumes roses.—Des souliers de prunele noire.

Une robe de mousseline de soie fond blanc sablé vert.—Petites palmes cachemire.—Collerette décollée en dentelle tombante.—Manches longues.—Dans les cheveux un noeud de gaze lilas. — Un petit bandeau attaché par une améthiste.—Une écharpe de gaze lilas. — Des souliers de satin noir. — Des gants blancs.—Des bijoux d'or.

Une robe d'organdy peint.—Fond blanc, dessins de fleurs en guirlandes.—Corsage à mantille pareille faisant la pointe sur les épaules.—Bordée d'un très-petit rouleau de gros de Naples blanc. — Manches longues.—Dans les cheveux une rose.—Une parure d'émail.—En plaques jointes par une poire de couleur.—Des souliers de gros de Naples blancs.

Coiffures.—Les cheveux séparés sur le front, sans papillottes, sont lisses, en bandeaux, ou relevés.—On ne doit plus faire de bandeaux crépés.—Les petits bandeaux accompagnent parfaitement les fronts sans papillottes.

Quelques personnes font passer sous le chapeau une natte qui vient au-dessus du front.—C'est lourd et dur.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.—Плащъ изъ шалевой ма- шеріи, по зеленому грунту узоры изъ цвѣ- шовъ.—Баписшовая пелеринка съ двумя пря- мыми ворошниками, обшипыми баписшовой оборкою, мѣлками складочками, выметанною городками.—Поясъ и галстучекъ зеленые.— Капотъ изъ морѣ лиловаго цвѣта, съ бан- помъ и кокардою.—Прюнелевые сапожки.— Плащъ изъ бѣлаго Бенгальскаго фулара съ Турецкими узорами.—Пелеринка такая же съ мысками на плечахъ; обшипа самую узень- кою бахромкою, изъ всѣхъ цвѣшовъ, какіе есть въ узоръ.—Капотъ изъ бѣлаго море подложенъ розовымъ.—Двойной ворошникъ, вышитый по кисеѣ.—Галстучекъ изъ поло- сапаго гроденапля.—Черные прюнелевые ба- шмаки.

Плащъ изъ море дикаго цвѣта.—Тюлевое канзу, съ большими прямыми эполешами, выметанными длинными оспрыми зубца- ми.—Капотъ изъ розоваго море съ букешомъ перьевъ.—Черные прюнелевые башмаки.

Плащъ изъ шелковой кисеи, по бѣлому грунту мѣлкія зеленыя крапинки и неболь- шіе Турецкіе букешы.—Вырѣзанная шеми- зетка съ опложнымъ кружевомъ.—Рукава длинные.—Въ волосахъ банпъ изъ лиловаго газа и узенькая повязка замкнушая аметш- спомъ.—Лиловый газовый шарфъ.—Черные апласные башмаки.—Бѣлыя перчатки.—Зо- лотыя вещи.

Плащъ изъ печатнаго органди.—Гирлан- ды изъ цвѣшовъ по бѣлому грунту.—Лиѣ съ откидною пелеринкою, обшипою узенькимъ руло изъ бѣлаго гроденапля, на плечахъ мы- ски.—Рукава длинные.—Въ волосахъ роза.— Уборъ изъ эмалевыхъ бляхъ, схваченныхъ цвѣшными грушками.—Бѣлые гроденаплевые башмаки.

Уборка волосъ.—Незавишые волосы раздѣ- лены на лбу, или гладки, какъ повязка, или приподняты.—Для такой уборки, волосъ уже не взбивающъ.—Узенькія повязки съ каменьями очень приличны къ незавишымъ волосамъ.

Иныя кладущъ подъ шляпку косу по вы- ше лба.—Эпо-тяжело и грубо.

С М Ъ С Ь.

Всего болѣе надобно думать о помъ, какъ бы прожить вѣкъ съ самимъ собою и съ пріятелями, а не строишь воздушныхъ зам- ковъ. Счастіе и несчастіе суть вещи суще- ственныя, а молва людская ничто иное, какъ сонъ.

Надобно рѣшиться плащипъ въ продолже- ніе цѣлой жизни моея нѣкоторую дань зло- словію. Правда, я обложилъ себя высокою подапью, но совсѣмъ шѣмъ, налогъ сей весь- ма неудовлетворителенъ.

Опецъ предузнаетъ скорѣе нужды сына; но дочь безъ машери вѣкъ страдаетъ сиро- тною.

Очистилась ли Русская липерашура съ того времени, какъ просвѣщенные умы все- ли у насъ здравую крипику?

Многія вещи намъ кажутся болѣшими, нежели каковы онѣ дѣйствительны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 30 дня, 1831 года.

Наказывать, сударь, тѣхъ должно безъ пощады,
Которы дружбою хотъ торговать, такъ рады.
Нѣтъ, честный человекъ кажися тѣмъ, что есть,
Дѣлами, мыслію, чтобъ управляла честь.

Ф. Кожоштинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ О РЮБЕЦАЛѢ, ДУХѢ
ИСПОЛИНСКИХЪ ГОРЪ.

Таинственный незнакомецъ.

(Продолженіе.)

Хозяинъ учтиво подаль руку Г-жѣ фонъ Эммерлингъ. За ними послѣдовали прочіе госпи, безмолвные отъ изумленія и какого-то невыразимаго страха. Взошли на дѣшницу; отворились настежь широкія двери; вступили въ залу. Сладостные, небесные звуки, казалось, приносились къ нимъ издали. Яркое освѣщеніе посреди грозной ночи, сверхъ-естественное великолѣпіе, ароматы цвѣтотъ и дивная музыка до того очаровали путешественниковъ, что они безпечно предались невольному спремленію, увлекающему въ волшебный міръ. И, какъ во снѣ все чудесное кажешся естесственнымъ, то и имъ ничто уже не казалось удивительнымъ. Посему они почти безъ вниманія вошли въ залу, пространство и вышина коей должны были изумить ихъ. Высокій сводъ, казалось, расписанъ былъ облаками и Амурами, но по почномъ разсмотрѣніи госпи увидѣли, что облака, волнуясь, опускались и поднимались;

прелестные малюшки, плавая въ сихъ облакахъ, то скрывались за ними, какъ бы за воздушною завѣсою, то опять пѣснились впередъ, здѣсь по одиначкѣ, тамъ попарно или группами; они, казалось, играли между собою и рѣзвились. Яркій свѣтъ озарялъ сверху всю залу. Черезъ нѣсколько минутъ облака слились въ одну массу, среди коей сіялъ волшебный свѣтъ въ эфирномъ вѣнкѣ изъ облаковъ и улыбающихся малютокъ, какъ бы искусно сошканномъ изъ листочковъ и цвѣтотъ.—Вдоль стѣнъ пянулась величественная колонада, осыпанная драгоценными камнями ослѣпительнаго блеска. Накрытый столъ терялся въ глубинѣ обширной залы. Спудья у стола замѣнялись широкими мягкими диванами, обитыми зеленымъ бархатомъ, и украшенные золотомъ и драгоценными камнями. Издали диваны сіи совершенно походили на свѣжій лугъ, испещренный цвѣтами. Съли за столъ. На срединѣ онаго стояло странное украшеніе. Пышные, горные цвѣты, казалось, выраспали изъ стола, и никто не могъ отгадать, натуральные ли они, или искусственные. На столъ было ровно столько приборовъ, сколько было гостей; вдругъ изъ настольнаго цвѣтника, появилось нѣсколько спальныхъ щипцовъ, кои каждому госпию

подали цвѣшокъ извѣснаго значенія. Оправный молодой человекъ получилъ амрантъ; сидѣвшей подлѣ него дѣвушкѣ, копорую онъ любилъ со всеѣмъ жаромъ юношескаго сердца, поданъ пучекъ бѣлыхъ розъ и свѣжаго мирша. Одинъ увидѣлъ подлѣ себя *барскую стлѣсь* (1), другой *злѣинный языкъ* (2), болшная дама *золотую розгу* (3), другая *вѣтреницу* (4). Г. фонъ Эммерлингъ и супруга его сидѣли другъ противъ друга; для нихъ, вмѣсто цвѣшовъ, очутились по обѣимъ споронамъ огромныя копны самой мѣлкой сравы. Хозяинъ исчезъ, и никто почти не замѣнилъ его отсутствія. Освѣщеніе спавовилось блиспапельнѣе; по обѣимъ споронамъ споло зала примѣпно расшнрлялась. Въ одной споронѣ, явилось необьянное множеспво воздушныхъ существъ, похожихъ на фантаспическія и чудовищныя созданія сна, и чудная музыка раздавалась изъ неизвѣспныхъ, спраннаго успройства инспрументшовъ; въ другой споронѣ, необозримое проспранспво наполнено было пляшущими дѣвами и Амурами.—Дѣвы плясали на шарахъ, сблнжалнсь, обнмались, разлучались, шары беспспро скользяли изъ подѣ воздушныхъ ножекъ ихъ, но искусныя танцовщицы мнгомъ перелешали на другіе шары, едва прикасаясь къ нимъ, и восхищая зрнтелей живописными шѣлодвиженіями. Малютки, казалось, слешали съ облаковъ, бѣгали, рѣзвнлись, шо здѣе, по памъ, и шолпами шѣсннлись межъ пляшущихъ дѣвъ. Гости между шѣмъ пировали. Внмательная, проворная прислуга снабжала ихъ вкунѣнншнми яствами и винами. Надъ каждымъ гостемъ висѣла на воздухъ ни чѣмъ неподдержнваемая соломенка. Слугн подспавнли спаканы и немедленно пошлалась изъ нихъ чнспнѣншая ключевая вода. Такъ успекало время; бесѣда спановнлась живѣе, говорнли о самыхъ спранныхъ и разнообразнншнхъ предметахъ, мысленно благодарнли хозяина, ошсупствнѣе коего спеперь шолько замѣшнли, и погруженныя въ сладоспнѣншія грезы, всѣ предали забвенію ужасы ночнаго

пушеспешнвіа. Молодой человекъ и его возлюбленная спраспно спспапрнвали другъ на друга. Чудныя предметы, ихъ окружавшіе, пробуднли довѣренность, радость и ошвагу; признаніе долго спамной любви заблнспало въ глазахъ, одушевнло черпты лица и вырвалось изъ дрожащихъ устѣ, подобно зрѣлому плоду, заключенному въ шѣснон оболочкѣ. Эммерлннгъ, послѣ каждаго спакана искрнщягося вина, сппановнлся угрюмѣе. Не разъ уже пыпался онъ обуздашь всеобшнй шумный разговоръ собесѣдннковъ, копорые подобно безумнымъ, уднвлнлись самому обнкновенному, какъ непоспнжнмому чуду. «Пляска на шарахъ,» замѣшнлъ онъ; «давно уже извѣспна въ Германской испорнн; загляннше въ древннхъ хроннкн, и вы уднвшнше, что Императоръ Фрндрнхъ II забавлялся сею пусною нгрою, въ чѣмъ однакожь спепенные современнкн, по справедлнвостн, его упрекали.»—Но когда онъ увидѣлъ, что всѣ возраженія его были напрасны, и что собесѣдннкн, какъ бы очарованы окружающими ихъ чудесами: по серднпо вспалъ изъ за споло. Прочіе гости послѣдовали его примѣру, что бы вблизи разспошрншь всѣ рѣдкоспн залы. Между уродлнвыми фигурами музыканшовъ, давно уже замѣченъ былъ въ углу пеполннскаго роспа человекъ, съ длиннон сѣдоо бородоо, огромнншнмъ орлннымъ носомъ, сверкающими глазами и густыми навнспшнми бровями. Голова его покрыта была остроконечнон шапкою; онъ неушомнмо вершѣлъ инспрументъ, похожій на шарманку, не сводя съ полу угрюмага взора. Какая-шо спмпанння необорнмоо сполоо влскла Господнна фонъ Эммерлннга къ эпому мрачному человеку. Онъ подошелъ къ нему, спроснлъ о чѣмъ-шо, но не получилъ ошвѣща; спаннспвенный исполинъ, съ неподвнжнмъ взоромъ, продолжалъ вершѣшь, не спошрнл на шо, что инспрументъ не нздавалъ ни малѣншаго звука.—

— «Милоспнвын Государы!» сказаль фонъ Эммерлннгъ: «не думаше, что бы и я, подобно снмъ глупцамъ, забавлялся фнглнрспвомъ. Скоро наши дамы и кавалеры заплншутъ на эшнхъ шарикахъ. Это ужъ черезъ чуръ: пащъ ласковый хозяинъ вздумаль

(1) Lychuis Chalcedonica.

(2) Ophioglossum.

(3) Virgo aurea

(4) Одношѣслнчнкъ. Anemone.

позабавишь насъ фантазмагорією и опти-
ческою игрою, но я опасуюсь, что этошь лег-
комысленный народъ сдѣлаешся добычею опас-
наго суевѣрія. Прошу объяснишь все окру-
жающее насъ. Покажите-ка намъ механизмъ,
выпуклыя и вогнутыя зеркала, и всѣ ин-
струменты, ибо хотя кое-что мнѣ извѣсно,
однакожь многое для меня еще непонятно.»

Такъ говорилъ Эммерлингъ, и когда спа-
рецъ, молча, посмотрѣлъ на него грозно: то
онъ хотѣлъ было насильно вытѣснить его
изъ угла, въ кошоромъ, по его мнѣнію, скры-
вались машины. Старецъ ошполкнулъ его и
произнесъ глухимъ, просяжнымъ голосомъ:

Не мѣшайте мнѣ вертѣть,
Жизнью образы согрѣть.
Исполнишь стонъ суровый,
Очи мечуть огонь багровый.
Тайнаго восторга полнъ,
Опъ внимаешь реву волвъ.
Буря спрашныя бушуютъ,
Духи горныя воюютъ.
Не мѣшайте мнѣ вертѣть,
Жизнью образы согрѣть.

Сіи слова угрюмаго старца сильно озада-
чили фонъ Эммерлинга: онъ замолчалъ и при-
задумался. — «Довольно, я все понимаю!» вскри-
чалъ онъ внезапно: «это явленіе живописнаго
магнетизма; все общество находится теперь
на высочайшей степени ясновидѣнія. Я пе-
реписываюсь съ Берлинскими, Мюнхенскими
и Цдлушгаршскими магнетизерами и Іен-
скому Профессору Г. Кизеру обѣщалъ при-
слать спашью о семь предметъ. Не пропу-
стишь бы мнѣ какого нибудь достопримѣ-
чательнаго общояпельства. Какое въ са-
момъ дѣлѣ счастье, что между всеми эпи-
ми ясновидящими, я одинъ въ полной памя-
ти, одинъ бодрствую.»

Сказавъ сіе, онъ вынулъ изъ кармана за-
писную книжку и началъ замѣчать все то,
что случилось съ гостями съ того времени,
какъ они прѣехали въ очарованный замокъ.
Молодой человекъ, споявшій близъ него, съ
изумленіемъ вслушивался въ его толки.

«Позвольте вамъ доложить, почтеннѣй-
шій Эммерлингъ», сказалъ онъ: «вы вѣрно
забыли, что вы сами находитесь въ магне-
тическомъ соотношеніи. Если мы дѣйстви-
тельно ясновидящіе, то все, что происхо-
дитъ вокругъ насъ, нашъ сонъ, а вы, если
сами не грезите, то составляете только
грезу нашего ясновидѣнія,—вы ничто. Какъ
же вамъ, созданію воображенія, судить и ря-
дить о самомъ воображеніи? Признайтесь,
что это весьма странное и удивительное об-
стоятельство?» Господинъ фонъ Эммерлингъ
чихнулъ. «Здравствуйте!» сказалъ молодой че-
ловѣкъ. Потомъ оба нѣсколько минушь молчали

— «Да, разсудите вы сами,—сказалъ на-
онецъ Эммерлингъ: «не явно ли, что весь домъ
устроенъ для магнетического пиршества? Оран-
жерей на лѣспвицѣ намагнетизирована;
сильно пахучія вещества усиливаютъ
дѣйствіе магнетизма; желѣзныя перилы слу-
жатъ проводникомъ онаго во всѣ стороны, а
особливо желѣзныя полосы, копорыя пянуп-
ся вдоль стѣнъ, также какъ вислиця, водою
напитанныя соломенки. Машина, копорую
этошь магнетизеръ неупомимо вертитъ,
безъ сомнѣнія наполнена множествомъ зыб-
кихъ магнитовъ, копорые, разливаясь во
всѣ стороны, содержатъ цѣлое въ непре-
рывномъ движеніи.»—

«Удовлєворите наше похвальное любо-
пытство,»—продолжалъ онъ, подошедъ опять
къ спарикѣ, опъ копораго онъ незадолго
передъ симъ боязливо удалился: «ибо клянусь
вамъ честно, надобно подробно изслѣдовать
пашнства машины, копорую вы дѣйствуете.»
Спарикъ продолжалъ неупомимо вер-
титъ лѣвою рукою, и когда довольно близ-
ко подошелъ къ нему Эммерлингъ, то онъ
коснулся его прупикомъ. Вдругъ нашъ ви-
иція пришелъ въ необыкновенное волненіе, го-
ворилъ безъ умолку, изьяснялъ составъ маши-
ны и старался исполковать молодому чело-
вѣку причины видимаго очарованія.

— «Милостивый Государь!»—сказалъ молодой
человекъ: «я теперь только замѣчаю въ васъ
весьма странныя привычки. Скажите мнѣ,
ради Бога, зачѣмъ вы непрерывно бодаетесь
головою. Мнѣ право кажется, будто вы
каждую мысль свою хотите подкрѣпить уда-

ромъ лба. Я право не въ состояніи перпѣшь вашихъ толчковъ. Губы ваши пухнушъ; лице искажается; у васъ на лбу вырастаютъ рога. Что это значитъ?»

«Ну!—Ниче—Ничего,» отвѣчалъ Эммерлингъ весьма невнятно и заикаясь: «я сдѣлалъ важное замѣчаніе, замѣ-мѣ-мѣ-мѣ; о! я замѣчаю, замѣ-мѣ-мѣ-мѣ!» Изъ губъ у него нечувствительно образовалась морда, глаза закапнулись, все лице заросло волосами, рога со всѣмъ выросли, и натуральная козлиная голова очутилась на плечахъ превращеннаго оратора. Во время сего превращенія, музыка спанивилась громче, важная пляска дѣвъ и малюшокъ обратилась въ рѣзвые, дикіе прыжки, огни начали горѣть тусклѣе и багровѣе, и повсюду въ залѣ слышался таинственный шопотъ и хохотъ, какъ будто бы таинственные духи перешептывались между собою и надоевѣмъ насмѣхались.

(Оркестръ въ слѣд. листкѣ.)

П А Ж И Т А.

Былъ весенній прекрасный вечеръ, одинъ изъ тѣхъ тихихъ вечеровъ подъ небомъ Испаніи, которые располагаютъ душу къ унынію. Женщина, еще молодая, съ трудомъ взбиралась по узкой тропинкѣ на гору, гдѣ стояла часовня Мадонны; обломки утесовъ и песокъ, нанесенный дождевыми потоками, останавливали ее на каждомъ шагу: будучи уже на сносахъ, она принуждена была нѣсколько разъ отдыхать отъ усталости. Но ее подкрѣпляла сладкая надежда, и когда она достигла часовни, то все забыла, кромѣ молитвы Пресвятой Дѣвѣ, Покровительницѣ бѣдныхъ матерей.

Она желала имѣть сына; вѣра возбуждала въ ней надежду, что желаніе ея исполнится предпачельствомъ Небесной Заступницы, доступной душамъ благочестивымъ. Она преклонила колѣна и съ усердіемъ молилась. Внезапно ей слышался легкій шумъ; она поднимаетъ глаза, и при свѣтѣ разоблаченной луны, видитъ улыбку на устахъ святаго Изображенія. Исполненная сладостнымъ упованіемъ, она встаетъ медленно и еще

разъ взираетъ на свою Упѣшительницу. Она возвращается домой и тихо предается счастию, ее ожидающему. Надежда ее не обманула: она въ самомъ дѣлѣ родила сына, который названъ былъ Антоніо.

Въ день рожденія сего младенца посажено подлѣ часовни лимонное дерево, дабы оно нѣкогда покрывало оную своею тѣнью.

Въ помѣ же селеніи родилась Пажита. Какъ дитя природы, она была, подобно ей, прекрасна, подобно ей, была вся любовь. Антоніо, товарищъ ея младенчества, сдѣлался другомъ ея сердца.

Молодая дѣвушка знала, какую власть надъ нами имѣетъ любимый предметъ, и чувство дѣвической стыдливости не позволило ей наединѣ слушать увѣренія Антоніо въ любви. Она привела его въ часовню, гдѣ безъ робости внимала его клятвамъ; она не спрашивалась ни густой сѣни, почти совершенно скрывающей внутренность часовни отъ солнечныхъ лучей, ни прекрасныхъ, таинственныхъ ночей, столько благосклонныхъ любви и наслажденіямъ! Съ нею была ея Покровительница, которая никогда не оставляетъ уповающихъ на нее.

Во время Храмоваго праздника въ селеніи, Пажита купила у богомольца серебряное кольцо, съ гроба одного св. Мученика. Принимая его, Антоніо похитилъ поцѣлуй уной, которая святынею хотѣла замечать объятъ свой въ любви и вѣрности къ нему. Молодая дѣвушка спаралась скрыть краску на груди своей матери, но мать сказала молодому челоѣку: будь моимъ нѣжнымъ сыномъ. . . Въ черныхъ глазахъ Пажины изображалось столько любви и счастья!

Назначенъ день свадьбы. Пажита нарвала лучшихъ цвѣтѣвъ, сплела изъ нихъ вѣнокъ и украсила имъ Образъ Пресвятой Дѣвы въ горной часовнѣ. Приношеніе ея было также чисто, какъ ея любовь. Она съ умиленіемъ взидала на то мѣсто, гдѣ стоялъ ея любимый, на лимонное дерево, носящее имя Антоніо. Сіи драгоценныя воспоминанія возвышали ея счастье.

Но внезапно потряслись вѣтви лимоннаго дерева; явилась женщина съ сомнительною

поступью, съ неподвижнымъ огненнымъ взоромъ, съ распрепанными волосами. «Черезъ нѣсколько дней Антоніо оставишь сіи горы!» произнесла она ужаснымъ голосомъ. Язвительный смѣхъ послѣдовалъ за симъ предсказаніемъ! Три раза опозвался онъ въ ухахъ молодой дѣвушки. Наконецъ все упихло. Но эпитъ голосъ еще раздавался въ сердцѣ Пажипы; онъ напоминалъ ей объ опъздѣ любезнаго. Она медленно идетъ домой, надежда ея исчезла. Антоніо удалился; шакъ сказала Невѣдомая.

Прошло нѣсколько дней. Разнесся слухъ о войнѣ. Говорили о непріятелѣ. Глаза Антоніо воспламенялись браннымъ жаромъ, сердце его сильно билось. Пажипа угадала его намѣреніе: она женщина, она шренещетъ—но она Испанка. Она прижимаетъ къ сердцу Антоніо и говоритъ ему: «Иди и возвратишь побѣдителемъ; иногда я буду швоею.»

Молодой Каспилецъ взялъ свой мушкетонъ, и зашкнулъ за поясъ кинжалъ. Онъ накидываетъ на плеча длинный темный плащъ и прощается.

Пажипа лепишь съ быспроптою лани; она взбѣгаетъ на гору; отсюда далѣе можешъ она видѣшь своего любезнаго. Она снимаетъ съ себя покрывало и махаетъ имъ. Блещащее оружіе отражаетъ солнечные лучи: это мушкетонъ Антоніо. Скоро онъ скрылся за опдаленными ушесами. Пажипа ничего болѣе не видишь; она одна въ горахъ; сердце ея спѣняется. Опершись на дерево, она окинула взоромъ ближніе къ ней предметы, и увидѣла, что она находится подлѣ лимоннаго дерева. Вънокъ, коимъ она украсила Образъ Пресвятой Дѣвы, незадолго до опъзда Антоніо, еще не увялъ. Пажипа взяла его съ ропотомъ. Увы, сказала она, ты пережилъ мое счастье.

Въ забыши она рвала цвѣты, распуціе на берегу ручья и бросила ихъ въ воду. Кипящія волны попока уносили ихъ, и скоро желтая пѣна его поглощала и яркій блескъ и сладкій запахъ сихъ любимцевъ весны.

Эпитъ попокъ не естъ ли изображеніе мяпяжныхъ спрастей, мгновенно разрушающихъ сладостное обольщеніе юнаго сердца?

Пажипа каждый день приходила на то мѣсто, отсюда въ послѣдній разъ видѣла она удалявшася Антоніо. Она хранишь лимонное дерево; всѣ попеченія ея посвящены ему; она чувствительна и склонна къ предразсудкамъ; ей кажется, что жизнь любезнаго неразлучна съ существованіемъ сего дерева. Она идетъ къ ближнему источнику, черпаетъ воды, и поливаетъ корни предмета своихъ заботъ. Часовня и ключъ, отсюда она достаетъ воду, видяшь ее и рано и поздно. Набожность и любовь раздѣляютъ сердце молодой дѣвушки, и когда она перебираетъ въ рукахъ своихъ хрустальные чешки, произнося въ слухъ: *Sancta Maria*, имя друга съ невольнымъ вздохомъ срываетъ съ успѣ ея.

Иногда воображаетъ она видѣшь вдали складки темнаго, длиннаго плаща; ей чудятся скорые шаги пунника, который завидя родимый кровь, спѣшишь увидѣшь старую мать свою и обнять предметъ первой любви. Пажипа вскакиваетъ внѣ себя: но это обманъ чувствъ. Друзья Антоніо шревожатъ опсущеніемъ. Его подруга шмопришь на лимонное дерево: оно по прежнему цвѣшетъ и зеленѣетъ; красавица умѣряетъ грусть, кидаетъ взоры на дорогу, по кошорой онъ удалился и говоритъ: онъ возвратишь. Прошло довольно времени; нѣкоторые изъ товарищей Антоніо возвратились, а его нѣшь, какъ нѣшь. Лимонное дерево увядаетъ, листья его желшѣютъ, иссыхаютъ и опадаютъ; надежда съ каждымъ днемъ угасаетъ въ сердцѣ Пажипы. Она спарается оживишь большое дерево; но всѣ труды ея напрасны, и шелескъ изсохшихъ листьевъ подлѣ ея ногами зашпавляетъ ее шрепешать, возбуждая въ ней горестное предчувствіе.

Въ одинъ вечеръ она запоздала на горѣ; мучительное безпокойство шерзало ее, когда она собралась домой. Вдругъ поднялась буря; знойный южный вѣтеръ раскидалъ черныя кудри по лицу молодой дѣвушки. Она остановилась; ей послышался шощъ же язвительный смѣхъ, который слышала она передъ опъздомъ Антоніо. «Женихъ швой не возвратишь!» сказалъ охрипый, дикій голосъ и, при блескѣ молніи, Пажипа узнала

незнакомую. Волнуемая спрашною мыслию, кощорую она не смѣла изслѣдывать, дѣвушка ускорила шаги и приходитъ къ машери Антонио. Она видитъ серебряное кольцо; оно дано было ему тогда, когда она получила первый поцѣлуй. На сполъ брошены перья и шемный плащъ, кощораго она шакъ долго ожидала. Глухой вопль вырывается изъ ея груди: «онъ умеръ!» вскричала она, и слезы машери подтвердили истину словъ ея. Она подноситъ къ ушамъ своимъ кольцо, надѣваетъ сошканную для него ею перевязь и спремглавъ кидается вонъ.

На дворѣ царщвовала ужасная шемнота, изрѣдка освѣщаемая багровымъ свѣшомъ молній. Громъ гремялъ безпреспанно, и симъ грознымъ, величешвеннымъ звукамъ вшорило горное эхо.

Отъ проливнаго дожда образовались бурные пошюки: шпропинки, по кощорымъ ушромъ пробѣгалъ веселый Арриеро, превратились въ глубоке и опасные овраги. Въшерь яросшно завывалъ въ шѣсныхъ ущеліяхъ; къ сильной грозѣ присоединился градъ, губитель надеждъ поселянина и, по временамъ, слышенъ былъ звукъ монастырскаго колокола, какъ бы возвѣщающій заблудшему спраннику близость пріюта отъ бурь природы, кощорый служилъ убѣжищемъ и отъ волнений сердца.

Пажипа ничего не слышитъ, ничего не видитъ; всѣ чувсшва ея перелились въ сердце; влечение любви и опчаянія приводитъ ее къ часовнѣ. При блескѣ молній, она видитъ лимонное дерево; кидается и обнимаетъ его. Мой Антонио! вскричала она. Взоры ея невольнo обращаются къ ея Покровишельницѣ, предъ коею она произнесла обѣщаніе; ей нѣчего было просить. Прешвятая Дѣва! Антонио! еще разъ произнесла она. Эхо повшорило сей послѣдній опшзвъ религии и любви; но Пажипы уже не спало. На другой день Пажипа не явилась, долго искали ее; наконецъ, нашли подлѣ лимоннаго дерева бездушный шрупъ дѣвушки. Въшерь покрылъ его листьями, облепшвшими съ любимаго деревца Пажипы.

Часовня и горный ключъ еще существующи; но давно уже изгладились слѣды Па-

жипы, Антонио и лимоннаго деревца. Дикія горныя расшѣнія спелаяшя надъ могилою молодой страдалицы; деревянный крестъ по-росъ уже мохомъ, и бури, кощорыя не разъ уже свирѣпшвовали въ сихъ мѣстахъ, складили его къ землѣ.

пер. В. Соколовъ.

(Изъ *Jour. des dames et des modes.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ

Я вспоминаю сѣнокосы
 На свѣжихъ, ровныхъ берегахъ,
 Гдѣ зной дневной смѣляютъ росы; —
 И крупный жемчугъ на лугахъ
 Блеститъ подъ желтою луною;
 И ходитъ ковшикъ пировой
 Между веселыми косцами,
 Межъ шѣмъ, какъ эхо за горами
 Разноситъ выспрѣлъ *зоревой*;
 Вдали заботенъ пиомный городъ;
 Но на покосахъ шелковыхъ
 Всякъ беззаботенъ, бодръ и молодъ
 Подъ звукомъ пѣсенъ удалыхъ.

О. Глинка.

ПѢСНЬ ПРЕЦІОЗЫ (*).

(съ *Нѣмецкаго.*)

Не одна я — подо мною
 Свѣшлымъ призракомъ паритъ,
 Осребряемый луною
 Незабвенный милый видъ!
 Средь забавъ иль душъ печальныхъ,
 Въ шумѣ дня, въ тиши ночей,
 Подъ шатромъ, въ походахъ дальныхъ —
 Сердцемъ я всегда съ побой!
 Какъ звѣзда, недосшижимый,
 Блещешь въ синей вышннѣ,

(*) Изъ оперы сего же имени.

И восторгъ неизъяснимый
Проливаешь въ душу мнѣ!

В. Щастный.

СО Н Е Т Ъ.

(Къ * — *.)

Когда ты занята работой
Сидѣла чинно у окна,
Слѣдилъ я съ тайною заботой
Гдѣ мыслью ты погружена? . . . .
Но чистый ликъ твой шагъ былъ ясенъ,
Какъ въ ночь глубокую луна,
И безмяшеженъ, и прекрасенъ,
Какъ ликъ младенца въ лонѣ сна!
А я? — меня смущалъ Лукавый,
Въ преступныхъ мысляхъ умъ шопилъ. . . .
Но ты взглянула — и разбилъ
Я кубокъ пагубной осправы!
Твой взоръ невинный укрошилъ
Попокъ во мнѣ кипящей лавы!

В. Романовичъ.

МО И М Е Ч Т Ы.

И безграничны и неясны
Мои игривыя мечты;
Но какъ за то онѣ прекрасны!
Какъ полны дивной красоты!
Когда спраспей огонь кипучий
Зажжетъ остывшую кровь,
Живыми чувствами могучий:
Я вспомню прежнюю любовь!
Тогда волшебныя палаты
Мнѣ строитъ дерзкая мечта;
Тогда примчимъ несжащый
Лечу въ воздушныя мѣста:
Мнѣ въ нихъ просторно, я по волю
Живу и пламенно люблю;
И въ голубомъ, небесномъ полѣ
Безъ принужденія пою!

И. Прокоповичъ.

1829.

С H A R A Д Е.

Presque à chaque instant mon premier
Sert à prouver ce qu'on assure.
En musique ou bien en peinture
On connaît beaucoup mon dernier.
Si tu veux voir dans l'entier
Un ornement particulier,
C'est terme d'architecture;
Fais-lui prendre une autre figure,
Est-il au monde un seul guerrier
Auquel il ne soit familier?
Enfin, change encore sa nature;
Plus d'une terrible aventure
Rendit fameux ce même entier.

Въ No 42 помѣщенная шарада значить: *Порт-ной.*

M O D E S.

Les formes des chapeaux négligés se rapportent presque toutes aux capotes anglaises. — Mais elles ne sont pas restées toutes dans la forme primitive des modes.

Une fort jolie qui venait des magasin de *Madame Corot, rue du Bac*, était engros de Naples blanc. — La passe froncée de deux baleines. — Doublée de rose très-pâle à l'intérieur. — La forme droite, unie. — Une cocarde rondé à deux rangs. — Le milieu était marqué par une coque plus courte que les autres. — Les brides posées sur le haut de la passe.

Les capotes de crêpe avec un bouquet de fleurs posé de côté, sans rubans. — Droit.

Les capotes de crêpe ou de moire avec un bouquet de trois ou sept plumes, sont d'une élégance simple, du meilleur goût. — Une capote à plumes peut se porter avec une robe de mousseline ou jaconnas imprimé. — Elle peut l'être aussi avec une robe de mousseline blanche ou de moire.

Nouveautés. — C'est le dernier moment des châlys, il faut se presser de les épuiser.

Le magasin *des Dames à la mode* vient d'en mettre en vente une pièce qui ne se trouve pas ailleurs et qui est ravissante. — Sur un fond blanc sont des liserons de haies, lilas très-pâle; l'intérieur de la fleur, les côtes, celles de la feuille sont bleues. — Ces couleurs sont relevées par de petits branchages noirs.

Parmi beaucoup d'autres pièces, nous citerons: sur fond blanc des branches de chêne:—Feuillages et glands verts et feuilles mortes.

М О Д Ы.

Неварядныя шляпки почши всѣ похожи на Англійскіе капоты. — Но нѣсколько уже опмѣнились опъ первообразной ихъ формы.

Очень красивая шляпка изъ магазина Г-жи Коро, въ улицѣ дю Бакъ, изъ бѣлаго гроденаля, поле собрано на двѣ коспочки, подложено блѣдно-розовымъ. — Тулья прямая, гладкая. — Круглый бантъ въ два ряда. — Средина означена одною пеплею, короче прочихъ. — Лопаски пришпилены сверху поля.

Креповые капоты съ букетами цвѣтовъ, пришпиленными на спороны прямо кверху, безъ лентъ.

Капоты изъ крепа или море съ букетомъ изъ прехъ или семи перьевъ, весьма щеголеваты и приличны для полунаряда. — Ихъ можно надѣвать съ платьями изъ печашной кисеи и жаконеша; также съ бѣлыми кисейными или изъ море.

Новости. — Это послѣднее время шалевой маперіи, надо шоропиться употреблять ее.

Въ магазинѣ des Dames à la Mode, вспупила въ продажу одна штука сей маперіи. — Она прелестна и нигдѣ такой нельзя найши. — По бѣлому грунту колокольчики самого блѣдно-лиловаго цвѣща; внутренность цвѣшка и жилки листковъ голубыя, спебли самые поненькіе черные.

Между многими еще штуками упомянемъ объ одной. — По бѣлому грунту дубовые вѣшви и листы зеленые и поблекшіе.

Платья. — Перемяна въ погодѣ не произвела перемяны въ покроѣ платьевъ. — Рукава все такіе-же. — Юбки безъ опдѣлки. — Много высокихъ лифовъ, на иныхъ пелеринки съ мысками изъ такой-же ткани.

С М Ъ С Ъ.

Чудное дѣло, что кромѣ однихъ насъ, всѣ вещи оцѣниваются по ихъ собственнымъ качествамъ: мы хвалимъ лошадь за ее стапю и доброту, а не за збрую; борзую собаку за быспроту, а не за опейникъ; о соколѣ судимъ по полѣту, а не по пупамъ и колокольчикамъ: для чего же мы не хвалимъ челоуѣка также по его собственнымъ достоинствамъ? — «Унего великолѣпный домъ, большая прислуга, пышный столъ; онъ богатъ, знатенъ, въ силѣ!» — Очень хорошо; но все это около него, а не въ немъ самомъ.

Почести, получаемыя мною опъ тѣхъ, которые непосредственно состоятъ подъ моимъ начальствомъ, нельзя назвать почестями: ибо онѣ относятся къ мѣсту, а не ко мнѣ. Каждый день вижу, что и добрый начальникъ, и любимый и ненавидимый, пользующаяся одинакими знаками уваженія. Также наружность, шопъ же обрядъ — были соблюдены: при моемъ предмѣспникѣ, соблюдающаяся нынѣ при мнѣ, и будущъ соблюдаемы при моемъ преемникѣ.

Что касается собственно до крипки новыхъ книгъ: по мы желали бы угодить ей — не тѣмъ, которые любятъ крипку въ журналахъ, какъ древніе Римляне сраженія звѣрей въ амфитеатрѣ; но тѣмъ, которые, съ благородными намѣреніями, ожидаютъ опъ нее пользы для словесности и просвѣщенія.

Каждый смертный есть актёръ и зритель. Одни смѣются шому, о чемъ другіе плачутъ. Одни съ важностию занимаються игрушками, а другіе играють судьбою и жизнью людей. Мудрый все наблюдаетъ, ничему не дивится, и старается дѣйствіемъ разума исправлять пороки, умѣрять страсти, помогать несчастнымъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 44.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 3 дня, 1851 года.

Хотя въ ученн зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находить въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМЫШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ
ПОМѢЩИЦЪ.

(1804).

Позволь однако мнѣ обычалмъ смѣяться

И явпо пропивъ пѣхъ изъ нихъ вооружашься,

Которые людей безъ пользы шагоятъ,

Князь Долгорукой.

Въ № 14-мъ Липерапурныхъ прибавле-
ній къ Русскому Инвалиду, издаваемыхъ доб-
рымъ моимъ пріятелемъ *Г. Восйковымъ*, я
общалъ чипапелямъ и чипапельницамъ
сихъ лиспковъ: передашь нѣсколько любо-
пытныхъ случаевъ, разсказанныхъ мнѣ со-
сѣдомъ моимъ *Ивняговымъ*. Исполняю свое
обѣщаніе.

Однажды въ зимній вечеръ, при завывані-
яхъ спрашной вьюги, сидѣли мы съ нимъ у
жаркогорящаго камина. Передъ нами споялъ
споликъ съ двумя бушылками Бургондскаго
и два стакана, уже не разъ опорожненные.—
«Не однимъ знакомствомъ съ домомъ *Пар-
вентьева* обязанъ я Павлу Николаевичу *Зи-
лину*» сказалъ *Ивняговъ*: «онъ представилъ
меня Елисаветѣ Ивановнѣ *Кошатниковой*, въ
деревнѣ у которой прожилъ я около мѣсяца,

и въ эпопѣ корошкій промежутокъ време-
ни болѣе узналъ обычаи и нравы деревен-
скихъ нашихъ помѣщиковъ, нежели могъ
бы эпо сдѣлать въ два года въ другомъ мѣ-
спѣ.

«Деревня Подполковницы *Кошатниковой*,
сельцо Беззаботное, лежитъ въ 90 верспяхъ
отъ своего уѣзднаго и въ 250 отъ Губерн-
скаго города.

«Генеральская дочь и единспвенная наслѣд-
ница тысячи душъ; госпожа *Кошатникова*
избалована пошворщицей—матерью, раба-
ми, слабо-умнымъ мужемъ, бѣдными низ-
копоклонными родспвенниками и мѣлкопо-
мѣстными сосѣдями. Овдовѣвъ въ молодыхъ
лѣтахъ, осталась она съ двумя сыновьями и
двумя дочерьми. Спрадая грудью, а еще
больше лѣнью, сентиментальная вдовушка
двадцать лѣтъ не выѣзжаетъ изъ деревни не
полюкко въ городъ, но и къ окружнымъ по-
мѣщикамъ. Самый дальній выѣздъ ея бывалъ
въ церковь, и по три раза въ годъ: въ Трои-
цынъ день, въ Рождество Христово и въ Свѣп-
лое Воскресенье; въ прочіе же праздники слу-
жатъ у нее на дому заупрени, молебны и
всенощныя. Она богата, сладко кормитъ, у
неѣ въ домѣ музыка, шанцы, собранія, и
пакъ, никпо не взыскиваетъ съ неѣ за не-
заплаченныя визиты, хотя нѣкоторыя со-

сѣдки Шпабъ-Офицерскаго ранга и поерживаюцца, и называюцца еѣ *спѣсивою*; но эпошопомъ, себѣ подѣ носѣ.

Госпожа *Кошатникова* получила бездѣнное, для шакой дѣвицы какъ она, право, не посѣщати домы своихъ знакомыхъ; за то собсвенный ея домъ естѣ насполицій поспоильный дворъ. Живя у нее сполько времени, я освѣдомился, что деревенская жизнь во сто краѣе разорительнѣе споличной. *Нашестейя* сосѣдей (ибо прѣзды ихъ грѣшно назвати посѣщеніями) производитѣ шакое же опущеніе, какъ *вашество* Ташаръ и Поляковъ. У госпожи *Кошатниковой*, на примѣръ, мѣсяца по два гоститѣ родной племянникъ ея Камергеръ *Лапинъ* съ женою, семерыми дѣтьми, гувѣрнерами, гувѣрнаншаками, полпою лакеевъ, горничныхъ, кучеровъ и придцашью лошадыми, а иногда, и сѣцѣлымъ оркестромъ музыкантовъ; чепыре дѣвицы *Остроуховы* почти никогда не выезжаютъ изъ сельца *Беззаботнаго*; къ ней переселился братъ ея съ причомъ; при беззубыя дѣвы, родныя сестры мужа ея; собсвенныя ея племянницы, шакаже дѣвицы, и сестра ихъ, жена опущавнаго Архивариуса *Инославной* Коллеги *Мякшева*, съ чады и домочадцы, съ борзыми и гончими собаками и съ двадцашью лошадыми. Короче, я насчиталъ болѣе шестидесяти лошадей и сорока прѣзжихъ людей дворовыхъ, копорыхъ ежедневно надобно накормитѣ, напоитѣ и помѣститѣ; надобно, чтобы сказали, что у Подполковницы *Кошатниковой* гостинныя лошады сполнѣ во колыно въ овсѣ, а дворовые люди сыты вдоволь. Это разумѣется, однакъ будничныхъ, о глухой порѣ, а къ именинамъ хозяйки, ко дню храмоваго праздника, въ Свяшки, прибавляется сполько же:

«Другіе дворяне, испраша весь годовой запасъ фуража и хлѣба, съ опчальня сами пускаются въ партизанство: они забираютѣ съ собою, и свекровей и шещей, и дѣтей и внучатъ, и кучеровъ и холопей, и обезьянъ и Французовъ—учишелей, и лошадей и собакъ, и сорокъ и поугаевъ. Часто походъ ихъ круглый годъ продолжается и они привыкаютѣ къ кочевой жизни. Госпожа же *Кошатникова*, какъ я замѣчалъ выше, вѣчная доможд-

ка, слѣдсвенно, лишена средствъ покормитѣся на чужой сѣпѣ, а круглый годъ живѣтѣ на собсвенномъ. Французскихъ солдацъ *Бонапартовскаго* времени превозносятѣ за мастерство, съ какимъ они наскоро выспраивали себѣ биваки: но ихъ проворство показалось бы мѣшканнымъ въ сравненіи спою, почти сверхъ—естесвенною быстротою, съ какою залы, гостинныя, анпресоли, баня, ветчинныя и даже рига въ деревнѣ у госпожи *Кошатниковой* преобразуются вечеромъ въ спальни. Для холоспыхъ, во всю длину обширной залы набрасуютѣ соломы, на нее накладываютъ карепныхъ и колясочныхъ подушекъ—и все это прикроютѣ просынями: вопѣ и спальня! Госпитѣ познатѣе кладутѣ колпаки, шубы и одѣла; мѣлкой сощкѣ—ихъ же собсвенные шулупы и шинели. Для барышенъ обыкновенно опводятся анпресоли, и, вмѣсто соломы, спелаяся засаленныя черины, въ головы кладутѣ подушки, рѣдко въ наволокахъ, а по болшей части, красныя кыпайчашныя; за недоспакомъ же одѣла салопы и капоты. Женныхъ шрапшуютѣ гораздо деликатнѣе: каждой чепѣ опводятѣ, если не горницу, шо каморку. Камердинеры спятѣ на голомъ полу повалкой и не раздѣваясь, лакеи на спяницѣ, а горничныя на чердакѣ. Утромъ, ни свѣтъ, ни заря—начинается бѣгопня по крыльцамъ и лѣсницамъ, чищенье плащъ, кипяченіе самоваровъ. Такую шѣсноту можно видѣтѣ сполько въ бочѣнкѣ съ сельдями!

«О любезный другъ!» говорилъ мнѣ съ негодованіемъ *Ивляговъ*: «не приведи васѣ Богъ вышпертѣть опѣ провинціальныхъ церемоній шо, что я въ домѣ доброй хлѣбосолки *Кошатниковой* вышпертѣлъ! Расскажу вамъ сполько ежедневно происходившее у насѣ передъ обѣдомъ, за обѣдомъ и при выходѣ изъ за обѣда. Какъ скоро споловый дворецкій докладывалъ, что кушанье поставлено, вдругъ всѣ госни и гостинны вскакивали съ своихъ спульевъ и бросались къ дверямъ, какъ угорѣлыя; но никто изъ нихъ иппи первый не опваживался. Отговаривались, шаркали ногами благодаря за чеспѣ, несоветѣмъ ушиво вырывались изъ рукъ почтенной хозяйки, копорая ловила ихъ, какъ будно бы въ го-

рѣзья. Отъ такой суматохи въ дверяхъ толкотня, давка. Дамскіе наряды бывають смѣшны, ноги опдавлены, бока пропюлканы лѣкпями. Въ споловой новыя хлопоты: споръ за мѣспа, какъ буднобы мѣспничество не было уничтожено Царемъ *Теодоромъ Алексѣевичемъ*. Молодые козюва, два дюжіе недоросля лѣтъ по 18-ни отъ роду и вершковъ по осьми роспу, насильно перепаскивали гостей съ нижнихъ мѣспъ на высшя, гости оборонялись—и выходило наешоящее *Мамасво побоще*.

«Счастливъ былъ шотъ, кому выпадалъ жребій сидѣть въ переднемъ концѣ спола: ему подавали и супъ горячій, ему доставался и кусочекъ стерляди, его пощивали выписнымъ Англійскимъ пивомъ и неподдѣльнымъ Шампанскимъ виномъ, у него перемѣняли приборъ, передъ нимъ спавили порядочно вымышья шарелки; между шѣмъ, какъ мѣлкопомѣспные и малочиновыые, осужденные на послѣднія мѣспа, хлѣбали горячее—холодное, многихъ блюды имъ совсѣмъ не подносили, другихъ (апельсиновъ, персиковъ, абрикосовъ и пр. и пр.) недоспавало. Намѣпанный дворецкій — проворнѣе, чѣмъ *Леманъ* въ балаганѣ—подмѣнялъ имъ порперъ—брагою, Шампанское—кислымъ Цимлянскимъ, Французскую горчицу домашнею; впрочемъ, они не увывали, поелику за завтракомъ выпили про запасъ по полудюжинѣ рюмокъ Ерофѣичу въ буфетѣ у кума *Пантелыта*, и закусили жареною на сковородѣ ломпиками печенкою—въ кухнѣ у кума *Панкратыча*.

«И за обѣдомъ ли только ихъ обносили, уничтожали? Нѣтъ,—всегда и во всемъ! кофе подавали имъ цикорный съ жидкимъ молокомъ, заспавляли счикашь со свѣчь, выгоняють собакъ, кошорыя ихъ кусали, дразниють попугая, кошорый до крови ихъ за пальцы шипкалъ; играють съ обезьяною, кошорая ихъ царапала; справливали ихъ или жець ихъ между собою, наряжали ихъ въ шуповское плашье, марали рожи сажею; разбивали пропухлыя лица имъ объ голову, заспавляли на слѣпыхъ лошадяхъ прыгань черезъ рышвины, спихивали въ воду. Но эшо бы еще не бѣда....

Весслому все въ ладъ;

И пусть играють всякъ любимую игрушкой;

Но вотъ что не въ попадѣ!

«Но вотъ что не хорошо: вмѣсптъ еъ солнцемъ, спароспа и повара пускаються по крестьянскимъ дворамъ, обирають кринки молока, куръ, яица, барановъ, наряжаютъ бабъ за грибами, дѣвокъ за ягодами, мальчишекъ ловиють раковъ. Въ городъ скачупъ подвода за подводою — покупати въ долгъ споловую провизію, заывать новыхъ гостей, свахъ, шорговокъ, медиснокъ, пласуновъ, бандуристовъ, акщеровъ, наспройщиковъ, учипелей панцованья.

«Еще хуже эшого, что опспавной Архиваріусъ ѣзда со псами за охожною, побивають у крестьянъ хлѣбъ, а баловень сыночекъ камергера *Лапина*, незадолго до меня, спрѣляя голубей, сжѣтъ у нихъ чешыре двора. Конечно, сострадашельная барыня поставила имъ новыя и опчасни вознаградила убытки, но скоро и она будетъ не въ состоянн дѣлать споль значительныя издержки. Уже продала она чешыре деревни—и ищепъ покупщика для пашой. А у крестьянъ ея ни кола, ни двора—разорены въ разоръ!

«А еще въ десяперо хуже, дорогой сосѣдъ!» съ жаромъ продолжалъ спрогой мой пріятель: «по, что дѣши не получають никакого воспитанія, сыновья, съ ушра до вечера живупъ въ конюшнѣ, мѣвляють лошадьми, бренчатъ на балалайкѣ, пляшупъ еъ бабами, скачупъ за зайцами, играють въ свайку, чипають только одну дрянъ, грублвнптъ машери, занимають шихонько опгъ несъ деньги, заспавляють плакать сестеръ, и уже порядочно попивають въ кругу птакихъ же, какъ сами, деревенскихъ негодлявъ. Дочери не занимаются ничпеніемъ, ни хозяйспвомъ, ни рукодѣлемъ, а только гадають въ карты, пересмашривають Дамскій журналъ, перещивають по немъ свой плашья, по чешыре раза въ день переодѣваються, бьють по щекамъ дворовыхъ дѣвокъ, болпають какъ сороки по Французски, кричатъ всѣ вдругъ, хохочупъ во все горло, злословяють подругъ, пересмѣхають сосѣдокъ, и считають женихомъ всякаго молодого челоука,

копорый, на бѣду свою; къ нимъ въ домъ попадается.» —

Ивняговъ кончилъ. Мы допили почашую бушмыку, пожелали другъ другу спокойной ночи—и разошлись по своимъ комнашамъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ О РЮБЕЦАЛѢ, ДУХѢ
ИСПОЛИНСКИХЪ ГОРЪ.

Тамнственнѣйшій незнакомецъ.

(*Окончаніе.*)

Громкій разговоръ обратилъ на себя вниманіе прочихъ гостей; они оставили пляски, и собрались вокругъ превращеннаго Эммерлинга, котораго своими спранными прыжками смѣшилъ все общество, и, какъ бодливый козель, кидался на всѣхъ. Госпожа фонъ Эммерлингъ на эту пору только что вздремнула, но пробужденная шумомъ, она полюбопышествовала узнать, что происходитъ. Кипо опишетъ яроспъ ея, когда она увидѣла превращеніе своего мужа, увидѣла, что онъ спалъ предмешомъ всеобщаго хохота. Она шумѣла, бранила и проклинала хозяина, называя его злобнымъ чародѣемъ. Тщешно уговаривали ее, не вооружаясь пропивъ себя могущешвеннаго Духа: она еще пуще взбѣсилась, и не прежде унялась, какъ голова ея оборотилась въ козью опъ прикосновенія волшебнаго пружика. Превращенные супруги вмѣстѣ запрыгали. На скопскихъ лицахъ ихъ изображалась взаимная любовная нѣжностп; потомъ они бросились пить воду, котораю, неизвѣстно какимъ образомъ, очутилась подлѣ нихъ въ большихъ сосудахъ, и наконецъ легли на прежнихъ мѣстахъ своихъ за столомъ, съ большимъ аппетитомъ щипля сочную траву, обильно для нихъ выраспавшую изъ стола.

Неисповество Вакханскою овладѣло всѣмъ обществомъ: дамы и мужчины, бѣгали, прыгали, кричали и пѣли, покуда наконецъ, шаталась, въ безпамятешствѣ попадали на диваны и уснули.

Любовь, говорящъ, могущешвеннѣе всякаго волшебства: ибо она сама еспъ величайшее волшебство. Опъ того-то юноша спокойно подлѣ своей возлюбленной, между пѣмъ какъ другіе бѣсновались до упаду, и когда всѣ уснули мерпвымъ сномъ, шо любовники, казалось, въ величайшемъ уединеніи сущешвовали въ самихъ себѣ. Тутъ юноша признался въ любви своей подругѣ, и—красавица пала въ его объятія.

Рѣзкій звукъ, поколебавшій всю залу, пробудилъ любовниковъ изъ сладостнаго упоенія. Сей звукъ раздался изъ машины, которую спарикъ переспалъ верпѣтъ. Освѣщеніе сверху попухало; свѣтны видимо разшупались. Музыканты болѣе перялись въ глубинѣ; музыка спановилась слабѣе; пляшущія дѣвы и малютки сливались съ шуманами; руческъ съ шумомъ пошекъ черезъ залу; пополокъ раздвоился, проглянуло звѣздное небо,—и, упоенные воспоргомъ любовники, также погрузились въ глубокой сонъ.

Солнце высоко вошло, когда тамнственнѣйшій незнакомецъ, въ сопровожденіи слуги, бѣхалъ верхомъ по долину. На дорогѣ спояли запряженные экипажи; кучера хлопали бичами. Близъ дороги зеленѣлъ живописный, цвѣтами испешренный лугъ. Кругомъ возвышались дикіе утесы, а посреди его извивался кристальный ручей. На правѣ покоилось въ глубокомъ снѣ небольшое общество мужчинъ и дамъ. Незнакомецъ соскочилъ съ лошади и пошелъ прямо къ спящимъ. —

—«Вспавайте!» сказалъ онъ, пошряхивая ближайшихъ кавалеровъ: «солнце ужъ высоко; и припомъ нездорово спать на сырой травѣ!»

Всѣ начали попягивашься, попомъ зѣвнули, попомъ прошерли и выпучили глаза.

«*Барская спѣсь!*» воскликнулъ одинъ, увидя предъ собою сіе распеніе; «*Зеленый лзыкъ!*» вскричалъ другой. «*Золотая розга!*» прошептала одна дама; «*Вѣтренница!*» промолвила другая. «*Какая согная легкая трава!*» вскричали въ одинъ голосъ Господинъ и Госпожа фонъ Эммерлингъ.—«*Ахъ, алмарантъ!*» воскликнула прелеспная, смотря спрештно на возлюбленнаго и на цвѣшокъ. — «*Бѣлыя*

розы и зеленый миртъ! подхватилъ юноша, увидя насупротивъ себя эпи цвѣтны и свою возлюбленную.

Черезъ нѣсколько времени всѣ вспали, и съ безмолвнымъ изумленіемъ посмащривали, по другъ на друга, по на незнакомыя окрестности, и содрогались при видѣ знакомаца, который сидѣлъ уже на конѣ, и съ ироническою улыбкою проспившись съ обществомъ, исчезъ. Эммерлингъ первый прервалъ молчаніе. — «Нехорошо, что мы легли на сырую траву, я жестоко проспудился; посмотрише, какъ у меня распухли губы.» — Спущникамъ его показалось будто оспались на лицѣ его еще нѣкоторыя черты козлиной физиономіи. «У меня горло ужасно охрипло,» сказала Госпожа Эммерлингъ, и всѣ узнали полуночную бляющую козиху. —

Молодой человѣкъ съ своею возлюбленною, наслаждаясь блаженствомъ чистой любви, одни только неясно помнили, что происходило съ ними въ замкѣ шайншвеннаго незнакомца. Молодой человѣкъ узналъ отъ служителей, что ихъ опвели въ какое-то отдаленное зданіе, гдѣ они и лошади, послѣ богатаго ужина и обильнаго корму, преспойно провели ночь, что съ часъ тому назадъ явился слуга, приказалъ запрягашь, привелъ ихъ сюда и попомъ исчезъ.

Путешественники сѣли въ экипажи. Всѣ молчали. Въ особенности же Господинъ и Госпожа фонъ Эммерлингъ были очень разспроены, сами не зная отъ чего. Но когда миновали дикія горы, когда достигли Силезскихъ красивыхъ селеній, гдѣ ясное солнышко освѣщало самыя живописныя окрестности, и когда остановились завтракать въ постояломъ дворѣ, тогда все общество развеселилось. Всѣ единогласно утверждали, всѣ были увѣрены, что шайншвенный незнакомецъ, споль пышно угощавшій ихъ въ волшебномъ замкѣ, былъ не кто иной, какъ причудливый Духъ Исполинскихъ горъ. Опухоль на губахъ Господина фонъ Эммерлинга и охрипость его супруги исчезли; они, казалось, даже забыли проказы Исполина. Вдругъ Господинъ фонъ Эммерлингъ вспомнилъ о своей записной книжкѣ; онъ вынулъ ее съ жад-

носною изъ кармана, желая взглянуть на свои замѣчанія о чародѣйствахъ минувшей ночи, но увидѣлъ почти испертыя магическіе знаки, копорыхъ никакъ не могъ разобрать. —

Супруги сіи долго еще не могли опспать отъ дурной привычки, оправлять своею брюгзливоспью всякое увеселеніе, но каждый разъ, когда они принимались за старую погудку, у одного распухшія губы, а у другой внезапная охрипость голоса напоминали имъ о могуществѣ отдаленнаго Рюбецаля. Эпошь гореспный опышь шакъ напугалъ ихъ, что они опказались отъ всѣхъ своихъ причудъ и съ шѣхъ поръ были душою всякаго веселаго общества.

— Неужь-шо конецъ сказкѣ? — Нѣшь, мои милыя чипапельницы! Кончипшь сказку безъ свапшьбы, грѣшно! — Скажу вамъ всю истинную правду: наши пламенные любовники, dospойные другъ друга, какъ по красотѣ, шакъ и по душевнымъ качествамъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключили брачный союзъ, и долго, долго вспоминали ту счастливую ночь, въ которую проказникъ Рюбецаль заспавилъ ихъ признашься въ любви. Пожелаемъ имъ многихъ чадъ и всякаго благополучія!

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛѢТО ЖИЗНИ.

Въ полуднѣ солнце — и горипшь,
И мещетъ пламенныя стрѣлы. . .
Природа блѣкая лежипшь,
Какъ опаленный шрупъ Семелы.
Попоки сякнушь — и вдали
Туманы зноя возлегли!
Въ отъпепѣломъ дремля горѣ,
Пустыни духъ поникъ челомъ,
И все въ уныніи пѣмомъ,
И воздухъ — огненное море.
Я, по зыбучему песку,
Нагбенный шяжеспью зноя,
Судьбы певольникъ, жизнь влеку.
Нѣшь силы болѣе . . . я, поя,

Упалъ во грѣхъ . . . горящій вздохъ
 Память сей спелъ черствый мохъ;
 Въ очахъ сомнѣнныхъ пурпуръ свѣта,
 И жажда, словно пламя, жжётъ;
 Попокомъ жаркимъ лжется пошъ —
 Какъ душно живенное льто!

Я гибну . . . жизнью мнѣ повѣй,
 О благодать, повѣй прохладой!

Дыши средь горестныхъ степей
 Мирухающей оспрадой!

Души несчастной не пытай!
 Дыханье бурь съ нею слувай.

Дремоту тяжкаго безсмысла;
 Ты брызги пылью райскихъ струй,

О Боже! молніей раскуй
 Души закованныя крылья!

Раскуй, о Боже! я взвоюсь
 На высоту роднаго міра. . .

Съ орлиной жадностью улюсь
 Блестящимъ нектаромъ зэвры —

И всныкнепъ жизнь, вздымнётся грудь;
 Я устремлю на солнце пунтъ;

Шумящимъ лептомъ воздухъ роя!

Я ширѣ крылья разовью,

Крылами сояще обовью,

Затмю его — не будетъ зноя!

Баронъ Розень.

М Е Ч Т А.

Я позабылъ любви призывы

Прошла пора мятежныхъ думъ,

И пылкой юности порывы

Смѣняя началъ холодной умъ.

Я въ цвѣтѣ льпѣ, но я ужь хладенъ

Къ волшебнымъ ласкамъ мимыхъ дѣвъ,

Покой мнѣ болѣ оспраденъ

И музы сладостный напѣвъ.

Еще для ней, любовникъ спрасный,

Люблю Поэзию цвѣпы,

И часто въ пѣсни сладоспрасной

Зову забытыя мечпы.

Но иногда, какъ сонъ глубокой

Слепнеть на домы и лѣса,

Видѣте дѣвъ чериковой

Мнѣ посвящаютъ небеса.

Она зовешъ улыбкой нѣжной

Въ объятія спрасныя свои,

И жметъ ко груди блоснѣжной,

Цѣлуешъ, шепчешъ о любви.

Я забываюсь въ нѣгъ сладкой,

Я пью блаженство съ нею вновь. . .

Мечта исчезнетъ — и украдкой

Меня оставитъ и любовь.

Л. Якубовичъ.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ.

Спи, любезный сынъ, спокойно.

На зарѣ сонъ сладокъ, миль,

Время полдня — очень знойно,

Вечеръ — хладенъ и пошпиль.

Александръ Яковлевъ (*).

Ш А Р А Д А.

Начальное мое найдете у людей,

У пшницъ и у звѣрей;

Второе вы произнесете,

Когда что побережъ другому оспраде.

Мое последнее — герой

Съ высокой пламенной душой,

Своей спраны освободителъ.

(Одинъ большой Германскій Сочинителъ

Изобразилъ его въ трагедіи своей.)

А третье мое — на спражѣ у Царей.

Въ № 43 помѣщенная шарада значить: *Car-touche*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Илья Богатырь, коллигеская, волшебная опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, представленная на Маломъ театрѣ 21 Мая.

Въ нашихъ волшебныхъ операхъ, какъ до-морощенныхъ, такъ и переводныхъ, мы при-выкли видѣть олицетворенную или безсмы-слицу, или глупость; или и ту и другую вмѣстѣ. Примѣромъ сему могутъ служить пѣсы: *Иванъ Царевичъ*, *Дочь волшебнаго міра*

* Сія Эпитафія найдена въ сочиненіяхъ славнаго нашего трагическаго актера Александра Семейновича Яковлева.

и проч. проч. проч. Видя и слыша волшебную оперу: *Илья Богатырь*, мы нынѣ въ сошный разъ наслаждались благородными оспрошаниями, коими наполнена сія піеса въ прекрасною ея музыкою, приносящею неопытлемую честь *Г. Кавосу*. Арія *Зломеки* во второмъ актѣ и дуэты: *Руссоды съ Торопомъ* въ первомъ, *Зломеки съ Леною* во второмъ и *Торопа съ Зломекою* въ третьемъ актѣ, достойны Европейской извѣстности. Назидательный умъ *И. А. Крылова* является въ обыкновенномъ своемъ блескѣ и въ разбираемой нами волшебной оперѣ: *Илья Богатырь* — Сія старая, но не старѣющая піеса нынѣ украшена была новыми персонажами: *Г-жами Лебедевою, Шелихова м.* и *Г. Петровымъ*. Жаль, что въ сіе представленіе Публики собралось весьма немного, и потому многіе изъ любителей Русскаго театра лишились удовольствія слышать совершенствующіеся таланты помянутыхъ артистовъ. *Г-жа Лебедева* мило, опчечисно пропѣла арію въ четвертомъ дѣйствіи, копорю *Всемила* изъясняетъ неперыбіе свое, ожидая съ бишвы *Владисила*, своего жениха. *Г-жа Шелихова м.* выполнила по возможности удачно, пруднѣйшую арію *Зломеки* въ первомъ и второмъ актѣ. Молодѣй артистъ *Г. Петровъ м.* ролю *Торопа* показалъ рѣшительный талантъ, копорый онъ старается образовывать съ усердіемъ человека, посвятившаго себя театру, поспрасни къ нему. Если *Г. Петровъ* успевалъ *Г. Рязанцову* въ *Торопѣ* угрою: то далеко, весьма далеко превзошелъ его искуснымъ пѣніемъ. Басъ *Г. Петрова* пріятенъ, вѣренъ и довольно силенъ. Арія, въ кошорой *Торопъ* рассказываетъ ужасы, видѣнные имъ во время путешествія его съ спашимъ *Владисиломъ*, заслужила единогласное одобреніе слушателей.

Въ былое время, оперу: *Илья Богатырь* играли на прежнемъ нашемъ Большомъ театрѣ. Обспановка ея могла иногда безпрекословно называться великолѣпною. Нынѣ играютъ *Илья Богатырь* на Маломъ театрѣ; сцена на эже весьма недоспащочна для піесы, съ такъ называемымъ, великолѣпнымъ спектаклемъ. Самыя декорации въ помянутой

оперѣ обвешивали опъ времени. Если что и напомнило намъ прежній блескъ *Ильи Богатыря*, то это танцы *Г-жъ Телимовой м. Круазетъ и Алексисъ*, и *Гг. Шелихова м. и Алексиса*.

22 Мая.

MODES.

Ensembles de toilette. — Une robe de mousseline Flore. — Fond blanc, dessins de guirlandes mêlées. — Corsage demi-décolleté à pélerine tombante garnie d'une petite bande en volant. — Ceinture et cravate verte et rose. — Fichu montant de mousseline brodée; collerette de dentelle. — Capote de moire blanche doublée de rose. — Brodequins de prunelle noire.

Une robe de jaconas imprimé à petit semé très-serré violet puce. — Des fleurs en branches, rouges et jaunes jetées. — Jupe unie. — Pélerine bordée de dents. — Capote de pagne verte doublée de crêpe lilas. — Un noeud de taffetas vert glacé lilas. — Deux cols de mousseline unie bordés d'un large ourlet fait à jours, une petite dentelle autour. — Brodequins noirs.

Une robe de moire marron; pélerine de mousseline, plate, bordée d'une broderie à grandes dents formées de petites; autour de chaque une petite dentelle très-basse. — Deux cols brodés en dents. — Cravate de mousseline brodée. — Capote de moire jaune soufre, une blonde, un noeud de gaze au milieu duquel était un bouquet de jasmin d'Espagne, — des souliers de prunelle noire.

Robe Jaconas blanche. — Jupe unie. — Une pélerine de jaconas, platé, faisant la pointe devant et derrière, garnie tout autour d'une dentelle (en imitation) haute comme la main, froncée, — plus basse en approchant de l'extrémité des pointes. — Un noeud de gaze rose découpé en pointes, point de coques. — Ceinture rose et blanche. — Capote de crêpe rose, bouquet de plumes roses. — Souliers de gros de Naples noirs. — Gants jaune paille.

Robe de mousseline de soie, fond pistache, dessins rouges et noirs sur médaillons blancs. — Au dessus de l'ourlet, une petite garniture très-basse, bordée d'un petit liseré de taffetas pistache. — Corsage à mantille en étoffe de la robe. — Manches longues. — Coiffure un peu basse; un ruban cerise tournant autour des cheveux en couronne, et se terminant par un noeud en cocarde de côté. — Un bandeau attaché par une émeraude. — Une chaîne d'or formée d'anneaux allongés joints par une émeraude, tournant deux fois autour

du cou.—Bracelet d'or ciselés.—Souliers de gros de Naples noirs.—Gants blancs.

Pl. No 14. Négligés.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.— Платье изъ кисеи флоры. — По бѣлому грунту пестрѣя гирлянды. — Лифъ полу-открытый съ откидкою пелеринкою. — Поясъ и галсучекъ розовые съ зеленымъ. — Шемизетка вышитая кисейная; борочикъ кружевной. — Капотъ изъ бѣлаго море подложенъ розовымъ. — Сапожки черныя прюнелевыя.

Платье изъ жаконета, печатнаго мѣлкими, весьма частыми крапинками фиолетово-пюсового цвѣта. — Сверху разбросаны вѣтки красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. — Юбка гладкая. — Пелеринка вырѣзана зубцами. — Капотъ изъ зеленаго рагне подложенъ лиловымъ крепомъ. — Галсучекъ изъ двуличной шафши зеленаго съ лиловымъ цвѣтомъ. — Два ворошника изъ гладкой кисеи съ прозрачно-выспроченнымъ, широкимъ рубцемъ, кругомъ узенькое кружево. — Черныя сапожки.

Платье изъ море каштановаго цвѣта; гладкая кисейная пелеринка, по краю вышита большими зубцами, составленными изъ маленькихъ. — Два ворошника вышиты зубцами. — Галсучекъ вышитой кисейной. — Капотъ изъ море сѣрнаго цвѣта, съ блондою, на шულѣ газовый бантъ, въ срединѣ котораго букетъ Испанскихъ жасминовъ. — Башмаки черныя прюнелевыя.

Платье изъ бѣлаго жаконета. — Юбка безъ оплѣлки. — Гладкая пелеринка изъ жаконета сзади и спереди мыскомъ, обшита собраннымъ Англійскимъ кружевомъ шириною въ ладонь къ мыскамъ уменьшаясь. — Бантъ изъ розоваго газа, вырѣзанъ мысками, безъ пепель. — Башмаки черныя. — Перчатки соломеннаго цвѣта.

Платье изъ шелковой кисеи, по фисташковому грунту бѣлыя медальоны, и по нимъ черныя съ краснымъ узоры. — Сверхъ рубца узенькая оборка съ шафшиною выпушкою фисташковаго цвѣта. — Лифъ съ откидкою пелеринкою изъ шакой же матеріи, какъ платье. — Рукава длинныя. — Прическа не высока; алая лента обернута около волосъ, сдѣланныхъ короною, а на боку кокарда. — Повязка замкнута изумрудомъ. — Золотая цѣпь изъ продолговатыхъ колець схваченныхъ изумрудами, обернута въ два раза около шеи. — Золотыя браслеты съ насѣчкою. — Башмаки черныя гроденаплевые. — Перчатки бѣлыя.

Кар. No 14. Одежда за-просто.

С М Ъ С Ь.

Еслибъ я могъ заставить себя бояться: то и тогда бы предпочелъ быть любимымъ.

Чѣмъ больше кпо любишь подшучивать, тѣмъ больше навлекаешь на себя непріятныхъ послѣдствій.

Чтобъ хорошо управлять семействомъ, надобно умѣть хорошо управлять собою; надобно опыскать въ самомъ себѣ такую отличительную черту, которая служила бы къ усовершенію порядка въ цѣломъ семействѣ. И такъ, начни съ того, чтобъ очистишь свою душу, а потомъ укори и умѣрь свои страсти, которыя отшращаютъ её отъ первой своей правоты и наклоняютъ къ пороку.

П о п р а в к а.

Въ No 43-мъ Литер. Прибавленій, въ стихотвореніи Пѣснь Преціозы, ошибкою *напечатано*: строка 1, подмною *вльсто* на до мною; строка 5, душъ *вльсто* думъ строка 6, почей *вльсто* ночью.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 45.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 80, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюня 6 дня, 1831 года.

Равно презрѣвъ и лѣсъ внимающій и лѣстець.

Милоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОНЪ ОПОМНИЛСЯ!

Онъ учился Россійской Грамматики по *Соловю*, пропамъ по *Никольскому*, Вышійству по Учебной книгѣ *Н. И. Грегга*; зналъ Логику и Метаматематику; Французскій и Нѣмецкій языки; писалъ списки изряднѣшенько: чего-же еще болѣе? Вотъ его правъ на то, что бы отъ всего сердца счищать себя великимъ человѣкомъ. Сверхъ того, часто посѣщаль театръ въ своемъ городкѣ, освистываль актёровъ, волочился за шанцовщицами. Это подстрекнуло его честолюбіе: онъ сдѣлался невольнo писателемъ комедій и водевилей; ихъ играли на театрѣ уѣзднаго его городка и на деревенскомъ театрѣ Губернскаго Предводителя; при чемъ безтолковые любители одно въ нихъ хвалили, другое хулили, какъ обыкновенно водится съ доморощеными произведеніями.

Возгордясъ, онъ изъ-подписка посылалъ въ журналъ *Пялюшкина* площадныя ругательства, воображая, что онъ ими колить, какъ булавами, тогда, какъ онъ билъ ими, какъ дубиною. Такимъ похвальнымъ ремесломъ нажилъ онъ себѣ непріятелей; при разспрашиваніи и два раза дрался на кулакахъ; потомъ, когда обратился на себя вниманіе Городничаго въ соседнемъ городкѣ своемъ,

какъ человѣкъ безпокойный, а между тѣмъ безпрестанно слышалъ, что его называютъ великимъ Геніемъ, то не могъ долѣе ужиться съ провинціалами. Онъ уложилъ въ чемоданъ свои книги, выпросилъ у маэри 300 рублей монетою по курсу, и—18... Января 9, опслужив молебень, отправился въ рогожной кибиткѣ на прощальныхъ, по Писерской по широкой по дорожкѣ.

Сколько воздушныхъ замковъ строилъ онъ отъ *** до Серпухова, отъ Москвы до Новгорода! Онъ приближался къ Пепрополу; золотой шпиль заигралъ съ солнечными лучами въ глазахъ его; по его блеску, онъ предугадывалъ свою блестящую судьбу и богатство. Онъ былъ виѣ себя отъ радости, восторга, упоенія и часно разговаривалъ самъ съ собою: «*Безсовѣстнѣ*, онъ своего періодическаго изданія такъ разбогатѣлъ, что переселился изъ подвала на чердакъ; *Невѣждину*, его неистовая газета подноситъ ерофѣичъ вмѣсто сивухи, которую употреблялъ онъ при люспра; переводчики плохихъ Романовъ получаютъ за нихъ хорошія деньги; *Разбойники* (трагедія) обогатили не Ашамана своего, а тѣхъ, кои вывели ихъ на сцену и заставили говорить нелѣпости. Чѣмъ я безграмотнѣе другихъ? чѣмъ я не молодецъ?»

Подъѣзжая къ Московской заставѣ, онъ сначала нѣсколько разспроился; ибо надѣл-

ся, что депутация Ученыхъ будетъ выслана ему на встрѣчу; но ошибся также, какъ *Наполеонъ* въ 1812 году Сентября 2, подѣхавъ къ Драгомиловской заспавъ. Нашъ Пипта не выдалъ ничего, кромѣ Лиговскаго канала, караульни, козака, споявшаго передъ нею, и огромныхъ пелѣгъ щебня и навозныхъ кучь.

Но вскорѣ ободрился и опять предается размышленію: слипая въ одно громада высокихъ каменныхъ зданій, Главный Штабъ, Зимній Дворецъ, Адмиралпейство открыли ему обширное поле для замысловъ, надеждъ и обманчивыхъ мечпаній.

Онъ остановился на Петербургской спорѣ, у внучапнаго брата его проюродной пшпушки. На другой день послѣ пріѣзда своего, онъ спѣшилъ посѣтити особъ, къ копорымъ имѣлъ рекомендацельныя пасьма. Сперва онъ явился къ одному изъ Членовъ Императорской Россійской Академіи, къ копорому предепавляющся всѣ Липературные новобранцы, высылаемые изъ Губерній, гдѣ сей Членъ имѣетъ помѣстья, въ Пиперь. Сколько блестящихъ грезъ пролетѣло въ сію узкую дверь! Сколько молодыхъ людей съ великими надеждами, уже пользовавшихся въ своемъ кругу пѣкопорою Липературною славою, въ эшомъ грязномъ кабинетѣ читали свои кладбища, свои мечпы, вопали на безвременныхъ могилахъ своихъ красавиць и просили покровительства у сего Академика! Увы! разочарованные, чрезъ два, три мѣсяца промѣняли они свои надежды на незавидныя мѣста писцовъ въ Сенапѣ, или Канцеляріи! Сколько сочинителей Одѣ вешупило въ Армейскіе пѣхошныя полки Унперъ-Офицерами!

Ошкляпавшисъ Мсценатѣ, — нашъ пріѣзжій посѣтилъ по порядку будущихъ своихъ милосшивцевъ: былъ у одного Спашскаго Совѣтника, у двухъ Надворныхъ, у Сенапскаго Оберъ-Секретаря, у пяти Журналистовъ: *Остроумова, Наглицова, Перельгалкина, Добромыслова, Пялиошкина-Невгъждина*; завернулъ къ *Ренегату*, опрекомендовался *Банкрутину*.

Вездѣ находилъ онъ хорошій пріемъ, множеству полезныхъ совѣщовъ и приглашеній

на вечеръ. Нашлисъ такіе сострадательные люди, копорые штерпѣливо выслушали два и даже три его спихотворенія — и сквозъ зубы похвалили ихъ. Одинъ говорилъ ему, что съ его блестящими паланптами спойтъ только ему показаться въ Свѣшъ — и выбиралъ мѣсца и назначалъ себѣ жалованье; другой увѣрялъ, что ему надобно только заикнуться: по любой Издапелъ періодическихъ сочиненій за честь себѣ поставитъ имѣть его своимъ сопрудникомъ, и навѣрное положитъ ему огромное содержаніе; третій божился, что книгопродавецъ *Смирдинъ*, издапелъ *Карамзина* и *Крылова*, охотно дастъ ему по 5-пи рублей за каждый спихъ... Чѣмъ же все эшо кончилось? Увидите, чпшайше далѣ!

Онъ припашилъ съ собою предлинную Саширу, копорую написалъ въ Москвѣ, подѣвланіемъ покойнаго *Сорокоалтъинникова*, на манерь извѣстныхъ произведеній въ семь родѣ, по еспь, въ 598-ми Александрійскихъ спихахъ съ единспвенными въ Россійскомъ языкѣ рифмами; на примѣрь: *одръ, бодръ; голосъ, волосъ; отгій, зодгій; Весталокъ, жалокъ*. — Въ ней разруганы были Кнзья и Графы, провинившіеся предъ нашимъ Пиппою пѣмъ, что они Кнзья и Графы; богачи, преспущные пѣмъ, что осмѣлились бытъ его богашѣ; бессмертные Писатели, достойные бича фурій за то, что они пользовались благоволеніемъ Государя, уваженіемъ вельможъ, соспавили себѣ многопшными липературными пшудами порядочное состояніе. Нашъ молодой Саширикъ не былъ дурнымъ челошкомъ, но зависпъ, извѣстная нынѣ подѣименемъ соревнованія, грызла его сердце. Онъ кшнулся съ своей Саширою на извошца — и съ громомъ явился передъ книжнымъ магазиномъ *Ивана Васильевича Слѣнина*. — Смѣпливый книгопродавецъ посулилъ ему за оригиналь 30 рублей монетою. Не годуя на споль дешевую оцѣнку его шворенія, онъ бросился къ Гг. *Заикинымъ*: пшпъ предложено ему на 50 рублей книгъ по каположной цѣнѣ и ни одного гроша ходячесо монетою.

Прокапавъ рубль серебра (3 руб. 75 коп.); онъ наконецъ сбылъ съ рукъ спихотворъ

ный шоварь свой одному молодому, пылкому торговцу произведеніями ума за 100 рублей и выговорилъ для себя 30 экземпляровъ на велевовой бумагѣ. Нашъ Пиппа ожидалъ совершенія своихъ честолюбивыхъ желаній, ш. с. напечатанія послѣдней спиралицы своей Сапиры, съ такимъ непорѣвнѣемъ, съ какимъ Издапель журнала считаешь 31 Декабря въ газетной Экспедиціи подписчиковъ; съ какимъ опкупщикъ дожидается масляницы.

Между тѣмъ, рукопись его переписывалась, набѣло, цензуровалась, набиралась, оппечывалась, описывалась къ Цензору для сличенія, отъ него въ Цензурный Комитетъ съ одобрительною надписью, изъ Цензурнаго Комитета съ припечатаннымъ билетомъ обратно въ Типографію; изъ Типографіи къ переплетчику. И вотъ, 30 экземпляровъ оной въ рукахъ Автора!

За неимѣніемъ казны, онъ бѣжитъ рачеюшко пѣшкомъ къ раздавателямъ вѣнцовъ и лавровъ и ворчипъ: «я заславлю васъ говорить о себѣ!» *Наглецовъ* принялъ новаго *Кантелира* опмѣнно ласково, сказалъ ему, что онъ напрасно убытчилъ, переплетная свою книжку въ сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ; что не взялъ бы отъ него подарка, если бы не было сдѣлано на главномъ листѣ надписи; что онъ не беретъ взятокъ. Попомъ спросилъ: «были ли вы у моего главнаго Сотрудника? — Не успѣлъ еще! — описывалъ провинціальныи Автора. «Поѣзжайте же сей часъ!... да еспѣ ли съ вами для него экземпляръ? — по онъ щекопливъ; честь ему дороже миллионовъ!» — Пиппа показалъ ему другой экземпляръ въ пышномъ переплетѣ. «Хорошо, сказалъ *Наглецовъ*, а по онъ могъ бы обидѣться!» Къ 4 часамъ пополудни, нашъ Пиппа успѣлъ развестъ свою Сапиру законодателямъ Парнасса: всѣ обѣщали ему сказать о немъ доброе словечко въ своихъ листкахъ. Но всѣ ли сдержали обѣщаніе? Нѣтъ! Одни совѣтовали ему поучиться въ Уѣздномъ училищѣ, другіе поймали въ воровствѣ изъ кладовой Князей *Горгакова* и *Вяземскаго*; иные находили, что онъ слишкомъ близко подражаетъ одному извѣстному Припчеписцу. Съ досады, онъ написалъ ведевиль и весьма порядочно; отвезъ въ Театральную Дирекцію,

гдѣ его не приняли на Театръ, паходя моповствомъ плашить деньги посипороннимъ лицамъ, когда у нихъ еспѣ на жаловань свой знаменитый Драмапическій писатель, *Степанъ Ивановичъ Висковатовъ*. Однако обнадежили его, что если онъ напишетъ Романпическое предсавленіе въ семи сункахъ, съ балетами, сраженіями, свашьбою, разнородными плясками, колдунами и колдуньями: по можетъ быть заранѣе удостовѣреть въ благосклонномъ приѣмѣ на Театръ его произведенія. Молодой Поэтъ заперся въ своемъ чуланѣ: черпилъ и начерпиль *нѣшто*, чему нѣтъ досель имени; переписалъ и оппечъ опять въ Дирекцію. И опять получилъ отказъ, на основаніи того, что послѣ комедіи *Князя Шаховскаго*, въ которой 45 дѣйствующихъ лицъ (не считая актера, что лаетъ); Публика не можетъ видѣть мѣлкопомѣстныхъ Драмапическихъ пьесъ, въ кошорыхъ не болѣе 10 или 15-ти ревижскихъ душъ.

Наконецъ, онъ принялся за Испорію; но его Испорія была слишкомъ чистымъ слогомъ написана; еѣ всякой простолюднѣ понимашъ могъ. Къ помуже Авторъ еѣ, съ какимъ-то глупымъ благоговѣніемъ вездѣ придерживался спаринныхъ льпописей. Онъ не зналъ, что нынѣ любяшъ Испоріи, похожія на сказку о Бовѣ Королевичѣ. Окончивъ еѣ, онъ обратился опять къ книгопродавцамъ, но сіи на опрѣзъ опказались; сказавъ, что превосходнѣ, глубокомысленнѣ, сладкогласнѣ, ученѣ, живописнѣ, ваятельнѣ Испоріи Русскаго Народа, ничего умъ человѣческой произвестъ не въ сосполннн, и что послѣ него писашъ Русскую Испорію, — еспѣ дерзоспѣ, достойная мщенія боговъ и челоуковъ.

Не зная куда обратиться, что начать, прозюю ли писашъ или спихами, вездѣ встрѣчалъ отказы и оскорбленія, обремененный долгами, видя въ порпныхъ, извопчикахъ, содержателяхъ респораций и даже въ хозяинѣ дома — своемъ свойственникѣ, пакихъ людей, которые не вѣрующъ въ Литерашуру, онъ воспользовался симъ годичнымъ урокомъ: выбросилъ въ окно перья и весь письменный приборъ, сжегъ свои рукописи, пересталъ считаши себя великимъ Геніемъ, и безъ ба-

рабаннаго боя снялъ свой лагерь и опрешировался въ глубину своей провинціи, въ наслѣдственную свою деревеньку, въ родные хоромы опцевъ своихъ. Тамъ принялся онъ прилежно обрабатывать землю, весною разсаживаетъ яблони, груши, сливы; женился на пригожей дочери своего сосѣда и, сидя на шѣплой лежанкѣ, восклицаетъ: я счастливъ!

А. Кораблинскій.

18 Октября
1830.

СЛОВЕСНОСТЬ.

М Е Ч Т А.

Комната слабо освѣщена; едва можно различать въ ней предметы. Сквозь кисейныя занавѣсы и почти опущенныя шпоры, видна лежащая женщина: молодая и прекрасная. Сонъ ея, кажется сномъ безпечнаго младенца и вмѣстѣ прелестной женщины. Руки ея закинуты за голову; пальчики одной изъ нихъ зашупались въ волосахъ, другою она что-то держала, но въ забытій уронила; она мечтаетъ; легкая улыбка мелькнула на устахъ ея.

Дверь тихо опворяется:—оспорожно входитъ мущина, приближается къ изголовью постели и оспанавливается.

Это мужъ ея!

Онъ любитъ ея. Глаза его прикованы къ сему милому лицу,—онъ весь въ воспоргѣ, въ удивленіи. Онъ гордится ея.

Эта женщина, столь прекрасная, столь плѣнительная, принадлежитъ ему, онъ принадлежитъ ей и—навѣки. Ея положеніе, ея фізіономія дышала какою-то роскошью. Окруженная симъ очарованіемъ, она казалась еще прелестнѣе, и Морицъ, облокотясь на кресла, предался сладостнымъ мыслямъ.

Этого нельзя назвать порывомъ распаленнаго воображенія, которое видитъ одни пожершвованія, одну борьбу; нельзя назвать снраспью, раждающеюся отъ пренятспвій, поддерживаемою принужденіемъ. — Нѣтъ, это постоянный союзъ двухъ существъ, связанныхъ взаимною любовью.

Пусть другіе ищутъ минувныхъ наслажденій. — Его радости кончатся вмѣстѣ съ жизнью; его тихая будущность украшена надеждами. Любовь его не заспавляетъ краснѣть онъ спыда любимыи предметъ. Вблизи ея, онъ можетъ гордиться своимъ сокровищемъ.

Морицъ одаренъ былъ нѣжною, чувствительною душою.— Онъ имѣлъ пылкое сердце, скажемъ болѣе, — онъ умѣлъ любить.

Спи, мой Ангелъ, вставая сказалъ онъ, и на изголовье Леоніи положилъ пучекъ цвѣтпвъ, который должны встрѣтитъ взоры ея на другой день при пробужденіи.

Онъ наклоняется, и уста его прикасаются къ уснамъ Леоніи. — Она пошевелилась произнесла нѣсколько неясныхъ словъ, и улыбаясь образу, который видѣла во снѣ, она возвращаетъ ему поцѣлуй, только что ею полученный.

Онъ опускаетъ голову свою на грудь супруги, которая все еще держитъ его въ своихъ объятіяхъ.— Онъ боится разбудить ее, и съ упоеніемъ принимаетъ ея нѣмыя и невольныя ласки.— Онъ препенетъ, какъ будто сіи поцѣлуй были неожиданны, — онъ съ жаромъ опвѣчатъ на нихъ тѣмъ же; — она шупя избѣгаетъ его поцѣлуевъ.

Это сочувствіе двухъ душъ, понимающихъ другъ друга; подумалъ онъ.— Она опгадала, что это я, и опвѣчатъ мнѣ.

Уста ихъ еще разъ встрѣтились, онъ удаляется отъ Леоніи, произнесла имя ея такъ тихо, чтобы она не пробудилась, ибо она испустила вздохъ и слабо оптолкнула его.

«Оспавь меня, сказала она въ бреду, онъ смотришь на насъ. — Не держи мою руку; прошу тебя, Мужъ меня зоветь, онъ насъ видѣлъ, удались,—спрячь мое письмо и опойди прочь! . . . — Ахъ! не обнимаи меня.»

Она дѣлаетъ движеніе, какъ бы спаралась вырваться изъ объятій.— Дыханіе ея спѣснилось, — Морицъ сначала забавляется сею спранною грѣзою, но по членамъ его пробѣжалъ холодный препенетъ, котораго онъ не въ силахъ изьяснить.— Леоніи спрашиваея его взглядомъ?— онъ весь въ превогѣ, не хочешь вѣришь,—шоска, какъ камень, налѣ-

гла на его сердце; онъ едва переводитъ духъ; сложенные руки его опустились; онъ не сводитъ глазъ съ этой женщины, которая еще улыбается; нахмуренныя брови его придаютъ ему грозный видъ.

Грозный! — Нѣтъ, — взоръ его смягчился сомнѣиємъ и минушное движеніе гнѣва смѣнилось слезою.

Сомнѣіе! Оно не продолжительно, оно близко къ печали, имѣетъ съ нею сходство, — оно уже и есть печаль.

Морицъ не замѣчаетъ ничего вокругъ себя, сердце его сильно бьется, — но онъ далеко отъ того, чѣмъ обвиняетъ Леонію, — Леонію, которую онъ обожаетъ, въ любви коей онъ сполько былъ увѣренъ.

Сначала онъ предается бѣшенству, которое уступаетъ мѣсто опчаянію. — Онъ желалъ бы лучше, чѣмъ она обманула его, нежели открыла ему глаза, — онъ еще хочетъ любить, — онъ чувствуетъ, что прежде мечталъ онъ о счастіи цѣлой жизни, которое она ему сулила, которое онъ находилъ съ нею.

Онъ поднимаетъ голову и смотритъ опять на Леонію. — Ему кажется, что онъ читаетъ еще счастливую будущность на семь миломъ лицѣ, въ этой чистой, Ангельской физиономіи, въ этой тихой, плѣнительной улыбкѣ. — Леонія! Сказалъ онъ сложивъ руки и пылающимъ лицомъ прижался къ рукъ Леоніи.

Терзанія его были слишкомъ мучительны, — онъ хочетъ говорить съ нею, потребовать отъ нея объясненія сей грезы, которая сполько его встревожила, какъ вдругъ къ ногамъ его упадетъ распечатавшая записочка.

Морицъ подхватилъ ее, — разсмаприваетъ, не осмѣливаясь развернуть, потомъ кидаетъ ее наполь, и упадетъ въ изнеможеніи на кресла. — Но, слѣдуя влеченію, которое невольно повергнетъ насъ въ несчастіе, онъ не можетъ преодолевъ желанія поднять записку, которая должна подтвердитъ ужасныя его сомнѣнія.

О еслибы онъ навсегда остался при одномъ сомнѣніи!... Это было бы для него счастьемъ.

Онъ беретъ роковое письмо . . . . развертываетъ его. . .

Лице его сдѣлалось блѣднымъ, всѣ черты его исказились, — руки его опускаются; одна изъ нихъ судорожно сжала бумагу. — Онъ уходитъ опять.

Дорога жизни передъ нимъ опустѣла, всѣ мысли, которые за часъ предъ тѣмъ усаждали его, теперь исчезли, — онъ силится опять собрать ихъ.

Но сіи счастливые дни, о которыхъ недавно мечталъ онъ, эта прекрасная будущность — кто похищилъ ихъ? Измѣна, которою эта женщина заплатила за пламенную любовь его. — Гдѣ искать утѣшенія тому, кому измѣнила любовь?

Всѣ окружающіе его предметы, лишенные прежняго очарованія, казались ему коварными льстецами, кои смѣялись минувшему и издѣвались надъ его печалію.

Она! она! повспоралъ онъ съ бѣшенствомъ, — и вздохъ вырывался изъ груди его. — Она! съ симъ Ангельскимъ лицомъ!

Но сія печаль, которую женщина изливаетъ въ однихъ жалобахъ, скоро превратилась въ ненависть, — онъ обрываетъ назначенныя для Леоніи цвѣты, коихъ листочки не такъ скоро увянутъ, какъ исчезли его надежды.

Всѣ предметы вокругъ него приняли другой видъ. — Чѣмъ болѣе онъ любилъ ихъ, тѣмъ они сдѣлались для него ненавистнѣе.

Подъ кровати приготовлена была колыбель для будущаго дитяти, которое онъ воображалъ споль же прелестнымъ, какъ мать его. Теперь онъ подходитъ къ ней съ неистовствомъ безумца; онъ изорвалъ въ куски занавѣсы, которыми самъ убиралъ спальную комнату. Онъ никогда уже не войдетъ въ нее.

Его дитя! о бѣшенствѣ! Онъ ненавидитъ его еще до рожденія! Ненависть его споль велика, что онъ никогда его не увидитъ.

Проходя мимо Леоніи, онъ останавливается еще на ней взоръ, но съ ослепкомъ скорби и возникающимъ бѣшенствомъ смѣшивается выраженіе негодованія, которое обременяетъ несчастную, пораженную симъ взглядомъ.

Онъ уходитъ,—спыдаясь объясненія, избѣгая оправданій.

Оскорбленная гордость его подавляетъ въ немъ сердечныя муки.

Для сердца мушны—довольно одной минуны, одной слезы.

Гордость его истребуетъ мести.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ М.

Милый младенецъ! начини познаванъ улыбкою матеръ,
Съ первой улыбкой твоей она позабудетъ долги
муки:
Знай, надъ чьей колыбелью родителю не ульбалась,
Тотъ не доспитъ ни пира Боговъ, ни ложа Богиини.

(*Войсковъ, IV Варгил. Эклога.*)

Въ былые дни, въ младенческіе годы,
Когда въ безсиліи нашъ дремлетъ юный умъ,
Въ сердечной глубинѣ вѣтъ страшной непогоды,
Взволнованныхъ спрасшей еще не слышенъ шумъ,

Я къ жизни разцвѣталъ руководимый вами;
Несмысленный мой крикъ, болѣзненной мой стонъ —

Вашъ царушалъ покой, вы пѣжными руками
Меня лелеяли и мой хранили сонъ;
И въ вашей ласкѣ я — нашелъ впервые радость,
Въ разлукѣ — ощутилъ я первую печаль.
Вы, давъ мнѣ бытіе — мою хранили младость.
О, первая весна, кому тебя не жаль! —

Но съ первой юностью предметы измѣнялись.
Вдали отъ васъ, близъ васъ я сердцемъ жилъ.

Передо мной вѣка раскрылись — и являлись
Изображенія небесъ. — Я славу полюбилъ.
Примѣръ зажегъ во мнѣ къ высокому стремленіе;
Я свиннокъ бытія поспѣшно развернулъ,
Воспоргъ наполнилъ грудь и пламя вдохновенья,
Какъ спранный ураганъ порывъ спрасшей раздулъ;

Но не любовь къ землѣ, не почестей алканье —
Теперь влечетъ меня къ Парнаасскимъ алпьямъ,
Цѣль, выше всего суенъ горнищъ во мнѣ желанье:
Плоды трудовъ моихъ принесешь на жертву вамъ.

Л. Я.

ГУСАРЬ

Какъ милъ сей юноша Гусарь!
Какъ вихрь безъ цѣли онъ несется,
И черный усь его смѣется,
И блещетъ мезникъ, какъ пожаръ!
Вошь дѣва съ Ангельской улыбкой
Тайкомъ паводитъ свой лорнетъ,
И въ окнахъ спашъ, какъ пальма гибкой
Склонился юнощъ во свѣдъ. . .
Гусаръ боченился недаромъ,
Какой воспоргъ, какой огонь!
Онъ задалъ шпоры — смѣнилъ конь —
И ксапи пляшетъ подъ Гусаромъ!
Скажи, пѣвецъ, къ чему твой даръ,
И грусть и пѣсни вдохновенья?
Не лучшешь въ бурн уносенъ
Скакашь — какъ юный мой Гусаръ?

Трилуный.

КОКЕТКЪ.

Огнемъ вылающихъ очей —
Ты не раждай во мнѣ желанья,
И звукомъ сладостныхъ рѣчей
Не разливай очарованья,
Не разспавляй любви съней:
Отъ жизни бурной и спраранья
Остылъ я пламенной душой. . . .
Какъ камень хладный, предъ побой —
Словамъ любви я не внимаю,
Твоей не шрогаюсь мольбой,
Твои привѣты презираю. . . .

Ивановъ.

С H A R A D E.

Coupez la queue au chat, vous aurez mon premier,
O vous, qui voulez me connaître:
Régardez votre corps, vous verrez mon dernier;
Et n'allez pas si loin pour trouver mon entier,
Car sur vous vous l'avez peut-être.

Въ № 44 помещенная шарада значить: *Тьлохранитель.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Воспитанникъ любви, *водевилъ въ 4-хъ частяхъ*, Горе безъ ума, *водевилъ*

въ одною дѣйствию и Дивертисементъ, представленныя на большомъ Театрѣ 25 Мая въ пользу Актера Г. Дюра.

Прекрасный романтическій водевиль: *Jean*, переведенъ и весьма недурно на Русскій языкъ актеромъ Императорскаго Московскаго Театра Г. *Ленскимъ* и названъ *воспитанникомъ любви*. Основа этого водевиля слѣдующая: Жанъ Дюранъ, сынъ богатаго Парижскаго купца, остался послѣ отца своего съ имѣніемъ, но безъ воспитанія. Цѣлые дни проводилъ онъ въ шракпирахъ, за биллиардомъ. Случайная встрѣча съ одною образованною, прелестною вдовою, заславила его опказавшись опъ прежнихъ шракпирныхъ его связей, а занявшись своимъ воспитаніемъ. Въ два года онъ достигъ своей цѣли, — сдѣлался образованнымъ мужемъ помянутой вдовы.

Въ этомъ водевилѣ многіе куплеты списали одобреніе слушателей, въ особенности два слѣдующіе.

Жанъ (до перевоспитанія своего, получивъ опъ Г-жи *Деликви* (вдовы) альбомъ, поеспъ:)

Угодникъ дамскій, безъ сомнѣнья,
Чтобъ поблистать своимъ умомъ,
Всѣ сладкія стиховоренья,
Переписалъ бы въ вашъ альбомъ;
Напрощенья, я своимъ манеромъ,
Счетъ паршій сплану въ немъ писашъ,
Онъ съ каждымъ новымъ *алагеролъ*,
Мнѣ будешь васъ напоминашъ!

Риголаръ (Танцмейстеръ и опекунъ *Жана*)

Я съ рода не имѣлъ дѣшей,
И часто эпимъ восхищался;
Какъ вдругъ на старости моея,
Я, холостной, въ онцы попался.
Дюранъ, передъ своимъ концемъ,
Мнѣ сына ввѣрила къ мученью,
И что за радость быль опцемъ
По одному препорученью!

Воспитанникомъ любви былъ Г. *Дюръ*, роль свою сыгралъ онъ съ успѣхомъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ шракпирѣ, съ кѣмъ въ рукъ. Никакое искусство не подошло бы ближе его къ природѣ. Г. *Риголаръ* (Г. *Рязанцовъ*) походилъ болѣе на какаго по неповоротливаго провинціала, нежели на стараго Парижскаго Танцмейстера, приходящаго въ восшоргъ опъ одного слова

объ его искусствѣ. Эту роль играетъ на Французской сценѣ въ совершенствѣ Г. *Verret*. Не мыслало бы Г. *Рязанцову* занять у него сколько нибудь дарованія для сей роли. Или мысль о непогрѣшимельномъ, всеобъемлющемъ своемъ талантѣ, удерживаетъ Г. *Рязанцова* опъ этого займа. Жалкая мысль! Г-жи *Самойлова*, *Сосницкая*, *Шелихова мл.* и *Шеллаева мл.* участвовавшія въ представленіи *Воспитанникъ любви*, доставили успѣхъ означенному водевилю.

Актеръ, Г. *Каратыгинъ младшій*, написалъ (какъ мы слышали) съ братією своею, водевиль *Горе безъ ума*. Эпа піеса наполнена грубыми выходками противъ одного Рецензента, говорящаго (болѣе прехъ лѣтъ) помянутой братіи горькія истины. Ему вмѣнено въ упрекъ даже то, что онъ происходитъ изъ купеческой фамилии. Дѣльно, Г. *Каратыгинъ*, дѣльно. Можетъ ли человекъ, рожденный купцемъ, быть съ умомъ, съ благородными чувствами? Но оставимъ шушки, скажемъ дѣльное: водевиль-горе (написанный) *безъ ума*, разыгранъ былъ съ неимовѣрнымъ успѣхомъ. Гг. *Рязанцовъ* и *Григорьевъ ст.* и Г-жи *Ежова* и *Марсель*, вѣроятно, попадавшіяся чаще другихъ подъ критическій бичъ помянутаго Рецензента, выражали опъ души все, чѣмъ только авторы думалъ (но едвали не опшибся) оскорбить его. Поздравляемъ Г. *Рецензента*!

M O D E S.

Ensembles de Toilette.—Une robe de châly fond vert, dessins de tulipes rouges et jaunes, jetées.—Corsage montant, dos plat, devans croisés, col double de mousseline brodée garni de deux rangs de dentelle, cravate de gros de Naples à mille raies.—Chapeau de paille d'Italie, cinq plumes blanches.—Des brodequins de prunelle noire.

Une robe de mousseline fond blanc, sable noir des bouquets de violettes jetés, contrariés avec un arabesque rouille.—Corsage décolleté à collerette à pointes garnies d'un tulle.—Double corsage de dessous, montant, plat.—Collerette à quatre rangs égaux séparés par une petite cravate lilas.—Capote de moire grise doublée de rose.—Brodequins de prunelle grise.—Une ombrelle de moire.

Robe de foulard du Bengale des magasins de Delle, rue Sainte-Anne.—Rosaces et points blancs sur fond bleu.—Dans les rosaces, un bleut, une rose.—Corsage montant, froncé.—Manches justes du bas, trois petis poignets.—Pélerine de mousseline brodée à grandes dents pointues.—Ruche de dentelle.—Cravate de ruban bleu et blanc.—Chapeau de paille de riz; petite forme.—Dans le nœud de gaze, un bouquet de fleurs des champs.—Des brodequins de prunele vert pâle.

Robe de gaze d'Asie, fond aventurine, mouches et rosaces blanches.—Dans chaque rosace, une fleur.—Dans les cheveux, une ferrenière.—Une pélerine de blonde.—Des souliers de gros de Naples noirs.—Des gants blancs.—Bijoux de pierre variées.

Robes.—Pour les dernières robes de soie, demi-négligées, on a fait une jolie façon de redingote.—Corsage plat, jupe fermée devant, au milieu; sur le bord, depuis le cou jusqu'en bas une ruche d'étoffe découpée.

On peut y ajouter une pélerine gamie d'une même ruche.

Les pélerines à dents aiguës vont bien.—Elles doivent faire un peu la pointe sur le devant, de manière à couvrir à demi la ceinture.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.—Шалевое платье, по зеленому грунту разбросаны красные и желтые шюльпаны.—Высокой лифъ, спинка гладкая, спереди крестообразно, двойной воротникъ вышитый по кисетъ, обшитый въ два ряда кружевомъ, галсдукъ изъ гроденапля съ мѣлкими полосками.—Испанская соломенная шляпа, съ пятью бѣлыми перьями.—Черные прынелевые сапожки.

Кисейное платье, по бѣлому грунту мѣлкія черныя крапинки, сверху разбросаны букеты филокъ, въ противоположную съ ними сторону арабски цвѣта ржавчина, лифъ отъкрытый, откидная пелеринка съ мѣсками обшита шюлемъ.—Снизу гладкій высокий лифъ.—Борочекъ въ четыре равныя

оборки, раздѣленъ въ срединѣ небольшимъ лиловымъ галспукомъ.—Капошь изъ дикаго море подложенъ розовымъ.—Дикіе прынелевые сапожки.—Зонпикъ изъ море.

Платье изъ Бенгальскаго фулара, изъ магазина *Г-на Делмля* въ улицъ святой Анны.—Бѣлые репейки и пяпнушки по голубому грунту.—Въ репейкахъ васильки и розы.—Лифъ высокой, собранной.—Рукава снизу въ обтяжку, съ према узенькими обшивками.—Кисейная пелеринка, вышитая большими острыми зубцами.—Борочекъ кружевной.—Галспучекъ изъ леншы голубой съ бѣлымъ.—Басшовая шляпка; шуля низкая.—Въ газовомъ баншѣ букетъ полевыхъ цвѣтовъ.—Сапожки прынелевые блѣдно-зеленаго цвѣта.

Платье изъ Азіатскаго газа, темно-желтаго (aventurine) цвѣта, пяпнушки и репейки бѣлые.—Во всякомъ репейкѣ цвѣтокъ.—Въ волосахъ ферроньера.—Пелеринка блондовая.—Черные гроденаплевые башмаки.—Бѣлыя перчашки.—Вещи изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ.

Красивый покрой для шелковыхъ платьевъ въ полунарядъ, на манеръ редингопа.—Гладкій лифъ, юбка спереди въ срединѣ заспегнуша; по краю, отъ шеи до низа, рюшь изъ вырѣзанной матеріи.

Можно надѣвашь съ такимъ платьемъ пелеринку, обшитую такимъ же рюшемъ.

Пелеринки съ острыми зубцами весьма красивы.—Онѣ должны быть спереди немного мыскомъ, до половины пояса.

С М Ъ С Ъ.

Не допускай, чшобы языкъ пвой опереживалъ пвою мысль.

Пробный камень показываетъ доброшу золопа, а золопо—душу челоуѣка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 46.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюня 10 дня, 1851 года.

Не мнѣжь собой, мой другъ, хулителей число;
Небесной мудрости познай законъ священной,
И вѣрь, что создано все къ лучшему въ вселенной.
Дугинъ-Боржовскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

МАТЕРИНСКАЯ НѢЖНОСТЬ ПАРИЖСКИХЪ АКТРИСЪ.

Сердце материнское есть вѣнецъ созданія. Сія истина, гораздо прежде насъ сказанная, къ счастью подлежишь весьма немногимъ изысканіямъ; не должно искашь ихъ между матерями актрисъ. Можетъ ли что равняться съ нѣжными ихъ попеченіями о своихъ дочеряхъ, и это очень естественно. Ктоже въ старости будешь пещись о нихъ самихъ, если онѣ не постараются доставить своей дочери хорошее состояніе, если онѣ не внушатъ ей *добрыхъ правилъ*? Такимъ образомъ, когда исполнится пятнадцатъ лѣтъ молодой дѣвушкѣ, назначенной для сцены, добрая мать ея ни на шагъ не отстаетъ отъ нее. Добродѣтель молодой дѣвушки есть самое слабое расшеніе! Какъ содрогается мать при одной мысли, что несчастная спростъ можетъ навсегда разстроить судьбу ея! но она съ нею, безопасно съ нею.

Надобно видѣть ее въ послѣдніе дни, когда дочь въ первый разъ хочетъ явиться на сцену; материнское сердце каждую минуцу обнаруживается въ нѣжной заботливости; щонкія ботинки замѣнены теплыми полу-

сапожками, сверхъ того совѣмъ новыя башмаки на пробкахъ предохраняють двѣ маленькія ножки отъ опасной мокроты; пища, состоящая изъ дичи, искусно приготовленной, и лучшія вина подкрѣпляютъ желудокъ; сахарная вода и бѣлокъ свѣжихъ яицъ сохраняють постоянную свѣжесть голоса; наконецъ, наступилъ важный день перваго представленія и избалованное дитя является, снабженное всеми средствами.

Мать отправляется съ своею дочерью въ театръ за два часа до начала. Она хочетъ одна присутствовать при ея пугалѣ и сама намѣрена убирать ее. Апласные башмачки, самыя маленькіе, какіе только можно было найти, выказываютъ прелестныя ножки дебютантки; вапа и крахмаленный перкаль довершаютъ полношу извѣстныхъ округлостей, которыя еще не достигли нужной степени зрѣлости; роскошныя волосы, завитыя кольцами и подобранныя искусною рукою Геліопа или Шарля, придаютъ прелесть физиономіи, открышой и плѣнительной. . . . Наконецъ, вооруженная всеми чарами, новая актриса выступаетъ на сцену, шопотъ одобренія пронесся, начиная отъ кресель до перваго яруса ложъ; раздались рукоплесканія, и мать ея съ восхищеніемъ го-

ворить: «милое дитя! я не обманулась, ты оправдала все мои надежды!»

Наконецъ, новая актриса принимается въ труппу; ей назначаютъ жалованье и — вотъ она приспороена! Но здѣсь не оспанивливаются бдительность и маперинскія попеченія. Каждый вечеръ маменька сопровождаетъ её; она слѣдитъ дочь свою за каждою кулисою и наблюдаетъ малѣйшія ея движенія. Если какойнибудь писатель, актёръ или молодой повѣса хочетъ присосѣдиться къ ней, раздраженная мать бросаетъ на него свирѣпыя взгляды, закрываетъ ее собою, какъ непроницаемымъ щитомъ и опивѣчаетъ за нее... ищешь ли кто случая завести съ нею связь, мать знаетъ уже все, и вѣрно не допуститъ сблизиться съ нею искашелямъ.

Наконецъ молва о молодой актрисѣ доходитъ до ушей степеннаго, пожилаго богача; онъ рѣшается взять ее подъ свое покровительство, быть ей полезнымъ, и мать, бывъ предвараена о столь благонамѣренныхъ видахъ его, соглашается его принять и выслушать. Онъ съ участіемъ освѣдомляется о положеніи сихъ дамъ; молодая дѣвушка, только что вступившая на театръ, получаетъ небольшое жалованье, издержки туалета стоятъ очень дорого, такъ что, при всей строгой бережливости, трудно свести концы съ концами. Маменька, шронутая добродушіемъ почтеннаго Господина, совершенно согласна съ его мнѣніемъ; она даже ошкроведно признается ему, что пожертвованія, какія она должна была сдѣлать для воспитанія своей дочери, заставили ее войти въ долги, которые много безпокоятъ ее. Еслибы только она захотѣла, то была бы очень счастлива; двадцать челоуѣкъ предлагали ей дочери коляску, шали, дорогія вещи; но пожертвовать бѣднымъ ребѣнкомъ, такимъ милымъ и въ такихъ дѣлахъ — было бы ужасно! Впрочемъ, она желала бы выдать ее замужъ; она уже отказала многимъ женихамъ; но не хочетъ прощившись склонности своей Памелы; одна только взаимная любовь производитъ счастливыя супружества; она знаетъ это по опыту; она такъ много привязана была къ своему бѣдному мужу! И теперь еще она не

переспала оплакивать его, съ пѣхъ поръ, какъ онъ палъ на поляхъ Люцена!... О небо!

Старый волокита все сіе слушаетъ съ видомъ искренняго сожалѣнія; онъ хочетъ прекратить несчастія любезнаго семейства. Впервыхъ, оно не можетъ ломѣщаться въ такой пѣсной кварширѣ; во вторыхъ, мебель его слишкомъ проста... Онъ беретъ на себя все это устроитъ иначе.

На другой день онъ опять является. Молодая актриса, зная напередъ обо всемъ, на сей разъ присоединяется къ обществу. Она также, какъ и мать ея, живо чувствуетъ цѣну оказываемаго ей участія. Новая кваршира совсемъ готова; опъ воли сихъ дамъ зависитъ переѣхать въ нее и — онъ пошчасъ на то рѣшаются. Небольшая, прекрасная комната назначена для актрисы; другая, окнами на дворъ, для матери; тамъ гостиниал, здѣсь споловая: ничто не забыто, и припомъ всё сія комнаты убраны со вкусомъ! — Комодъ набитъ шалями, платьями, блондами; въ бюро положенъ сверпокъ со сна лундорами; въ комнатѣ матери простая шелковая шаль, нѣсколько кусковъ матерій и прекрасная шабакерка. Какой любезный кавалеръ!

Три дни уже, какъ занята новая кваршира, и благодарный Господинъ каждое утро посѣщаетъ новыхъ жилищъ. Какъ опытная женщина, мать пошчасъ уходитъ, когда онъ является; ей надобно заняться хозяйствомъ; дочь по вечерамъ играетъ въ комедіи, и пошому поранѣ надобно приготовить объѣдъ.

Добродушная мать спановилась снисходительнѣе, она рѣдко уже провожаетъ дочь свою въ театръ; она въ ней увѣрена; сверхъ того Господинъ опвозитъ ее туда каждый вечеръ въ своей каретѣ. Она часто спитъ уже, когда они возвращаются — и на другой день упромъ всегда спойтъ лишняя чашка шоколаду, на случай, если покровитель придетъ не позавтракавъ.

И такъ нѣжная мать наслаждается полнымъ блаженствомъ; сладко кушая и пошывая, она не знаетъ ни заботъ, ни шума: достойное вознагражденіе за ея труды и попечѣ-

нїа о своей дочери. За то она часпо твердитъ своимъ сосѣдкамъ: какъ я довольна своей малюшкой!

пер. В. Соколовъ.

(изъ Code des Théâtres.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ФОРТУНАТА.

Сказка.

Давнымъ давно жилъ престарѣлый крестъ-льнинъ, у котораго было двое дѣтей, сынъ и дочь. Предчувствуя свой близкій конецъ, онъ подовалъ дѣтей къ своему убогому соломенному одру, и сказалъ имъ: «все приданое вашей покойной маперіи соспоало въ двухъ скамбяхъ и эпомъ соломенномъ пюфякѣ; — въ семъ скудномъ домашнемъ скарбѣ, одной курицѣ, горшкѣ съ гвоздиками и серебряномъ кольцѣ, заключается мое имущество, а ваше наследство. Кольцо и горшокъ съ цвѣтами подарила мнѣ однажды знатная Барыня, останавливаясь на нѣсколько дней въ моей хижинѣ, и при отъѣздѣ своемъ наказывала мнѣ: «поливай хорошенько гвоздички и береги рачительно кольцо. Дочь твоя будетъ чудною красавицей; посему-то назови ее Фортунашою, и если она вырастетъ, то вручи ей обѣ вещи; онѣ будутъ служить ей въ нищенствѣ утѣшеніемъ.»—Итакъ, кольцо и горшокъ съ гвоздиками—продолжалъ умирающей опецъ, — «принадлежатъ тебѣ, милая дочь, а все остальное твоему брату.» —

Дѣти, казалось, были очень довольны симъ раздѣломъ, и спарикъ скончался. Они плакали, погоревали, а потомъ, по его завѣщанію, раздѣлили между собою убогое наследство. Фортунаша до сихъ поръ полагала, что братъ еѣ любитъ, но вскорѣ съ горестью увидѣла свою ошибку: ибо когда она хотѣла сѣсть на одну изъ его скамеекъ, то онъ сердито закричалъ на нее: «забавляйся своими гвоздичками и кольцомъ; не прогай моихъ вещей; я хочу, чтобы въ домѣ моемъ все было въ порядкѣ.»

Крошкая Фортунаша вскочила въ испугъ; слезы навернулись на ея прелестныхъ глазахъ, и она принуждена была сползти, между

тѣмъ, какъ Беду (такъ назывался братъ ея) преспокойно разлегся на скамейкѣ. Наступилъ вечеръ. Беду съѣлъ за ужиномъ яйцо, которое каждый день несла его курица, и бросилъ скормупу сестрѣ своей. «На, вотъ тебѣ,»—сказалъ онъ злобно улыбаясь— «наѣшься до сыта; больше нѣтъ ничего для тебя. Если это кушанье тебѣ не нравится, то снупай и налови себѣ лягушекъ. Въ нашемъ болотѣ ихъ довольно. Онѣ безъ погос проквкали мнѣ уши.» —

Фортунаша не отвѣчала ни слова на сіи грубыя насмѣшки; да и что ей было отвѣчать? Грустно устремила она большіе голубые глаза на небо, вздохнула и пошла въ свою уединенную комнашку.

Сладостное благоуханіе наполняло ея тѣсное, тихое убежище — гвоздики разливали сей прїятный запахъ. Печально подошла къ нимъ Фортунаша и, лобызая ихъ своими нѣжными, пурпуровыми уснами, молвила тихимъ и грустнымъ голосомъ: «прелестныя гвоздики, какъ вы улаждаете взоръ мой скромною красотою! Какъ облегчаете мою глубокую, безмолвную горесть!—Ахъ! не опасайтесь, чтобы я заспавила васъ поблекнуть, или сорвала бы васъ хитною рукою; вы мнѣ нужны; вы составляете все мое имущество.»— При сихъ словахъ она посмогрѣла, ненужно ли ихъ полиить; найдя землю ихъ совсѣмъ засохшею, взяла она свою кружку, и при свѣтѣ полнаго мѣсяца отправилась къ ближайшему источнику. Торопливо шла она среди свѣсплой безмолвной ночи, и достигнувъ источника, кошорый журча, игриво извивался изъ душистаго кустарника, почувствоввала нѣкопорую усталость отъ скорой ходьбы, и пошому съла на берегу, чтобы немного опдохнуть. Не прошло и минушы, какъ явилась передъ нею величественная женщина, наружность коей соопвѣтствовала многочисленной свитѣ, ее окружавшей. Шестъ юныхъ дѣвицъ восхижительной красоты несли за нею шлейфъ сверкающей алмазами мантии; двѣ другія шли подлѣ нее, а впереди церемоніальнымъ маршемъ выступали драбанты въ голубой одеждѣ, богато унизанной жемчугомъ. Одни несли великолѣпно украшенное кресло, другіе пышную палашку, ко-

порую немедленно разбили на берегу испочника. Вслѣдъ за пѣмъ поставили красивый буфетъ, загроможденный великимъ множествомъ золошой и хрустальной посуды, и между пѣмъ, какъ знашной Дамъ подносили самыя отборнѣйшія блюда; свита ея пѣла сладкозвучныя пѣсни, которыя далеко оглашали тихую, свѣплую ночь. —

Фортунапа, которая все это видѣла своими глазами, робко спряталась за куспъ, и не могла опомнишься опг удивленія; но величественная Царица уже замѣшила ее и сказала своему Шталмейстеру: «тамъ въ куспарникъ я вижу молодую пашушку; приведи ее ко мнѣ.»

Фортунапа немедленно вышла изъ своего убѣжища, и сколько ни была робка, но смѣло подошла къ Дамъ, и сдѣлала ей такой ловкій поклонъ, что вся свита Царицы была въ восхищеніи. Попомъ схватила она край ея маншій, поцѣловала ее, и, стыдливо попупи глаза, краснѣя, какъ алая роза, основилась предъ нею.

«Что ты шупъ дѣлаешь, моя милая?» спросила Королева ласково: «развѣ ты не боишься разбойниковъ?» —

— Ахъ!—скромно опвѣчала Фортунапа—какая была бы имъ польза, еслибъ они ограбили бѣдную дѣвушку? Мое бѣдное плашь врядъ-ли ихъ прельститъ.

«Такъ ты спало бышь не богата?» —

— Я такъ бѣдна, что горшокъ съ гвоздиками и серебряное кольцо, которыя я получила въ наслѣдство послѣ смерти опца, составляютъ все мое имущество.—

«Но у тебя есть сердце; еслибъ кому нибудь вздумалось у тебя похитить его, шо опдалалъ бы ты его?» —

— Опдалалъ бы я ему мое сердце? я этого не понимаю; ибо я всегда слыхала, что безъ сердца никакъ нельзя жить; что опъ малѣйшей, нанесенной ему раны должно умереть,—а я какъ ни бѣдна — ни разу еще не скучала жизнию. —

«Ты говоришь очень умно, моя милая! Смотри, держи крѣпко свое сердце. — Но, скажи, ужинала ли ты?» —

Нѣтъ, сударыня, еще не ужинала; брашь мой все съѣлъ.

Царица попчасъ приказала своимъ дамамъ поставить для нее приборъ, посадила подлѣ себя Фортунапу, и подчивала ее самыми отборнѣйшими блюдами. —

Наша красавица такъ была поражена, такъ распрогана милостию незнакомой Госпожи, что съ трудомъ преодолѣла свою робость и немного ѣла.

«Мнѣ весьма хотѣлось бы знать,» продолжала Царица, съ улыбною вемаприваясь въ Фортунапу: «почему ты такъ поздно пришла къ этому испочнику?» —

— Я пришла за ключевою водою для моихъ цвѣшовъ,—опвѣчала Фортунапа, и при сихъ словахъ наклонила, чтобы показашъ Незнакомкѣ свою кружку. Но какъ она изумилась чудному превращенію: на мѣсто глиняной, полуразбитой кружки очутилось въ рукъ ея чистѣйшее золошо; богатый сосудъ сверкалъ драгоценнѣйшими алмазами; онъ наполненъ былъ такою свѣжею и свѣплою водою, какой еще не видывала Фортунапа. Она никакъ не смѣла присвоить себѣ превращенную кружку, полагая, что она не принадлежитъ ей; но Царица сказала милостиво: «Фортунапа! я дарю тебѣ золошую кружку; спунай домой; поливай свои цвѣпы этою водою, береги ихъ рачительно, и будь увѣрена, что Царица ласовъ тебя сердечно полюбила.» —

При сихъ словахъ Фортунапа кинулась ей въ ноги, и сказала: Милостивая Государыня! Вы осыпали меня благодѣніями, и поэтому надѣюсь, что не откажете мнѣ еще въ одной просьбѣ: подождатъ здѣсь на минушу. Я охотно подѣлюсь съ вами моимъ имуществомъ; я пойду и принесу вамъ мои гвоздики; нигдѣ не можешъ бышь имъ лучше, какъ у васъ. —

«Хорошо, моя милая,» — возразила Царица ласково—«спунай, я тебя шупъ подожду.»

Фортунапа схватила свою золошую кружку, и какъ легкая серна, полетѣла въ свою уединенную комнашку; но брашь ея, Беду, между пѣмъ унесъ гвоздики, и вмѣсто ихъ поставилъ кочанъ капусты. Фортунапа была въ опчаяніи, увидя несчастный кочанъ, и не знала, что дѣлать: оппашься ли дома, или, по обѣщанію, возвратиться къ испоч-

нику. Наконецъ она рѣшилась на послѣднее, побѣжала назадъ къ Царицѣ, бросилась ей въ ноги и сказала: «Милоспивая Государыня! брагъ похитилъ мои гвоздики, и теперь мнѣ нечего подарить вамъ, кромѣ кольца. Сдѣлайте милость, примите его въ знакъ моей искреннѣйшей благодарности.»

«Если я приму твое кольцо, моя милая, то сдѣлаю тебя несчастною;» — отвѣчала Царица.

— Ахъ! возразила Фортунаша съ живостью: если вы только меня любите, то я никакъ не могу быть несчастлива. —

Царица ласково приняла кольцо, надѣла его на палецъ и сѣла въ свою коралловую колесницу, богато осыпанную изумрудами и везомую шестеркою бѣлѣйшихъ снѣга коней. Еще разъ она ласково поклонилась юной красавицѣ, кивнула ей головою съ обворожительною улыбкою и скоро исчезла изъ глазъ ея. Давно уже умолкъ пощомъ коней, но Фортунаша все еще смотрѣла неподвижно въ ту сторону, гдѣ исчезло блистательное явленіе. Наконецъ прохлада ночная напомнила ей, что пора идти домой, и полная дивныхъ, невыразимыхъ ощущеній, занятая событіями сего важнаго дня, она возвратилась въ убогую хижину.

Вошедъ въ свою комнату, она прежде всего выбросила кочанъ изъ окна. Но какъ она изумилась, услышавъ жалобный голосъ: «ахъ, я умеръ!» Она никакъ не могла понять, откуда сей вопль. — Невозможное дѣло, подумала про себя Фортунаша, чтобы кочанъ изъ своихъ бездушныхъ листьевъ пророналъ сіи жалобныя слова! Нѣжныя ручки ея оборвали и разрѣзали ужъ много кочановъ, но ни одинъ изъ нихъ при семъ случаѣ даже не пикнулъ. Впрочемъ она не обратила на это вниманія и спокойно легла спать.

Едва занялась заря, какъ Фортунаша пошла обыскивать свои гвоздики. Первый предметъ, бросившійся ей въ глаза, былъ несчастный кочанъ. Она толкнула его ногою, говоря: «что ты тутъ дѣлаешь, мерзкій кочанъ? За чѣмъ ты, гадкій, вчера занялъ мѣсто моихъ миленькихъ гвоздикъ?»

— Я не виноватъ; меня шуда положили, — возразилъ кочанъ: я бы вѣрно не сдѣлалъ такой глупости. —

Фортунаша задрожала, осполбенѣла; но кочанъ продолжалъ: если вы сдѣлаете милость и опнесете меня назадъ на грядку къ моимъ поварищамъ, то скажу вамъ, что ваши гвоздики запряпаны въ соломенный пюфякъ вашего брагца. —

Фортунаша не знала, на что рѣшиться; наконецъ, однакожь, она понесла кочанъ въ огородъ и посадила его опять на грядку. Потомъ схватила она братнину курицу, грозно занесла ножъ надъ ея головою и воскликнула: «ты, гадкое живошное, заплашишь мнѣ жизнью за всѣ обиды и огорченія, нанесенныя мнѣ брагомъ.» —

— Ахъ, прелестная Фортунаша, — заклопала курица въ испугъ — не убивайте меня; вы услышите опъ меня большія диковинки. —

— Не думайте, — продолжала курица рассказывать изумленной Фортунашѣ — что вы дочь бѣднаго крестьянина, васъ воспитавшаго. Нѣтъ! Вы Царевна. Царица, ваша матушка, до васъ еще родила шесть дочерей, а супругъ и пещь ея грозили умертвить ее, если у нее не будетъ сына. Бѣдная Царица сдѣлалась беременною. Тиранъ заперъ ее въ одномъ пустынномъ замкѣ, со всѣхъ сторонъ обставленномъ драбантами, или лучше сказать, палачами, которыми спрочайше повелѣно было, казнить ее, какъ скоро она опять разрѣшится опъ бремени дочерью. —

«Злополучная Царица, ежечасно предвидя свою гибель, такъ помилась страхомъ, что не могла ни ѣсть, ни пить. Къ счастью у нее была сестра волшебница; ее-то она немедленно увѣдомила о своей горести и о грозящей ей опасности. Сія Фея на ту пору также была беременна, и съ помощію своихъ глубокихъ свѣденій въ Магіи, знала навѣрное, что разрѣшится опъ бремени сыномъ. Родился Принцъ. Фея осторожно уложила младенца въ красивую корзиночку и приказала Зефирамъ опнести его въ спальню Царицы, своей сестры, и подмѣнить его на Принцессу, кою корою сія послѣдняя на другой день должна была разрѣшиться опъ

бремени. Но эта предосторожность была бесполезна; Царица, долгое время не получавши никакихъ вѣстей отъ сеспры, съ помощію одного изъ спорожей ушла изъ замка, родила въ ближайшемъ лѣсу, попомъ измученная страхомъ и опчаяніемъ, полумертвая, при- была въ сію хижину. Я была крестьянка, хозяйка сего домика, и незадолго передъ тѣмъ сама родила сына; ваша мапушка оп- дала мнѣ васъ на руки, рассказала мнѣ всѣ прешерпѣнныя ею бѣдствія, но скончалась споль скоропостижно, что не успѣла сказать мнѣ, куда васъ отвезши, и попому вы осма- лись въ этой хижинѣ.

«Но какъ я, къ несчастію, отъ природы была немножко болтлива: по разглашала вспрѣчному и поперечному о семъ чудномъ происшествіи. Однажды посѣпила меня дама удивительной красоты; ей пересказала я до волоска всю исторію; но лишь только я кон- чила свой рассказъ, она допронулась до меня волшебнымъ прупикомъ, и я мгновенно пре- вратилась въ курицу, лишившись человече- ского голоса. Можете себѣ представить, въ какомъ я была опчаяніи, а мужъ мой, ко- торый въ то самое время находился въ оп- сущствіи, ничего не зналъ о моемъ бѣдств- венномъ превращеніи. Возвратясь домой, онъ вездѣ искалъ меня, и не найдя нигдѣ, подумалъ, что я или упонула, или сдѣлалась до- бычею дикихъ звѣрей. Таже самая дама, ко- торая такъ жестоко надо мною подшущи- ла, послѣ того въ другой разъ посѣпила на- шу хижину, и приказала мужу моему наз- вать васъ Фортунашою; въ тоже время она подарила ему серебряное кольцо и горшокъ съ гвоздиками. На ту самую пору пришли двадцать пять человекъ Царскихъ драбан- товъ, чтобы васъ убишь; но прелестная дама, промолвивъ нѣсколько словъ, въ одно мгновение оборотила ихъ въ зеленые кочаны. Къ нимъ-то принадлежатъ и топы, ко- торый вы вчера выбросили изъ окна. До сихъ поръ я отъ него не слыхала ни полуслова, и я сама — къ великому моему прискорбію — могла языкомъ своимъ только глопать. Го- сподь знаетъ, кто возвратилъ намъ даръ слова.» —

(Обончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

А Л Ь Б О М Ъ .

(*Княжить О-дѣ М-нѣ М-кой*).

Не вѣрю, будто-бы Альбомы
Ни что иное, какъ запасъ
Похвалъ, привѣтовъ на заказъ,
И жи, въ стихахъ и въ прозѣ томы;
Не вѣрю въ эпомъ никому:
Альбомъ, по мнѣнью моему,
Есть книга нѣжныхъ ощущеній,
Высокихъ мыслей, оспрыхъ словъ,
Прекрасныхъ чувствъ, ума цвѣтовъ,
Любви и дружбы вдохновеній;
И если въ очеркѣ моёмъ
Вы близость къ истинѣ найдете,
Тогда одно позвольте въ нёмъ
Добавить: вы живой Альбомъ,
И въ самомъ миломъ переплетѣ!

Сяновъ,

Д Р У З Ъ Я М Ъ .

Она, — мой прекрасный мечпанья,
И чистыхъ чувствъ и свѣпмыхъ думъ пошокъ,
Мои послѣднія, цвѣщущія желанья, —
Отвергла какъ убійственный порокъ!
Она насмѣшкой заплашила
За благородный выборъ мой,
И хладною душой
Моей любви не оцѣнила! . . . .
Нѣтъ! никогда обманчивымъ очамъ
И женщины въпрепому взору,
Какъ для народнаго позору,
Я счастья своего по дѣтски не опдамъ;
Не принесу предъ алтаремъ Гимена
Я кляшвы шажкой, въковой,
И на свободныя кѣсна
Не стапу, дѣва, предъ тобой!
Друзья, друзья ко мнѣ!.. Глубоко оскорбленный,
Но вашимъ добрымъ мнѣ совѣтомъ подкрѣпленный
И — чуждъ любви помпительныхъ цвѣпей,
Вспрѣчая васъ передъ роднымъ порогомъ,
Я поклонусь Парнаскимъ богомъ,
Жить сполько для моихъ друзей!

Карлаофъ.

Ш А Р А Д А.

Начало мы красится рассказъ, повѣствованье;

Конецъ мы въ азбукѣ найдемъ;

Когдажъ объдашь мы начнемъ,

Тогда на *цѣлое* мы обратимъ вниманье.

Въ No 45 помѣщенная шарада значить: *Sha-reau*.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Положенія Мирзы Хаджи-Бабы Исбагани въ Персіи и Турціи, или Персидскій Жилблазъ, чепыре части, въ 12 д. л. Первая при части напечатаны въ Типографіи А. Смирдина, въ нихъ: страницы въ I—IV, 287, во II-й 275 и въ III-й 316, а въ IV части, напечатанной въ Типографіи Ив. Глазунова 308 страницъ.

Романъ сей, написанный Г. *Морьеромъ*, представляетъ картину Азіатскихъ нравовъ, живую, вѣрную. Завязка его истинно романтическая, слѣдственно завлекательна. Русскій переводчикъ или, вѣрнѣе сказать, передѣлатель сего романа, извѣстный въ Литературномъ мѣрѣ за отличнаго Ориенталиста, твердо и пріятно владѣющій Русскимъ языкомъ, въ письмѣ къ издателю эпою передѣлки говорить: «подлинникъ сего романа, не смотря на всѣ свои превосходства, представляетъ одно важное для читателей неудобство, именно, утомительную многорѣчивость рассказа; излишество пустыхъ и незанимательныхъ подробностей и безконечныя повторы естественныя слѣдствія сей многорѣчивости. Сочинитель, воспитанный на Воспощъ, до такой степени проникнулся духомъ настоящаго Ориентализма, что неприемлемо перенялъ у Воспочныхъ, вмѣстѣ съ неподражаемою оригинальностью, и нѣкоторыя недосмазки ихъ образа повѣствованія. Азіатецъ, описывая какое нибудь происшествіе, напередъ изложитъ вамъ его вкратцѣ и скажетъ, чѣмъ оно кончилось, а потомъ уже переходитъ къ подробностямъ, и тоже самое пересказываетъ, ab ovo usque ad mala, со всѣми существенными и даже посторонними обстоятельствомъ. Прибавимъ къ тому, что подобныя обстоятельство

нвсегда бывающъ расположены у него въ томъ порядкѣ, который намъ, Западнымъ, кажется естественнымъ и логическимъ. Сии-то, именно, весьма разительныя свойства рассказа Г. *Морьера* дозволили мнѣ (Г. Переводчику Персидскаго Жилблаза) сократить его сочиненіе почти до двухъ третей настоящаго объема подлинника, не пропуская однакожъ ни одного происшествія, ни одного даже оспроумнаго или замысловатаго выраженія. Это заснавило меня также пересказавъ множество страницъ своими словами, и допустивъ разныя, необходимыя въ семъ случаѣ переложенія.»

Мы твердо увѣрены, что *положеніе Мирзы Хаджи-Бабы Исбагани въ Персіи и Турціи* принесутъ читателямъ по же удовольствіе, а можетъ быть нѣкоторымъ изъ нихъ и пользу, которыхъ доставилъ имъ романъ: *Мирза Хаджи-Баба въ Лондонѣ*, изданный въ 1830 году и служащій продолженіемъ походовъ *Хаджи-Бабы* въ Европѣ.

Изданіемъ обоихъ упомянутыхъ романовъ, на Русскомъ языкѣ, мы обязаны извѣстному въ Россіи Книгопродавцу А. Ф. Смирдину.

M O D E S.

Ensembles de toilette.—Une robe de mousseline lilas, dessins de petites cloches cerises et feuillage. Corsage à draperie croisée.—Manches terminées par trois petits poignets.—Pélerine de mousseline brodée autour.—Chapeau de paille d'Italie; une iris; rubans blancs.—Brodequins de prunelle noire.

Une robe de foulard du Bengale, fond blanc; colonnes de fleurs.—Corsage montant froncé.—Canezou de tulle brodé tout autour d'une valencienne.—Les devans à revers.—Double jockeis à dents, col à dents.—Cravate de foulard, fond blanc à rosaces.—Chapeau de paille de riz, rubans verts, des boules de neige, deux branches jetées.—Brodequins de gros de Naples et maroquin gris.

Une robe d'organdy persan, branches de pampre en ramages.—Corsage décoleté à pélerine à pointes, garnie d'un petit effilé de soie, des couleurs de la robe.—Manches longues.—Dans les cheveux, relevés en couronne, un noeud de gaze noire.—Une ferronnrière.—Des souliers de gros de Naples noir.—Des gants blancs.—Une chaîne de pierres de couleur.

Une robe gaze d'Asie, fond bleu, dessins de fleurs jetées sur rosaces blanches (des magasins de Burty, rue Richelieu).— Corsage à la grecque.— Des jockeis à pointes terminés par un petit noeud.— Manches de crêpe lisse blanc.— Les cheveux relevés en couronne.— Point de papillotes.— Sur le côté, en avant, une touffe de rubans bleus à bouts découpés, posée contre la tempe.— Des souliers de gros de Naples.— Des gants blanc.— Une écharpe de gaze blanche, façon blonde. Des bijoux d'or.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.—Кисейное платье, по лиловому грунту небольшие колокольчики алаго цвѣта, съ листьями. Лифъ крестообразными складками—Рукава съ прѣмя узенькими обшивками.—Кисейная пелеринка вышитая вокругъ.—Ипальянская соломенная шляпка, съ касатикомъ и бѣлыми лентами.—Черные прюнелевые сапожки.

Платье изъ Бенгалскаго фулара, по бѣлому грунту, гирлянды изъ цвѣтовъ.—Лифъ высокій собранный.—Канзу шюлевое, вышитое вокругъ на подобіе Валансьенскихъ кружевовъ.—Спереди отвороты.—Двойные эпoletы съ зубцами, ворошникъ съ зубцами же.—Галстучекъ изъ фулара, по бѣлому грунту репейки.—Баштовая шляпка, съ зелеными лентами и двумя наброшенными вѣтками boules de neige.—Сапожки дикіе гроденаплевые съ сафьяномъ.

Платье изъ Персидскаго органда, вѣтви плюща съ разводомъ.—Лифъ открытый, пелеринка съ мысками, обшита узенькою шелковою бахромкою, шакихъ цвѣтовъ какъ платье.—Рукава длинныя.—Въ волосахъ, сдѣланныхъ короною, черный газовый бантъ и ферроньера.—Черные гроденаплевые башмаки.—Бѣлыя перчашки.—Цѣпь изъ цвѣстныхъ камней.

Платье изъ Азіатскаго газа, по голубому грунту бѣлыя репейки, а сверху разброса-

ны цвѣты (изъ магазиновъ Бюрта, въ улицѣ Ришелье).—Лифъ à la grecque.—Эполеты съ мысками, на концахъ небольшіе банты.—Рукава изъ гладкой бѣлой дымки.—Волосы сдѣланы короною.—Спереди нѣтъ локоновъ.—Изъ голубыхъ лентъ кустики изъ вырѣзанныхъ концовъ, прикрѣпленъ на боку близъ виска.—Гроденаплевые башмаки.—Бѣлыя перчашки.—Шарфъ бѣлый газовый подъ блонду. Золотыя вещи.

С М Ъ С Б.

Спѣсивый гордится, превозноситъ и алчептъ всѣхъ пошемптъ собою. Но знаетъ ли онъ, какъ окончится для него день? знаетъ ли онъ, въ какомъ положеніи застанешъ его ночь?

Не надобно безъ разбора сообщать тайну своимъ пріятелямъ: изъ нихъ мало найдѣтся, которые умѣли бы сохранить сей драгоценный залогъ. Если я замышляю важныя вещи: по опшкроюсь весьма немногимъ. Минутная нескромность можетъ навлечь на меня долговременное раскаяніе.

Мудрый придерживается всегда и во всѣхъ случаяхъ наспоющей середины. Коварный усшраняешъ себя отъ неѣ, или по невоздержности, или по слабости.

Человѣкъ благоразумный предвидитъ зло, мужественный сноситъ его безъ ропота.

Человѣкъ, сіе существо удобопреклонное, повинувшъ въ обществѣ мнѣніямъ и впечатлѣніямъ чуждымъ, равно способенъ познать свою собственную природу, когда ему объясняшъ ее, и ошашъся въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, когда еѣ отъ него сокроютъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 47.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 13 дня, 1851 года.

Немного жизнь твоя добра предвзвѣщаетъ.

Ты къ счастью, кажется, на свѣтъ не рождёнъ:

Ты честенъ и умёнъ.

Хеллицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЕ АѢИНЫ.

Чувство собственнаго достоинства есть неиспощимый источникъ счастья. Признавъ сію истину, надобно согласиться, что люди разсудительные бываютъ менѣе другихъ счастливы въ семъ отношеніи, и что они должны иногда жалѣть о счастьи другихъ. Что подумашъ обо всемъ, окружающемъ насъ? не можноли сказать, что Геній *Шарлотта*, оставя берега Марны, вскружилъ головы Парижанамъ? Моды, словесность, изящныя искусства въ упадкѣ; въ области вкуса царствуетъ хаосъ. Между тѣмъ, мы все еще воскуряемъ себя имиамъ, увѣрлемъ самихъ себя, что мы упредили другихъ въ гражданственности. Парижъ—новые АѢины: вошь, что мы всегда старались присвоить себѣ; это было всегда нашимъ конькомъ. Какъ смѣшна показалась бы сія напыщенная увѣренность гражданамъ древнихъ АѢинъ, при одномъ на насъ воззрѣніи!

Какъ удивилась бы прелестная *Аспазія*, видя нашихъ дамъ, выписывающихъ съ большими издержками Индѣйскія шали, не для того, чтобы составить изъ нихъ для себя красивый нарядъ съ волнующимися живописными складками, коихъ легкость выказы-

ваетъ совершенство драгоценной ткани, а для того, чтобы вчетверо сложивъ сію прелестную ткань, закутать ею плеча, подобно какъ предусмотрительные поденщики наши для удобства покрываютъ спину рогожкой! Отъ всего сердца посмѣялась бы прекрасная Гречанка надъ Французскими щеголихами, которые носятъ Гомео-кипайскую одежду, скрывающую руки въ огромныхъ рукавахъ *à l'imbecille*; надѣвая на маленькую голову преширокою шляпку, которая могла бы покрыть слоновью голову, или выдумывая себѣ шакой головной уборъ, который болѣе походитъ на верхушку флюгера; запягивая шалю, выставляя плечи и бока, подвергаясь всѣмъ возможнымъ пыткамъ для того только, чтобы походитъ на деревянныхъ куколокъ, привозимыхъ къ намъ изъ Германіи? Неменѣе колкимъ шуткамъ подверглись бы наши франты, важные герои будауровъ, за недостаткомъ мужества, отпрашивающіе большія бакенбарды, ввечеру одѣвающиеся въ костюмъ, коего отвороты раскинуты направо и налево, какъ дверцы шкафа, а поутру накидывающіе на себя короткій серпукъ, коего сжатая шалю и раскинутыя полы дають имъ видъ бубноваго хлапа.

Вслѣдъ за любовницей Перикла, *Аристокель* пошѣвился бы надъ нашею—юною ли-

перашурою, копорая, шо ползепъ, шо выспуаепъ на ходуляхъ, шо вязнепъ въ грязи, и копорая, всегда увлекаясь мнимою возвышенносшью и шайнственносшью, будепъ имѣть одну учаспъ съ Иксіономъ, обнимавшимъ одинъ шуманъ.

Что сказалъ бы *Софокль* о Французахъ, которые шолнами спѣшанъ послушанъ въ первый разъ безобразныя драмы, написанныя влою прозою, и набитыя площадными фарсами? Какими глазами посмогрѣлъ бы онъ на Поэшовъ, копорые воображають угощанъ новизною, переводя буквально площадныя шутки, забавлявшія болѣе прехъ спольшій Британскую чернь; на Авторовъ, копорые умѣють выводитъ на сцену однихъ шолько разбойниковъ, бѣшенихъ, шрупы, похороны; копорые хвастаються силою изобрѣшенія, подражая гошическимъ нелѣпицамъ гдѣ

Le héros d'un spectacle grossier,

Enfant au premier acte, est barbon au dernier.

и потомъ восклицаютъ съ шоржественнымъ видомъ: эпю вольность Поэзіи! Да, опвѣчалъ бы *Софокль*, эпю вольность спарика, выжившаго изъ ума.

Каково было бы удивленіе возвышеннаго слѣпца, добраго *Гомера*, когда бы онъ узналъ, что Олимпъ служишь шеперь сборищемъ злыхъ духовъ; что Музы и Граціи смѣнили вѣдьмы, развѣзжающія на помелѣ, сдѣлашемся новымъ Пегасомъ, и что басня о домовыхъ, замѣнила для насъ поясъ Венеры?

Что подумалъ бы *Феосскій старецъ*, любезной памяти, еслибы онъ узналъ, что легкой и пріятный родъ Поэзіи, въ копоромъ липература наша не имѣла соперниковъ между новѣйшими, совсѣмъ забылъ, что слѣды *Вольтера* и *Парни* изгладились (я ошибаюсь, ибо Французскій языкъ чрезвычайно обогатился), что они, шакъ сказашъ сокрышы подъ спудъ, подобно какъ *Расинъ* и *Руссо* Авторомъ слѣдующихъ спиховъ:

Sara, belle d'indolence;

Se balance

Dans un hamac, au-dessus

etc. etc.

Фидіасъ могъ ли бы спокойно прочестъ поучительныя и весьма ученыя впрочемъ

спашьи, гдѣ авпоръ, опышншй физіологъ, одаренный превосходнымъ умомъ, говоритъ, что онъ въ анпикахъ ничего не находить, кромѣ мускуловъ? Онъ, хопя соглашаепся въ шомъ, «что еспъ множесшво древнихъ спашуй, кои дышанъ прелесшью, благородспвомъ, и въ шоже время величепмъ, не имѣя впрочемъ аплетическихъ формъ;» но эпю уступленіе не удовлетворило бы *Фидіаса*. Пусть вааніе, сказалъ бы онъ, не пользуетея одинакими средспвами съ живописью для одушевленія глазъ; но умѣя одушевляшь движенія, оно не ограничивается изображеніемъ одной маперіи. Кто не замѣшитъ на лицѣ Ніобы горесши сильной души? Не опражающея ли во всѣхъ черпахъ Лаокоона, жалоспъ, ужасъ и опчалніе, умирающаго съ сыновьями своими опца? Кто назовепъ Аполлона мраморомъ? Если вамъ не внушено съ младенчесшва презрѣніе къ Баснословію древнихъ, шо Аполлонова голова и выя, дышущія божесшвенною жизнью, должны поразить васъ благоговѣйнымъ удивленіемъ! Посмошрите на эпю голову юнаго Геркулеса: одно движеніе бровей обнаруживаепъ какоешо безпокойешво, досаду Героя, негодующаго на шо, что онъ зависипъ опъ прихотей Эвристея. А въ эпшй головѣ, слабой коіи Юпитера Олимпійскаго, можете ли вы замѣчашъ одни мускулы, когда вся Древность видѣла въ ней верховное могущесшво, мудроспъ, милосердіе, вѣчную мысль, правящую міромъ? Повѣрьше мнѣ, ничшо не можетъ равняпсъ въ красоспъ съ произведеніями древнихъ; вы окинули ихъ шолько бѣглымъ взглядомъ, всморилесь приешальнѣе; чѣмъ болѣе углубилесь въ разсматриваніе ихъ, шѣмъ болѣе найдете прекраснаго.

C'est avoir profiter que de s'avoir s'y plaire.

Такъ опвѣчалъ бы вамъ *Фидіасъ*. Теперь если мы спросимъ *Апеллеса*, на успахъ его изобразилея ѣкая насмѣшка, когда мы заведемъ разговоръ о новой Германской школѣ, копорая въ изображеніи Греческихъ предметовъ, хочепъ подражашъ *Маитеню*. Онъ опжметъ плечами, когда мы коснемся новой Парижской шкомы, проклинающей подражашпелей древнимъ, и рабеки списывающей каршины Венеціанскихъ и Англійскихъ худож-

никовъ; наконецъ, онъ не пойметъ ничего изъ нашихъ споровъ и удивится, что мы не знаемъ еще, чего держаться, красоты или безобразія. Въ самомъ дѣлѣ, теперь самыя твердыя истины сдѣлались предметомъ споровъ. Такъ называемые нововводители споржествуютъ. Лѣнь и приманка легкаго успѣха ежедневно умножаютъ число ихъ; посредствомъ происковъ, они успѣли овладѣть всѣми извѣстными вѣстовщиками; Публика успала уже слушать похвалы, коими они сами себя осыпаютъ, Правительство ободряетъ ихъ, можетъ быть оно раскается, но уже поздно. Предоставимъ дѣйствовать времени и разсудку. Многіе начинаютъ уже замѣчать, сколь рѣдко истинное дарованіе, не смотря на толпу художниковъ Романтической школы не всегда будетъ наводнять область наукъ и искусствъ, и здравый смыслъ всплыветъ наверхъ подобно ковчегу. Угнетеніе уступитъ мѣсто свободѣ и щерпимости; скоро посмѣются надъ нынѣшними глупостями; печальный оміамъ друзей Липерашоровъ исчезнетъ въ пространствахъ воздуха, и новыя кометы друзей—живописцевъ угаснутъ въ пучинѣ забвенія. Печальный конецъ всѣхъ ихъ смѣшныхъ произведеній, откроетъ глаза молодымъ художникамъ и увѣритъ ихъ, что не глупости, не пронырство и хвастовство, а разсудокъ, прилежаніе, основательное изученіе хорошихъ образцовъ, развиваютъ великія дарованія и готовятъ имъ прочное споржество. Все войдетъ опять въ предѣлы порядка; боги и Герои перестанутъ казаться хуже вешниковъ, а богини ниже Голландскихъ каррикатуръ; не спанутъ болѣе утверждать, что безобразіе предпочтительнѣе красоты, что одно только безобразное истинно, какъ будто красота не есть дочь природы. Каждый, будучи свободенъ слѣдовать путемъ, избраннымъ его Геніемъ, можетъ безъ опасенія подражать Венеціанскимъ или Греческимъ художникамъ. Живописецъ Героической Исторіи будетъ учиться подражать древнимъ образцамъ у *Леонарда де Винчи, Рафаэля, Давида*; другой живописецъ найдетъ вдохновеніе въ картинахъ *Рубенса* и *Павла Веронеза*; яркій колоритъ Англій-

ской и простиота Фламандской школы будутъ руководствоваться художника, посвятившаго себя сему роду живописи; наконецъ, счастливое разнообразіе возвыситъ прелесть искусствъ. Всякой родъ будетъ имѣть свои предѣлы, и Французская школа снова займетъ въ высшемъ родѣ мѣсто, которое прежде ей принадлежало, но осмалось пустило съ шѣхъ поръ, какъ Греческое искусство забыло.

Пер. съ Французскаго.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ф О Р Т У Н А Т А

Сказка.

(*Окончаніе.*)

Царевна крайне изумилась открытію, сдѣланному ей словоохотною курицею, и будучи пронуша несчастною участію своей бывшей кормилицы, она сказала ей: «бѣдненькая! мнѣ жаль тебя; я съ радостію теперь же возвратила бы тебѣ прежній образъ, еслибъ это было въ моей власти; но успокойся, скоро все пойдетъ къ лучшему. Теперь мнѣ надобно отыскать свои гвоздики; онъ дороже мнѣ всего на свѣтѣ.» —

Беду пошелъ въ дѣль, совсѣмъ не полагая, что Фортунаша вздумаетъ рыться въ его соломенномъ тюфякѣ. Она весьма обрадовалась его отсутствію и хотѣла безъ околичностей выпачить свои гвоздики, но вдругъ увидѣла несмысленное множество крысъ, которые въ боевомъ порядкѣ спояли вокругъ тюфяка. Дружина большихъ мышей составляла резервъ, и казалось, готова была драпаться съ неустрашимостью Амазонокъ. Фортунаша не знала, что дѣлать; когда подходила она къ тюфяку, то крысы неистово на нее кидались и кусали ее до крови.

«Ахъ!» вздохнула она горестно: «неужь-понишь средства освободить мои гвоздики, мои милыя гвоздики отъ сей гадкой спражни?»

Внезапно мелькнула въ головѣ ея счастливая мысль, что можетъ быть свѣтлая, ароматная вода въ золотой кружкѣ, заключающая въ себѣ сверхъестественную силу, и окажетъ ей на сей разъ существенную услугу.

Она поспѣшно принесла эту воду, окропила ею длиннохвостый народъ и—съ пискомъ и визгомъ — крысы и мыши разбѣжались и скрылись въ свои норы. Фортунаша вышпала свои гвоздики и вылила на нихъ всю воду, копорая была въ кружкѣ, ибо онѣ всѣмъ почпи засыхали.

Тутъ она услышала нѣжный, сладкозвучный голосъ, копорый раздался изъ зеленого стебелька: несравненная Фортунаша! Нынѣшній день естѣ счастливѣйшій въ моей жизни; ибо нынѣ мнѣ позволено открыться вамъ въ шѣхъ чувстввахъ, копорыя давно уже къ вамъ пишу. Знайте, что копусество вашей красопы споль велико, что даже цвѣпы въ васъ влюбляются. —

Этого было ужъ спшкомъ много; съ бѣдною Царевною говорилъ кочанъ, говорила курица, говорили гвоздики; она видѣла армію вооруженныхъ, воинственныхъ крысъ — все сіе казалось ей черзчуръ удивительнымъ. Она поблѣднѣла и упала въ обморокъ.

Въ эту минушу Беду вошелъ въ комнату. Тяжелая рабша и полуденный зной вскружили ему голову. Видя, что Фортунаша искала гвоздикъ и нашла ихъ, онъ схватилъ ее, пощипилъ къ двери и выбросилъ изъ хижины.

На свѣжемъ воздухѣ она скоро очнулась, и, открывъ прелесные глаза, увидѣла предъ собою *Льсную Царицу* во всемъ блескѣ ея красопы и величія.

«У васъ премерзкій братъ» — сказала она Фортунашѣ — «я видѣла съ какимъ безчеловѣчьемъ онъ выбросилъ васъ изъ дому. Не хотите ли, чтобы я за васъ опомстила ему?»

— Ахъ, нѣтъ, Милоспивѣйшая Государыня! — отвѣчала Фортунаша: я никому не хочу мстить; его гадкій характеръ моего не перемѣнитъ. —

«Никакъ не могу вообразить себя» — продолжала Царица — «чтобы сей грубый крестьянинъ былъ дѣйствительно вашъ братъ. Что вы объ этомъ думаете?» —

— Конечно, онъ мой братъ; — скромно возразила Фортунаша: по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно. —

«Какъ? неужь-то вамъ не говорили, что вы Царевна,» —

— Говорили, это правда; но какъ я могу присвоить себѣ достоинство, на которое не имѣю никакихъ доказательствъ? —

«О моя милая!» сказала Царица съ умиленьемъ и обняла ее: — «какъ я люблю эту скромность! Сколь пріятно мнѣ, что крестьянскій бытъ, въ копоромъ вы воспитаны, не могъ изгладить благородство вашего происхождения! Вы въ самомъ дѣлѣ Царевна, и въ моей власти вознаграить васъ за бдствія, доселѣ вами претерпѣнные.»

Царица была прервана появленіемъ молодого человека рѣдкой красопы; онъ былъ одѣтъ опмѣнно богато и съ большимъ вкусомъ: шѣло его обвито было вѣнкомъ изъ гвоздикъ, и русыя кудри, вѣясь, роскошно упали на шею и плечи. Увидя Царицу, онъ почщипельно преклонилъ предъ нею колѣно, и привѣщспвовалъ ее съ выраженіемъ живѣйшей, благоговѣйной радости. Она просперла къ нему объяснѣя и воскликнула: «сынъ мой, милый сынъ мой! Наконецъ освободился ты опъ горестнаго превращенія! Наконецъ, учаснѣе доброй Фортунашы возвратило мнѣ тебя!» Она обняла его съ материнскою горячностью; попомъ обратилась къ Царевнѣ съ сими словами:

«Милое дитя мое! я знаю все, что рассказывала вамъ курица; но то, что вамъ теперь еще кажется непонятнымъ, сей часъ вамъ объясню. Зефиры, коимъ ввѣрила я моего сына, спрятали корзиночку въ роскошномъ цвѣтникѣ, чтобы опыскать Царицу, мою сестру, и увѣдомить ее о прибытіи новорожденного Царевича. Но одна волшебница, копорой извѣстны были самыя сокровеннѣйшія дѣянѣя и помыслы, и съ копорою я незадолго передъ шѣмъ поссорилась, посредствомъ Магіи узнала напередъ, въ какой день и часъ я разрѣшусь опъ бремени сыномъ, поспѣшила въ цвѣтникъ, и превратила его въ гвоздику, и я не могла воспрепятствовать сему несчастью. Тщетно употребляла я всѣ средства, чтобы возвратить ему прежній человѣческій образъ; я скоро удостовѣрилась, что это вѣдъ предѣловъ моего копусества, и что только вы, прелестная Фортунаша, въ состояніи возвратитъ мнѣ сына. По сей причинѣ я привезъ

ла гвоздики въ вашъ домъ и вручила вамъ ту чудесную воду, которую берегла въ золотой кружкѣ. Припомъ же я напередъ знала, что мой сынъ, если вы, окропивъ водою цѣвѣшокъ, уничтожите злодѣйское превращеніе, васъ полюбитъ и будетъ счастливъ. Но чтобы все сіе могло исполниться, я должна была прежде получить изъ вашихъ рукъ серебряное кольцо, какъ добровольный подарокъ; оно служило мнѣ залогомъ, что насъль часъ освобожденія моего сына, и ни крысы, ни мыши, опиравленные въ походъ пропивъ васъ моею непріятельницею, чтобы не дасть вамъ завладѣшь гвоздиками, не могли воспрепятствовать освобожденію моего сына отъ оковъ чародѣйства. Если онъ симъ кольцомъ съ вами обручится, то ваше взаимное благополучіе не можетъ быть превожено ни малѣйшимъ несчастіемъ; теперь отъ него зависить, сдѣлаться васъ достойнымъ и снискавъ себѣ вашу любовь.» —

— Милосердивая Государыня! — возразила Фортунаша, краснѣя — я вамъ всемъ обязана; вы имѣете полное право на мою безпредѣльную къ вамъ любовь и признательность! Вы родная сестра моей благородной матери; ваша мудрость спасла меня отъ гибели, ибо вы въ кочаны обратили драбантовъ, которыми вѣрно было меня убить, а въ курицу мою кормилицу, которая меня выдала; нынѣ же, предлагая мнѣ въ супруги вашего сына, вы оказываете мнѣ честь, которой почитаю себя недостойною. Но — не гнѣвайтесь на меня, Государыня, если скажу вамъ откровенно, что я еще въ нерѣшимости. Еще мнѣ чуждо сердце вашего сына, еще я не знаю, любитъ ли онъ меня? —

Тутъ поился изъ устъ красавца - Царевича обильный шокъ самыхъ спрасныхъ выраженій, коими онъ силится изобразить Царевнѣ свою пламенную любовь. Фортунаша приняла сія порывы его спраси съ такою скромностію, что и мать и сынъ прослезились отъ умиленія.

Когда Царевичъ кончилъ свою рѣчь или, лучше сказать, еще не кончилъ — ибо какой любовникъ можетъ кончить, если онъ, пришедъ въ восторгъ, говоритъ своей возлюбленной нѣжности и спарается изобразить ей

весь пламень своей страсти — Царица сдѣлала на воздухъ кругъ волшебнымъ прушикомъ, и пожелала Фортунашѣ, на мѣсто крестьянской одежды, которая на ней была, самыхъ драгоценнѣйшихъ тканей, какія только способны произвеси извѣстныя и неизвѣстныя часши свѣта и — спройный, эфирный станъ Царевны мгновенно облекся въ блескъ и прелестъ, ослѣпительные для земнаго взора.

Въ эту минушу Беду вышелъ изъ хижины и ноги его подкосились отъ ужаса; но Фортунаша, ласково пропянувъ къ нему руку, обратилась къ Царицѣ съ просьбою, чтобы она его простила. Сія послѣдняя обняла свою племянницу, хвалила ея доброе сердце, и чтобы не уступить ей въ великодушій, она обратила его убогую хижину въ великопѣный замокъ, богато украшенный мраморомъ, рѣзбою и позолотою. Однѣ только деревянные скамьи оставила она въ первобышномъ состояніи, дабы Беду, при видѣ оныхъ, всегда приводилъ себѣ на память свою прежнюю бѣдность. Въ то же время она просвѣтила разумъ его и внушила ему понкія, благородныя чувствованія, дабы онъ въ состояніи былъ пользоваться дарованными ею благами. Беду былъ внѣ себя отъ восхищенія и едва могъ пролепетать нѣсколько словъ, чтобы выразить свою благодарность. —

Послѣ сего великодушная Царица возвратила и превращеннымъ въ кочаны драбантамъ, равно какъ и матери Беду, ихъ прежній образъ, и всѣ ликовали и радовались сему неожиданному счастью. Одинъ лишь Царевичъ еще бродилъ печально; но, собравшись съ духомъ, онъ внезапно подошелъ къ Фортунашѣ, и умолялъ ее, рѣшить его участь. Тутъ она, въ упоеніи чистѣйшей любви, пала въ его объятія и Царевичъ напечатлѣлъ первый поцѣлуй, на ея дѣвственныхъ устахъ. Такъ Зефиръ лобызаетъ любимицу весны, прелестную розу.

Свадьба ихъ была одна изъ блистательнѣйшихъ, какія когда либо были празднованы; ибо *Лѣсная Царица* ничего не щадила, что могло возвысить радость новобрачныхъ и гостей. Празднество сіе продолжалось нѣс-

колько дней и счастье супругов кончилось
только съ ихъ жизнью.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗГОВОРЪ.

(Изъ Мицкевича.)

Лаура! намъ за чѣмъ данъ звукъ рѣчей ничтожныхъ?
 Когда хочу съ тобой я чувство разделить
 Я душу на слова дроблю;—за чѣмъ не можно
 Ее, какъ есть, вполне въ твою всю перелить?..
 До слуха, до души пока слова достигнуть
 Ослабнуть на запахъ, на воздухъ остынуть.
 Спо разъ пвержу *люблю*—и повторю вновь,
 А ты смущаешься; ты сердисься... мнѣ больно!
 Но я невиновашъ—я не могу довольно
 Воспѣть, и выразишь и высказашъ любовь:
 Какъ будто мершвѣй сонъ объямъ меня—нѣтъ силы,
 Чпо живъ я знакъ подашь, спасишь чпобъ
 отъ могилы.
 Нѣтъ, даромъ успѣ моихъ не буду я прудить
 Съ твоими ихъ солюю.—Лишь сердца прере-
 паньемъ,
 Лишь взглядомъ, вздохами и спррастпымъ лобызань-
 емъ

Опнынъ я хочу съ тобою говорить;
 И такъ проговорю часы, и дни, и мѣша,
 И свѣта до конца и по скончаньи свѣша.

Ю. Познанскій.

1851.
Кіевъ.

ПРОЩАНІЕ ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛЬДА.

(Изъ Лорда Байрона.)

1.

Прощай, прощай, мой край родной! —
 Уже ты понеши въ мглѣ шумана.
 Вътръ засвистѣлъ, завылъ, горой
 Вдымая волны океана.
 Туда! за солнцемъ! — гдѣ зарей
 Оно закапъ озолотило.
 Прощай, блестящее свѣшило!
 Прощай, прощай, мой край родной!

2.

Придешъ лишь ночь — и вновь заря
 Зардѣешъ розою сшдливой;

Увижу море, небо я —

Но не увижу край родимой.
 Печалью замокъ облечѣтъ,
 Гдѣ раздавались пиршествъ клики;
 Ровъ зароспешъ правою дикой
 И пещъ завоешь у воропъ. —
 3.

Поди ко мнѣ, мой пажъ молодой;
 Скажи, чпо плачь твой означаешъ?
 Иль вътра свистѣ шебя пугаешъ,
 Или волны протяжный вой?
 Смотри, о пажъ мой, веселе!
 Въ семъ кораблѣ, въ погодный часъ,
 Нѣпъ, не обгонишь соколъ насъ,
 Мы полешимъ его быспрѣ!
 4.

«Пуспъ вътръ реветъ еще сильнѣй, —
 Меня гроза не испугаешъ;
 Изъ глубины души моей
 Лишь горестъ слѣзы пзвлекаешъ.
 Тамъ машъ осталася моя.
 Тамъ мой отецъ подъ сѣдинами!
 Все я оставилъ съ берегами,
 Все — кромѣ Бога и шебя!»
 5.

«Благословилъ отецъ сѣдой
 Меня не плача и безгласно, —
 Но машъ въ слезахъ съ какой поскою
 Насъ будешъ ждашь она всечасно!..»
 — Довольно, пажъ! — Когда-бъ я былъ
 Невиненъ, пакъ какъ ты, душою,
 Тогдабъ горячею слезою
 И я рѣсницы омочилъ. . . .
 6.

Поди ко мнѣ, слуга молодой;
 Ты блѣденъ, мраченъ, влажны очи; —
 Боишься-ль бурь, иль въ мракъ ночи
 Съ корсаромъ вспирѣчи роковой? —
 «О, нѣпъ, Гарольдъ, я не о жизни
 Такъ плачу горько въ эпопъ мигъ:
 Жену, дѣшей въ моей опчизнѣ
 Оставилъ я!—Ахъ, жаль мнѣ ихъ!..
 7.

«Коль, плача, дѣши спанутъ звапъ
 Опца и съ крикомъ и съ шоскою,

Что будешь мань имъ отвѣчать,
 Поникнуть сирой головою?..»
 — Довольно! . . . Нѣшь, швою печаль
 Я не могу винить холодно;
 Но самъ и пвердый и свободный,
 Смѣясь, пускаюся я въ даль.

8.

Плачь женъ меня не потрясаетъ:
 Заблещетъ лучъ росой перловой —
 И съ голубыхъ очей сохретъ
 Тѣ слезы мужъ, любовникъ новой!..
 Не страшно мнѣ по морю плыть,
 Не жаль небесъ роднаго края,
 Но жаль, что край сей ославляя,
 Слезы мнѣ не о комъ пролишь!

9.

Теперь, въ далекой споронѣ
 Влачишь я жизнь, скипаясь, буду.
 За чѣмъ, по чѣмъ же плакашь мнѣ,
 Коль отвѣчать мнѣ пѣмъ не будешь?
 Одинъ лишь развѣ пестъ порой,
 Къ рукъ чужой не привыкая,
 Завоешь раннею зарей,
 Меня напрасно ожидая. . . .

10.

Корабль ужъ море бороздишь,
 По вѣпру нарусъ расправляя;
 Мнѣ все равно, куда бѣ ни плыть, —
 Лишь не къ брегамъ роднаго края.
 Когда жъ наскучаешь мнѣ моря,
 Ихъ необъятныя равнины,
 Я перейду въ лѣса, въ пустыни. . .
 Прощай, о родина моя!

Павелъ Чижовъ.

С H A - R A D E.

Mortel trop fier contemple mon premier:
 Son seul aspect devrait t'humilier.
 Pour un amant bien doux est mon dernier
 Quand sa maîtresse en vient à l'employer.
 D'un air aimable et d'un ton singulier.
 Quel est celui qu'on ne voit s'effrayer

D'aucun obstacle en cherchant mon entier?
 Pouvoir l'atteindre est rare et singulier.

Въ No 46 помѣщенная шарада значить: *Ложка*.

M O D E S.

Négligé.—Un peignoir de jaconnas fond blanc, petits dessins de plusieurs couleurs.—Une grande pèlerine tombant très-bas dans le dos et sur les bras.—Les devans croisés sous la ceinture, retombant en pointes rondes.—Une ceinture de jaconnas pareille à la robe.—Collerette de batiste plissée à festons.—Un bonnet de tulle bordé de dentelle; le noeud et les brides de tulle.—Point de rubans.—Des souliers de prunelle.

Coiffures.—On continue à placer sous la passe des chapeaux, contre le front, des petites coques de ruban.—On met aussi quelquefois une cocarde froncée dans le milieu, faisant l'effet d'une cocarde d'uni-forme.—Elle se pose sur le devant, près du bord, et tient à une traverse qui prend la longueur de la passe.

Modes d'enfans.—Dans les bonnets on place des petits rubans comme ceux qui se mettent aux chapeaux de femmes.

Les plus jolies capotés sont de percale blanche lustrée.—La passe doublée de rose, la forme droite, un noeud de percale.

Des petits tabliers d'étoffe,—le devant bordé de dents pointues,—le corsage fait en cœur forme jokeis sur les épaules,—ces jokeis se terminent par de grandes dents pointues.

Cette forme en blanc est beaucoup plus commode que les garnitures à tuyaux qu'un enfant ne savait porter une demi heure sans chiffonner.

Pour les robes de jaconnas, à corsage plat, décolleté, on fait une pèlerine simulée.—Sur le corsage, on pose en pointe, venant à la ceinture, une garniture froncée, qui tourne sur l'épaule, et dans le dos ou elle fait encore la pointe.

Les corsage carrés avec un poignet pans toute la longueur, des épaulettes plates,—sont toujours une charmante forme.

Les pantalons doivent être fermés à la jambe comme une manche, par un poignet qui se boutonne; ils se harnissent d'une ou deux bandes.

Négligé, ils se font en étoffe pareille à la robe, et alors doivent être seulement un peu justes, unis.

М О Д Ы.

Запросто. — Упреннее платье из бѣлаго жаконета съ разнороднымъ мѣлкимъ узоромъ. — Большая пелеринка, опускающаяся очень низко по спинѣ и рукамъ. — Спереди концы округлены и крестообразно положены подъ поясъ. — Поясъ изъ такого же жаконета какъ платье. — Башмачный бородокъ, выметанный городками и перебранный въ складки. — Тюлевый чепчикъ, обшитый кружевомъ. — Бантъ и лопаски такіе же. — Безъ лентъ. — Башмаки прюнелевые.

Головные уборы. — Продолжаютъ подкладываться подъ поля шляпъ, на лбу, небольшія пестры изъ лентъ. — Иногда также бантъ, собранный въ срединѣ, на подобіе бантовъ на мундирныхъ шляпахъ. — Его прикалываютъ спереди у самого края, а отъ него лента во всю длину поля.

Дѣтскія моды. — Чепчики опдѣлываются узенькими лентами.

Самые красивые капоты изъ бѣлаго лощенаго перкаля. — Поле подложено розовымъ. — Тулья прямая. — Бантъ перкалевый.

Маленькіе передники изъ шелковой матеріи. — Передъ обшиты оспрыми зубцами. У лифа, сдѣланнаго на подобіе сердца, на плечахъ эпoletы, оканчивающіеся длинными оспрыми зубцами.

Бѣлые передники такого фасона, гораздо удобнѣе, нежели опдѣланные оборками, сложенными въ трубочки, потому что на дѣтяхъ они перяютъ скоро свой видъ.

Къ платьямъ изъ жаконета съ гладкими ошкряпыми лифами, дѣлаютъ фальшивыя пелеринки, на лифъ спереди отъ пояса по плечамъ и на спинѣ — мысками нашивающъ оборочку.

Лифы, вырѣзанные четверугольно съ узенькою обшивкою и гладкими эпoletами. — Все еще во вкусъ.

Панталоны застегиваются внизу ноги, какъ рукава, обшивкою съ пуговками. — Ихъ обшиваютъ одною или двумя оборками.

Запросто дѣлаютъ ихъ изъ такой же матеріи какъ платье, и тогда почти въ обтяжку и гладкіе.

С М Ъ С Ъ.

Человѣкъ могъ забыть Творца своего: Богъ, чрезъ законы религіи обратилъ его къ Себѣ. Человѣкъ могъ забыть самого себя: философы остерегли его чрезъ законы нравственности и заставили жить въ обществѣ; онъ могъ забыть себя подобныахъ человѣковъ: законодатели чрезъ законы политическіе и гражданскіе обратили его къ его обязанностямъ.

Работа безъ отдыха поже, что продолжительная дорога безъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ.

Средина есть самая ближайшая почка къ мудрости: не достигнуть до неѣ, или перейти черезъ неѣ — все равно.

Государство существуетъ непосредственно любовію къ отечеству, стремленіемъ къ истинной славѣ, самоотверженіемъ, жертвованіемъ своими драгоценнѣйшими выгодами и героическими добродѣтелями гражданъ.

П о п р а в к а.

Въ № 45 Лист. Прибавленій на стран. 347 въ 1 столбцѣ, стр. 22 снизу, вмѣсто: *на главномъ листѣ* — на заглавномъ листѣ; въ 1 столбцѣ, стр. 16, вмѣсто: *то отъ щекотливъ* надобно читать: а то отъ щекотливъ; во 2 столбцѣ, стр. 14, вмѣсто: *послѣ него надлежитъ читать*: послѣ Г. Полеваго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 48.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинами модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
65 рублей.

СРЕДА, Іюня 17 дня, 1851 года.

Ослиной выстункой ходить,
И въкъ не спотыкнѣшьсл.

Хелитицъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СВѢЖЕПРОСОЛЬНЫЙ ЧЕРТЬ.

(*Лотарингское преданіе.*)

Какъ сладко слушать небыллицы
Давно-минувшихъ лѣтъ!

Алф. дѣ Зини.

Приключеніе, которое мы намѣрены разсказать шееръ, случилось 15 Декабря 1393 года, по Христіанскому лѣтосчисленію. Была глухая ночь; снѣгъ валилъ большими клоками, холодный вѣтеръ бушевалъ на улицахъ; ночный колоколъ прозвучалъ на городской подзорной башнѣ и огни во всѣхъ домахъ угасли. Нигдѣ не слышно было ни просяжныхъ, однообразныхъ звуковъ колокола, ни лая собакъ, ни крика ночного спорожа; казалось, тишина повсюду царствовала.

Между тѣмъ, богатый золотыхъ дѣлъ мастеръ *Робертъ*, гражданинъ и спаршина своего цѣха, плотно запиралъ желѣзными болтами ставни своего дома, боясь чѣобы не замѣтили, что онъ еще не спитъ, и весь продрогшій, съ окоспѣлыми руками, сѣлъ на корточка передъ очагомъ, покрытымъ огромнымъ колпакомъ.

... Сидя подлѣ окна своего на деревянной скамейкѣ, спройная Алина, перлъ Нанси, при-

свѣтъ лампы, прикрѣпленной къ пошлочному брусу, сгѣшила опдѣлать черную бархатную шляпку свою къ зашрепшему празнику.

— «Мати Божія! какой холодъ! какая ужасная непогода! какъ я сожалѣю о несчастныхъ, которые въ эту пору, заспигнутые бурей, не имѣютъ гдѣ приклонить голову.»

Въ сію минуту ударилъ новый порывъ Сѣвернаго вѣтра, ворота зашрещали . . . и вслѣдъ за тѣмъ послышались тяжкіе стоны.

— «Укройте опъ тѣмной ночи бѣднаго спранника. Я умираю опъ холода и голода; если вы не дадите мнѣ ночлега, то я скоро опойду опъ временной жизни въ вѣчную.»

Набожная Алина поропливо оподвинула запоръ и опворила каминку, которая зашкрипѣла на ржавыхъ пешляхъ.

Въ низкую свѣтелку вошелъ блѣдный и изможденный спранникъ. Шляпа съ широкими полями до половины закрывала лице его.

Робертъ посадилъ прохожаго въ большія кресла подлѣ каминна; теплота оживила его; силы его возшановилися . . . по временамъ, черные, пронзительные глаза его, казалось, сыпали искры.

Алина, взглянувъ на него, зашрепала.

— «Дочь, постарайся скорѣе исполниль то, чего требуетъ долгъ гостепрімства; поди, првгошовъ ужинъ для спранника.»

— «Милая дѣвица, прикажите, чтобы мнѣ изготовили кушанье безъ соли. Освободясь изъ рукъ нечестивыхъ басурмановъ, я даль обѣщъ, въ продолженіе десяти лѣтъ не вкушать ничего соленого. Если нарушу его, то ноги мои не спануть спупать по землѣ моей прекрасной родинѣ.» —

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ простодушный *Робертъ*, пронувшій благочестіемъ спранника; желаніе швое будетъ исполнено, св. опецъ!

— «Не ѣшь соленого!» — подумала *Алина* — и спранное подозрѣніе мгновенно родилось въ головѣ ея. Она вспомнила рассказы благочестивой спарушки, своей крестной мащери.

— Она не разъ твердила ей: да, мое дитяшко, *Лукавій* лакомъ до пригожихъ личиковъ. Онъ часто входитъ въ домы, осѣпшишь и похипишь молодую дѣвушку.»

Изъ этаго *Алина* заключила, что соль святая вещь, слѣдственно, ни *Сапана*, ни вѣдьмы не могутъ употреблять ее въ пищу.

Обдумавъ все, она рѣшилась вмѣсто муки посыпать солью круглый пирогъ, который наскоро изготовила для невѣдомаго гостя.

Едва спранникъ поднесъ кусокъ пирога ко рту, какъ лицо его исказилось бѣшенствомъ; губы задрожали отъ ярости, зубы заскрежетали и изъ рта вырывались невнятные слова. Онъ превратился въ огненный клубъ и синевапымъ дымомъ поднялся въ трубу камина; за нимъ послѣдовалъ, какъ бы отъ взорваннаго пороховаго погреба, столь сильный ударъ, что весь домъ ходенемъ заходилъ на своемъ фундаментѣ.

Сопворивъ крестное знаменіе, *Робертъ* и дочь его упали на колѣна и благодарили Бога, что онъ такимъ чудеснымъ образомъ спасъ ихъ отъ *Сапанинскихъ* когтей.

На другой день *Алина* украсила образъ Богомашери жемчужнымъ ожерельемъ, а богатый золошыхъ дѣль мастеръ *Робертъ* внесъ въ монастырь св. *Іоанна Богослова* богатый вкладъ, завѣщая каждый годъ служить обѣдню въ память дивнаго спасенія его дочери.

Въ *Нанси* и теперь еще показываютъ *Робертовъ* домъ близъ стараго крѣпостнаго вала; а въ низкой свѣщлицѣ видно черное пятно,

которое ничѣмъ не могли вывести; это черное пятно, какъ говорятъ старожилы, означаетъ по мѣсто, на которомъ сидѣлъ *Лукавій*.

Съ Франц.

Р О Б Е Р Т Ъ.

(Повѣсть *Штейгентша*.)

На берегу *Гвадіаны*, близъ Испанской границы, среди акацій шайлся рыбацья хижина. Тропинка, извинаящаяся подъ ихъ густою тѣнью, кажется, ведетъ къ жилищу спокойствія, но пора спрасней и желаній выпѣснила его изъ сего убѣжища. *Роберту* минуло восемнадцать лѣтъ. По смерти отца, онъ наслѣдовалъ сію хижину вмѣстѣ съ его промысломъ; но закидывая по вечерамъ свои мрежи, онъ часто обращалъ спраспные взоры на противоположный берегъ рѣки, гдѣ уютный домикъ, обвитый дикими виноградными лозами, заключалъ въ себѣ предметъ его желаній.

Вечерняя заря пылала въ спруяхъ рѣки и теплый вѣперокъ мчалъ челнъ его въ проспникъ противоположнаго берега, изъ котораго слышался ему шумъ, подобный плеску волнъ. Все пише и пише пробивался челнокъ сквозь частый проспникъ, который за своей зеленою завѣсою скрывалъ прелестный образъ *Робертovýchъ* мученій. Темныя кудри спруясь по бѣлоснѣжной шеѣ падали въ пошокъ; полныя перси, подобно зыбкимъ волнамъ рѣки, воздымались и опускались, и вечерній вѣперокъ, играя каштановыми локнами, по закрывалъ, по обнажалъ цвѣтущія ланины, и казалось, пламенище возвращался отъ нихъ на ланины *Робертovy*. Глаза *Робертovy* пожирали прелестныя формы; рука его, дрожа, приложилась къ сердцу. *Ладья*, предоспавленная самой себѣ, съ шумомъ ворвалась въ проспникъ; купающаяся въ испугѣ бросилась на берегъ, прибѣжала надзирашельница, и домикъ, обвитый лозами дикаго винограда мгновенно скрывъ красавицу отъ глазъ *Роберта*.

Полночь одѣла въ мракъ окрестности, и челнокъ *Робертovy* тихо поплылъ домой.

Прелестный образъ глубоко впечатлѣлся въ душѣ его; возрастъ желаній вступилъ въ права свои, и спокойствіе покинуло его хижину.

На утренней зарѣ онъ робко поплылъ къ другому берегу. Окна домика были заперты, онъ закинулъ мрежи, но глаза его не обращались на рѣку, и любовь спасла жителей пошока. Солнце взошло высоко; берегъ простирался въ цвѣтущей красотѣ; Роберту все еще чудилось, будто бы что-то выглядывало изъ прорыва; и онъ колебался между робостью и желаніемъ, какъ въ бурю челнокъ. Онъ вспомнилъ сказку о Русалкѣ и пѣсню своей матери.

“Русалка съ мягкими, зелеными власами!”

Запѣлъ онъ: «нѣтъ,» перервалъ онъ съ до-садою, «эти волосы были темные, какъ тѣви береговья,» и быстро помчалъ свою лодку въ прорывъ. Въ вѣтвяхъ береговаго кустарника послышался шорохъ; Робертъ остановилъ челнокъ. Бѣлая нѣжная рука высунула изъ кустарника записку и мгновенно исчезла. Щеки Роберта пылали, какъ солнце надъ нимъ, и глаза его робко склонились въ потокъ. Шорохъ умолкъ въ глубинѣ кустарника; Робертъ выпатилъ пущую сѣть, и поплылъ домой. — «Добрая матушка!» сказалъ онъ: «твое благословеніе покоится надо мною. Первый стихъ пѣсней выманилъ ее на берегъ; завтра повшорю ее.» Молодой рыбакъ тщетно спарался заснуть, передъ нимъ открывалось будущее, коего души надежда усыпала цвѣтами, и съ пробужденіемъ утра челнъ его уже скользилъ по серебристому хребту воды. Онъ причалилъ лодку къ берегу; выпатилъ свою добычу изъ воды, и сѣлъ въ тѣни кустарника. Еще все было тихо; привѣтливый домикъ выглядывалъ изъ-за кустовъ; утренній вѣтерокъ качался на листьяхъ виноградныхъ лозъ, обвивавшихъ домикъ, и Робертъ запѣлъ препенущимъ голосомъ:

“Русалка съ мягкими, зелеными власами!

Ты пробуждаешь въ насъ желаній бурныхъ пылъ,
И подъ серебристою завесою потока

Танешь завистливо веселый міръ чудесъ.

Ахъ, тщетно изъ тѣвонихъ облатій блѣдосвѣжныхъ

Высвобождается красавецъ молодой!

Онъ, повинувся всемогущему влеченью,

Покорно за тобой нисходишь въ глубину.”

Пѣсня умолкла; отворилось окно; Робертъ вскочилъ; онъ прокрался сквозь кустарникъ и, какъ будто изъ цвѣтущаго облака, вышла Прелестная изъ самбуковаго куста. Онъ, краснѣя, поднялъ свои сѣпи съ рыбою, и глаза его потупились въ землю. Она робко на него взглянула. Роберту минуло осмнадцать лѣтъ, и пылающія щеки выказывали его возрастъ. Сверкающіе глаза, наслѣдственное достояніе неба, подъ коимъ онъ родился, привѣтливо выглядывали изъ-подъ темныхъ бровей. Онъ стоялъ между цвѣтущими кустами, какъ олицетворенная юность, которую радость увѣнчала своими розами. Робость красавицы исчезла, она ласково улыбнулась; рука ея покоилась на сѣпи. Робертъвы руки дрожали. Пальцы ея коснулись его руки. Онъ возвелъ пылающій взоръ, чпобы встрѣниться съ ея взоромъ, но быстро опять потупилъ глаза въ землю. — «Продаешь ли ты эту рыбу?» спросила она ласково. — Робертъ кивнулъ головою. — «А что спойшь?» продолжала она. — Робертъ заикнулся. Онъ назначилъ цѣну, за которую въ Лиссабонѣ не купишь и лимона. — «Я позову надзирательницу; оставь тушь рыбу;» сказала она улыбаясь, и сунула ему въ руку золотую монету. Робертъ былъ вѣ себя. Онъ услышалъ шаги, которые приближались, — сѣпи и рыбы лежали у ногъ ея. Онъ бросился въ лодку, и какъ вѣтеръ, волновавшій Гвадіану, полетѣлъ назадъ къ своей хижинѣ. Кто былъ счастливецъ Роберта! Онъ не промѣнялъ бы кружаты, отъ неѣ полученной, на всѣ сокровища Бразильскія — и тысячу разъ прижималъ ее, то къ устамъ, то къ сердцу.

Марія, единственная дочь Коррежидора Эворскаго, была воспитана въ монастырѣ, гдѣ она познакомилась болѣе съ Небомъ, нежели съ Свѣтомъ, и потому ея пылкое воображеніе предавалось тихой, благоговѣйной мечтательности. Отецъ назначилъ ее въ жершву своему честолюбію. Престарѣлый

Графъ дела Торре искалъ руки богатой наслѣдницы Коррежидора. Она впервые увидѣла его въ домѣ отца, и сердце ея, еще чуждое страстей и волненія любви,—замерло при видѣ угрюмаго, лѣтами согбеннаго Графа. Дѣва ужаснулась лица его съ померкшими глазами, на которомъ заблужденія молодости и пороки старости оставили глубокіе слѣды. Она, рыдала, бросилась отцу въ объятія. Но на вѣсахъ холоднаго разсудка, вліяніе Графа перевѣсило слезы дочери; отецъ сурово отпихнулъ ее и полагалъ, что уединеніе и пищина смягчатъ ея упрямство, онъ направилъ ее въ загородный домикъ, гдѣ сердце ея еще свободнѣе предавалось мечтаніямъ юности. Ахъ! каждый взглядъ на будущее предсказывалъ ей угрюмое, обезображенное дряхлостью лице Графа. Ея-по Робертъ увидѣлъ въ первый разъ купающуюся.

Кто не догадается, что Робертъ каждый день переправлялся на другой берегъ? Она покупала у него рыбу; взоры его сдѣлались смѣлы; и уста его, вмѣстѣ съ теплымъ лѣпнымъ вѣтеркомъ, ловили жадно ея живопорное дыханіе. Она хвалила его голосъ, и Робертъ, каждый день напѣвая пѣсни, разбѣжалъ около берега. Тропинка въ береговомъ кустарникѣ служила ей любимую прогулкою; Робертъ спарался каждый день украшать небольшое мѣсто ея прогулокъ. То она съ удивленіемъ находила бесѣдку, Робертъ сплеленную изъ вѣтвей, но дерновую скамью, цвѣтами ушпаленную. Она улыбалась, садилась на дернъ, а онъ, скрывался въ густомъ кустарникѣ, замѣчалъ выраженіе лица ея. Вокругъ нее порхалъ соловей, имъ вскормленный, она спала манишь къ себѣ пѣвца весняго; онъ прилетѣлъ къ ней на руку и она вѣжко прижала его къ сердцу. Робертъ шрепеталъ оныя воспоорга. Въ долгіе зимніе вечера онъ выучился играть на гитарѣ; тихій и дрожащій звукъ провесся по кустарнику. Марія вскочила. Соловей полетѣлъ на знакомые звуки, и она последовала за цвѣцемъ любви и за звуками чувствва. Онъ завидѣлъ ее сквозь зеленую завѣсу акацій; пальцы его, дрожа, пробѣжали по струнамъ; глаза засверкали, ли-

це преобразилось пламенемъ страсти. Марія была вблизи его, и благоговѣйныя мечты ожили въ душѣ ея. «Рафаиль!» произнесла она прерывающимся голосомъ, и дрожащая рука ея прижалась къ сердцу. При ея восклицаніи гитара выпала изъ рукъ Роберта; зеленая, вѣшвистая преграда распущилась, и онъ робко сползъ предъ нею. Взоры ихъ встрѣпились; перси ея бурно волновались; чувствво и замѣшательство обили ланипы его пылающимъ румянцемъ, Отворилась дверь загороднаго домика; слышались шаги надзирапельницы; они распцались и Робертъ со вздохомъ сѣлъ въ свою лодку. —

Онъ разбѣжалъ взадъ и впередъ по рѣкѣ. Взоры его все еще неподвижно устремались на ея окна, кои сумерки уже одѣвали въ темный покровъ свой, и лодка его тихо поплыла къ хижинѣ, гдѣ воспоминаніе и сонъ его ожидали. Рѣзкіе звуки внезапно вырвали его изъ объятій сна; онъ вскочилъ; ураганъ завывая, взрывалъ рѣчныя волны. День былъ пасмурный; тѣнистыя волны окропляли хижину брызгами. Робертъ сползъ на берегу въ отчаяніи, смотря неподвижно на яроспаую стихію. Медленно побрѣлъ онъ назадъ въ свою хижину; но сонъ бѣжалъ отъ его ложа; не было покоя въ хижинѣ; онъ бросился опять на берегъ. Волны ревѣли, и буря на другомъ берегу бушевала въ его бѣсѣдкѣ и его сердцѣ. «Мнѣ надобно переправиться пуда; ея молитва спасетъ меня!» сказалъ онъ угрюмо и прыгнулъ въ лодку. Волны кидали челнъ, какъ буря древесныя листья; брызги ежеминутно грозили увести его въ пучину, но челнокъ его все еще боролся съ волнами. Порывы вѣтра и стремленіе воды далеко увлекли его. Юпошескія силы долго выдерживали яросшь стихіи, но наконецъ испоцились въ неровной борьбѣ. Изъ рукъ утопленныхъ выпали весла; огромная волна поглотила челнъ, и Робертъ, лишенный чувствва, погрузился въ пучину, которая съ ревомъ выбросила его на берегъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ВОЛЬТЕРЪ.— ЧТЕНІЕ.

«Вспавъ съ постели, онъ позвалъ своего Секретаря и сказалъ ему: нынѣшнимъ вечеромъ, въ присутствіи иностранцевъ, находящихся въ зѣлкѣ, приготожьтесь чинать мою послѣднюю трагедію. Поспѣрайтесь прочесть ее съ жаромъ, а не такъ, какъ обыкновенную прозу. Вы можете въ семъ случаѣ подражать Г-жѣ Клеронъ и воспитаннику моему Лѣкеню. Въ тотъ же вечеръ, всѣ любопытные, всѣ Государи, всѣ Принцы, привлеченные въ Ферней волшебною знаменитостью великаго человѣка, собрались въ залъ, который могъ почитаться прекраснымъ въ 1760 году. Знаменитый хозяинъ явился въ своемъ шелковомъ колпакѣ, подъ коимъ блистали пронцапельные глаза его; широкой и каштановаго цвѣта сюртукъ прикрывалъ его сухое и болѣзненное шѣло, а ноги его таскали огромные башмаки съ двумя спальными пряжками.

Сказавъ нѣсколько оспроумныхъ привѣтствій дамамъ, поговоривъ о политикѣ съ нѣкоторыми Англійскими Дипломатами, поподковавъ о Литературѣ съ Лагарпомъ и Мармонпелемъ, пошутивъ съ молодыми Принцами — путешественниками, Вольтеръ долженъ былъ уступить общимъ просьбамъ и прочесть что нибудь изъ новыхъ сочиненій передъ собраніемъ, готовымъ съ жадностію слушать его. Но онъ ошѣлся чпокою уловкою, что не можетъ удовлетворить сей просьбѣ, и просилъ выслушать новую трагедію молодого Авшора, подающаго о себѣ лестную надежду.

Рукопись была развернута. Первое дѣйствіе выслушано съ одобреніемъ; второе возбудило зѣвошу, ирешье признано весьма слабымъ, и еслибъ не имѣли уваженія къ Пашрарху Фернейскому: то вѣроятно пьеса не была бы выслушана до конца.

По окончаніи чтенія, каждый долженъ былъ безприсрастно объявить свое мнѣніе. Тяжелый писатель Лагарвъ нашель трагедію молодого Авшора ниже посредственной; онъ оуждалъ въ ней предметъ, расположеніе, слогъ, наконецъ объявилъ, что Авшоръ никогда не произведеть ничего хорошаго; что онъ незнакомъ, ни съ пѣапромъ, ни съ Свѣ-

томъ, а еще менѣе съ Грамматикою, ибо онъ замѣпилъ въ его трагедіи *дѣтъ ошибокъ* въ прошедшемъ причастіи; Мармоншель былъ одного мнѣнія съ Лагарпомъ. Гельвецій, который въ свое время написалъ нѣсколько метафизическихъ стиховъ о свойствахъ души и свободѣ воли, оуждалъ трагедію за то, что въ ней мало выпреннаго велемудрія: коротко сказавъ, всѣ въ одинъ голосъ говорили, что пьеса никуда не годится. Ожидали приговора Вольтерова. Вдругъ онъ вспадь съ своего мѣста, окинулъ все собраніе своими огненными взорами и, надвинувъ на носъ свой шелковый колпакъ, вскричалъ: «Господа, я хочу спать! покойной ночи!»

Сей нечаянный уходъ изумилъ всѣхъ присутствующихъ: цѣлый вечеръ старались ошгадать причину онаго и никто не могъ ошгадать. Спустя десять лѣтъ попомъ появилась трагедія, коей неудачное чтеніе прогнало изъ гостиной вспыльчиваго Фернейскаго Философа: это была трагедія: *Гвебры*.

(изъ *Pèlerinage à Ferney.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. К. КРУЗЕНШТЕРНУ.

(*Адъютанту Графа Толл.*)

Въ дни мира, другъ мой, ты любилъ
Мазурку, пѣгу и забавы —
Теперь, на полѣ брашней славы,
Ты любишь битвы грозный пылъ;
Съ врагами въ полѣ жаждешь встрѣчи —
Лепишь за доблестнымъ вождѣмъ
Туда, гдѣ сыплются каршечи,
Гдѣ шпыкъ разилъ; — тамъ подъ дождѣмъ
Свицовымъ ты свиошь; — гранаты
Вкругъ роюшь землю — но тогда ты
Такъ всеель духомъ и лицомъ,
Какъ будто на пиру большомъ
Въ мазуркѣ, съ милой дѣвой рядомъ
Споишь — ея довольный взглядомъ;
Попышнымъ языкомъ очей
Любовь высказываешь ей. . . . .

О, пусть свирѣпая Беллона,
Любуясь на швои дѣла,
Къ тебѣ шакъ будешь благосклонна
Какъ дѣва милая была.

Ю. Познанскій.

Кіевъ

14 Марта 1851.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Нашъ *Змѣйкинъ* часто безпощадно
Въ своемъ журналѣ всѣхъ бранишь;
Торгуешь крипичкой площадной,
Людей умнѣй себя журишь.
Хоша пикло его не просишь,
Но онъ совѣшы всѣмъ даешь,
Себя хвалою превозносишь,
Холя безмыслицу пласпешъ.
О всемъ онъ судишь, все онъ знаетъ:
И *Змѣйкину* ль чего не знаешь?
Онъ по—Санскрипски понимаетъ,
Ну, какъ по—Русски не понимаешь?
Начавъ онъ шпильки и косынки
До безконечныхъ величинъ,
Въ его журналѣ, какъ на рынкѣ
Давно потерявъ шолкъ и чинъ.
Смѣшенъе лжей съ шѣйями свѣша,
Смѣшенъе злости съ клеветой,
Его журналѣ, какъ пушпоцвѣпа
Цвѣшокъ негодный, луговой.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Б. М. Ф—ВУ.

Я видѣлъ Русскаго солдата,
Когда онъ въ полѣ боевомъ —
Обрызганъ кровью сопосапа,
Треграннымъ дѣйствуетъ шпыкомъ,
Свирѣпо рыщешъ за врагомъ;
Когда подъ непрерывнымъ градомъ,
И пуль, и ядеръ, и гранатъ,
Стоитъ каре и дышетъ адомъ!
Когда валится рядъ за рядомъ,
И близокъ вражескій булашъ, —
Я видѣлъ мужество солдата,
И въ сердцѣ пламенномъ гордился,
Что Россіяниномъ родился; —

Пускай враги со всѣхъ споронъ!
Пусть Македонская фаланга,
Иль грозный Римскій легионъ,
Ударятъ спереди и съ фланга,
Не дрогнешъ Русское каре!
Подобно каменной горѣ,
Презрѣвшей волны океана,
И громъ, и яросшь урагана, —
Стоитъ, — но грянуль залпъ! и вдругъ —
Подвинулся Драконъ стоголавый,
И все повержено вокругъ!
Лишь блещетъ путь его кровавый.

Я избѣжалъ онъ лютыхъ бѣдъ,
Избѣгъ онъ яросшнаго мора,
Когда сей страшный людоѣдъ —
Тиранилъ жертвы безъ разбора;
Погибли всѣ мои друзья
И кроваго не спало браша.
О горькая души утраша!
Увы! по нынѣ грудь моя
Тоской и жалосью объята.
Еще горѣлъ опрадный свѣшъ
Во мракъ препетнаго сердца;
Я бросилъ землю иновѣрца,
И на родипельскій привѣшъ —
На голось матери несчастной,
Помчался къ родинѣ прекрасной —
Увидѣлъ въ праурѣ свой домъ,
И палъ безъ чувствъ передъ порогомъ; —
Она — почилъ вѣчнымъ сномъ!
Она — соединилась съ Богомъ!
Къ кому объляпѣя простру?
Кшо въ душу свѣшъ прольетъ опрадный?
Я вижу блѣдную сестру,
Она стоитъ какъ мраморъ хладный;
Мой вѣрный другъ — ея женихъ,
Вдали, подъ Варною печальной,
Угаснулъ на рукахъ моихъ,
Съ улыбкою любви прощальной!
Погибло все! Миръ опустѣлъ!
И Божій свѣшъ мнѣ спалъ печаленъ; —
Я изнемогъ, окаменѣлъ, —
Среди гробовъ, среди развалинъ. —

В. Домонтовичъ.

СОКОЛЬ.

Какъ на дубъ, на высококъ,
Надъ глубокою рѣкой,
Одинокій, думу думалъ
Соколь ясный, молодой.
Чшо ты, соколь быспрокрылый,
Приздумавшиись сидишь?
Чшо ты, свѣшлыми очами,
Въ даль широкую глядишь?
Развѣ тѣсно, развѣ душно,
Для тебя въ родныхъ лѣсахъ?
Развѣ нѣтъ тебѣ приволья,
На родимыхъ озерахъ? . . . .
«Ахъ! шоска, шоска кручина,»
Ясный соколь говоритъ:
«Решивое сердце можешъ —
«И головушку палишь;
«Скучно спало въ шо же поле
«За добычею лешашъ;
«И не соколу въ болошахъ, —
«Перья гладкія купашъ.
«Сердце рвется на чужбину,
«Въ незнакомыя мѣста,
«Гдѣ, какъ горы — лѣсъ дремучій,
«Гдѣ шрава какъ лѣсъ густа,
«Гдѣ орлы лешаюшъ въ пучахъ,
«Озера безъ береговъ.
Здѣсь я, — сирый, горемычный,
«Безъ друзей и безъ враговъ;
«Здѣсь мнѣ не съ кѣмъ перевѣдашь
«Силы дремлющей своей:
«Я взмахну-ль крыломъ широкимъ,
«Разирямо-ль концы когтей,
«Все вздрогнешъ и замушился,
«Черный воронъ улешишь,
«Коршунъ жадный издадека
«Робко въ выси поглядитъ.»
Какъ взвился удалый соколь!
Къ морю синему лешишь,
На споронушку родную
Онъ внослѣдній разъ глядитъ.
И на моръ, моръ синемъ
Искушался онъ въ волнахъ,
И съ орлами, надъ горами
Онъ носился въ облакахъ!

Буря воешь, громъ грохочешъ,
Волны плещушь въ небеса:
Соколь борешся съ погодой
Соколь въ моръ далеко;
Въпры буйные обили
Крылья мощныя его.
И на упро было шихо,
Солнце красное взошло . . .
А по взморью, — легкой зыбью
Тѣло сокола несло.

Степановъ.

ШАРАДА.

Мой *первый* слогъ въ спироу найдѣтся,
Второй — надъ бородою вѣтсся,
А *цѣлое* — и перьями даритъ,
И прыщче лошади бѣжитъ.

Въ No 47 помѣщенная шарада значишь: *Ver-tu*.

MODES.

Ensemble de toilette. — Une robe de mousseline fond vert, dessins blancs.—Pèleriné de jaconnas brodée, plate sur le devant, à petits pans.—Chapeau de paille d'Italie, un bouquet de violettes, dans le milieu, un camélia blanc.—Des souliers de peau anglaise russe.

Robe de châly fond de chamois, dessins rouges. — Canezou de mousseline, col et jockeis à pointes rondes garnies de dentelle.—Cravate de gros de Naples lilas.—Capote de moire grise doublée de vert extrêmement pâle, un bouquet d'épis verts.—brodequins de prunele.

Demi-toilette.—Robe de gros de Perse lilas très-pâle à petits carreaux lilas plus foncé.—Pèlerine de tulle brodée à dents festonnées et carrées.—Chapeau de paille de riz, un bouquet de seringat.—Des brodequins de peau anglaise en gros de Naples grosbleu.

Toilette du soir.—Une robe d'organdy peint à colonnes d'arabesques verts et lilas, corsage décolleté à pèlerine garnie d'une dentelle haute de deux doigts; au bas de la jupe, au-dessus de l'ourlet, un petit volant haut d'un doigt, bordé d'une dentelle semblable à

celle de la pèlerine.—Dans les cheveux, un noeud de ruban gaze lilas bordé de vert.—Une Ferronnière au cou.—Des souliers de gros de Naples noirs.—Des gants blancs.

Une robe de gaze d'Asië fond blanc, des marbrures violettes et jaunes, petites fleurs rouges jetées de distance en distance; corsage décolleté, drapé, les jockeis à dents, manches blanchés.—Dans les cheveux, une Ferronnière faite de deux rangs de pelles d'or, attachés par une améthiste gravée.—Une chaîne d'or; des bracelets incrustés de pierres.—Des souliers de gros de Naples et des gants blancs.

Pl. No 15. Modes de dames, d'hommes et d'enfants.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.—Кисейное платье, по зеленому грунту бѣлые узоры.—Жаконешовая вышитая пелеринка, спереди гладкая, съ небольшими концами.—Итальянская соломенная шляпа съ букетомъ фиалокъ, въ серединѣ бѣлая камелия.—Изъ Англійской кожи посоваго цвѣта башмаки.

Шалевое платье верблюжьяго цвѣта, съ красными узорами.—Кисейное канзу, воротникъ и эпюлеты съ округленными концами обшиты кружевомъ.—Галстучекъ изъ лиловаго гроденаля.—Капюшь изъ дижаго море, подложенъ зеленымъ чрезвычайно блѣднымъ, съ букетомъ зеленыхъ колосьевъ.—Прюнедевые сапожки.

Полу-нарядъ.—Платье изъ Gros de Perse, самага блѣдно-лиловаго цвѣта съ мѣлкими лиловыми клѣпками шемте грунта.—Гюлевая пелеринка съ четверугольными вымпанными зубцами.—Баспювая шляпка съ букетомъ серенги (seringas).—Сапожки изъ синяго гроденаля съ Англійскою кожею.

Вечерний нарядъ.—Платье изъ органди, печатнаго тирландами лиловыхъ и зеленыхъ арабесковъ, лифъ открытый, съ пелеринкою, обшитою кружевомъ, шириною въ два пальца; внизу юбки сверхъ рубца узенькая оборочка шириною въ палець, обшита такимъ же кружевомъ, какъ пелеринка.—Въ волосахъ

бантъ изъ лиловыхъ газовыхъ лентъ, съ зелеными каёмками.—Гроденальвые черные башмаки.—Бѣлыя перчатки.

Платье изъ Азіатскаго газа, по бѣлому грунту мраморныя жилки фиолетоваго и желтаго цвѣта; сверху разбросаны маленькіе красные цвѣточки; лифъ открытый, драпированный; эпюлеты съ зубцами, рукава бѣлые.—Въ волосахъ Ферроньера, сдѣланная изъ двухъ нитокъ золотыхъ бусъ, схваченная вырѣзаннымъ аметистомъ.—Золотая цѣпь; браслеты съ камнями.—Гроденальвые башмаки.—Бѣлыя перчатки.

Кар. No 15. Моды дамскія, мужскія и дѣтскія.

С М Ъ С Ъ.

Скоропреходящая ссора бываетъ между любовниками, супругами, друзьями; продолжительная—между скупыми, упрямыми, получеными; вѣчная—между корысполюбивыми наследниками и суетвѣрами.

Повѣлявая другими, умѣй властвовать собою.

Пріятель швой приглашаетъ тебя на пирь: приходи поздно если хочешь; но когда позавелъ онъ тебя для утѣшенія его въ печали: бѣги къ нему опрощенью.

Кто придетъ къ тебѣ рассказывать о чужихъ слабостяхъ, потъ имѣешь намѣреніе рассказать другимъ о слабостяхъ своихъ.

Счастливъ Государь, котораго подданные не спрашатся его, а спрашатся за него.

Законы, въ пространяѣишемъ значеніи, суть необходимыя отношенія, происходящія отъ свойства вещей; въ семъ смыслѣ всѣ существа имѣютъ свои законы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Среданъ ■

Субботаъ.

№ 49.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 20 дня, 1851 года.

О совѣсть, добрыхъ душъ послѣдняя подруга!

Гдѣ уголокъ земнаго круга,

Куда бы не проникъ твой гласъ?

Неумолимая, вездѣ найдешь ты насъ.

Дмитріевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Р О Б Е Р Т Ъ.

(Окончаніе).

Прошелъ часъ, и Робертъ очнулся. Руки его судорожно пропягивались, какъ будто разсыкая волны.—«Слава Богу!» возкликнулъ дрожащій голосъ. Робертъ почувствовалъ, что кто-то приложилъ мягкую руку ко лбу его, что на лице его канули двѣ—шири слезинки. Онъ съ изумленіемъ открылъ глаза, и къ какой жизни пробудился онъ! Въ слезахъ сидѣла подлѣ него Марія.

Онъ приподнялся; она, смотря на него, улыбалась сквозь слезы; онъ съ горячностью прижалъ ея руку къ сердцу.—«Пускайся въ такую ужасную бурю!» сказала она, грозно пальцемъ, но упрекъ исчезъ въ ласковой улыбкѣ: ибо глаза его говорили ей, для кого онъ жертвовалъ жизнью. Она видѣла изъ окна, какъ волны поглощали челнъ; она съ крикомъ опчаянія кинулась къ берегу, поспѣшно пробиваясь сквозь чащый кустарникъ, который подобно шпостнику, качался бурно. Робертъ лежалъ бездыханный передъ нею; она рыдая, упала подлѣ него. Чувствительная дѣвица, у которой смерть

похитила первую любовь, ты поймешь ея горесть!

Буря умолкла; рѣка утихла, какъ Марино сердце, и на лицѣ Роберта просіяла радость. Рука ея дрожала на его груди; голова его тихо опустилась на его сердце; она чувствовала бѣненіе его сердца. Голоса въ кустарникѣ звали Марію. «Меня зовутъ!» сказала она въ испугъ и вскочила.—Нынче вечеромъ?—спросилъ Робертъ, и возведъ на нее умоляющій взоръ.—«Можетъ быть!» сказала она робко и исчезла межъ кустовъ; Робертъ пошелъ искать гостепріимства въ ближайшей хижинѣ.

Соловей запѣлъ, и луна проглянула изъ за горы. Робертъ крался къ кустарнику. «*Можетъ быть*» это магическое слово пробудило въ немъ всѣ обольстительныя мечты ожиданія. Онъ подошелъ къ самому домику; тихо отворилась дверь, что-то бѣлое мелькнуло въ кустарникѣ, и—Марія кинулась въ его объятія. Буря пощадила дерновую скамью; они съли; Марія робко пощупила глаза; лице Робертово горѣло, какъ вечерняя заря на небѣ.—

«Робертъ!» сказала она боязливо: «я жду папеньку»—и въ рукѣ ея дрожало письмо. Робертъ схватилъ бумагу; и при свѣтѣ луны

съ шрепетомъ прочиталъ приказаніе жестокосердаго опца, немедленно вѣйпи за мужъ за Графа, который завтра прѣдетъ за нею и поведетъ ее къ алтарю. Письмо выпало изъ рукъ его; онъ посмопрѣлъ на нее безжизненнымъ взоромъ; ея глаза устремились на письмо. —

— Въ Рио-Янейро! — произнесъ со вздохомъ Робертъ, и на глазахъ его навернулись слезы.

«Зачѣмъ?» спросила она, вскочивъ съ мѣсна.

— Это убѣжище несчастныхъ, которымъ опечесиво во всемъ отказываютъ! — сказалъ онъ, рыдая.

«Несчастный! я остаюсь здѣсь, а ты хочешь покинуть сей край!» — воскликнула Марія, рыдая.

— Графиня! сказалъ Робертъ угрюмо и наморщилъ чело: лучше продавайъ рыбу Намѣстнику Бразильскому, нежели Графу. —

«Что будешь со мною?» в кричала она, и припала къ груди его. Робертъ обнялъ ее; сердце ея билось подлѣ его сердца; слезы ихъ смѣшались, ушца соединились. Перси ея бурно волновались; дрожь и пылая, рука его крѣпче обхватила возлюбленную, и вечерній вѣперокъ, игравшій гуспою съною акацій, уносилъ шопощъ и вздохи счастливецъ. —

Робертъ тихо освободился изъ ея объятій. Безмолвно сидѣли они другъ пропивъ друга, взоры ихъ робко избѣгали встрѣчи, и чувствено вины пылало на ихъ ланипахъ. — «Если папенька прѣдетъ?» воскликнула Марія, и закрыла лице руками. Робертъ смолчалъ неподвижно на рѣку — Сердце, полное любви, недоспапочно для Коррежидора Эворекаго! сказалъ онъ съ горькою усмѣшкою — «и нужно ли болѣе для счастья?» — спросила она тихо и возвела на него робкій взоръ. Радость заблестала въ глазахъ Робертовыхъ. —

— На шомъ берегу, продолжалъ онъ: покойница мать моя была двадцать лѣтъ счастлива. — «Она не оскорбляла опца,» вздохнула Марія: «мнѣ бы не позволили шамъ жить такъ счастливо.» — А шамъ? воскликнулъ боязливо Робертъ, указавъ на горы Испанскія. Голосъ Маріинъ задрожалъ; взоръ ея въ нерѣшимости обратился на домъ ро-

дипельскій. Когда въ первый разъ представилась ей возможность разлуки, она забыла все его жестокости. Ей казалось, что онъ прошираетъ къ ней руки, носившія ее въ младенчествѣ; она съ ужасомъ отскочила отъ Роберта, который хотѣлъ вырвать ее изъ родипельскихъ объятій. Письмо упало съ колѣнъ ея на землю; она видиптъ почеркъ опца, она шоропливо поднимаетъ бумагу и имя Графа бросается ей въ глаза. Она мысленно видиптъ предъ собою жестокаго опца, который мрачно опвергаетъ ее моленія; рука Графа, ледяная, какъ холодная рука смерти, обхватываетъ ее, и взоръ, омраченный опчаяніемъ, палъ на возлюбленнаго, который робко споялъ въ опдаленіи. — «Робертъ!» прошептала она — онъ медленно подошелъ къ ней; письмо выпало изъ руки ея; Робертъ схватилъ ее, и она съ горячностью прижала его къ сердцу. «Не хочу привести свое сердце въ жертву честолюбію!» воскликнула она съ жаромъ — «пашъ мы безонасны, не правдали?» и взоръ ея устремился къ горамъ.

— Каждый ручеекъ будетъ нашимъ приюпомъ; — опивчалъ Робертъ дрожащимъ голосомъ. — «Гдѣ ппичка вѣетъ себѣ гнѣздо, шамъ ешь и мѣсто для любви;» примолвила Марія «и время примиришь его съ нами;» продолжала она тихимъ голосомъ, и глаза ея устремились на окна домика; «тогда сойдемъ ошпъ съ горъ; — но завтра прѣдетъ Графъ,» вздохнула она, объяшая ужасомъ. И такъ ничто насъ не разлучитъ! воскликнулъ Робертъ и спраспно заключилъ ее въ объятія. —

«Еще разъ мнѣ надобно возвратишься домой,» сказала Марія, «пойду и возьму подарки моей покойной маменьки. Залогъ ея машеринской любви я возьму съ собою,» сказала она и вырвалась изъ его объятій. — «Я шощась возвращусь!» шепнула она и прокралась въ домикъ. — Если это сонъ, сказалъ самъ себѣ Робертъ, возведя благодарный взоръ на небо: по не выводи меня изъ эшихъ грезъ, Боже милосердый! ибо холодная жизнь не имѣетъ подобныхъ минутъ! — Ошворилась дверь и Робертъ принялъ въ объятія шрепещущую Марію. «Прочь, прочь ошсю-

да!» воскликнула она дрожащимъ голосомъ, заливаясь слезами. «Ему отвѣли комнату подлѣ моей; тамъ я буду счастлива!» и взоръ ея; свѣтлая любовью, покоился на горахъ. Они шоропливо пробирались сквозь кустарникъ. Гвадіана была ихъ вожатымъ. Она журча, огромною синею змѣею извивалась между горъ, и Марія, утомленная странствіемъ, едва переводя духъ, остановилась у подошвы, съ кошорой вилась узкая тропинка вокругъ хребта утесистаго исполина. Робертъ понесъ Марію на рукахъ. Облака, подобно темному покрывалу, заволокли луну, и пѣни одинокихъ елей, какъ грозныя привидѣнія ложились на тропинку. Они остановились; родина, изъ которой они бѣжали, проспиралась у ногъ ихъ, и маленкій домикъ въ кустарникъ, казалось, смотрѣлъ вслѣдъ имъ издали. Глаза Маріи наполнились слезами, кровь въ жилахъ ея текла медленно; она въ изнеможеніи прислонилась къ ели. Облака запыли небо и холодный вѣтеръ пронесся съ горъ.

—Марія!— сказалъ Робертъ—воздухъ суровъ; надобно добрести до хижины,—и рука его увлекла упомянутую. Они поднялись выше. Огонекъ проглянулъ изъ вѣтвей высокой ели; они поспѣшили спуда.—«Спой!» взревѣлъ дикій голосъ; Марія вздрогнула, схватила руку возлюбленнаго и потащила его за собою. Тоже самое слово загрѣмѣло позади ихъ; Марія съ перепетомъ оглянулась.—«Контрабандисты!» вскричалъ суровый голосъ, и любовники мгновенно увидѣли себя окруженными полною грознаго вида людей, кошорые, подобно привидѣніямъ, выскакивали изъ каждаго куста.

— Не трогайте насъ! — умолялъ Робертъ, и Марія прижалась къ нему шѣснѣ.—«Разлучите ихъ!»—воскликнулъ шопъ же самый голосъ.— Не позволю! вскричалъ Робертъ, замахиваясь кулакомъ.—

«Отведите ихъ въ Аямонтъ!»—повторилъ громовый голосъ.

—«Ради Бога не дѣлайте этого» вскричала Марія: «тамъ живутъ мои родственники.»—

— Не пойдемъ въ Аямонтъ!—сказалъ Робертъ холодно и рѣшительно: мы не боимъ

ся суда, но не хотимъ назадъ въ Аямонтъ. Обыщите мои карманы; у меня нѣтъ ничего запрещеннаго.—

—Такъ у васъ нѣтъ ничего? спросилъ вблизи ихъ хриплый голосъ.

—«Ничего, кромѣ подарковъ моей мапери,» отвѣчала Марія, и вынула изъ за пазухи коробочку.

Открыли коробочку.

Подарки?—пробормоталъ одинъ.

—«Такъ маменька ваша въ сосполяннѣ даритъ бриліанты?» вскричалъ другой.

—«Сей часъ въ Аямонтъ!»—воскликнулъ преній громко: Алкальдъ освидѣтельствуетъ подарки.

Одна рука вѣпилась крѣпко въ грудь Роберта. Опасность удвоила его силы, любовь отвагу, и нападающій грянулся о землю. Грозно наступили на него суровые пипомцы горъ: Робертъ боролся за Марію, за свое счастье,—и наемныя руки оцѣпали. Дорога была открыта, но Марія лежала безъ чувствъ у ногъ его. Робертъ обхватилъ ее дрожащими руками; уста его громкимъ, шепещущимъ голосомъ зывали: Марія! милая Марія,—и слезы его полились на ея блѣдное лице. Чепыре могучія руки обхватили его сзади; онъ, падая, сражался съ врагами, но безпамятство Маріино его обезсилило; онъ судорожно прижался къ ея персямъ, и жизнь его угасла подлѣ сердца возлюбленной. Полуденное солнце пылало на небѣ, когда Марія очнулась въ Аямонтской шемницѣ.—

Подарки мапери погубили несчастныхъ. Отецъ Маріинъ, пріѣхавъ въ загородный домикъ, узналъ о бѣгствѣ дочери, и участь злополучной была рѣшена. Въ полночь отворилась дверь ея шемницы. Безмолвно посадили ее въ карету, кошорая остановилась у ограды Монастырской, и желѣзныя ворота навѣки разлучили ее съ міромъ.

И ее ужъ нѣтъ! Сокрушенное сердце ея скоро перестало биться; шоска по возлюбленномъ шихо свела ее въ могилу. Прахъ Роберта покоится подлѣ тропинки, ведущей въ горы,—и крестъ освѣляетъ сіе мѣсто.

Утомленный странникъ отдышался на холмикѣ, не зная, что холодная могила скры-

взвѣтъ сердце, пылавшее нѣкогда любовью, достойною лучшей участи.—

Съ Нѣм. *Тило.*

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ ИТАЛИИ.

Герцогство Масское и Карарское.

(Взято изъ невѣданныхъ въ свѣтъ записокъ одного путешественника).

Сегодня я еще не видалъ хорошенькой Италіанки; мнѣ особенно нравятся эпі женщины, живыя, съ черными рѣсницами, съ огненными глазами, съ пиіпическими головами. Когда онѣ, сидя подѣ шѣнію вязовъ, окружающихъ большую дорогу, съ непонятнымъ проворствомъ плещутъ соломенные шляпки—и въ шу же пору безпрестанно кидаютъ взгляды на проезжающихъ, я невольно оспанавливаюсь, чтобы полюбоваться ими, а онѣ дарятъ меня улыбкою, какъ спараго знакома. . . Но я оставилъ Тоскану. Я встрѣчаю женщинъ, которыя не плещутъ соломой, а переносятъ мраморныя глыбы, добываемыя на ближней горѣ; онѣ супуловаты; руки у нихъ въ мозоляхъ, лице загорѣлое, глаза шускыя. Въ эпіхъ Италіанкахъ, разумѣется, нимало нѣтъ поэзіи. Цѣлое Герцогство Масское и Карарское терпитъ бѣдность, несоотвѣтственную съ ихъ благодѣтельными небесами.

Для чего я не мудрецъ? шупъ-то бы я употребилъ всю проникаемость своего ума! Какъ можетъ народъ быть бѣднымъ, когда роціи масличныхъ деревьевъ, вышиною равняющихся почти съ вязами, покрываютъ поля до самаго взморья; когда онѣ вѣчаютъ холмы, а по скашамъ ихъ рѣшатъ виноградъ; когда земля шучна и плодоносна, море изобильно рыбою, горы наполнены мраморомъ? . . . Пришомъ ясное небо, живошворный воздухъ, и имя Италіи! Увы! можно жить въ Италіи, посреди масличныхъ роціи, виноградниковъ, мраморовъ, подѣ яснымъ небомъ, и быть нищимъ. Вамъ легко пересуживать; все лѣтко обсуидитъ мимошдомъ.

Пространство спа квадратныхъ миль, окруженное Тосканою, моремъ и Генуезскими областями; 22,000 жипелей; гористый,

плодородный и живописный край, обширный небосклонъ, ограниченный голубыми водами Средиземнаго моря,—вошъ вамъ описаніе сего Княжества! Не ищите здѣсь ни памятниковъ, ни древностей; но скорѣе проскачите чрезъ маленькую, бѣдный городокъ Массу: спшшите въ Карару. Забудьте, что Масса есть главный городъ Герцогства, я несправедливо хошѣлъ было назвать ее столицей: ибо владѣтельная Герцогиня проводитъ жизнь въ Вѣнѣ. Городъ Масса ничего не представляетъ достопримѣчательнаго, даже нельзя назвать рѣдкостью померанцовыхъ алей въ при рада, окружающихъ Епископскій Дворецъ.

Въ чешырехъ миляхъ отъ Массы, вы найдете городокъ Карару, и Карару съ ея мраморными ломнями, заводами, рабочими, вайшелями.

Сначала любопышно посѣшпитъ сіи горы, снабжающія мраморными сполпами все Европейскіе дворцы. Вы переѣдете узкую, глубокую долину, которую ни одно деревцо не осѣняетъ. Здѣсь шечетъ свѣшмая рѣчка, на которой построены кое-гдѣ мѣльницы для пилки мрамора. Солнце прямо ударило мнѣ въ лице. Если бы я взглянулъ только на окружавшія меня горы, по солнечные лучи ослапили бы мнѣ глаза, опражаясь въ тысячи искрахъ. Сквозь соломенную шляпу мою вросшупалъ пошъ, и я разсудилъ, что гораздо умнѣ будете видѣть мраморъ, совсемъ обдѣланный,—въ церквахъ, чѣмъ разматривать глыбы его въ мраморныхъ ломняхъ.—Карарскія мраморныя ломни чрезвычайно богаты; можно подумашъ, что ихъ только начали разрабатывать. Въ продолженіи двухъ тысячъ лѣшъ, со времени ихъ опкрышя, непримѣшно никакихъ слѣдовъ, кромѣ небольшихъ ямъ. Правда, что здѣсь легко заблудиться въ глубокой шемношѣ; но черезъ двѣ тысячи лѣшъ, шемноша сія не сдѣлаешя гуще. Можно сказать, что слѣды вѣковъ здѣсь менѣе примѣшны, нежели слѣды человѣческіе.

Чешыреста Карарцевъ ежедневно работаютъ въ сяхъ ломняхъ; однако не все они занимаются добываніемъ мрамора, а большая часть обшескою вышупыхъ уже каменной. Смолра издали на работниковъ, шорча-

шихъ на обнаженныхъ скалахъ, палимыхъ знойными лучами солнца, и какъ бы прикованныхъ къ своему куску мрамора, который они обшесывають, ихъ можно принять за Римскихъ преступниковъ, обремененныхъ ногаго рода наказаніемъ. Они вырабатываютъ по два франка въ день.

Ежегодный доходъ, приносимый сими каменоломнями, составляетъ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ. Ихъ разрабатываютъ иностранцы, платя за право сіе 300 тысячъ франковъ Правительству; но деньги сіи не остаются внутри Герцогства..... Вотъ одна изъ причинъ бѣдности. Завтра будетъ торжественное молебствіе, по случаю тезоименнства Герцогини. Для сего праздника написана музыка изъ Флоренціи. Работа въ мраморныхъ лонняхъ должна остановиться, и мастерскія будутъ заперты. За тѣмъ-то я поѣхалъ ихъ сегодня. Въ Карарѣ съ необыкновеннымъ вкусомъ обрабатываютъ сей бѣлый, чистый мраморъ, почти неуступающій бѣлизною Паросскому. Я видѣлъ арабски отличной работы: кажется, что виноградъ въ самомъ дѣлѣ обвивается вокругъ сихъ вазъ, и на фризахъ каминовъ. Жаль, что здѣсь не дѣлають выпуклыхъ фигуръ: ибо, судя по головѣ *Мюрата*, совершенствомъ рѣзца неуступающей антикамъ, можно вообразить, какія получали бы мы отсюда превосходныя вещи.

АЛЬБОМЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Продолженіе).

Чрезвычайное зло можетъ быть источникомъ добра.

Когда опытноешь располагаетъ нашими поступками: тогда мы дѣлаемъ добро болѣе по расчету, нежели по внутреннему влеченію.

Менѣ другихъ достойны сожалѣнія тѣ, которые испивъ чашу радостей въ жизни, приносятъ въ жертву Богу сердца свои, навсегда опказавшіяся отъ надежды, и съ самоотверженіемъ ищутъ покоя, вмѣсто счастья.

Могущество воли безпредѣльно: когда она вступаетъ въ права свои, тогда неизвѣстные дополъ мужество и рѣшимость, заставляютъ насъ познавать собственныя силы, распространяя кругъ нашихъ способностей; — такъ, отъ воли часто зависитъ наша участь.

Люди въ великихъ несчастіяхъ любятъ изливать свою горестъ на опечесвленномъ языкѣ, прибѣгая къ нему, какъ къ другу.

Во всякомъ положеніи, кто хочетъ быть счастливымъ: пошъ долженъ съ своей стороны хотя нѣсколько тому содѣйствовать.

Задумчивость имѣетъ свою пріятность. Мы чувствуемъ грусть и головны излишь ее, чтобы найти облегченіе. Это счастливое расположеніе, смѣшивая въ одно два самыя сильныя ощущенія души, спрраданіе и удовольствіе, приупляетъ ихъ дѣйствіе, и болѣе приспособляетъ ихъ къ нашей слабости.

Когда люди соединяются для удовольствія, то на первыхъ парахъ они бываютъ всегда хороши, ибо это мунуна счастья, а счастье дѣлаетъ ихъ лучшими. Ожиданіе наслажденій и самыя наслажденія раскрываютъ душу.

Если воспитаніе не умѣрило или не измѣнило наружныхъ признаковъ душевныхъ впечатлѣній: то они выражаются такими шумными и дикими восклицаніями, что часто можно въ нихъ обмануться, принявъ ощущеніе пріятное за непріятное, и обратно.

Какъ тяжель для души переходъ, отдѣляющій минувшія ощущенія отъ настоящихъ.

Любовь располагаетъ къ довѣрчивости, но сначала бываетъ недовѣрчива.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д Ъ В А.

Какъ строенъ шумъ волны прибрежной,
Въ ночной, прокладной тишинѣ;
Но юной Дѣвы голосъ пѣжной
Сребристыхъ волнъ звучнѣе мнѣ.

Какъ миль сей розанъ чуть развипшій,
Несущій дань молодой веснѣ;
Но Дѣвы алыя ланипы
Весеннихъ розъ милѣе мнѣ.

Цвѣшовъ и липъ благоуханье
Прекрасно въ сѣверной странѣ;
Но Дѣвы близкое дыханье
Цвѣшовъ и липъ милѣе мнѣ.

Какъ мирно звѣзды золотыя
Сіяютъ въ синей вышинѣ;
Но Дѣвы очи голубыя
Небесныхъ звѣздъ милѣе мнѣ.

Трилуний.

КЪ НЕПОСТОЯННОЙ.

Не говори, что я любимъ;
Не обольщай меня напрасно
Пришворнымъ пламенемъ твоимъ,
Улыбкою и рвчью страстной!
Ты знаешь: взоръ твоихъ очей
Невыразимый, вѣчно милый,
Живилиленъ душъ унылой,
Какъ блескъ денницы для полей.
Ты знаешь: звукъ твоихъ рѣчей,
Своей гармоніей чудесной,
Какъ голосъ благоспи небесной—
Мнѣ радость чистую даетъ,
Мнѣ упоенье въ душу льетъ.
Ты знаешь, что твое дыханье,
Какъ резеды благоуханье
Лелѣетъ нѣгою меня . . .
Ты знаешь:—я люблю тебя!
Но ты . . . какъ мошмылекъ красивый
И златоцвѣшнѣй и игривый,
Непостоянная, какъ онъ,
Ты только сердце обольщаешь,
И, какъ минутный, сладкій сонъ,

Польстншь на мигъ—и улетаешь . . . .

О, сколько блага бытъ твоимъ:
Ты такъ мила, ты такъ прекрасна!
Но нѣтъ, не обольщай напрасно;
Не говори, что я любимъ!

С. Степановъ.

Д. Жмакино.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ (*).

Посвящено Т . . . ъ. — Д . . . ъ.

Въ прозрачной мглѣ безмолвствуетъ столица;
Лишь изрѣдка на шумъ и гласъ ночной
Опшккинется дремавшій часовой,
Иль топчетъ конь, и быстро колесница
Продребезжитъ по звонкой мостовой.

Какъ я люблю приопть мой одинокой!
Какъ здѣсь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Разсыпалась на полъ его широкой,
Во всю длину трехрамнаго окна!

Сей лунный свѣтъ таинственный и пѣжный,
Сей полумракъ и свѣжестъ теплоты
Исполнены соблазновъ . . . . гдѣ-же ты,
Какъ поцѣлуй насильный и мятежный,
Разгульная, и чудо красоты?

Во мнѣ дупа трепещетъ и пылаешь,
Когда, къ шебъ склонившись головой,
Я слѣшаю, какъ дивный голосъ твой:
Томительный, журчитъ и замираетъ,
Какъ онъ кипитъ веселой и живой!

Или, когда твои родные звуки
Тебя зовущъ—и, буйная, летишь,
Крутишь главою, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь и скидываешь руки,
И попадаешь, и свищешь и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятыми восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сонъ, мой Ангелъ сладкопѣвнѣй,
Поэзія Московскаго жишья!

(*). Сіе и слѣдующее стихотвореніе *Сонетъ* взятъ изъ
Одесскаго Альманаха, который поздно вышелъ и поль-
ко на дняхъ полученъ въ С. Петербургѣ. Онъ про-
дается по 10 рублѣи.

Приди, утѣшь мое уединенье!
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтлое, свѣтлое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

Н. Языковъ.

1831 года, Марта 25-го.

С О Н Е Т Ъ.

(*Ю. И. Познанскому, въ отвѣтъ на его переводъ Мицкевича Сонета къ Лауртъ.*)

Любовь оны пѣлъ, печалью вдохновенный,
И чуждыхъ словъ не понимъ я вполне,
И только былъ напѣвъ иноплеменный,
Какъ шумный взоръ, какъ вздохъ понященъ мнѣ.

Но ты постигъ, душою умиленный,
Что звуковъ пѣхъ палилось въ глубинѣ,
И скорбь души, спрдааньемъ утомленной,
Опоздалась и на твоей струнѣ:

И внимлю я понятному мнѣ звуку,
Какъ бы внималъ спрдаальцу самому,
И я-бъ хотѣлъ, съ участьемъ брата руку,
При встрѣчѣ съ нимъ, хотъ разъ пожашъ ему:
Мнѣ шопль не чуждъ, кто зналъ любовь и муку,
И кто ихъ пѣлъ по сердцу моему!

А. Подолнскій.

С H A R A D E.

De la mode nouvelle un brillant amateur
Dans mon premier promène sa parure;
Mon dernier est le but où tend le vil flatteur;
De mon entier redoutez la piqure.

Въ No 48 помѣщенная шарада значить: *Стро-усъ.*

M O D E S.

Modes.—Les capotes de percale lustrée ont été remplacées cette année par celles de batiste d'Écosse, doublées de gros de Naples.—La coupe est à-peu-près celle des capotes d'étoffe, froncée par de petites baleines; le fond de la capote est uni; la passe est doublée intérieurement de gros de Naples qui n'est

pas froncé.—Le bavolet est doublé également.—Sur le côté est posé un nœud de batiste, fait simplement en rosettes; les brides de batiste, point de rubans.

Il n'y a pas de comparaison à faire entre ces capotes et celles de percale.—La batiste prend sur le rose, qui est la couleur du meilleur choix, une transparence d'un effet ravissant.—C'est une couleur douce qui ne peut se trouver naturellement.—Elles sont d'une extrême distinction.—Souvent on y place un demivoile de dentelle ou de tulle brodé.

Façons de robes.—Pour les robes du matin, les façons ne sont pas variées.—Des draperies croisées; les draperies Sévigné montantes sont à-peu-près, avec les corsages montans froncés, les seuls qui se fassent.—Beaucoup de pélerines rondes, à dens, à pans arrondis.—

Fort peu de garnitures au bas des jupes.—On pourrait dire point.—C'est affaire du goût lorsqu'on en met.

Au bas de manches, des pointes si l'on veut, ou une seule pointe bordée d'une petite garniture.

Lingerie.—On fait quelques collerette de tulle enfermé dans de petits anneaux de rubans, comme les bonnets de chapeaux.—Nous donnons ceci comme une nouveauté et non pas comme une mode reçue.

M O D Y.

Моды.—Капошы изъ кембрика, подложенные гроденаплемъ, замѣнили нынѣ капошы изъ лощенаго коленкора.—Покрой почпи одинаковый съ капошами изъ матерій, собранныхъ на шпюнкя коепочки; дно въ шупль гладкое; поле подложено снизу гроденаплемъ вгладь.—Баволешъ также подложенъ гроденаплемъ.—На боку баншъ изъ кембрика сдѣланъ репейкомъ; лопасши шакія же, безъ леншъ.

Нынѣ никакого сравненія между сими капошами и каенкоровыми.—Кембрикъ ва розовомъ; цвѣтъ предпочтительно употребляемый; прозраченъ и имѣетъ прелестный видъ.—Сшоль нѣжнаго цвѣта нельзя найши въ природѣ.—Капошы сии принадлежатъ къ опшличному наряду.—Часпо прикалывающъ къ нимъ полувуали, кружевные или вышитые шюлевые.

Покрой платьевъ.—Для ушренныхъ платьевъ фасоны не измѣнились.—Но больше всего

дѣлають лифы съ крестообразными складками, высокіе драпированные à la Sévigné и высокіе собранные. — Дѣлають много круглыхъ пелеринокъ, съ зубцами и округленными концами. —

Платья внизу мало опдѣлываются. — Можно сказать, что почти и нѣтъ ихъ съ опдѣлками. — Развѣ кому вздумается по своему вкусу.

Низъ рукавовъ по произволу съ многими, съ однимъ зубцемъ, обшитымъ узенькою оборочкою.

С М Ъ С Ь.

Мысли.

Не мѣшай пылини въ чашу отсутствующихъ.

Сиди на пиру жизни не облачиваясь.

Не ходи въ Африку смотрѣшь чудовищъ: опирайся къ народу бунтующему.

Не спѣши дружить, чѣмъ потомъ не разсоришься съ другомъ.

Законодатель! не бросай якорь пока не опустишь допа.

Не презирай никого; и пылинка дѣлаетъ шѣнь.

Не развращай собаки слѣпцовой.

Не перебивай, когда женщина пляшетъ, чѣмъ бы высказалъ ей свое мнѣніе.

Зимю не проси приюта у неблагодарнаго. Пепелъ могильный не такъ холоденъ, какъ пепелъ въ каминѣ неблагодарнаго.

Не оскверняй источникъ, котораго утолятъ твою жажду. Не поноси женщины, которая дозволила тебѣ поцѣловать ее.

Кромѣиаты! могила великихъ людей да будетъ предсѣломъ ихъ спашуй.

За нѣсколько дней до твоего рожденія, занимаючися твоею колыбелью: за нѣсколько лѣтъ до минушы твоей кончины, займися ны твоею могилою.

Спарикъ, откажись отъ благодѣлнн: тебѣ нѣтъ времени расплапиться.

Помочи свою печаль, чѣмъ бы предохранить ее отъ сургуча. Омочи свою жизнь слезами, чѣмъ бы не слишкомъ пы къ ней прильнулся.

Будь крѣпокъ для злыхъ: походи на кедръ; онъ не подверженъ порчѣ; ибо дерево горько; насѣкомыя не дерзають его почить.

Лебедь молчитъ всю жизнь, чѣмъ бы разъ хорошо прогѣть.

Юноша! будь губкою въ присутствіи мудраго глаголющаго; будь рѣшетомъ въ присутствіи глупца неумолкающаго.

Опасайся всего, не опчаявайся ни въ чемъ.

Занимай свою душу: съ душою праздною поже самое бываетъ, что съ домомъ, который гораздо скорѣе порнился, когда спишь пустопорозшимъ.

Если боишься грязи и крови: по пальцемъ не тронь народа въ революціи.

Предпочитай молчаніе эху.

Письмена — шѣло мысли.

Если спросятъ тебя: что такое надежда? скажи: плодъ въ почкѣ.

Проси сыну, если создается въ винѣ, даже если скроешь ее, но лишь бы только онъ совсѣмъ не заперался.

Прощай старцу недостатки: выпрямишь ли желѣзо, когда оно просшынеть?

Каждый изъ дней твоихъ есть пиромъ, состоящій изъ 24 блюдъ, которыя одно за другимъ у тебя мелькають передъ глазами. . . имѣй на нихъ гопповую руку. Чуть коснешься къ которому, оно мгновенно замѣняется другимъ.

Слова стрѣлы: попадутъ-ли въ цѣль или нѣтъ, но чуть сорвались съ пещивы, пы уже не власпень надъ ними.

Съ Франц. В. Романовичъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 50.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104. №
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
55. рублей.

СРЕДА, Іюня 24 дня, 1851 года.

Будь уврѣнъ,

Что въ свѣтъ инкого щадить я не намѣренъ!

Нѣтъ силъ терѣть, и мнѣ, какъ острый въ сердце ножъ,

Когда я посмотрю на городъ, на вельможъ,

На всѣ! — И видѣть лъзяль спокойно, безъ печали;

Чтобъ люди такъ съ людьми безбожно поступали?

Кокшкунъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОТЪ НОВЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА: LA MODE.

Когда мы узнали, что *Мода* перешла къ Нотариусу и выставляется на продажу, какъ помѣстья во времена переселенія и ужасовъ; какъ собственность, подверженная набѣгамъ Бедуиновъ, гошovýchъ разграбить ея излишнія орудія и сорвать пышный гербъ, блестящій надъ ея храмомъ: тогда мы искренно пожалѣли о ней. Мы привыкли любить сей журналъ, дышущій розами, оплечающійся изящнымъ вкусомъ, который опношенительно слога сдѣлалъ бы честь Мариво и Дорату. Намъ нравились его небольшія повѣсти, прекрасныя карпинки, упренія моды; его снарація, сколько можно украситъ домашній бытъ; мы знаемъ, что онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ дамъ и художниковъ, покровительствомъ, которое всего важнѣе: ибо они только способны живо чувствовать, одни они умѣютъ любить и ненавидѣть, умѣютъ желать, гошovy защищать своихъ любимцевъ, не дѣлятся съ толпою мнѣнїемъ, — покровительствомъ любезнымъ и могущественнымъ, которое избравъ одно доброе и прекрасное, предпо-

читаетъ богатству — изящное, вкусъ роскоши, наукъ — легкость и остроуміе.

И пакъ, мы пожалѣли о бѣдной *Модѣ*, которая еще недавно была въ цвѣтущемъ состояніи, но вдругъ сдѣлалась несостоятельною; *Мода* во Франціи продается съ молотка! Это уже слишкомъ много.

Теперь дѣло состоитъ въ томъ, какъ бы намъ отыскать ее. Вышедъ изъ дома, мы забыли ея адресъ, зарытый между полиническими журналами огромнаго формата; но что намъ до адреса? Мы находимся во Франціи, въ самомъ Парижѣ, довольно спросить перваго встрѣчнаго: гдѣ *Мода*? онъ укажетъ намъ, и намъ легко будетъ найти искомый журналъ.

Безразсудные! Мы забыли одно, что между *Модой* и нами послѣдовалъ грозный переворотъ.

На первый нашъ вопросъ: гдѣ *Мода*? — Простолудинъ отвѣтитъ намъ: *Мода* приказала вамъ долго жить! — *Мода* переселилась изъ перваго этажа; она убѣжала изъ обширныхъ залъ, украшенныхъ богатыми обоями, сбросила съ себя газовое платье, испортила свою изящную прическу, кинула надушенные перчатки и розы, которыя вплетены

были въ волоса ея; посмотрише, вошь она, распрепанная, задыхающаяся, съ обнаженною грудью, загорѣлая отъ солнца: *Мода* насыпаетъ валы, копаеиъ рвы; весь головной уборъ ея составляетъ темнаго цвѣта фуражка; *Мода* на улицѣ, она сидишь на камнѣ и воетъ о полицикѣ; *Мода* страсть, а шеперь сдѣлалась безумствомъ; недавно былъ презабавный толкъ, которъй напоминаетъ о временахъ Директоріи, когда весь день проводили въ болтаньи и пересудахъ, по ночамъ дома были освѣщены, и сунки заключались небольшими ужинами. Если хотите опыскашь *Моду*, Господа, подише въ Рашушу; говоряшь, что шамъ вы ее найдете.

Мы были въ Рашушѣ; видѣли шамъ молодыхъ людей, которые повѣся голову, чего-то искали; мы думали, что они примуть участіе въ нашей превогѣ и пособяиъ намъ въ нашихъ поискахъ, спойиъ только имъ прійши въ себя.—Господа, Господа, вы чего-то ищете, не вспрѣчались ли вы съ *Модой*, которая пропала въ общемъ смятеніи? на это отвѣчалъ намъ одинъ изъ искапелей:

Забавный вопросъ, Господа, *Мода* пропала! не беспокойтесь, вы найдете ее; *Мода* никогда не пропадеиъ во Франціи. Въ 1793 году была мода причесываться *à la victime*; во время консульства *à l'antique*, и носили перстни на пальцахъ. Вы завтра найдете то, чего шеперь ищете; *Мода* есть иъчшо старое и вмѣстѣ новое; она равно поддерживается и древностыю своею и молодостыю; это вторая натура Франціи; она есть иъчшо всеобщее, безпрестанно повьяляется, принимая на себя все виды, пріятный и суровый, печальный и веселый, бшененный и въпреный, иъжный и шушочный. *Мода*, прихотливая Богиня, шо сердяиъся, шо смѣешся, ворчишь, кидаеиъся на людей, рѣжешъ въ лоскуиъя ленты или кашемиръ, одѣваеиъся въ газъ, блонды, шелкъ, холстинку, бархатиъ, бараканъ; молодая въпреница, которая наливаетъ прауръ, спойиришь въ зеркало; учниъся улыбаиъся, плакаиъ, и спарается изгладишь прежнїи привычки для изученїа новыхъ. Не беспокойшесь, Господа, вы всегда найдете эту блестящую Богиню во Франціи, но мы несчастные, мы никогда не вспрѣ-

чимъ на сихъ берегахъ предмета своихъ исканїиъ.

Чего же вы ищете съ шакою заботливостыю и вниманїемъ?

Молодые люди со вздохомъ отвѣчали намъ.— Мы ищемъ благоденствїа, намъ обшаннаго!

И мы снова пустилисъ исканиъ *Моду*; одни говорили намъ: Господа, *Мода* переселилась на гаушвахину; *Мода* шеголяеиъ въ мундирѣ, она ходишь въ солдатской сумѣ съ саблею и въ киверѣ; нигдѣ не ищете *Моды*, если хошете видѣшь ее, слѣдуйте за барабаннымъ боемъ.

Другіе говорили: *Мода* занимается издаиїемъ журналовъ, полишическими спорами; она въ Палатѣ Депушатовъ, въ Судахъ, вездѣ, гдѣ прежде никогда не бывала.

Но все это насъ не остановило.

Однажды, передъ домомъ въ улицѣ Клері, мы видимъ большое спеченїе народа. Мы пробираемъся въ залъ; шамъ продавались мебели, платья, продавался спуликъ младенца, граненый хрушаль, позолоченные диваны изъ амарантоваго дерева, картины, произведенїа скуднаго и невѣжественнаго искусства, купленные изъ одного состраданїа. Увы, на все это прежде была мода; *Мода* возсѣдала на сихъ креслахъ, люди съ уваженїемъ спотрѣли на сїи уборы, на сей чашракъ; но размѣшанная мостовая, взгроможденная въ одной улицѣ, все это изгладила изъ памяти; шамъ иътъ уже моды.

Мы слѣдили по шамамъ прежнюю *Моду*. На Французскомъ театрѣ предшавляли пошлыя драмы, писанныя варварскимъ слогомъ; въ Одеонѣ Драма разшалась съ своею прїятною музыкою; подобно плясуну на канашѣ безъ шеспа—даже мелодрамма колеблеиъся и пошеряла равновѣсїе. На театрѣ *Variétés* Водевиль спалъ забавенъ, какъ журналъ; а журналы шрое сдѣлались шолще. Что касается до Оперы, блишательный театрѣ *d'Opera* заперишь; Королевская Опера не нравишся черни; *Мода* стучалась у дверей, чтобы ее впущили.

Увы, когда мы пришли исканиъ ее въ другой театрѣ въ ложу надушенную благовонїами, на которую часто обращались все взоры, ложи и залъ были пусты; актѣры и актри-

сы оскорбляли насмѣшками память покровишельницы сего заведенія, копорому она посвящала всѣ свои досуги.

Благородный гербъ! *Мода* также пользовалась своимъ блескомъ! Она родилась и возросла подъ своею сѣнью; *Мода* славилась высокимъ своимъ покровишельствомъ! Теперь дѣшь пышной вывѣски, нѣшь покровишельства, нѣшь *Моды*! Бѣдственныя времена!

Слушайте! продаютъ лошадей и коляски; снимаютъ ливрею съ слугъ, опнимаютъ возжи у кучера! Уничжожаютъ надъ домами гербы, продаютъ картины и статуи, выгоняютъ собакъ изъ дому, запрягаютъ Англійскихъ лошадей въ плугъ, похищаютъ последнее перо изъ Герцогской шляпы; въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи царствуетъ мерквяя пишина; *Chaussée-d'Antin* обѣднало и погрузилось въ смертный сонъ, мечтая о бѣдственныхъ переворопахъ и упадкѣ курса. Посмотрите вокругъ себя, наши францы ходятъ пѣшкомъ, записныя щеголихи носятъ темное платье; художникъ сдѣлаася расчепливымъ и заботился о будущемъ; издыхающій театръ публикуетъ о своихъ долгахъ; книгопродавецъ продаетъ печатную бумагу на оберпки; одно только лихоимство поржествуетъ и коварно улыбается, сидя на своемъ козавомъ сундукѣ.

Не смѣря на сей хаосъ, мы нашли однако *Моду*. *Мода* живетъ, еще шайно сопровождаемая своими молодыми адептами, своими почитателями, копорые совѣтуются съ нею и подаютъ ей совѣты; своими ревностными читателями, копорые занимаютъ ее, и сами находятъ удовольствіе въ ея бѣсѣдѣ; мы нашли эту *Моду*, встрѣшивъ въ одно Майское утро молодую прекрасную женщину, съ стройнымъ и гибкимъ станомъ, блистающую розами и лиліями, съ нѣжными ручками, съ прелестною ножкою, копорая презирая шумный, пщеславный и самолюбивый свѣтъ, создала для себя въ воображеніи изящный міръ. Мы слѣдовали за сею прекрасною женщиною, слышали какъ она описывала платье, изъясняла рисунокъ формы и краски. Съ этой минушы цѣль наша достигнута; мы не сомнѣваемся болѣе въ существованіи *Моды*, — *Мода* живетъ еще, по

есть, истинно національная, презирающая чернь, избравшая для себя кругъ людей умныхъ, благовоспишанныхъ; милыхъ женщинъ, молодыхъ счастливецъ; *Мода*, гошовая служительница, копорые умѣютъ жить, копорые не чуждаются веселости, любятъ изящный вкусъ, согласіе, никогда не опказывающія опъ шанцовъ и пѣнія, опъ всего, что нравится; люди, живущіе въ пышныхъ чертогахъ и сельскихъ домикахъ, проводящіе жизнь въ собраніяхъ и въ кабинетѣ; иногда встрѣчающія въ числѣ поклонниковъ сей *Моды* закулисныя героини и героини, особливо вечеромъ, когда закроется занавѣсъ; распысканные духами францы, охотники до веселыхъ ужиновъ, до красивыхъ лошадей, до споровъ, насмѣшекъ, люди скромные въ желаніяхъ, мечтатели; однимъ словомъ, *Моды* существуетъ; кто бы вы ни были, спанемъ служить ей общими силами, ознакомимся съ нею, будемъ ее поддерживать.

И такъ, примемъ съ новымъ жаромъ за предпріятіе, копорое должно было исчезнуть въ вихрь кроваваго переворопа, но не утратило ни одного изъ приверженцевъ своихъ; начертаетъ новый планъ, поставимъ для себя гораздо высшую цѣль. Когда общество совершенно измѣвило видъ свой, то предметомъ новаго журнала должно быть начертаніе самыхъ нѣжныхъ и едва примѣтныхъ оппѣшковъ нашего общежитія; онъ долженъ перемѣнить тонъ, и опнимать излишнюю скромность, чтобы возбудить охладѣвшее вниманіе; долженъ дѣйствовать тѣмъ ревностнѣе, чѣмъ болѣе будущъ изглаживаться оппѣшки: вотъ цѣль, копорую мы себѣ предположили. Повторю еще разъ: постараемся возстановить наши вечеринки, наши веселыя собранія; утвердимъ снова кругъ артистовъ, быть пріятными и полезными до шѣхъ поръ, пока не сдѣлаемъ столько успѣха въ наукѣ быть счастливыми, чтобы чувствовать грусь при видѣ увядшаго листка розы. Опшавимъ бредишь высоковозгядныхъ мыслишелей. Счастливы топъ, кто пробуждается для того, чтобы расправлять смявшіяся листки розы! Но уснѣемъ ли мы сдѣлаться когда нибудь по прежнему блаженными? кажется, нѣшь! Эту шайну унесла

съ собою Старина, копорую мы навсегда упричили, и копорая къ намъ никогда не ворошилась.

пер. В. Соколовъ.

АНТИКРИТИКА.

Отпосльдь Г. Издателю Московскаго Телеграфа.

Въ 1807 году, Г. Морской Министръ, Адмиралъ *Ишаговъ*, поручилъ Двѣнадцатому Снапшскому Совѣщнику, члену Императорской Россійской Академіи, А. С. Никольскому, издашь *Краткія правила Россійской Словесности*, для Морскихъ Училищъ. Порученіе сіе было тогда же исполнено. Книга, одобренная Ученымъ собраніемъ Адмиралтейскаго Департаменту, принята была не только въ Морскихъ Училищахъ, но и во многихъ другихъ частныхъ заведеніяхъ и во многихъ Гимназіяхъ; ее разошло шесть изданій, и въ минувшемъ году явилось седьмое.

Сіе седьмое изданіе не понравилось издателю *Московскаго Телеграфа*. Въ 12-мъ номерѣ своего журнала за 1850 годъ, (копорый подписчики ожидали видѣть въ началѣ Ноября прошедшаго года, но копорый выданъ въ Апрель нынѣшняго года), Г. Полевой, не сообразивъ, что разбираетъ учебную книгу, изданную для Морскихъ Училищъ, въ копорыхъ учащіяся не имѣютъ времени посвящать себя единственно изученію Россійскаго языка, что учебная книга Г. Никольскаго есть только основаніе ошечивеннаго языка, и если, такъ сказать, путь къ обширному изученію онаго, — потребуешь не этой книги, копорую поручено было написать Г. Никольскому, а обширной, всеобщей Грамматики, и увлекшись *вышними взглядами*, напечаталъ рецензію. Въ ней видна забывчивость всѣхъ приличій, ярко опличающая *Московский Телеграфъ* ошъ прочихъ журналовъ.

Рецензія сія, безъ сомнѣнія, ошачивается безъ отвѣта со стороны А. С. Никольскаго. Почтенный спарецъ, Авторъ *Основаній Россійской Словесности*, не удостоивъ Г. Полеваго журнального перебранкою; молчаніе его будетъ краснорѣчиво; оно *изъясняется* спи-

хомъ Озерова въ отвѣтъ Димитрія Донскаго Тверскому:

Презръные мой отвѣтъ на дерзкія слова!

До сихъ поръ мы не имѣемъ лучшей книги; въ семь родѣ книга Г. Греча не можеть быть употреблена въ первоначальныхъ классахъ такихъ училищъ, гдѣ Русская Словесность не есть главный предметъ и не преподается во всей своей обширности, какъ въ Академіяхъ и Университетахъ.

Спранно и неприлично въ библиографическія и критическія списки вмѣшивать возгласы о барышахъ, доходахъ, прибыляхъ. Это не доказательство; это предметы, чуждые писателямъ благомыслящимъ и благорасположеннымъ; посланку же Г. Полевой осмѣлился упрекнуть почтеннаго по чину, званію, заслугамъ спарца—барышами: но, мы по совѣсти, полагаемъ, что имѣемъ право сказать нѣсколько словъ въ защиту Г. Никольскаго.

Впрочемъ, мы постараемся холоднокровно и безъ брани опразить язвительныя оскорбленія Издателя Московскаго Телеграфа.

Великій мыслитель, выписавъ изъ предвѣдомленія означенной книги, слѣдующее: «Благосклонное (1) принятіе книги моея, поселивъ во мнѣ лестную мысль, что она не безъ пользы можеть быть употреблена, побудило меня рѣшиться и на седьмое изданіе оной;» — говорить:

Признаться ли? Эти слова Авторъ страхъ какъ не привяжутся ниль. Кикому нибудь покойному Мелорскому, кикому нибудь книгопродавцу, пет. тютющелу въ седьмой р зѣ дрянную Ариметику, Грамматику, Самуилъ, позволеться безъ толку предавать тилу (2) книжцу, которая идетъ у него съ рукъ. Оправданіе его въ семь слугитъ одно: ба-

(1) Шесть изданій сей книги доказываютъ благосклонный приемъ и пользу оной. Увидимъ, дождется ли таковаго приема *Исторія Русскаго Народа*, писанная не по-Русски.

(2) Для чего не просить: *тишнѣнно?* — Высшій взглядъ не довольствовался обыкновеннымъ выраженіемъ: надо было отыскать неупотребительное въ семь случаевъ слово, дабы читатели удостоверились, что Г. Полевой знаетъ, ошъ чего происходитъ *Типографія*.

рыши! «Мнѣ что за дѣло?»—говоритъ издатель—«вѣдь покупаютъ? Хотя бы песокъ, только бы солилъ.»

Ежели оправданіемъ книгопродавцу служатъ барыши: что Вы, Г. Полевой, чѣмъ оправдаешесь въ вашихъ неприличныхъ выраженіяхъ? Какая параллель можетъ существовать, не только между книгопродавцемъ—барышникомъ, но даже между вами, и А. С. Никольскимъ? Прочитавъ ваши барыши, невольно скажешь:

Chassez le naturel, il revient au galop.

Далѣ говоритъ Г. Полевой, что авторъ, приступая къ новому изданію своей книги, долженъ и блости: не усовершенствовалась ли его система? Не сдѣлано ли какихъ нибудь новыхъ приобретений знанія, послѣ перваго изданія книги. . . .

Судя по вашимъ произведеніямъ, Г. Полевой, нельзя думать, чтобы не только послѣ перваго, но даже и послѣ послѣдняго изданія упомятой книги, сдѣланы были новыя приобретения знанія (далѣ читатели увидятъ тому доказательства). — Какихъ новыхъ приобретений требуете вы въ книгѣ Россійской Словесности? Вы непрестанно толкуете о системахъ; но имѣете ли вы сами систему? Изъ пышныхъ, нелѣпыхъ и непонятныхъ фразъ вашихъ, этого предполагать нельзя.

. . . . Все это онъ обязанъ имѣть въ виду и исполнить; да, обязанъ—или мы въ правѣ сказать, что не польза, не наука есть цѣль его!

Г. Полевой опять намѣкаетъ на барыши, опять le naturel perse, и опять нелѣпая несправедливость.

Попомъ Издашель М. Т. говоритъ, что къ сожалѣнію, у насъ рѣдко имѣютъ подобныя (его) правила при изданіи учебныхъ книгъ; что по безопасности, по расчетамъ, или по незнанію, книга перепечатывается, по неволѣ (?) покупается. . . .

По незнанію книга перепечатывается! Но вы, всезнающій великій мыслитель, съ вашими методами и высшими взглядами, знаете ли что печатается! Безполковныя разсужденія ваши не должны составлять рецен-

зію книги; ежели вы недовольны ею, то укажите, безъ нелѣпостей и неприличныхъ выраженій, на ошибки, и на средства исправить оныя.

. . . . Отъ того у насъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ учебныхъ книгъ, слышеніе пуще Вавилонскаго, а толку все нѣтъ! Логика Баумейстера и Клейна, Грамматика Померанцева и Грета, Арифметика Войтхховскаго и Лакруа, Мелорскаго и Франкѣра.

Чтожь не привели вы въ примѣръ Исторію Карамзина и Исторію Полеваго? Это двѣ крайности: одна безсмертное твореніе, другая жъ бессмертная нелѣпость, собраніе непреспанныхъ проповорѣчій, и замѣнившая, по слогу, въ нашемъ вѣкѣ, Телемахиду. Чтожь умолчали вы объ эпохѣ несчастной Исторіи, которая выдала васъ, и которую вы все плаки не выдаешете?

Г. Полевой разбрана порядокъ, котораго держался Авторъ при изданіи своей книги, говоритъ: Ни одна статья въ Основаніяхъ Словесности Г. Никольскаго, не выведена изъ законовъ ума человеческого.

Скажите лучше, что всѣ ваши рецензій и весь вашъ Телеграфъ, выведены изъ законовъ ума, зашедшаго за разумъ.

Вамъ не показались стихотворные примѣры, приведенные въ книгѣ Г. Никольскаго;—вы требуете новыхъ. Вамъ не нравятся, Г. Полевой, примѣры: изъ Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Крылова, Демітріева и Хемницера?

«О примѣрахъ прозы и не говорили. . . .

Помѣщенные въ сей книгѣ прозаическіе примѣры, изъ Жуковскаго и Митрополипа Платона, не заслуживаютъ даже возраженія Г. Полеваго.—Дѣльно, и подѣломъ имѣ, зачѣмъ писаны такъ, что ихъ понимать можно, а не такъ, какъ пишешь великій мыслитель.

. . . . Какъ пропустилъ онъ (Г. Никольской) Миралонда и Маркиза Глаголла!

Ежели бы А. С. Никольской долженъ былъ привести примѣры нелѣпостей, то онъ для сего избралъ бы не предлагаемыя вами, Г. Полевой, книги, а собственно ваши сочиненія, какъ сумбуръ новѣйшихъ временъ,

изъ конхъ взялъ бы, на примѣръ, хошя изъ журнала вашего на 1827 годъ :

Въ No 1. стр. 59. *Геній есть квадратная милья.*

Почему же не сороковая бочка?

Въ No 3. стр. 239. *Пары зыбкого идеологизма, носящагося въ океанъ безпредѣльности.*

Въ No 7. стр. 193. *Мицкевичъ, Польскій Поэтъ, задираетъ насъ оболстительного въжливостію, печатая свои сонеты въ Москвѣ.*

Въ No 7. стр. 195. *Подобно свѣтилу дня, проникающему нечувствительно, или лучше сказать, неизслѣдуемо, и туда, гдѣ неощутительно, неочевидно непосредственное дѣйствіе лучей его.*

Въ No 10. стр. 119. *Гдѣ есть удалство, тамъ слѣдственно и поэзія.*

Въ No 11. стр. 257. *читать В. Скотта въ подлинникъ, а не въ Русскомъ переводѣ, просьянномъ сквозь рѣшето Французской прозы.*

Въ заключеніи нѣлпой спашьи своей, Г. Полевой желаетъ, чпобы осьмага изданія *Основаній Россійской Словесности* не являлось. Мы съ эшимъ не согласны: семь изданій эпои книги вышло, а великому мыслителю все не было времени поучиться Русскому языку; авось, при осьмомъ онъ удосужился, и избавилъ чипашелей своихъ, вспрѣчанъ сумбуръ, подобный приведенному нами.

Г. Полевой нѣсколько разъ намекаетъ о барышахъ. Но кому болѣе извѣстны они, какъ не ему самому? Объявля, чпо его Исторія имъ написана, онъ открылъ подписку, собралъ деньги съ неоспорожныхъ своихъ подписчиковъ; пользуется значительною суммою около двухъ лѣтъ, безъ процентовъ, и все не выдаетъ Исторіи, изъ кошпорой можно бы сдѣлать хошя какое нибудь употребленіе.

Впрочемъ, какъ Издатель *Телеграфа*, въ V книжкѣ своего журнала на 1831 годъ, на стр. 85, сказалъ о себѣ, чпо онъ самъ не знаетъ, о чемъ говоритъ, шо мы, соглаша-

ясь съ нимъ совершенно въ семь случаѣ, переспаемъ въ свою очередь говорить о его нелѣпостяхъ.

Пустозвоновъ.

Мѣспечко

Нажива.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ ПОЭТА.

Пусть все безумспивуешь, шумишь и суешишься,
Но жизнь ему, какъ сонъ веселый снится:
А пробужденіе за жизненной чертой—
Въ странѣ возвышенной, свяшой! . . .

Ө. Глинка.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

7-й Крылскій Сонетъ Мицкевича.

Вопъ изъ джамидовъ врознь расходился народъ;
Теряется въ тиши вечерней звукъ изана;
Спыдливая заря взошла лицомъ румяна;
Сребристой ночи царь къ возлюбленной плывѣтъ.

Въ гаремъ неба—звѣздъ блистають миллионы;
Въ эфиръ голубомъ шамъ плаваешь средь нихъ
Одно лишь облачко, какъ будпо лебедь сонный,
Грудь бѣлая—края въ каѣмкахъ золошыхъ.

Туть съ башни тѣвъ легла, шамъ съ веру кипариса.
Гранишнихъ вдалекъ гиганшовъ черенъ строй,
Какъ будпо Сатапы, сойдясь въ диванъ Эвлиса,

Стояшь въ шапръ изъ тьмы; вопъ вдругъ надъ
ихъ главои
Проснется молнія—и съ быспропшой фариса
Безмолвно пролетишь вдоль степи голубой.

Ю. Познанскій.

Кіевъ.

В И Д Ъ Н І Е.

Явился съ небесъ мпѣ Ангелъ свяшой
И воздухъ душиспый навѣялъ крылами;
Таинственны знаки держалъ онъ руками:
Зеленый вѣнецъ и крестъ золошой.

«Падн и молись!» сказалъ Небожительъ:
«Сдѣсь опжилъ швой другъ. Здѣсь, въ жнз-
ни земной,
«Спраданія крестъ, болѣзни съ поскою
«Ее былъ удѣлъ; но живъ Искупитель!»

«Земное все прочь! душа съ красотой,
«Въ вѣнцѣ неисплнннмъ, шуда вознесетъ,
«Гдѣ вѣки исчезнутъ, гдѣ жизнь не прерветъ,
«Гдѣ все безконечно: любовь и покой.»

Я палъ и молился: Спаситель вселенной!
Дай крестъ мнѣ Ее, съ болѣзною, поскою!
Мой духъ *обнови!* Чтوبъ въ жизни другой,
Проникла Она къ душѣ *обновленной.*
А. Степановъ.

Т О Л К Ъ.

Считалъ шило за иголку,
Не шьетъ, а портитъ все портной;
Такъ изъ писателей иной—
Оспрнтъ, оспрнтъ, а все безъ толку.
Талантъ трудился въ шихомолку
И прудъ воздвигнулъ вѣковой,
Наирасно крипикъ цѣховой
Его бранилтъ—бранилтъ безъ толку.
Какъ странно видѣтъ богомолку
Въ лондо, каретъ выписной,
Нешолько въ праздникъ—на снраспной;
Она ханжитъ—ханжитъ безъ толку.
Надѣвъ халашъ, надѣвъ ермолку,
Ямайскимъ лѣчнтся больноу:
Умреть—кричатъ, что врачъ плохой,
Бранятъ врача—бранятъ безъ толку.
Поставивъ книги въ рядъ на полку,
Отъ пыли ихъ закрывъ шафной,
Какъ свнухъ съ женами, скупой
Живетъ вѣкъ съ книгами безъ толку.
Одинъ болшашъ безъ умолку,
Всю жизнь не вымолвилъ другой;
Пусть глупъ болшунъ и глупъ пѣмой:
Въ пѣмомъ глупцѣ все больше толку.

У. В.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ есть шо же, что одивъ,
Второй мой слогъ есть солнца сынъ,
А *цѣлое* ему дорогу открывашъ,
И пѣму ночную разгоняешъ.

Въ No 49 помѣщенная шарада значнтъ: *Char-don.*

М О Д Е С.

*Magasin de Meubles de Vervelle, rue de
Montmorency.*

Il manquait à Paris, parmi les maisons à prix fixe, un magasin de meubles où l'on put être sûr de trouver un choix d'objets de bon goût, à un prix au-dessous de tous les autres.—

Vervelle, déjà connu par sa recherche de perfection et ses nombreuses inventions, vient d'établir son magasin à prix fixe.

Nous citerons quelques exemples pour donner une idée des prix établis et du choix des meubles.

Un ameublement complet en rose wood incrusté de filets et palmettes en buis.—L'intérieur, soigné avec scrupule, est en marronnier vernis.—Le secrétaire et la commode, d'une jolie forme, sont à dessus de marbre blanc—580 francs.

Boîte à cachemire en rose wood, doublée de bois de cèdre, qui a la double propriété de donner une agréable odeur, et d'éloigner les insectes.—Ces boîtes ont la forme d'un carton; le devant se rabat de manière à laisser voir de suite ce qu'on veut choisir.—Le mot *cachemire* est incrusté en buis—60 fr.

Des jardinières portatives; qui se placent à volonté, en érable, incrusté de filets amaranthes.—A l'intérieur est un sceau en laque, qui s'aperçoit à travers la galerie du tour.

Objet nouveaux.—Des vases de bois peint, à formes élégantes, sont disposés pour recevoir des étoffes qui se découpent et s'appliquent selon ce qu'on veut représenter.—On vernit.

Des cache-pots en carton peint recouvert d'une glace à forme de facettes.—Cette espèce de cache-pots, très-nouvelle, a l'avantage de ne pas se salir plus que la porcelaine. Chez Susse.

Parmi une infinité de meubles destinés à mettre des fleurs qui nous ont été montrés chez *Lesage, rue Grange-Batelière*, nous avons remarqué des jardinières, annoncées il y a un an, mais perfectionnées depuis ce tems — *Vrai meuble de campagne*, — il reçoit des oiseaux, des poissons, — des fleurs, — et tient fort peu de place.

De petites jardinières portatives: elles sont en fer-blanc peint. — La première partie se remplit de sable mouillé; dans le milieu est une espèce de corne qui se remplit d'eau.

М О Д Ы.

Мебельный магазинъ Вербель, въ улицѣ Монморанси.

Между всѣми магазинами въ Парижѣ, съ назначенными цѣнами (*prix fixe*) не доставало мебельнаго, въ которомъ можно бы было найсти собраніе вещей, сдѣланныхъ со вкусомъ, дешевле нежели въ другихъ — Вербель, уже извѣстный по отличному совершенству работъ его и многочисленнымъ изобрѣщеніямъ, основалъ магазинъ съ назначенною цѣною.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобъ дать понятіе, о цѣнахъ и выборѣ мебели.

Полная мебель изъ розоваго дерева (*rose wood*), съ наклейкою изъ буковаго дерева (*bois*), внутренность, весьма хорошо опдѣланная изъ подкрышаго лакомъ каштановаго дерева, у конторки и комода очень красивой формы верхи изъ бѣлаго мрамора, 580 франковъ.

Ларчикъ для шалей изъ розоваго дерева, выложенъ внутри кедровымъ деревомъ, которое вмѣститъ, и придастъ шаламъ приятный запахъ, и удалитъ насккомыхъ. — Ларчики сіи похожи на картонъ, передняя доска откладывается шакъ, что потчасъ можно вынуть что нужно. Слово Турецкая шаль (*sachemire*) вытеснено изъ буковаго дерева, — бо франковъ.

Горки для цвѣтновъ (*jardinières*), которыя можно переносить, сдѣланы изъ кленоваго дерева, съ наклейкою амариноваго цвѣта, внутри вспавляется лаковое ведро, видимое сквозь окружающую рѣшетку.

Новіе предметы. — Вазы изъ крашеннаго дерева очень красивой формы, приготовленные для наклейки на нихъ маперій, вырѣзанныхъ по шому, что угодно предскажутъ; послѣ все вмѣститъ покрывается лакомъ.

Фуфляры на цвѣтучные горшки, изъ крашеннаго картона, прикрытаго стекломъ, подражающимъ гранскому. — Сіи фуфляры весьма недавно изобрѣшенные, выгодны пѣтъ, что такъ же всегда чисты какъ фарфоровые у Зюсса.

Между безчисленнымъ множествомъ мебели, назначенныхъ для цвѣтновъ, которыя мы видѣли у Лесажа, въ улицѣ *Grange-Batelière*, замѣтили мы горки (*jardinières*), о которыхъ извѣщали еще прошлаго года; но нынѣ онѣ усовершенствованы; это наспожшая мебель для деревни, въ нее можно помѣститъ ппичъ, рыбъ, цвѣты; и она занимаетъ очень мало мѣста.

Небольшія переносныя — горки, — онѣ изъ выкрашеннаго бѣлаго желѣза, первое опдѣленіе наполняется мокрымъ пескомъ, въ срединѣ родъ рога, въ которой наливается вода.

С М Ъ С Ы.

Дѣлай добро пѣтому, кто зло тебѣ дѣлаетъ: ты скоро надъ нимъ воспоржествуешь.

Ничто споль сильно не опгоняетъ людей отъ человека, какъ его высокомернос о самомъ себѣ мѣніе.

Изъ великихъ современныхъ происшествій не всегда, къ сожалѣнію, почернаютъ народы драгоцѣнные уроки мудрости.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 51.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сѣвкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюня 27 дня, 1831 года.

Итътъ. Муза! лучше намъ оставишь свѣтъ въ покоѣ.

Бранишься—ремесло по истинѣ худое:

Съ такимъ обычаемъ добра не наживешь!

(изъ Буало.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРОВАВАЯ РУКА.

Германское преданіе.

Тамъ, гдѣ верхи наследственнаго замка Эвалена, позлащенные лучами вечерняго солнца, господствуютъ надъ живописными окрестностями, жилъ Графъ Оппо фонъ Беръ, грустя о кончинѣ своей супруги. Погруженный въ думы о дняхъ минувшаго счастія, онъ смотрѣлъ изъ Готическаго окна своей залы на заходящее солнце, и мысленно желалъ, подобно ему окончивъ поприще жизни, дабы скорѣе опять соединиться съ незабвенною. На колокольнѣ загудѣлъ колоколъ, возвѣщая преддверіе воскресенья. Поселяне, кончивъ работу, спѣшили въ свои хижины, гдѣ жены чистили и цѣпями убирали окна и двери. Всѣ радовались дню отдохновенія—одинъ лишь Графъ, углубленный въ мрачныя мечты, вперялъ неподвижный взоръ на суевливый бытъ сельскихъ жителей, не принимая участія въ общей радости. Тупъ отворилась дверь, и вошедшій управитель доложилъ, — что молодой Графъ, только что пріѣхалъ и слѣдуетъ за нимъ по пятамъ.

—«Не хочу его видѣть!» вскричалъ Графъ ужаснымъ голосомъ, и пройдя залу скорыми шагами, удалился въ свою комнату и замкнулъ за собою дверь.

—«Бѣдный, злополучный сынъ!» сказалъ про себя управитель, и почтительно доложилъ вошедшему: «вашъ папенька нездоровъ, и никого къ себѣ не принимаетъ.»

— Понимаю, добрый старикъ! поди и оставь меня одного.—И такъ, все еще не погасла въ немъ закоренѣлая ненависть и злоба! — сказалъ онъ, запинаясь: ахъ! я думалъ что смерть матери смягчила его жестокое сердце! —

Онъ подошелъ къ портрету покойницы, на глазахъ его навернулись слезы.—Куда улетѣди, вы, дни младенчества, когда я близь матери своей весело игралъ и рѣзвился, и, не заботясь о тяжкихъ испытаніяхъ, ожидавшихъ меня въ будущемъ, съ жадностью ловилъ настоящее!—Ахъ, вы умчались и никогда не возвратитесь,—остались одни лишь воспоминанія о томъ блаженномъ времени! Съ расперзаннымъ сердцемъ, бѣдный радостями, оставленный всѣми, кого я любилъ, любилъ со всѣмъ жаромъ юношескаго сердца, возвращаюсь опять на родину; озябленный прокляціемъ отца, — и гнусно обману-тый шлю, для кошорой пожертвовалъ

моимъ счастіемъ! О мать моя, за тѣмъ ты даровала мнѣ жизнь! —

Полночь заспигла несчастнаго въ окрестностяхъ замка, гдѣ онъ опыскивалъ мѣста, бывшія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ, надѣясь упокоить шѣмъ свою горестъ; но все напоминало ему о разрушенныхъ надеждахъ и обманчивыхъ мечтахъ юности, все пѣвредило ему, какъ мало отецъ любилъ его съ самаго дѣтства. — Коварная игра природы заклемила его черпами смертельнаго врага отца его; съ лѣтами увеличивалось сіе сходство, и вмѣстѣ съ шѣмъ возрастала ненависть отца къ сыну. Мать усиливала къ нему любовь свою, и такимъ образомъ онъ доспигъ юношескаго возраста. На двадцатомъ году онъ познакомился съ бѣдною, протспию дѣвушкою, которая шакъ его плѣнила, что онъ, не безъ причины опасаясь оппказа родителей, покинулъ родительскій домъ и тайно съ нею обвѣнчался. Отецъ проклялъ его; — мать заливалась горькими слезами, умоляла мужа, но не могла поколебать его жестокосердіе. Такъ провелъ онъ, вдали отъ родныи, два года съ молодою супругою и, къ совершенію его счастья, не доставало только прощенья и благословенья родительскаго. Онъ нѣсколько разъ писалъ къ отцу; но всѣ письма его, даже къ матери, остались безъ отвѣта. Вдругъ получилъ онъ извѣстіе о кончинѣ матери; горестъ его была велика, но мѣра его спраданій еще не исполнилась. Непреодолимая сила влекла его на родину, и онъ рѣшился немедленно опправиться въ путь. Но прежде всего, онъ долженъ былъ кончить свои дѣла въ одномъ ближайшемъ городкѣ; и шакъ, онъ проспиглся съ женою, общая, возвратившись домой около полуночи. Солнце было еще высоко, когда онъ вошелъ въ свой домикъ. Смущенная, испревоженная, испрѣшила его на крыльцѣ горничная, и со словами: «что шакое? что случилось?» бросился онъ въ комнату, гдѣ заспала въроломную въ чужихъ объшпахъ. — Безуміе овладѣло несчастнымъ; надеждало оппвезши его въ домъ сумасшедшихъ. Измѣница жена его заравѣ убралась съ своимъ обольстительемъ. Черезъ семь мѣсяцевъ искусство врачей возвратило ему разсудокъ.

Весь — одна безмолвная горестъ, онъ поспѣшилъ на родину, въ надеждѣ, что отецъ, извѣщенный обо всемъ случившемся, наконецъ оппкроетъ свои объштія плякко испптанному, раскаянному сыну. — Онъ приходилъ, но какъ мы уже видѣли, онъ жестоко обманулся въ своихъ ошданіяхъ. —

Упоменный долгимъ, труднымъ путемъ, онъ уснулъ на томъ мѣспѣ, гдѣ мы его оставили. Обольстительныя грезы шопились надъ нимъ. Какъ бы волшебною силою онъ перенесенъ былъ въ дни младенчества; ему видѣлось во снѣ, будпо онъ рѣзвился бѣгая по полямъ и лугамъ, но вдругъ очутился на берегу потока, въ зыбкомъ зеркалѣ коего увидѣлъ онъ лице свое, обезображенное скорбію; онъ вздрогнулъ; — всѣ явленія жизни его пронесли мимо его; — пущъ всплылъ изъ потока образъ покойной матери; она грустно на него посмощрѣла, какъ будпо желая предоспечерь его; но вдругъ зашумѣла пучина, зашѣнились волны, и потокъ, оппражал лучи упрѣннаго солнца, обагрился кровавымъ заревомъ. — Онъ проснулся; упрот было прекрасное; хоры пернатыхъ воспѣвали Творцу хвалебную шѣнь; все вокругъ него радовалось, все ликовало, лишь онъ одинъ, спощалъ безрадостный, убитый горестью. Онъ пошелъ обратно въ замокъ; дорогою вспрѣтился онъ съ поселянами, которые благоговѣюще шли въ церковь; они узнали молодого своего господина, и почтительно ему кланялись. — «Не угодно ли и вамъ, Графъ, идти въ храмъ Божій?» спросилъ его управитель, который съ семействомъ своимъ шелъ изъ замка.

— Прежде всего мнѣ надобно видѣться съ батюшкою! оппвчалъ онъ, и удвоилъ шагъ свои. Онъ поспѣшно вошелъ во внутренніе покои отца своего; сердце у него сильно билось, — но надобно было рѣшиться! Онъ оппворилъ дверь; бросаясь родителью въ ноги, онъ обнялъ его колѣна и протпгательшыми словами умолялъ о прощеньи. Но отецъ, жестокосердо оппшолкнувъ его, снова его проклялъ. — Тушъ несчастный, уже не владѣя собою, спощилъ ножъ, и успремилъ его на грудь родительскую. Еще не совершилось спрашное преступленіе, какъ вспринула въ

немъ лучшая доля души;—онъ съ ужасомъ бросилъ пагубное орудіе, хотѣлъ опереться рукою о ближайшую стѣну, но лишенный памяти, гранулся объ землю.—Нѣсколько времени спустиа онъ покинулъ замокъ, и съ тѣхъ поръ его не видали.

Большое кровавое пятно, похожее на руку, нынѣ еще видно въ родовомъ замкѣ на той стѣнѣ. Всякому, кто спрашиваетъ о происхожденіи сей кровавой руки, управившая замка рассказываетъ сіе преданіе, прибавляя къ тому, что сколько ни закрашивали стѣну сей комнаты, знакъ сей всегда выходилъ наружу; и что впрочемъ нельзя вынуть камня изъ стѣны, на которомъ опрарилась кровавая рука, ибо цѣлое зданіе много отъ того померпнись.

Съ Нѣм. В. Тило.

ТРИ ПЕРИ.

Въ Дели жилъ некогда купецъ, съ которымъ немногіе равнялись богатствомъ и ни кто не равнялся скупостію. Онъ имѣлъ сына, котораго также, посредствомъ унѣщаннаго порга, приобрѣлъ нѣкошорый достатокъ. Но будучи въпренъ и неопытенъ, предался маговству, и скоро увидѣлъ себя въ состояніи, немногимъ лучше нищенскаго. Покинутый друзьями, не ожидая никакой помощи отъ отца, Фаулла (такъ звали безразсуднаго юношу) рѣшился оставишь Дели, надѣясь найши въ другомъ мѣстѣ новое богатство, новыхъ друзей и новыхъ удовольствій. Но первый день путешествія доказалъ ему, что силы его и пособія были гораздо ниже блестящихъ надеждъ. Утомленный и раздосадованный, онъ принужденъ былъ искать ночлега въ дуплѣ спараго дуба, котораго вѣтви наклонялись бесѣдкою надъ чистымъ прудомъ.

Возгда луна и осмѣлала серебрянымъ блескомъ поверхность воды, едва колеблемыхъ благовоющимъ дыханіемъ вечераго зефира. Фаулла примѣшилъ прехъ горлицъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, которыя, играя, спускались съ небесъ и, едва коснувшись земли, превращались въ прехъ прекраснѣйшихъ Пери.

Между тѣмъ, какъ онъ внѣ себя отъ удивленія и восхищенія, разсмапривалъ прелести, которыми земля не производила ничего подобнаго, небесныя красавицы сняли съ себя воздушныя шкани, положили ихъ на дернъ, усѣянномъ цвѣтами, и волшебный звукъ ихъ голоса, поразилъ слухъ юноши.

«Дщери неба, любезныя сестры! говорила одна изъ нихъ; благоразумно-ли мы поспушаемъ? скажите, что съ нами будетъ, если кто осмѣлится похитишь сіи шкани, которыми дѣлають насъ невидимыми и подерживають на воздухѣ?— Не будемъ-ли мы должны тогда, лишенные могущества нашего, останься въ сихъ лѣсахъ, подобно дщерамъ земли, и лишиться надежды видѣшь небесную опчизну?»

—Счастливы были бы смерпный, отвѣчала другая, которому удалось бы похитишь мое заяснье, превращающее все предметы въ золото.—

«И мой перстень, подхватила третья; сей чудесный перстень, способствующій опчирпнню заяснья, если оно по несчастію будетъ похищено или заперяно!—Но нѣтъ, мы безопасны, кого бояшь въ семъ удивеніи?»

Съ сими словами, они покидають свои драгоценности на дернъ и всушпають къ воду, не столько луною, сколько сіяніемъ ихъ прелесней освѣщенную. Фаулла, не пропусивши ни одного слова изъ разговора, поспѣшно и осторожно прокрася къ мѣсту, гдѣ лежали одежды и драгоценныя уборы прехъ Пери, и похитишь оныя, удалился въ свое убѣжище. Вскоръ Пери вышли изъ воды и возвратились къ своимъ одеждамъ; но примѣля похаченіе, испустили крики горести, спали съ безпокойствомъ обыскивать окрестности, и наконецъ, приближались къ дуплу, въ которомъ лукавый похитишель употреблялъ все возможныя усилія скрытьса.

«Такъ, дерзновенный сынъ несчастія, вскрпчала одна изъ нихъ, шкани прешещь не безъ причины; спрашишь нашего справедливаго «негодоваща: или ты думалъ, что безнаказанно дерзашь оскорблять дщерай Свѣта!»

«возврати наши одежды и вещи, или сію же минути превратись въ обезьяну.»

Но *Фаулла*, забывшій первыхъ рѣчей ихъ, не пришелъ въ робость отъ сей угрозы и объявилъ, что ни за что въ свѣтѣ не выпуститъ изъ рукъ счастливой находки. За угрозами послѣдовали просьбы, но и тѣ не болѣе имѣли дѣйствія. Ободренный ихъ робкою униженностію, *Фаулла* сказалъ имъ, что завтра по утру онъ намѣренъ возвратиться въ городъ, и что онъ могутъ его сопровождать, если путешествіе и общество его имъ непротивно.

Видя, что ни чѣмъ нельзя умиловивить того, которому неосторожностію ихъ доставила полную власть надъ ними, и наскуча осыпая другъ друга бесполезными упреками, онъ рѣшился предаться своей участи, и только просили *Фауллу* возвратиться въ городъ до восхода зари, что бы къ ихъ горестямъ не присоединилъ стыда ливша нагими предъ всѣми жителями.

Фаулла отъ всего сердца согласился на ихъ просьбу. Съ радостію и надеждою возвратился онъ въ Дели и, еще до разсвѣта, домъ его сдѣлался убѣжищемъ трехъ богинь, превратившихся въ простыхъ смертныхъ. Прежде всего онъ старался увѣриться въ силу заплетша, и въ минути все, что только попало ему на глаза, превратилось въ золото. На другой день онъ купилъ роскошныя палаты для помѣщенія по достоинству небесныхъ красавицъ и великолѣпными подарками старался умирить ихъ грусть о потерѣ драгоценныхъ одеждъ и вещей. Что же касается до ихъ драгоценностей, то онъ принималъ всевозможныя мѣры, что бы сдѣлать поиски прекрасныхъ пѣвницъ напрасными.

М. Загорскій.

ГЕРЦОГЪ ДЕ СЕНЬ-СИМОНЪ.

(Изъ записокъ Кардинала Дюбуа.)

«Герцогъ дѣ Сень-Симонъ подѣ часъ бываетъ тонкимъ Царедворцемъ; онъ принимаетъ на себя все тонкое, все шлодвиженіе, все манеры, даже, какой хочете, видъ: въ одинъ день вы увидите его пихать и вспыхивать

живымъ, ласкапелнымъ и грубымъ, опкровеннымъ и лжецомъ; сверхъ того, онъ считаептъ себя великимъ знатокомъ въ Генеалогіи, единственной его наукѣ. Для него нѣтъ смертныхъ грѣховъ, кромѣ поддѣльныхъ грамотъ дворянства, или, новопріобрѣтеннаго дворянства; а это для него равно преступно, равно предосудительно. Заведите съ нимъ разговоръ о гербахъ, титулахъ, грамотахъ, брачныхъ союзахъ и онъ по пальцамъ расскажетъ вамъ происхожденіе ихъ, съ прибавленіемъ разныхъ анекдотовъ и замѣчаній. Это его стихія; жизнь: надобно послушать его, когда онъ начнетъ разбирать родословную, восходитъ къ самымъ первобытнымъ ея началамъ, различаетъ побочныя отрасли, которыя онъ называетъ грибами на родословномъ деревѣ; онъ безъ стыда утверждаетъ, что фамилія его двумя поколѣніями древнѣ Королевской Французской; но вы останетесь безмолвны, когда онъ приметъ вычислять степени родства между значнѣйшими домами. Говоря о самомъ мало-важномъ предметѣ, онъ вѣчно ссылаептъ на какойнибудь щипъ въ красномъ или голубомъ полѣ. Назовите при немъ какойнибудь замокъ или мѣстечко: у него всегда есть въ запасѣ кпонибудь изъ *Сень-Симоновъ*, его свѣщнѣйшихъ предковъ, которыхъ онъ вездѣ выспавляетъ какъ вывѣску. Онъ совсѣмъ разсорился съ Герцогинею, своею супругою, немыте его помѣщанною на родословной, доказывая ей, возможность замарать свѣтлое имя свое испугленіемъ въ супружествѣ съ дочерью Имперскихъ Графовъ. Герцогъ *Сень-Симонъ*, говорила она, завидуептъ всякому дворянству; если вѣрить ему, то въ его полько жилахъ печептъ чистая, благородная кровь безъ примѣси; эпитетъ гордецъ не подумалъ о томъ, что одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, былъ конюшимъ у *1-го Шомберга!*» Герцогиня моглабы еще прибавить къ тому, что у этого конюшаго былъ братъ еще высшаго состоянія. Касательно же самаго *Сень-Симона*, то онъ не берептъ, объявлять происхожденіе фамиліи *Бассю*, Маййцакаго гражданина и судьбы, который женился на наследницѣ старшей отрасли его дома; онъ, однимъ почеркомъ пера, возьметъ

на высокую степень знатности сію опрасль фамиліи *Боссю*. Когда онъ въ добромъ расположеніи духа: по даже мою фамилію, п. е. *Дюбуи*, умѣетъ приспроисъ, на суку, довольно высокою родословнаго древа. Впрочемъ ненависть его ко мнѣ воспріяла свое начало опъ слѣдующаго случая. Я, шутя, осмѣлился однажды спросить его: «подумайше, Герцогъ, не могли ли предки наши бытъ въ родствѣ посредствомъ брачнаго союза, за тысячу лѣтъ предъ симъ?»

— Невозможно, возразилъ онъ сухо.

— «Для чего жъ нѣтъ? Имя мое, какъ и другія фамиліи могло измѣниться въ продолженіе споль долгаго времени.» Онъ покрасилъ и ничего не отвѣчалъ. «Впрочемъ,» — прибавилъ я, — «если бы Кардиналу позволено было имѣть законныхъ дѣтей: по вы вѣрно не воспротивились бы соединенію нашихъ фамилій.»

— Я скорѣе соглашусь дать себя повѣсить, нежели на это безчестіе.

— «Чортъ возьми! бесчестіе, которое приносятъ двѣсти тысячъ ливровъ дохода; кшо бы не захопѣлъ эпого, Г. Герцогъ.»

Послѣ сего спора, онъ обходился со мною съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ будио бы я былъ конюшимъ Г-жи *Шолбергъ*. Герцогъ *Сенъ-Симонъ* нашелъ себя, по мнѣнію его, достойную партію, женись на дочери Маршала *де Лоржъ*, хотя безобразной, за по чрезмѣрно спѣсивой; она хвастается тѣмъ, что нико не осмѣливался ставитъ съби си непоколебимой добродѣтели. Въ эпомъ я не сомнѣваюсь. Изъ двухъ дѣтей ея, дочь чрезвычайно отвратительна и глупа, но эпо не мѣшаетъ ей гордиться своею родословною, проспиряющеюся до 980 лѣтъ. Герцогъ по крайней мѣрѣ имѣетъ человѣческій видъ. Въ пѣть его замѣтна кака-то одеревенѣлость, обнаруживающаяся во всехъ его ухваткахъ и въ умѣ; глаза у него живые и глубоко вналье, лице холодное, рычь опрывисшя, голосъ грубый. Напротивъ, слогъ его можетъ служить образцемъ плодовиности и сбивчивости. *Регентъ*, заславляя его писать при себя, всякой разъ говоритъ: «Г. *Сенъ-Симонъ*, прошу васъ, не забывайте спавитъ шочекъ. . . .»

— «Ваше Высочество, не могу больше, какъ почку съ запятою, или двоепочіе.»

— Ваши періоды, сказалъ я ему однажды, походящъ на вашу родословную: въ нихъ нѣтъ ни начала, ни конца. Со всеми эпоими недостатками, слогъ его имѣетъ удивительныя качества: выраженія новыя и произвольныя, эпипетвы живописныя. Извѣстно, что онъ пишетъ свои записки; въ эпомъ онъ и самъ признается. Но онъ извѣстенъ полько по слуху. — «Въ нихъ заключается обнаженная испина, которую выпощилъ я изъ ея глубокаго колодца!» сказалъ онъ мнѣ однажды.

— «Берегитесь,» — возразилъ я, — «чтобы эпоа испина не упрятала васъ въ Басилію, опкуда вы не скоро выкарабкаетесь.»

— Я ничего не опасаюсь. Записки мои изданы будущъ послѣ моей смерти; онъ много надѣлаютъ шума.

— «Особливо между Генеалогими,» возразилъ я.

О ПРИЧЕСКАХЪ.

При Генрихѣ IV женщины убирали волосы пирамидально. Во время правленія Людовика XIII прически повизились. Анна Австрійская назначила для оныхъ образецъ *à la Ninon*. Въ половинѣ 17-го сподшлія послѣдовала замѣчательная перемѣна: опячь начали упопрелять высокія прически. Въ 1699 году, сверхъ оныхъ носили украшения изъ лентъ, наподобіе куклы шелковыхъ червей, и кружевыя трубочки. Во время Людовика XIV Парижанки ввели низкую прическу, но совѣтъ въ другомъ вкусѣ, нежели прическа *à la Ninon*; спереди рядъ буклей, а по споронамъ разсыпались завинные локоны, головки совѣтъ круглыя. Мода на низкія прически продолжалась вовсе регенство, и въ печеніи двухъ прешей царствованія Людовика XV. Съ 1750 до 1760 года включительно, дамы носили коронныя волосы, завивая всю голову; инныя съ небольшою шиньономъ и буклями. Мало по малу прически начали возвышаться; въ 1790 году онъ были уже очень высокія; 1796 годъ былъ эпохою самаго большаго возвышенія ихъ. На верхушку прически надѣвали иногда родъ маленькаго чепца; въ 1780 году его замѣнили маперчашыя

шляпки и часть подобранных волосъ, выпускалась. Немного спустя пошомъ носили волосы *à la conseillère*. Во время революціи, часно упошребляли вмѣсто шляпокъ косынки. Какъ скоро миновали ужасы оной, вышли въ моду парики на манеръ дѣвскихъ волосъ; пошомъ носили коронкиѣ волосы *à la Titus*. Длинные начали ошрацивать уже въ 1810 году. До 1820 года упошреблялись прически самыя низкія; пошомъ онѣ поспешенно дозвышались—и съ 1825 года достигли лной шочки, кошорая назначена изящнымъ вкусомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕЖНЯЯ ЛЮБОВЬ.

(Н. М. Пр. Ант.)

Здѣсь, гдѣ разстимаешь
Лица шѣвъ густую,
Спой, Харитѣ любимецѣ,
Пѣсню мнѣ простиую.
Спой мнѣ, какъ бывало,
Въ годы золотыя,
Искренно любили
Дѣвы молодыя.

Какъ свяшое чувство
Въ пылкошъ разговорѣ
Выражалось живо,
Искрилось во взорѣ.

Какъ въ часы признанья
Въ роцѣ, близѣ свѣшлицы,
Вдругъ слезой блисшали
Длишныя рѣсшницы. . . .

Чшожь, любимецѣ Грацій,
Ты мнѣ не внимаешь,
Улыбаясь злобно,
Пѣшь не начинаешь?

Иль мон рассказы
Для тебѣ знакомы?
Развъ полны ими
Модныя альбомы? . . .

Нѣшь, въ собраньяхъ вашихъ,
Межь толпой успалой,

Дѣшесшъ все гостшщной

И любовью вялой.

Все расчешѣ ничпожжый
Подѣ клеймомъ искуштва;
Есть признанья, клѣшвы, —
Только нѣшь въ нихъ чувствва.

Вѣкъ вашѣ — вѣкъ печальный;
Пушѣ онѣ мшился мимо! . . . .

Другѣ, начни жѣ скорѣе
Сѣ пѣсши пошй любимой. —

Пош, какъ жили дѣды
Въ времена былыя,
Какъ тогда любили
Дѣвы молодыя.

Пош тѣ дни, какъ чувствва
Въ пылкошъ разговорѣ
Выражалсь живо,
Искрились во взорѣ;

Какъ въ часы признанья
Въ роцѣ, близѣ свѣшлицы,
Вдругъ слезой блисшали
Длишныя рѣсшницы.

Какъ кольцошъ мѣняльсь,
Сѣ кляшвою сердечной
Не снимаешь подарка,
Жишь для друга вѣчно.

Карлгофѣ.

1830.

ПѢСНЬ АЛЬДОНЫ.

(Изъ Поэмь: Конрадѣ Валленродѣ.)

О, кто мон вздохи, кто слезы исчислить!
Иль шакъ уже много проплакала лѣтъ я,
Иль въ сердцѣ, въ очахъ монихъ горечи сполько,
Что ржавщиной ѣдой покрылась рѣшѣшка?
Слезы ль упадешѣ—въ хладный камень проник-
нешѣ,
Какъ бы въ человекѣ проникнуло сердце!

Есть вѣщный огонь въ перему Свентшорога;
Огонь сей питають жрецы непрешпанно.
Есть вѣщный источникъ на холмѣ Мендога;
Слѣга и шуманы питають источникъ.

Никто монахъ вздохомъ, ни слезъ не припасть;
Досель же болящъ мой очи и сердце!

Родителя ласки и матери нежность,
Счастливая родина, замокъ богатый, . . .
Тамъ дни безъ тоски, безъ мечтанія ночи! . . .
Спокойствіе, Ангеломъ шихимъ слезая,
И ночью и днёмъ, и въ чертогъ и въ полъ —
Повсюду меня охраняло незримо!

Насъ при сестры было пригожихъ собою;
Моей же всѣхъ прежде руки добивались:
Счастливая младость, богатое вѣно. . . .

Но ты говорилъ—есть другое блаженство!
О юноша-милой! зачѣмъ говорилъ мнѣ
О томъ, чего прежде въ Липвѣ не знавали?

О Богъ великомъ, объ Ангелахъ свѣплыхъ,
О каменныхъ градахъ, гдѣ вѣра сваяла,
Гдѣ въ храмахъ богатыхъ шворятся молишвы,
И гдѣ уважаются дѣвы князьями —
Какъ выпяли наши, безспрашными въ битвахъ,
Какъ пастыри наши, горящими сердцемъ!

Гдѣ смертный, покинуть земные покровы,
Къ Предвѣчнаго трону душой возлещаетъ!..
Ахъ, вѣрила я! и небесною жизнью
Дышала, рѣчамъ своимъ; милый, внимая!
И съ той поры въ счастья ли, въ пляжкомъ ли
горь,
Мнѣ грезнился, вижу тебя лишь и Небо!

Нагрудный твой крестъ веселилъ мой очи;
Я видѣла въ немъ предвѣщанье блаженства!
Когда же, увы! онъ перунами грянулъ —
Кругомъ всё запахло, заглохло, погасло!..
Не жаль ничего мнѣ, хоть горько я плачу,
Ты, всё уничиживъ, оставилъ—*надежду!*

В. Романовичъ.

CHARADE.

Lecteur d'un coup de mon premier
Peut dépendre souvent le repos de la vie;
Jadis maint chevalier trouvait digne d'envie
De la perdre dans mon dernier.
On trouve mon entier dans toute jouissance;

L'un le trouve à sa table et l'autre dans son lit;
Le poète en ses vers qu'un parterre applaudit,
Et le penseur dans le silence.

Въ No 50 помѣщенная шарада значить: *Раз-свѣтъ.*

M O D E S.

Ensembles de toilette.—Une robe de chaly café cru, à guirlandes de fleurs violettes, rouges et vertes. Pélerine de mousseline brodée.—Chapeau de paille d'Italie, deux branches d'accacia.—Des brodequins noirs. Une chaîne d'or en anneaux carrés.

Une robe de jaconas fond vert foncé, des fleurs de genêt en bouquets jetés.—Pélerine de batiste à entre-deux de petits plis; une capote de moire blanche avec un bouquet de pensées.

Une robe de mousseline blanche à broderies devant, et audessus de l'ourlet.—Chemisette garnie tombante;—une parure de mouches du Brésil,—dans les cheveux, une épingle montée avec ces mêmes mouches.—Bracelets d'émail.—Des souliers de satin noir.—Des gants blancs.

Une robe de jaconas brodée de guirlandes faisant la dent, au-dessus de l'ourlet.—Corsage montant, plat, brodé de petites guirlandes de biais pareilles au bas de la robe, chapeau de paille de riz,—un bouquet de plumes lilas tombant un peu bas,—des rubans de gaze lilas à dents.

Robe de gros de Naples café à petits carreaux, formés d'une ligne noire et blanche.—Pélerine à dents, pareille.—Collerette de dentelle.—Capote de gros de Naples écossais, vert pâle, violes et blanc.—Passe froncée, un noeud de ruban à larges raies.—Souliers de peau anglaise.—Des gants de tricot de soie grise.

Pl. No 16. Représente une caleche, qu'on a admiré ce printemps à L'ongchamp.

M O D Ы.

Полный нарядъ.—Шалевое платье, цвѣта сыраго кофе, съ гирландами изъ цвѣтовъ фиолетоваго, краснаго и зеленаго цвѣта. Вышитая, кисейная пелеринка.—Ипальянская содоменная шляпа, съ двумя вѣтками акаци.—Черные сапожки. Золотая цѣпь изъ цѣпвероугольныхъ колець.

Жаконетовое платье, по темно зеленому грунту, цвѣты геніета (genet) разбросаны букетами.—Бапистовая пелеринка, съ прошивками сложенными въ маленькія складочки; капотъ изъ бѣлаго море, съ букетомъ анюшиныхъ глазокъ.

Бѣлое кисейное платье, вышито спереди и сверхъ рубца.—Обшиная, опкрытая шемизетка.—Уборъ изъ Бразильскихъ мухъ.—Эмалевые браслеты.—Черные апласные башмаки.—Бѣлыя перчатки.

Жаконетовое платье, вышитое сверхъ рубца гирляндю на подобіе зубцевъ.—Лиць высокій, гладкій, вышитый узенькими гирляндами вкось, также какъ низъ платья,—басповая шляпка, съ букетомъ лиловыхъ перьевъ, упадающихъ довольно низко, и газowymi лиловыми лентами съ зубцами.

Гроденаплевое платье кофейнаго цвѣта, съ мѣлками клѣпками, соспавленными изъ бѣлой и черной полосы.—Пелеринка съ зубцами изъ такой же матеріи.—Кружевной борочекъ.—Капотъ изъ Шопланскаго гроденапля, зеленого, палеваго, фіолетоваго и бѣлаго цвѣтовъ.—Поле собрано, бантъ изъ лентъ, съ широкими полосами.—Башмаки изъ Англійской кожи.—Перчатки изъ дикаго шрико.

Кар. No 16. Представляешь коляску, которою нынѣшнею весною любовались на гулянь въ Лонданъ.

С М Ъ С Ъ.

Вообрази бѣднаго Автора, можетъ быть добродушнаго и чувствительнаго, котораго новой *Фреронъ* убиваетъ однимъ словомъ! Вообрази тоску его самолюбія, безсонныя ночи, блѣдное лице! ... Не знаю, какъ другіе думаютъ, а мнѣ не хотѣлось бы огорчить человека даже и за *Милорда Георга*, можешь быть, глупѣйшій изъ Русскихъ романовъ.

Самыя величайшія несчастія случались отъ языка.

Точно ли критика научаетъ писать? не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры? не вездѣ ли таланты предшествовали ученому, строгому суду?

Надежда есть послѣдняя вещь, которая умираетъ въ человѣкѣ.

Греки работали изъ слоновой кости въ самой глубокой древности. Гомеръ говорилъ о рукояткахъ и ножнахъ мечей, кроватихъ и множествѣ другихъ вещей, изъ кости сдѣланныхъ.

Надобно стараться думать и говорить самому справедливо, не заботясь ни сколько преклоняться другихъ къ своему вкусу и своимъ чувствованіямъ: и это довольно важное предпріятіе!

Чтобы сдѣлаться писателемъ, нужно имѣть не одинъ умъ.

Наука философа, также какъ кормчаго, есть познаніе подводныхъ камней, которые разбиваютъ суда, или оспанавливаютъ ихъ. Безъ сего свѣдѣнія ни одинъ компасъ не можетъ быть надежнымъ проводникомъ.

Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги!

У насъ на Руси итакъ мало Авторовъ, что не стоить труда и пугать ихъ.

Споры ученыхъ доснавливаютъ дуракамъ случай смѣяться на счетъ добрыхъ людей и безславить дорованія, которыя должно бы уважать.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 52.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюля 1 дня, 1851 года.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ;
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ:
А вору дай хоть миллионъ;
Онъ воровать не перестанетъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Я нижеподписавшійся, вытерпѣвъ нервическую горячку, по случаю гибельнаго мора между моими борзыми собаками и, болѣе умереть съ печали, еслибъ сіе несчастіе меня въ другой разъ постигло, рѣшился не заводити вновь новой охоты, а пошито и продано: рогъ и нагайки, о коихъ спросилъ у жены моей. Также уступаю за самую сходную цѣну нововыстроенный мною, по изящному фасаду, *Псарный дворъ*. Особы, коимъ угодно будетъ осмотрѣть оный, могутъ удостоверить въ прочности и красотѣ сего зданія. Ошешавной Поручикъ *Щенковъ*.

*

Я нижеподписавшійся, соревнуя *Карамзину*, сочинителю Исторіи Государства Россійскаго и *Полемому*, издавшему Исторію Народа Россійскаго, предпринимаю издать Исторію Русскаго Чловѣка отъ Рюрика до Адрианопольскаго мира. Она будетъ состоять изъ 12 ти томовъ, кои уже все мною къ печати изготовлены и въ продолженіе года, т. е. къ 1-му числу Іюля 1852 года будутъ выданы. Подписка на мою книгу

принимается здѣсь въ С. Петербургѣ у книгопродавцевъ *Слѣнина* и *Смирдини*, въ Москвѣ у *Ширяева*; цѣна за все 12-ть томовъ, кои будутъ заключать въ себѣ неменьше 250-ти печатныхъ листовъ на лучшей Любской бумагѣ, полагаемая самая умѣренная, 40 руб. Государственными ассигнаціями, съ пересылкою во все другіе города 50 рублей.

Зная лѣность свою и наклонность къ деньгамъ, покорнѣе прошу почтенную Опечисленную Публику не дѣлать мнѣ довѣрія и не высылать впередъ всякъ денегъ, а только за первую часть по расчету, т. е. по 3 рубля 55½ копѣйки. Въ противномъ случаѣ, я за себя не ручаюсь: могу обмануть дорогихъ подписчиковъ. Лѣность можетъ овладѣть мною, а возвращать обратно подписныя деньги, особливо, если ихъ будетъ много, не имѣю духа: я себѣ не лиходѣй. Губернскій Секретарь *Иванъ Откровенинъ*.

*

Послѣ покойной Графини *Взвизгеной* будутъ продаваться съ аукціона: а) два подные порнища поддѣльныхъ зубовъ для верхней и нижней челюсти, весьма мало подержанные, Парижской работы, съ пружинами изъ червоннаго золота; б) боченокъ румянъ;

с) 120 банокъ помады; d) 60 ящичковъ Eau de Cologne; e) бочка бѣлиль; f) новоизобрѣтенный въ Парижѣ инструментъ для сглаживанія морщинъ и корсеты разныхъ фасоновъ; g) парики всѣхъ цвѣтовъ отъ чернаго до бѣлокураго, стриженные—à l'enfant, курчавые какъ пудель, заплетенные въ косы, съ распущенными локонами — à la Vénus, à la Psyché, à la Méssaline, à la Ninon; h) молодильная мазь; i) бальзамъ, придающій пысклымъ глазамъ шестидесятилѣтнихъ старухъ блескъ глазъ шестнадцатилѣтней дѣвушки. Все сіе видѣть можно въ Московскомъ домѣ Ея Сіамельства.

*

Журналистъ *Пялюшкинъ* — *Невѣждинъ* вызывается желающихъ его перелгать или перенимать: тому, кто его перелжетъ будущія даны въ награжденіе всѣ его объявленія о журналахъ, альманахахъ и газетахъ имъ издаваемыхъ, но никогда недодаваемыхъ. Тому же, кто побѣдитъ его въ попойкѣ, рука на руку, онъ дастъ онъ всѣ, въ продолженіи мѣсяца опорожненные имъ штофы, полуштофы, бутылки, полубутылки и бутылочки. Жительство онъ имѣетъ въ улицѣ *Шарлотинской*; въ кварталѣ *Мошениковъ*, въ домѣ несостоятельнаго купца: *Вымани-денгги*, подъ No 0000.

*

Дѣвица *Дрягелова* симъ имѣетъ честь уведомить, что увлекаемая желаніемъ поскорѣе ошачливить какого нибудь молодого человека, на дняхъ понизила она курсъ на жениховъ своихъ. Она согласна выдти за человека, у котораго менѣе 1000 душъ, лишь бы самому ему было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду; ростомъ онъ долженъ быть 2-хъ аршинъ 6 вершковъ, а если возможно: то и выше; не калека, не рябъ, безъ веснушекъ, не имѣть бѣлыхъ глазъ и красно-рыжихъ волосъ. Видѣть ее можно по праздникамъ у обѣдни въ самой модной церкви, и ежедневно въ Англійскомъ магазинѣ, въ модномъ магазинѣ у *Цихлеръ*, въ косметическомъ у *Мадамъ Марсъ*, на Невскомъ пробуарѣ, въ Лѣтнемъ саду, на всѣхъ балахъ и гуляньяхъ, и во всѣхъ

пеапрахъ, а именно: въ Большомъ, Маломъ, Семіоновскомъ и Каменно-осшровскомъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОКОВОЙ ПЕРСТЕНЬ.

Скажите мнѣ, что такое мечта?

Неправда ли, что она есть только мечта?

Овечь.

Какъ бѣденъ умъ человѣчскій: онъ не умѣетъ различить грезы отъ того, что видитъ наяву, обмана чувствъ отъ сущестственности.

Альфредъ Мерсе.

Любезный Эдуардъ, пятнадцать лѣтъ уже мы связаны искреннѣйшею дружбою.

Я хочу сказать, что пятнадцать лѣтъ ты служишь мнѣ опорой, утѣшеніемъ; пятнадцать лѣтъ, какъ ты, сохраняя всю важность и твердость, свойственныя лѣтцамъ опытности, и будучи выше спремительныхъ порывовъ молодости, терпѣливо меня слушаешь и постоянно стараешься разсѣвать грусть несчастнаго молодого человека, котораго своевольное воображеніе часто уноситъ за предѣлы сущестственности и разсудка, котораго непреодолима, гибельная, непонятная сила безпрестанно заставляешь испытывать слѣдствія неумѣренной, раздражительной чувствительности.

Послушай, Эдуардъ, теперь болѣе, нежели когда нибудь, я имѣю нужду въ сей дружбѣ.

Я хочу объясниться съ тобою на письмѣ; у меня нѣтъ словъ разсказать тебѣ это; стыжусь самъ себя. Я опишу тебѣ случай, которому ты не повѣришь. Всякой другой спалъ бы надо мною смѣялся и почтительно меня сумасшедшимъ... но ты мой другъ, ты не будешь смѣяться, не правда-ли? Ты не назовешь меня сумасбродомъ, мечтателемъ, изувѣромъ; это меня огорчило бы, а ты боишься огорчать меня.

Но сколько бы ни осыпали меня оскорбительными насмѣшками, способными привести меня въ бѣшенство, сколько бы ни сомнѣвались въ истинѣ моего разсказа; я смѣло отвѣчаю спану: это я испыталь, это я видѣлъ собственными глазами. О если бы я могъ все сіе принять за сонъ... но вос-

помянутое о семъ проклятомъ явленіи вѣзалось мнѣ въ память... Я не въ силахъ прогнать его... оно безпрестанно слѣдишь меня!..

Да, Эдуардъ, спрдашь такъ, какъ я, и быть не въ состояніи заславить другихъ вѣришь своимъ спраданіямъ, это ужасно!

Другъ мой, тебѣ неизвѣстны еще всѣ мои мученія. Ты знаешь, какія предстояли препашствія къ соединенію моему съ Лаурою; знаешь, что они съ каждымъ днемъ умножались и становились непреодолимѣе; но еще не знаешь, Эдуардъ, что любовь, сопровождаемая такими безпокойствами, успрашила молодую дѣвушку. Она съ ужасомъ смопрѣла на будущее—и съ сожалѣніемъ обращалась къ минувшему. Я проникъ въ ея сердце; она предпочитала отрицательное, но мирное счастье, горькому упоенію пылкой, возвышенной, но за то мясешной любви.

Я рѣшился спрдашь одинъ; для чего мнѣ приковывать существо столь слабое, къ желѣзной судьбѣ своей, думалъ я.

Она прочла письмо мое, въ копоромъ я опказывался опъ нее, попому только, что любовь стоила ей пакихъ безпокойствъ. Она опвѣчала мнѣ запискою, копорал омочена была ея слезами; однакожь она приняла мою жертву.

Предложеніе мое было искренно; свидѣтельствуюсь въ помъ Небомъ...но Эдуардъ, льбезный Эдуардъ, ты не повѣришь, какъ тяжело мнѣ было перенести ея согласіе на мою жертву!

Ты часто мнѣ говаривалъ, что похвальный поступокъ, геройскій подвигъ укрѣпляетъ душу и смягчаютъ жертвы, возлагаемая на насъ обязанностью.

Другъ мой, признаюсь тебѣ, я не испытывалъ этого.

По крайней мѣрѣ, я признаю справедливость другаго своего замѣчанія, что одно только ученіе облегчаетъ нравственные недуги. Когда свѣкнешься съ существами воображенія, сдѣлаешь ихъ повтреными своихъ горестей, заславивъ ихъ проливать слезы о своихъ несчастіяхъ, будешь дѣлаться съ ними чувствами и мученіями; тогда, кажешься, что спрадаешь не одинъ, что ты изливъ въ сердце друга свои спраданія и—

спайный, упѣшительный, одобряющій голосъ опзывается въ душѣ твоей.

Два мѣсяца тому назадъ, какъ я провелъ цѣлую ночь за письменнымъ столомъ зажегши нѣсколько свѣчъ. Мысли мои быспро смѣнялись одна другою; по столу разбросано было множество исписанныхъ спраницъ, онѣ наполнены были печальными мыслями, спранными приключеніями, рѣзкими выраженіями, безъ связи,—и могли быть замашельны только для насъ, для тебя, Эдуардъ, копорого рѣдкая привязанность ко мнѣ сдружила съ моими сумазбродными идеями, съ порывами воображенія, съ моими припадками опчаянія.

Поупру, хотя волненіе крови не утихло, голова моя также была тяжела, какъ и прежде, но для меня довольно было того, что я на цѣлую ночь могъ забыться.

Наканувъ я велѣлъ приготоовать ванну, копорую Докюръ Фремонъ совѣщивалъ мнѣ, какъ можно чаще употреблять. Едва успѣлъ я прійти въ комнату, гдѣ стояла ванна, какъ масло догорѣло въ лампѣ и она начинала гаснуть; только что я легъ въ воду, лампа вспыхнувъ въ послѣдній разъ, погасла, и я остался въ глубокой темнотѣ.

Теперь, милый Эдуардъ, я повторяю тебѣ мою просьбу: не смѣйся надо мною, не сомнѣвайся въ помъ, что ты прочтешь, иначе ты меня очень расстроишь.

Я скоро почувствовалъ благошворное дѣйствіе ванны; пріятная теплота ослабивъ члены мои, разгоряченные продолжительного безсонницею, освѣжила ихъ на лбу моемъ, пылающемъ опъ сильной грусти, проступилъ благодѣтельный потъ; полетъ мыслей моихъ спановился медленнѣе, и я началъ забываться шихимъ сномъ.

Нѣсколько минушь пробывъ я въ семъ сладосномъ усыпленіи, какъ вдругъ мнѣ послышался вблизи опъ меня какой-то шелестъ; казалось, что я сквозь опущенные вѣжды глазъ своихъ вижу непонятный свѣтъ; но мнѣ такъ было хорошо, что я не могъ открыть глаза, не могъ пошевелиться, промолвить слово, и хотя я не въ силахъ былъ освободиться опъ удивленія, произведеннаго шорохомъ, однакожь не рѣшился узнать причину онаго.

Раздался ударъ, подобный грому, но гораздо пронзительнѣе.

Я пробудился отъ страха: передо мною стояло злобное существо. Оно смотрѣло на меня такими глазами, копорые ничего не имѣли общаго со взоромъ человѣческимъ.

Я окаменѣлъ при видѣ его; ничто не можетъ сравниться съ ужасомъ моего пробужденія.

Невѣдомый протянулъ лѣвую руку и показалъ мнѣ извѣстный шебъ перстень съ аншикомъ, копорый я купилъ у Жида.

Потомъ привидѣніе подставило его мнѣ къ самому носу, какъ бы для того, чтобы я увѣрился въ моей собственности; я успѣлъ разсмотрѣть оправу перстня и изображенія двухъ живописныхъ, вырѣзанныхъ на агашѣ.

Послѣ сего, оно подняло правую руку, выставило три пальца, произнесло слово: *три*; наконецъ, сильно ударивъ меня по головѣ, исчезло.

Опомнившись, я увидѣлъ себя на постелѣ, окруженнаго людьми, копорые суенились около меня.

Они сбѣжались, услышавъ пронзительный крикъ мой; меня нашли почти плавающего въ ваннѣ; еслибъ опоздали нѣсколькими минутами, меня бы не зрспали въ живыхъ. Ахъ! для чего возвратили мнѣ жизнь!

Первою заботою моею было вслѣнить камердинеру моему привести мнѣ шкапулку съ дорогими вещами, гдѣ находился роковой перстень.

Камердинеръ поблѣднѣлъ и запрепеталъ всѣми чденами. Онъ взглянулъ на меня съ горькою улыбкою.

«— Ч... побери, проворчалъ онъ, вы все знаете!»

Я думалъ, что онъ говоритъ про мой бредъ; ибо все это казалось мнѣ во снѣ.

Но вдругъ, въ головѣ моей блеснула, какъ молнія, другая безразсудная мысль. Я крѣпко привязался къ ней. Мнѣ казалось, легче дня, что привидѣніе было ничто иное, какъ шушка моихъ пріятелей, копорые подкупили Антона.

«— Да, я все знаю, вскричалъ я. Ты не избѣжишь заслуженнаго наказанія.

Антонъ бросился отъ меня въ отчаяніи. Черезъ пять минутъ раздался всхрипъ.

Бѣгу въ комнату моего камердинера... и вижу его, плавающего въ крови, съ раздробленнымъ черепомъ.

Онъ оставилъ мнѣ письмо: «я злодѣй; я похитилъ ваши вещи. Эного пятна нельзя смыть мнѣ, оставьте меня умереть.»

При чтеніи сего письма, силы меня оставили; я почувствовалъ лихорадку и принужденъ былъ лечь въ постель.

Эдуардъ, клянусь всѣмъ, что для меня свято, пока привидѣніе во всю ночь не давало мнѣ покоя. Оно показывало мнѣ уже два пальца и дрожащимъ голосомъ произнесло слово *два!*

Тогда объяснились для меня его панические намеки. Роковой перстень премъ чловѣкамъ будетъ спсоиць жизни. Одинъ изъ нихъ уже погибъ.

Во время моего выздоровленія мнѣ сказали, что молодая женщина, худо одѣтая, съ ребенкомъ на рукахъ, нѣсколько разъ обо мнѣ спрашивала. Она неопступно просила, чтобы ее допустили ко мнѣ.

Я приказалъ впустить ее, если она опять явится. Черезъ часъ ее ввели въ мою комнату.

Взглянувъ на сію несчастную, блѣдную, слабую, съ опухшими отъ слезъ глазами, я увидѣлъ, что она много страдала, но страданія ея болѣе происходили отъ нравственныхъ, нежели отъ физическихъ причинъ.

Антонъ любилъ меня, сказала она.

И ноги ея подкосились; еслибъ шупъ не случилось, креселъ, то она упала бы на полъ.

«Для меня онъ сдѣлался пресупникомъ; я причиною его смерти. Я... это сынъ его.»

Рыданія злополучной раздѣрали мою душу.

«Возьмите сударь, эпоиць перстень; онъ одинъ только оснался у меня. Я еще не успѣла пролать его для своего проишанія. Возьмите его, только не предавайте меня въ руки правосудія. Что будетъ съ моимъ ребенкомъ, копорый составляетъ для меня все; что будетъ съ сыномъ бѣднаго Антона, если меня посадятъ въ тюрьму?»

Она подала мнѣ перстень; а я, удрученный воспоминаніемъ о привидѣніи, чувствую глубоко истину словъ его, и леденя ошъ ужаса при одной мысли о новыхъ несчастіяхъ, которыя оно еще предвѣщало, я оставался неподвижнымъ, погруженный въ горестныя мысли!

Бѣдное созданіе! Она подумала, что я отвергаю ея просьбы, она бросилась на колѣна, схватила мою руку и обмывала ее слезами.

Горесть несчастной вывела меня изъ думы. «Надобно испребишь сей перстень, вскричалъ я, чтобы онъ никому не вредилъ. Поддай его сюда! разбей его!»

Между лѣтмъ, ребенокъ схватилъ его рученкою и мать выпустила его изъ рукъ. Онъ поднесъ его къ губамъ.

Вдругъ ребенокъ закричалъ, окоспентель и поканился; мать обнимала уже трупъ его.

Въ камнѣ перспія заключался смерпельный ядъ.

И ужасное привидѣніе, меня преслѣдовавшее показалося за плечами опчальной матери... На сей разъ оно безмолвствовало.. и, пропльнувъ длинную руку высшавляло только одинъ палець.

Кто же назначенъ быть третьею жертвою?

Эдуардъ! вотъ мысль, которая въ первый разъ представилась мнѣ, она внушена Небомъ, она непремѣнна.

Скажи мнѣ, не долженъ ли я положить конецъ несчастіямъ, причиняемымъ адскимъ перспнемъ. Я лишился всего, что привязывало меня къ землѣ. Жизнь мнѣ послыла, она тяготишь меня.

Что, если я опведу ударъ рока, угрожающій другому, принесши себя добровольно въ жертву?

Невѣдомый предсказалъ его и я долженъ вѣришь его предсказаніямъ. Еще нужна одна жертва! Покаралъ ли меня Провидѣніе зато, что я хочу бышь очистительною жертвою?

Самоубійство давно уже лежало у меня на душѣ. Спрахъ небесаго гнѣва меня ошъ того удерживалъ; шеперь само Небо велитъ мнѣ умереть.

Ахъ! призракъ ошяшь передо мною; подаешъ мнѣ знакъ, что я могу умереть.

Просни.

Ф А Э Т О Н Ы.

Правду говорятъ, что всякое новое опкрытие, или усовершенствованіе прежнихъ, и самое малѣйшее опспунненіе ошъ старыхъ обычаевъ, сначала вспрѣчаспъ многід препятствіа. Ошъ сего-шо люди предприимчивые, всегда готовые предупреджашъ желанія Публики въ общеносномъ дѣлѣ, нерѣдко подвергаются убышкамъ ошъ своихъ предприацій. Но оныпы, даже неудачные, находятъ подражашелей; Публика, наконецъ убѣждаешся въ пользѣ новаго, и ошопно опспавляетъ старое.

Кто изъ насъ пыльчу разъ не проклиналъ прыскаго экипажа, споль извѣснаго подъ именемъ дрожекъ? Въ дождливую погоду вамъ предлагаютъ садиться верхомъ на мокрую подушку; вы доѣзжаше до мѣста, забрызганные грязью и промокшіе до костей. Въ хорошую погоду вы подвергашешся не мейшимъ неудобствамъ: вѣсперь, пыль, солнце, все бездокоишь васъ! мы уже не говоримъ о прочемъ, какъ-шо: о непосредственномъ прикосновеніи къ сгущенной шлжелыми парами атмосферѣ, окружающей извощика, о блестящемъ на спинѣ его номерѣ, въ которомъ солнечные лучи, спражашся какъ въ зеркалѣ, ослѣпляютъ васъ; о крайности шорговашъся бишый часъ съ сими плюшоватыми возницами, которые, при запросѣ цѣны, расчишывають вашу посѣшность, время, праздничные дни и пыльчу другихъ мѣлочей. Подумайте же, каково бхашъ въ семь экипажѣ дамамъ! Онѣ держатся на дрожкахъ, какъ пычка на вѣпкѣ; особливо, если кавалеръ, сидя сзади, ихъ не поддерживаешъ. Для Иностранца, который въ первый разъ видитъ сей родъ бѣды, онъ долженъ показашся и спраннымъ, и опаснымъ: нужно много времени и крайности, чтобы къ нему привыкнушь.

Надобно было видѣшь, какъ однажды въ Коломнѣ извощикъ везъ двухъ Французскихъ мапросовъ. Они оба усѣлись на дрожки верхомъ, одинъ позади другаго, и не знали куда

имъ дѣвапъ ноги. Французы помирали со смѣху, глядя на свой экипажъ, а прохожіе смѣялись, глядя на нихъ; да и какъ было не смѣяться, видя шрехъ человекъ, кошорые сидѣли какъ сельди, нанизанныя на спичкѣ!!!

Теперь возрадуйшесь, неимѣющіе собственнаго экипажа Пепербургскіе жители! Вы учили, рыскающіе съ часами въ рукахъ по билетамъ, торговцы галантерейными вещами; робкія гувернантки, для которыхъ каждый часъ дорогъ, и вы, молодая красавица, непринадлежащія къ торговому сословію, коихъ гибкій спанъ и волнѣніе ожиданія не скрываются подъ частымъ покрываломъ и шелковою тканью! Опнынъ къ услугамъ вашимъ покойные экипажи на манеръ модныхъ колясокъ: закрытые Фаэтоны! Вы можете, не боясь ни дожда, ни пыли, ни дерзкихъ взглядовъ разѣзжашъ вездѣ, куда будупъ манишь васъ сердце или деньги.

Эпо изобрѣшеніе есть истинное сокровище для весьма многихъ, а опредѣленная за проѣздъ цѣна весьма дешева. За Фаэтонъ въ одну лошадь платишся 5 руб. 60 коп. въ супки; парюу 7 руб. 60 коп. — За часъ 1 руб. 20 копѣекъ: за полчаса 80 копѣекъ; — за 20 минутъ 40 копѣекъ. — Не забудыте, что и въ праздникъ и въ будни, вы за одну цѣну разѣзжаете по островамъ и разгуливаете въ Екашерингофъ. Оспаешся шолько желашъ, чтобы число Фаэтоновъ соотвѣтствовало пошребностямъ Публики.

Кониора Фаэтоновъ находишся въ домѣ купца *Жербина*, на площади новаго Михайловскаго Дворца.

(изъ *Furet.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВѢКА.

«Печальный вѣкъ, ужасный свѣтъ!»

Твердишь ны мнѣ, спрадалецъ юный:

«Почпожъ молчатъ твои перуны,

О, Зевсъ! или ихъ вовсе нѣтъ?»

Тутъ въ ссорѣ брашь съ младенцемъ брапомъ,

Въ судѣ шоргуешь шамъ судья,

Въ дѣлахъ людей все видишь я,

Все полно дурью и, развратомъ,
И мнишся льемъ не слезы — кровь.» —

Ты правъ. — Теперь добавь къ каршнитъ:

И дѣвы льспивую любовь,

И дружбу хладную мушцины!

Карлгофъ.

1850.

МОЕ НЕРАЗУМІЕ.

Ты мнѣ являлася, какъ милое дитя,

И дѣвушкой прелеспно-молодою;

Заигрывала ты со мной сама, шупя:

То брызгала въ меня холодною водою,

То, за руку унылаго схватя,

Водила по садамъ и по долинамъ гладкимъ...

Бывало въ соннаго, по бросишь ты цѣпкомъ,

То, спрятавшисъ въ лѣску, заспоришь съ соловьёмъ

И, голосомъ какъ флейта сладкимъ,

Мнѣ съ дѣпской простопой кричишь: «сюда, сюда!»

Но я тогда былъ слишкомъ въ чувствахъ смѣшешъ:

Не понялъ я себя тогда...

За то теперь я сирь и безупѣнешъ!...

Невинность! Я пвося люблюсь чистопой!

Тебя теперь пакъ ясно понимаю!

И сладко мнѣ, во снѣ ловишь себя мечшой;

Но пробудишь, какъ горько я вздыхаю.

Ө. Глинга.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Жизнь наша — дальній путь чрезъ море,

Гдѣ щастье издали блещишь

Огнистою звѣздой; а горе

Скалами, мѣлами спрашитъ.

Надежда парусъ расправляетъ,

Разсудокъ у руля сидитъ.

Какъ часто мачту вѣтръ ломаетъ,

А кормщикъ нерадивый спитъ.

И. Пальминъ.

МНѢ ВСЕ РАВНО.

(*Подражаніе Беранже.*)

Я зналъ — ужъ подлинно, что диво!

Фирсъ доживалъ свой вѣкъ шастливо;

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Бывало небо постыпнть
Его суровою бѣдою,
А онъ качаетъ головою
И равнодушно говоритъ:
Мнѣ все равно!
Онъ вечеркомъ любилъ порою
Дреманъ надъ чашей пушевою.
«Да полно, башинька, ты пипь!»
Жена бывало приступаетъ,
«Что будупъ люди говоришь?»
А онъ съ улыбкой отвѣчаетъ:
Мнѣ все равно!
Сосѣдь-ли добрый *стороною*.
Бывало рѣчь заводнть съ нимъ:
«Смотри, брашъ, въ оба за женою»,
«Да за гусаромъ удалымъ;
«Ты знаешь, бѣсъ любви опасенъ,
«Плодъ запрещенный очень милъ!»
А Фирсъ въ ошвѣтъ ему швердилъ:
Эхъ, полно, другъ! швой трудъ напрасенъ:
Мнѣ все равно!
И даже въ самый часъ копчины,
Какъ отказалися врачи —
Жена въ обычный знакъ кручины
Лица пришворныхъ слезъ ручьи;
И пупъ Фирсъ добрый и безпечный —
Въ дверяхъ могилы весель былъ,
Женѣ онъ тихо говорилъ:
Не плачь о мнѣ, мой другъ сердечный! —
Мнѣ все равно!

Павелъ Чижовъ.

Ш А Р А Д А.

Въ бѣсѣдѣ говорятъ мой *первый* слогъ
Отцу, Священнику и Протоіерею,
Не Архимандриту и не Архіерею.
Второй — предлогъ,
А *все* — любимецъ Музъ и Грацій,
Росейскій нашъ Парни, нашъ сѣверный
Гораций.

Въ No 51 помѣщенная шарада значитъ: *Dé-lise*.

Севильскій цирюльникъ, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, представленная на Маломъ театръ 9 Іюня.

Музыка *Севильскаго цирюльника* существуетъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ. Россини сочинилъ ее, такъ сказать, экспромпомъ (въ мѣсяцъ); но это не лишаетъ ее права занимать первое мѣсто между комическими операми сего композитера. Одна арія Фигаро доставила бы Европейскую извѣстность *Севильскому цирюльнику*, а въ немъ, кромѣ ее, находятся аріи Баса, дуэты Альмавивы и Баршалю, финалъ перваго акта; можно, не обинуясь, сказать, что все нумера разбираемой нами оперы суть гениальное швореніе и между швореніями Россини.

Опера *Севильскій цирюльникъ* разыграна была нашими Артистами весьма хорошо. *Г-жа Биркина* пѣла пріятно и довольно вѣрно, и послѣ *Г-жи Меласъ* и *Зонтагъ*, можно было безъ самоотверженія слышать ее до конца въ роль *Розины*. Игра же *Г-жи Биркиной* была весьма неудовлетворительна: мы въ ней видѣли прости простенькую дѣвочку, на которую и любовь не имѣла вліянія, но естъ, не научила ее хитрить искусно, въ ея пользу. Привычный жестъ *Г-жи Биркиной* пропягивать безпрестанно свои руки впередъ, спранный и часомъ бываетъ неумѣстнымъ.

Пріятно видѣть надежды свои сбывающимися. *Г. Петровъ мл.* съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усовершеняется: ролею Фигаро онъ утвердилъ насъ въ прежнемъ нашемъ мнѣніи, что Артистъ сей будетъ, и скоро, украшеніемъ нашей оперы. Первую арію и дуэты съ Розиною онъ пропѣлъ съ искусствомъ, отъ котораго не отказался бы и первый Итальянскій Basso cantante. Въ игрѣ *Г. Петрова мл.* не достаеитъ еще пужной развязности, но для него достигнуть ее, кажется, не будетъ стоить большаго труда.

Г. Шемаевъ мл. въ роль Альмавивы былъ, если недовольно силенъ, но, по крайней мѣрѣ, сыгралъ роль сію съ необыкновенною своею пріятностію.

Докторъ *Бартоло*. (*Г. Дюръ*) вѣлъ довольно искусно и забывалъ иногда, что онъ дряхлый старикъ. Послѣднее доказываетъ, что *Г. Дюръ* не всегда выкасалъ въ свои роли.

Г. Ефремовъ довольно опичешно представилъ намъ *Базиля* скрагу и завистника.

Опера *Севильскій цирюльникъ* шла къ полному удовольствію слушателей. Оркестръ дѣлалъ свое дѣло съ тщаніемъ; однимъ словомъ, памятуя пѣса увѣрила насъ, что мы можемъ надѣяться слышать хоня изрѣдка на нашей сценѣ оперы, хорошо обстановленныя и сносно выполняемыя.

11 Юня.

MODES.

Modes. — On fait sur la forme des capotes de batiste d'Écosse des capotes de batiste écriue, — froncées, — doublées à plat à l'intérieur de gros de Naples, rose, bleu ou lilas, et un noeud de batiste sur le côté.

Puis encore, et c'est on ne peut pas plus joli, en gros de Naples, lilas, vert pâle, — ou glace, — ou à carreaux; toujours même forme, froncée avec de petites baleines, un noeud en rosette, — point doublées à l'intérieur. — Ceci est tout-à-fait simple et d'une élégance parfaite pour le négligé.

Pour les capotes de paille, il est bien de faire passer le ruban des brides sur le haut de la forme.

Façon de robes. — Les petits volans même aux robes de mousseline sont rares. — Aux robes blanches une broderie. — Le plus ou moins d'élégance de la toilette consiste dans la façon du corsage qu'une pèlerine décolletée, brodée, garnie, rend tout-à-fait habillé.

Nouveautés. — De jolies écharpes pour mettre le matin avec une robe de mousseline ou jaconas, sont en mousseline double. — Tout autour est une petite guirlande de fleurs imprimées; aux deux bouts, la guirlande est plus large, une frange nouée.

Ces écharpes ne ressemblent en rien à celles de l'année dernière. — Celles-ci sont infiniment plus distinguées, en ce qu'elles n'imitent pas les gazes de soie. — C'est négligé et ne peut être pris pour parure. — Elles auraient plutôt quelque rapport avec de la laine, en raison de leur blanc mat et de leurs fleurs vides.

МОДЫ.

На манеръ кембриковыхъ капотовъ, дѣлаютъ капоты изъ небѣленаго батиста, соранные, подложенные снизу гроденаплетъ, розовымъ, голубымъ или лиловымъ, а на боку батистъ изъ батиста.

Еще дѣлаютъ ихъ, и ничего не можетъ быть красивѣе, изъ гроденаплетъ, лиловаго, блѣдно-зеленаго, — двуличневаго, — или клѣпчатнаго, все той же формы, собранные на тоненькія косточки, — снизу не подложены. — Это совершенно просто, и весьма щеголевато запросто. — На соломенныхъ капотахъ лопатки хорошо прикалываютъ къверху тульи.

Покрой платьевъ. — Узенькія оборочки и на кисейныхъ платьяхъ видны чрезвычайно рѣдко. Бѣлыя платья вышиваютъ. — Больше или меньше щеголеватости въ нарядѣ состоятъ въ покрое лифа; открытая, вышитая пелеринка дѣлаетъ платье совершенно наряднымъ.

Новости. — Упрямъ съ кисейными или жаконовыми платьями, носятъ красивые шарфы изъ двойной кисеи, — вокругъ узенькая, печальная гарланда изъ цвѣтшвовъ, на концахъ гарланда ширъ, бахрома перевязанная.

Шарфы сіи нисколько не походятъ на прошлагодиіе. — Они несравненно отличнѣе шьемъ, что нисколько не подражаютъ шелковому газу. — Это просто и никакъ не можешь быть принято за нарядъ.

Объявленіе.

Полугодовое изданіе *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* кончилось.

52 номера и 18 картинокъ. (вмѣсто обѣщанныхъ 12-ти) изображающихъ дамскія, мужскія и дѣтскія моды, повѣйшаго фасона бриллианновыя и золотыя вещицы и экипажи выданы своевременно.

Издатель, долговъ поставляющъ довести о семъ до свѣдѣнія Особъ, благоволившихъ подписаться на сію Газету, и присовокупить, чтобы въ случаѣ неполученія, кѣмъ либо ливенковъ или картинокъ, относилась она прямо въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

Пересылка и исправное доставленіе періодическихъ изданій нисколько не зависить отъ Издателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1851 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Пять друзей, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	спр. 210.
Деревенскій бытъ нѣкоторыхъ Русскихъ помѣщи- ковъ въ началѣ XIX вѣка.	226.
Портной Подтыкалкинъ	250.
Разговоръ между Военнымъ Министромъ Людовика XV и Маркизою дѣ Каспелянъ.	265.
Сплетни. Глава I, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	273.
Расчетъ зубнаго врача.	289.
Мода	297.
Соединено за столомъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	305.
Деревенскій бытъ нѣкоторыхъ Русскихъ помѣщичъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	337.
Опъ опомнился! соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	345.
Машерническая нѣжность Парижскихъ актрисъ	353.
Новые Аонны	361.
Опъ новыхъ Издавателей журнала <i>La Mode</i> , пер. <i>В. Соколова</i>	383.
Объявленія, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	397.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ походныхъ записокъ Русскаго Офицера	210.
Пустынный, отрывокъ изъ романа: <i>Пригуды</i>	211.
Моя пѣшка Маргарита, пер. <i>В. Соколова</i>	213.
Отрывки изъ писемъ о Кавказѣ, соч. <i>В. Вердеревскаго</i>	217.
Листокъ изъ записокъ о Тальмѣ, пер. <i>В. Тило</i>	221.
Нѣсколько словъ объ Уралѣ, соч. <i>А. Шмакова</i>	227.
Случай при Наваринѣ	229.
Ученическія воспоминанія	230.
Воспоминанія о Швейцаріи: <i>Лозанна</i> , пер. <i>В. Соколова</i>	231.
— — — — —	281.
— — — — — <i>Женевское озеро</i> — —	298.
— — — — —	307.
Воскресшій мертвецъ, пер. <i>В. Соколова</i>	236.
Братоубійца, <i>Повѣсть</i>	241.
— — — — — (<i>Окончаніе</i>)	250.

Поправка ошибки.	спр. 255.
О Крюгеровой каринѣ <i>Берлинскій парадъ</i> , соч. <i>А. Венеціанова</i>	257.
Безконечное раздѣленіе работъ въ Индіи	267.
Разбойникъ въ горахъ Абруццо, пер. <i>В. Соколова</i>	285.
Холодность, пер. <i>его же</i>	286.
Прогулка водою, пер. <i>его же</i>	290.
Сытъ палачемъ опца, пер. <i>В. Тило</i>	300.
Смерть Лафонтена	302.
Различіе умовъ.	309.
Сказки и преданія о Рюбецаль, духъ Исполнискихъ горъ, пер. <i>В. Тило</i>	313.
Тоже	321.
Тоже	329.
Альбомъ женщины	316.
— — — — —	380.
Поздно	325.
Пажина, пер. <i>В. Соколова</i>	332.
Мечта	348.
Фортунатъ, <i>сказка</i> , съ Нѣмецкаго <i>В. Тило</i>	355.
— — — — — (<i>Окончаніе</i>)	363.
Свѣжепросольный чертъ, <i>преданіе</i>	369.
Робертъ, <i>повѣсть</i> , съ Нѣмецк. <i>В. Тило</i>	370.
— — — — — (<i>Окончаніе</i>)	377.
Воспоминаніе объ Ипалли.	379.
Кровавая рука, <i>преданіе</i> , съ Нѣмецк. <i>В. Тило</i>	391.
Три Пери, <i>сказочка</i> , соч. <i>М. Загорскаго</i>	393.
Герцогъ де Сень-Симонъ	394.
О прическахъ	395.
Роковой персень, <i>повѣсть</i>	400.
Фашоны	403.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣвецъ <i>Зонтагъ</i> , соч. <i>Карлгофа</i>	214.
<i>Оссіанова</i> лѣра, соч. <i>Трихуннаго</i>	214.
Чепверостышіе, соч. <i>Жужовскаго</i>	222.

Изъ Мицкевича, пер. <i>Романовича</i>	стр. 222.	Весенняя пѣснь, соч. <i>Н. Языкова</i>	стр. 381.
Сосна, соч. <i>Офросимова</i>	222.	Сонетъ <i>Дозиньскому</i> , соч. <i>Подолинскаго</i>	382.
Солдатъ, <i>Баллада</i> , соч. <i>Ротгева</i>	230.	Жизнь поэта, соч. <i>Θ. Глинки</i>	388.
Испина, соч. <i>Романовича</i>	231.	Бакчисарай ночью, Крымскій сонетъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Познанскаго</i>	388.
Вечеръ на развалинахъ, соч. <i>Θ. Глинки</i>	238.	Видѣнiе, соч. <i>А. Степанова</i>	388.
Болѣзнь, соч. Барона <i>Розена</i>	245.	Толкъ	389.
Въ альбомѣ къ <i>Н. . . .</i> , соч. <i>Платона Волкова</i>	246.	Прожилъ любовь, соч. <i>Карлгофа</i>	396.
Эмма, <i>отрывокъ</i>	246.	Пѣснь Альдоны, (изъ <i>Мицкевича</i>), пер. <i>В. Романовича</i>	396.
Лежачаго не будить, <i>Отвѣтъ</i> Барона <i>Розена</i>	255.	Изображенiе вѣка, соч. <i>Карлгофа</i>	404.
Романъ, соч. <i>Офросимова</i>	255.	Мнѣ всё равно, (изъ <i>Беранжеса</i>), пер. <i>П. Чижова</i>	405.
Воззванiе, соч. <i>Михайла Яковлева</i>	261.		
Вода, соч. <i>Карлгофа</i>	261.		
Сосны, соч. <i>Тригуннаго</i>	261.		
Развалина, соч. <i>Тригуннаго</i>	268.		
Тебѣ, (изъ соч. <i>Виктора Гюго</i>), пер. <i>И. Покровскаго</i>	268.		
Къ Сашѣ, (изъ <i>Мицкевича</i>), пер. <i>Юрiа Познанскаго</i>	278.		
Буря, соч. <i>Александра Глббова</i>	278.		
Нулъ, соч. <i>Иванова</i>	279.		
Къ Россiи, соч. <i>Θ. Глинки</i>	287.		
Къ выюгу, соч. <i>Ю. Познанскаго</i>	287.		
Орелъ, шмели и осы, или лепящiй и жужжащiе, басня, <i>Θ. Глинки</i>	294.		
Весна военнаго человѣка, соч. <i>Карлгофа</i>	302.		
На новоселье, соч. <i>Θ. Нльминова</i>	302.		
Всѣ съ рукъ сойдѣтъ, соч. <i>Иванова</i>	303.		
Художество, соч. <i>Θ. Глинки</i>	311.		
Кирпичъ въ 16 фунтовъ, соч. <i>Θ. Слѣпушкина</i>	311.		
Последнiй день Помпеи, (изъ <i>Дельфинъ Гей</i>), пер. <i>И. Покровскаго</i>	317.		
Къ Лаурѣ, (изъ <i>Мицкевича</i>), пер. <i>В. Романовича</i>	326.		
Портретъ Марiи II. . . . ., соч. <i>М. Салтыкова</i>	327.		
Къ ней, соч. <i>Иванова</i>	327.		
Воспоминанiе, соч. <i>Θ. Глинки</i>	334.		
Пѣснь Прецiозы, съ Нѣм. <i>В. Щастнаго</i>	335.		
Мои мечтiи, соч. <i>И. Прокоповича</i>	335.		
Дѣпо жизни, соч. Барона <i>Розена</i>	341.		
Мечта, соч. <i>Л. Якубовича</i>	342.		
Эпитафiя младенцу, соч. <i>Алексъя Яковлева</i>	342.		
Къ матери, соч. <i>Л. Якубовича</i>	350.		
Гусарь, соч. <i>Тригуннаго</i>	350.		
Кокеткъ, соч. <i>Иванова</i>	350.		
Въ альбомѣ Княжнѣ <i>О. М. Мѣшецкой</i> , соч. <i>Сянова</i>	354.		
Друзьямъ, соч. <i>Карлгофа</i>	358.		
Прощанiе <i>Чайльдъ-Гиролда</i> , пер. <i>Павла Чижова</i>	359.		
Къ <i>Крузенштерну</i> , соч. <i>Ю. Познанскаго</i>	374.		
Журналистъ	374.		
Отрывокъ изъ письма къ <i>Б. М. Федорову</i> , соч. <i>Долгантовича</i>	374.		
Соколъ, соч. <i>Степанова</i>	375.		
Дѣва, соч. <i>Тригуннаго</i>	381.		
Къ испосплицей, соч. <i>С. Степанова</i>	381.		
		IV.	
		КРИТИКА.	
		Поправка ошибки	255.
		Замѣчанiя на бранчивую спашью, въ 17 и 18-й книжкахъ Московскаго Телеграфа на 1850 годъ помѣщенную и содержащую нелпыя мнѣнiя и несправедливыя нападки на ценсорию Малороссiи, сочиненную <i>Дмитрiемъ Багъшишъ-Каленскимъ</i>	
		На книгу: Похожденiя Мирзы Хаджи-Бабы Исфа- гани въ Персiи и Турци, или Персидскiй Жнлблзъ	359.
		Ошповдь Г. Издашело Моск. Телеграфа, неспра- ведливо разругавшаго превосходную книгу: Осно- ванiя Россiйской словесности, соч. <i>А. С. Николь- скимъ</i> для Морскихъ училищъ	386.
		РУССКIЙ ТЕАТРЪ.	
		Трагедiа <i>Кровавая рука</i>	238.
		Комедiа <i>Изора или бѣшеная</i>	239.
		Опера <i>Фра-Дiаволо</i>	262.
		Комедiа <i>Горе отъ ума</i>	262.
		Балетъ <i>Клара</i>	263.
		Водевиль <i>Божаръ въ лушь</i> , прекраснiй переводъ <i>Г. Вердеревскаго</i>	263.
		Трагедiа <i>Разбойникъ Богемскихъ лсовъ</i>	269.
		Комедiа <i>Сумасшедшая или завѣщанiе Англичанина</i>	269.
		Комедiа <i>Мать и дочь</i>	269.
		Комедiа <i>Баронесса дѣ Валь</i>	269.
		Комедiа <i>Жена и должность</i> , песноснiй переводъ <i>Н. П. Муидта</i>	269.
		Комедiа <i>Молодая встѣлывивая жена и Мальтiй- скiй кавалеръ</i> ; обѣ переведены <i>М. А. Офросимо- вскимъ</i> . Стихи его легки, игривы и живы; оспу- роумiе, чистота слога и веселость отличаютъ его переводы отъ тяжелыхъ, скрипучихъ спи- ховъ полны другихъ преласшелей	269.
		Опера <i>Женевава Брабантская</i>	269.
		Опера <i>Иванъ Царевичъ</i>	269.
		Опера <i>Осада острова Кандiи</i>	270.
		Драма <i>Людмила</i> , жалкое произведенiе	—
		Драма <i>Смерть Каласа</i>	—

Романтическое предсавленіе, Юрій Милославскій, сочиненное Княземъ А. А. Шаховскимъ для усыпленія зрителей.	спр. 270.
Дочь волшебнаго міра	—

Водевиль:

Братъ за брата и Актёръ и музыкантъ, вселенскія произведенія актера Г. Григорьева спаршаго	270.
Сентябрьская ночь	—
Бандитъ, или разбойникъ на балъ	271.
Омга, Русская сирота	—
Тринадцатый плащъ	—
Тюрьма.	—
Прокказы въ погребкахъ.	—
Минеральныя воды.	—
Картушъ и Мендръ.	—
Ярославскій Полицейскій	—
Нильецкій Баронъ	—

Импермедіи:

Рвдній поступокъ Русскаго купца.	271.
Свѣтъ Гаврильиъ	—

Балеты:

Нина.	271.
Кораблекрушеніе морскихъ разбойниковъ	—
Медвѣдь и Паша	—
Комедія Благородный театръ	295.

Балетъ Волшебная флейта.	стр. 295.
Комедія Ябеда.	319.
Опера Илья Муромецъ	342.
Водевиль Воспитанникъ любви	350.
Водевиль Горе безъ ума.	351.
Опера Севильскій цирюльникъ	405.

V.

СМѢСЬ.

Печатамась въ каждомъ номеръ.

ШАРАДЫ.

Русскія: 1) Вос-точъ; 2) Пас портъ; 3) До-ли-на; 4) Ми-ла-я; 5) Кар-ликъ; 6) Пере-и-ень; 7) Ду-ракъ; 8) Порт-ной; 9) Тьлохранитель; 10) Лож-ка; 11) Спро-усъ; 12) Раз-свѣтъ; 13) Банюшко-въ.

Французскія: 1) Vol-age; 2) Si-gare; 3) Dé-lire; 4) Po-lice; 5) Loup-garou; 6) Stras-bourg; 7) Brû-lot; 8) Art-ère; 9) Car-touche; 10) Cha-peau; 11) Ver-tu; 12) Char-don; 13) Dé-lice.

VI.

МОДЫ.

Статьи о новыяхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщасмы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.